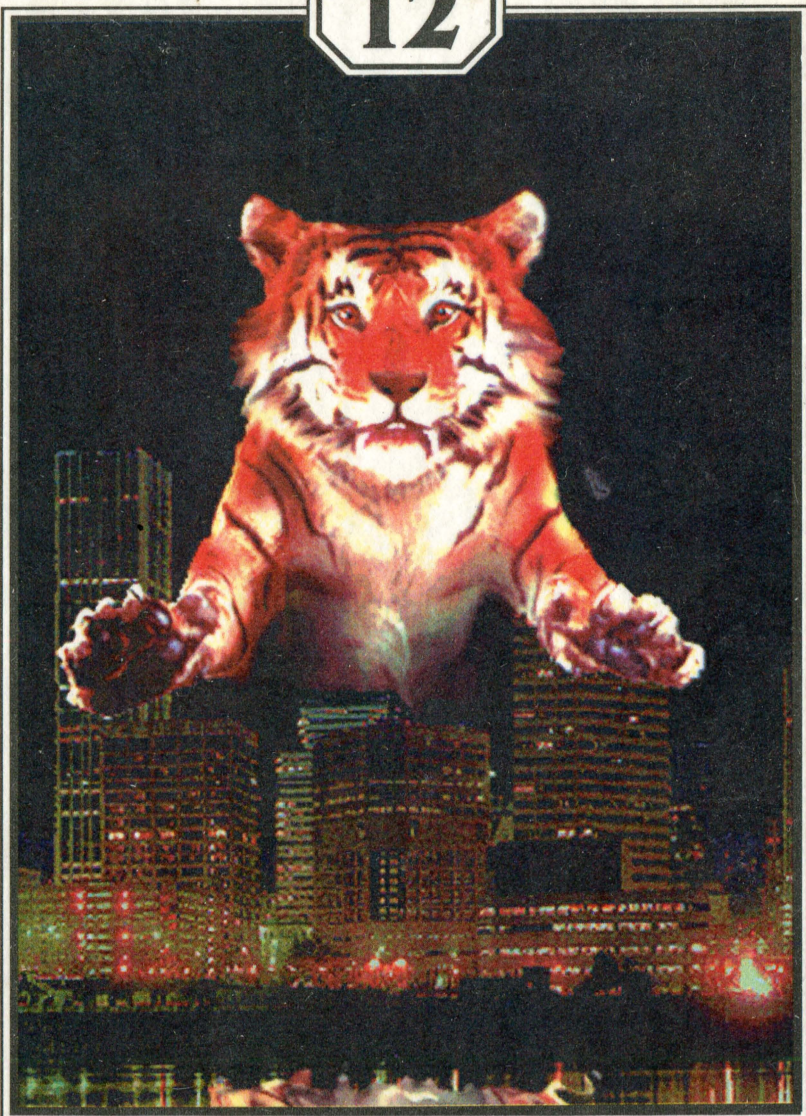

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

12

ФИЛИП ФАРМЕР

Сканировал и создал книгу - vtakhankov

WORLDS OF PHILIP FARMER

AN EXORCISM

**RITUAL ONE:
THE IMAGE OF THE BEAST**

**RITUAL TWO:
BLOWN**

**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

ЭКЗОРЦИЗМ

**РИТУАЛ ПЕРВЫЙ:
ОБРАЗ ЗВЕРЯ**

**РИТУАЛ ВТОРОЙ:
АПОФЕОЗ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Миры Филипа Фармера. Т. 12 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1997. — 335 с.

В очередной том, продолжающий собрание сочинений блистательного фантаста, вошли самые скандальные из его романов: «Образ зверя» и «Апофеоз, или Зарисовки на руинах моего сознания», сочетающие атрибутику «жесткой» научной фантастики с откровенными сценами, а туго закрученный детективный сюжет — с пародией на штампы масс-культуры.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Image of the Beast

Copyright © 1968 by Philip José Farmer

**Blown, or Sketches Among the Ruins
of My Mind**

Copyright © 1969 by Philip José Farmer

© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление,
название серии, 1996

ISBN 5-88132-253-2

В двенадцатый том собрания сочинений Филипа Хосе Фармера включены наиболее скандально известные произведения писателя — романы «Образ зверя» (1968) и «Апофеоз» (1969), начавшие трилогию «Экзорцизм» («Изгнание бесов»).

Трудно представить себе более противоречивые отзывы, чем те, которыми был встречен первый роман, написанный Филипом Фармером по заказу издательства «Essex House», специализировавшегося на так называемой «эротической фантастике», но временами скатывавшегося в откровенную порнографию с космическим уклоном. Нетрудно понять, почему «Essex House» обратился к Фармеру — молодой, но уже именитый писатель успел снискать себе известность весьма скандального толка в пятидесятые годы (в чем только не обвиняли его — от пропаганды зоофилии до соращения малолетних) и поддерживал ее в шестидесятые, несмотря на приход «новой волны» таких разрушителей традиций, как Дилэни, Эллисон и Желязны. Труднее понять, почему писатель соглашался; но ответ не так сложен, как может показаться.

Когда на свет появился «Образ зверя», снабженный подзаголовком «Экзорцизм: ритуал первый», буря возмущения обрушилась на Фармера с новой силой. Лишь немногим, в том числе Теодору Старджону, патриарху американской фантастики и горячему поклоннику творчества Филипа Фармера, удалось понять, что на самом деле совершил писатель, прикрываясь фантастико-эротическим контрактом. «Экзорцизм» жестоко и смешно спародировал одновременно «крутой» детектив, триллер, роман ужасов и фантастическую литературу низшего пошиба. В нем органично сосуществуют потерявший напарника, развратника и пьяницу, частный детектив Геральд Чайлд,

ОБРАЗ ЗВЕРЯ

ГЛАВА 1

Прокисшее зеленое молоко

Плотная завеса дыма, пронизанная лучами света, превратилась в ядовито-зеленую массу. Потом стемнело, остались лишь клубы тумана на черном фоне.

Смог. Всюду проклятый смог.

Вязкий, словно протухший воздух; омерзительный привкус во рту. Запах гнили. Но в этом виноват не только смог, щупальца которого беспрепятственно проникали в здание, оборудованное кондиционером, или заполнившие помещение клубы табачного дыма. Отвратительное ощущение, как будто находишься рядом с падалью, возникало у Геральда Чайлда, когда он вспоминал о том, что ему показали утром. Через несколько мгновений придется наблюдать эти жуткие сцены снова.

В небольшом просмотрном зале Управления полиции Лос-Анджелеса было как-то необычно темно. Свет, струящийся из аппаратной, как правило, окрашивает все в серебристо-серые тона. Но смог, табачный дым, а может быть, сама мрачная атмосфера, царящая здесь, погрузили помещение в какую-то почти непроницаемую черноту. Даже экран, казалось, вбирает в себя, а не исторгает свет.

Луч кинопроектора прорезал завесу дыма, и над головой вновь заволновалась мерзкая зеленая масса. Прокисшее молоко. Неудивительно, что у Геральда возник именно такой образ. На Лос-Анджелес и другие территории штата опустился невиданный доселе смог. Уже двое суток ни малейшего ветерка! На третий день стало казаться, что это продлится вечно...

Но теперь придется забыть про смог

На экране возникло распростертое тело партнера Геральда (теперь, очевидно, уже бывшего партнера). Позади

можно было различить алый занавес. Лицо Мэтью Колбена, цветом обычно напоминавшее разбавленное кьянти, сейчас казалось багровым — точь-в-точь прозрачный пакет, доверху заполненный кроваво-красным вином.

Камера отъехала, стала видна часть комнаты. Теперь можно было разглядеть лежащего человека полностью. Мэтью, обнаженный, распростерся на спине; вытянутые вдоль тела руки и широко расставленные ноги крепко привязаны к необычному столу, по форме напоминавшему букву «У». Половой член Колбена, словно разомлевший жирный червь, покоился на левом бедре.

Стол такой формы, очевидно, предназначался для того, чтобы можно было стоять между раздвинутых ног привязанного к нему человека.

Если не считать этой детали интерьера, комната казалась пустой. Пол был покрыт кроваво-красным ковром. Камера описала круг, чтобы показать скрывающий стены помещения занавес того же цвета, затем взмыла вверх, и зрители увидели всю сцену, снятую с высоты потолка. Голова Мэтью покоилась на черной подушке. Он поднял глаза и расплылся в глупой ухмылке. Казалось, пленника ничуть не беспокоило, что он лежит здесь связанный, совершенно беззащитный.

Из предыдущих эпизодов было ясно, почему он не испытывает страха. В фильме прослеживались все стадии, через которые Мэтью пришлось пройти, прежде чем его приучили к подобной реакции: от беспомощного ужаса до нетерпеливого ожидания грядущих утех.

Чайлд знал, что сейчас произойдет, потому что уже видел этот фильм. Мускулы его живота свела судорога, он почувствовал леденящий холод и тошноту.

Колбен вновь расплылся в ухмылке, и Геральд, не сдержавшись, пробормотал:

— Ах ты, дубина! Идиот несчастный!

Человек, сидящий справа от него, повернул голову:

— Вы в порядке, Геральд? Вы что-то сказали?

— Нет, ничего, комиссар.

Геральд почувствовал, как съеживается его плоть в инстинктивном стремлении спрятаться от угрозы...

Кроваво-красная драпировка раздвинулась. Крупным планом было показано лицо. сначала во весь экран темно-голубой глаз с длинными ресницами, потом прямой узкий

нос, широкие и полные ярко-красные губы. Неестественно ровные, ослепительно белые зубы раздвинулись, показался розовый язычок. Он скрылся, затем высунулся вновь, словно жало змеи. Капелька слюны скатилась на подбородок.

Камера отъехала. Чья-то рука раздвинула портьеру шире, и в комнату вошла женщина. Роскошные прямые черные волосы ниспадали до пояса. На лицо густо наложен макияж: веки с искусственными ресницами, подкрашены синим, зеленым, красным и черным; скулы подведены голубым. В носу сверкает крошечное золотое колечко. Зеленая ткань, прикрывающая тело, так невесома и прозрачна, что женщина кажется обнаженной. Но она решила избавиться от этой последней условности, развязала ленточки на шее и поясе и выскользнула из халата.

Камера приблизилась и неторопливо исследовала стройное тело незнакомки. Глубокая впадина у основания шеи, выдающиеся ключицы. Полные, но небольшие высокие груди конической формы с длинными заостренными сосками, торчащими, словно маленькие стрелы. Широкая грудная клетка, впалый живот, довольно узкие бедра. Трудно было сказать, повернулась сама женщина или камера описала круг, потому что объектив находился очень близко от объекта съемки. Гладкие округлые ягодицы — как пара гигантских сваренных вкрутую яиц, очищенных от скорлупы.

Зрителям продемонстрировали узкую талию и овальные ляжки незнакомки, затем камеру направили вверх. На экране мелькнул потолок, покрытый материалом, своим цветом похожий на налитый кровью глаз алкоголика, потом объектив прошелся по внутренней стороне белоснежной ляжки. Очевидно, в этот момент она широко развела ноги. На затененную ложбинку между бедер был направлен свет, и камера показала коричневое припухлое колечко ануса и самый низ приоткрытой щели вагины. Волосы здесь были золотистого цвета — значит, женщина красилась.

Путешествие по телу незнакомки продолжалось. Пройдя между ног, — теперь они казались огромными, словно принадлежали мраморной статуе, — камера неспешно добралась до лобка. Верхняя часть вагины была прикрыта треугольной повязкой. Непонятно было, к чему она — во всяком случае, стыдливость тут ни при чем.

Чайлд уже видел все раньше, но, несмотря на это, напрягся, готовя себя к следующей сцене. При первом просмотре он, как и другие, не смог усидеть на месте; у многих вырвались удивленные восклицания, а один даже закричал.

Повязка плотно охватывала лобок. Неожиданное изменение освещения показало, что она была полупрозрачной. Ясно выделялся темный треугольник волос, материя так тесно прилегала к телу, что даже врезалась в глубокую влажную щель.

Неожиданно ткань еще больше втянулась в лоно женщины, — хотя Чайлд заранее знал, что произойдет, он вновь содрогнулся, — словно какая-то сила развела половые губы изнутри. Мгновение спустя повязка шевельнулась; казалось, пробудилось неведомое существо, живущее в теле незнакомки. Под его натиском тонкая материя сдвинулась, затрепетала, словно наружу пытался пробиться крохотный кулачок или головка зверька. Потом ткань разгладилась и вновь втянулась во влагище.

Комиссар, сидящий рядом с Геральдом, произнес:

— Что это за чертовщина, хотел бы я знать!

Он выпустил целое облако сигаретного дыма и закашлялся. У Чайлда тоже запершило в горле.

— Может, она держит там какую-то механическую штуковину. Или, скажем..

Чайлд не договорил, его идея скончалась, еще не родившись на свет: ведь у гермафродитов член не находится внутри вагины. В любом случае это не было похоже на пенис, скорее на какое-то крошечное существо. И потом, нечто, скрывавшееся за полупрозрачной повязкой, пыталось пробиться сквозь ткань не в одном, а в нескольких местах.

Теперь камеру направили на лежавшего на столе мужчину, придвинув поближе к нему. На экране возникли казавшиеся огромными ноги, привязанные к двум крыльям стола, мускулистые волосатые икры; между широко разведенных бедер — большие, словно раздувшиеся, яички. Жирный червь, до этого спокойно дремавший на бедре, проснулся, начал расти, твердеть, его набухшая багрово-красная головка стала рывками подниматься. Колбен не мог не заметить, как вошла женщина, он явно привык, что она появляется спустя определенное время,

после того как его привяжут. Член пленника пробуждался, словно внутри растущей на глазах плоти, как у змеи, были скрыты уши, уловившие знакомые шаги, либо в головке имелся какой-то детектор, реагирующий на жар-распаленного женского тела.

Камеру установили так, чтобы зрители увидели лицо Колбена в профиль. Густые вьющиеся серебристые волосы, большие красные уши, гладкий лоб, массивный нос с горбинкой, толстые чувственные губы, квадратная челюсть, тяжелый подбородок. Широкая жирная грудь. Камера поднялась по холму выпирающего живота — явному следствию чрезмерной любви к пиву и бифштексам, — съехала вниз, добравшись до вздыбившегося твердого члена. Крупный план: вздувшиеся вены вдоль багровой колонны плоти — как канаты, на которых реет парус любви (Чайлд никак не мог заставить себя избавиться от подобных образов). Головка члена блестя от выделений, сочившихся из маленьких губ.

Теперь камеру установили так, чтобы можно было видеть и мужчину, и женщину. Покачивая бедрами, она медленно приблизилась к столу и что-то сказала Колбену. Звук отсутствовал, а полицейский специалист, умеющий читать по губам, не смог ничего разобрать, потому что она слишком низко наклонила голову. Колбен ответил, но его слова также остались загадкой.

Женщина нагнулась, ее левая грудь коснулась лица Колбена, и он сразу втянул в рот упругую плоть. Потом незнакомка высвободилась. Крупный план раздувшегося мокрого соска. Женщина прильнула к губам связанного мужчины. Камера стала снимать их в профиль, незнакомка приподняла голову, чтобы продемонстрировать, как двигается ее язык. Затем она стала целовать и лизать подбородок, шею, грудь, соски Колбена, оставляя мокрый блестящий след. Покрыв слюной жирный живот, она добралась до лобка, стала щекотать язычком волосы, то и дело, будто невзначай, задевая член. Подразнив его вздыбившуюся плоть легкими поцелуями, женщина несколько раз провела кончиком языка по багровой раздутой головке, сжав член у основания рукой. Наконец, обойдя крыло стола, она встала между ног Мэтью и начала энергично сосать его член.

В этот момент заиграло маленькое пианино, вроде тех, какие раньше играли в старомодных барах и кинотеатрах во время демонстраций немых фильмов. Раздались звуки «Юморесок» Дворжака. Камера нависла над головой Колбена: он закрыл глаза, лицо выражало полный восторг

Женщина впервые заговорила:

— Скажи, когда почувствуешь, что вот-вот кончишь, дорогой. Секунд за тридцать перед этим, хорошо? Сегодня я приготовила для тебя замечательный сюрприз. Кое-что новенькое

Звуки голоса были записаны и изучены полицией на специальной аппаратуре. Было установлено, что создатели фильма исказили тембр голоса. Вот почему он звучал так бесцветно и неровно.

— Помедленнее, детка, — произнес Колбен. — Не горячись, растяни подольше, как в прошлый раз. Господи, я никогда в жизни так не кончал! Ты сейчас немного торопишься. И не засовывай свои пальцы мне в задницу, как в прошлый раз. Ты мне геморрой разбередила.

Когда фильм показывали в первый раз, кое-кто из полицейских на этом месте захихикал. Сегодня желающих посмеяться не было. В зале росло напряжение. Нависший над головами дым, казалось, затвердел; колышущееся в луче проектора море зеленого молока стало гуще. Комиссар судорожно втянул в легкие порцию отравленного воздуха и закашлялся.

Теперь пианино играло увертюру к «Вильгельму Теллю». Металлическое дребезжание древнего инструмента поражало своим несоответствием происходящему, именно это заставляло содрогаться от ужаса.

Женщина подняла голову и произнесла:

— Ты готов сейчас кончить, mon petit?

— Ох ты, Господи, вот-вот взорвусь! — пропыхтел Колбен.

Женщина повернулась к зрителям и улыбнулась. На мгновение плоть словно испарилась, проступили кости черепа. Казалось, от них исходило свечение. Затем видение исчезло.

Незнакомка искривила губы в злобешей усмешке и отвернулась от камеры. Она отошла в сторону и присела на корточки. Камера следовала за ней. Женщина взяла что-то с небольшой полочки, приделанной к ножке стола. Камера подвинулась ближе, свет стал ярче.

Она держала искусственные челюсти, судя по всему сделанные из стали. Зубы напоминали тигриные клыки и были острыми как бритва.

Женщина лукаво улыбнулась, положила их обратно и вытащила изо рта свои зубы. Она сразу стала выглядеть старше лет на двадцать—тридцать. Положив «обычные» искусственные челюсти на полочку, она вставила на их место стальные, просунула кончик указательного пальца между сверкающих клыков и осторожно прикусила. Вытащив палец, незнакомка продемонстрировала его зрителям. Из укушенного места обильно сочилась кровь.

Она поднялась, обтерла палец о раздувшуюся головку члена, затем наклонилась и облизала его.

— Я сейчас кончу! — простонал Колбен.

Ее губы тесно сомкнулись вокруг иссиня-красной плоти, раздались чавкающие звуки. Женщина быстро подняла голову. Колбен захрипел и задергался в конвульсиях. На экране мелькнуло его искаженное страстью лицо, затем камера вернулась в исходное положение.

Член стал судорожно дергаться, из него брызнула густая мутная жидкость. Она широко распахнула рот, вновь наклонилась и сомкнула стальные клыки вокруг вибрирующей плоти. Челюсти сжались, мышцы шеи напряглись, как канаты.

Колбен пронзительно закричал.

Женщина в неистовстве мотала головой из стороны в сторону, вновь и вновь впиваясь зубами в добычу. Кровь, хлеставшая изо рта, окрасила алым цветом волосы на лобке.

Камера развернулась от стола, чтобы показать занавес, через который в комнату вошла незнакомка. Торжественно пропели трубы. Звук пушечного салюта. Пианино заиграло увертюру к «1812 году» Чайковского.

Музыка стихла, вновь зазвучали трубы. Мускулистые руки рывком раздвинули занавес, в комнате появился мужчина. На мгновение он замер в эффектной позе, красуясь перед камерой: правая рука поднята, так что черный плащ наполовину скрывает лицо. Иссиня-черные блестящие от лака волосы, разделенные пробором. Лоб и нос поражают мертвенной белизной. Густые сросшиеся брови. Большие выразительные глаза.

Мужчина был одет так, словно он пришел на торжественную премьеру: парадный костюм, белая рубашка с

жестким воротником, черный галстук. На груди алая лента, на лацкане блестела медаль или орден.

На ногах незнакомца были голубые тапочки.

Еще один комический штрих, лишь усиливающий ужас происходящего

Мужчина опустил плащ, и зрители увидели массивный кривой нос, густые черные усы, обрамлявшие накрашенные пухлые чувственные губы, выступающий раздвоенный подбородок.

Он глухо захохотал, и эта нарочито вульгарная пародия на зловещий смех вампира Дракулы, знакомый всем по сотням фильмов ужасов, произвела еще более жуткое впечатление, чем шутовской наряд.

Вновь закрыв лицо плащом, мужчина быстро преодолел расстояние до стола. Колбен еще кричал. Женщина грациозно отпрыгнула, освободив место. Член жертвы продолжал дергаться, из него брызгали кровь и сперма; головка была наполовину откушена. Камера показала лицо женщины. Густая алая жидкость стекала по подбородку на грудь.

Затем зрители опять увидели Дракулу (так окрестил мужчину Чайлд). Квазивампир опять зловеще захохотал, продемонстрировав пару явно ненастоящих длинных и острых клыков. Потом он нагнулся над Колбеном и стал рвать зубами беззащитную плоть. Через несколько секунд он поднял голову. Кровь и сперма струились по рубашке, окрашивая белоснежную ткань в алый цвет. Он широко раскрыл рот, выплюнул откушенную головку. Кушочек окровавленной плоти шлепнулся на живот Колбену Дракула засмеялся, обрызгав кровью себя и свою жертву

Во время первого просмотра Чайлду стало дурно; сейчас он вскочил и бросился к выходу, но не успел сдерживать тошноту, подступившую к горлу. Его вывернуло наизнанку, прежде чем он успел добежать до выхода. И он был не единственный.

ГЛАВА 2

Дракула и женщина повернулись к камере и бешено захохотали, словно только что сыграли славную шутку. Экран померк, затем вспыхнула надпись: «Продолжение следует?» Фильм на этом закончился.

Геральд Чайлд не досмотрел концовку фильма, ему было не до того. Когда спазмы в желудке прекратились, он вытер слезящиеся глаза, высморкался, хорошенько откашлялся. Ужасный привкус во рту. Отвратительный запах. Чайлду хотелось извиниться перед остальными, но, в сущности, просить прощения было не за что.

У комиссара оказался более крепкий желудок, но и он выглядел весьма бледно.

— Пошли отсюда.

Комиссар переступил через вонючую лужу на полу. Чайлд и остальные последовали за ним.

— Мы сейчас устроим совещание, — произнес комиссар, обращаясь к Геральду. — Можешь присутствовать, если хочешь, внесешь свой вклад, так сказать.

— Да, мне хотелось бы быть в курсе, комиссар, но вот насчет вклада... Мне нечего сказать. Во всяком случае, пока нечего.

Ранее он уже выложил полиции, причем не единожды, все, что он знал о своем партнере, а знал он предостаточно. Рассказ об обстоятельствах исчезновения Колбена занял несравненно меньше времени, потому что об этом он не знал ровным счетом ничего.

Комиссар был долговязым и тощим. Его волосы наполовину уничтожила лысина. Худое вытянутое лицо украшали черные усы, придававшие ему меланхолический вид. Комиссар постоянно дергал себя за правый ус, причем ни разу не притронулся к левому, хотя и был левшой. С тех пор как Чайлд заметил эту привычку, его не переставало мучать любопытство, откуда она взялась. Интересно, как бы объяснил это сам комиссар, если бы он осознал эту странность?

Что бы он сказал? Очевидно, только помощь психоаналитика дала бы возможность хоть что-то выяснить.

— Чайлд, ты, наверное, осознаешь, что дело свалилось на нас в самое неподходящее время. Сейчас столько работы... — пояснил комиссар. — Если бы не вся эта чертовщина, я бы смог уделить этому делу от силы пару минут. Но тут.

Чайлд кивнул:

— Я все понимаю. Полицейское управление займется этим позже. Спасибо за то, что сделали...

— Ну, не настолько все плохо! — отозвался комиссар. — Я поручил сержанту Бруину вести следствие. Ко-

нечно, он займется этим убийством более тщательно, когда хоть немного освободится. Попробуйте нас понять, как сейчас...

— Понимаю. Я знаю Бруина и буду поддерживать с ним контакт. Но надоедать ему я не собираюсь.

— Отлично, отлично!

Комиссар сунул ему свою тощую, холодную, но, как ни странно, потную руку и на прощание бросил:

— Ну, до скорого!

На том он повернулся и торопливо зашагал по коридору.

Чайлд зашел в ближайший туалет. Несколько полицейских в штатском и двое в форме, склонившись над умывальниками, торопливо ликвидировали последствия того же несчастья, какое приключилось с ним. Здесь же оказался и сержант Бруин, но по иной причине. Он вразвалку подошел к умывальнику, на ходу застегивая ширинку. Сержант напоминал медведя во всем, кроме одного: его было гораздо труднее вывести из равновесия.

— Я тороплюсь, Чайлд. Комиссар собирает совещание по поводу твоего напарника. Мы быстро все обсудим, а потом нам придется снова заняться ситуацией со смогом.

— У тебя есть мой телефон, а у меня твой, — отозвался Чайлд.

Он выпил еще воды, потом скомкал бумажный стаканчик и бросил его в мусорную корзину.

— Ладно, по крайней мере, я могу передвигаться по городу: мне выдали разрешение на вождение машины.

— Сейчас у тебя больше прав, чем у нескольких миллионов горожан, — весело отозвался Бруин. — Постарайся не загрязнять и без того протухший воздух без серьезных причин.

— Пока что причин у меня нет, но, надеюсь, они появятся, и очень серьезные.

Бруин пристально посмотрел на Чайлда. Его большие черные глаза были совершенно невыразительными. Казалось, они принадлежат зверю.

— Что, собираешься раскручивать это дело бесплатно?

— А кто мне заплатит? — отозвался Чайлд. — Сам Колбен в разводе. Он исчез одновременно с Бадлером, жена которого и наняла нас, чтобы мы выяснили, с кем он

крутит роман. Вчера она послала меня к черту. Сказала, что ей уже наплевать, что случилось с ее мужем.

— Возможно, он тоже стал трупом, — сказал Бруин. — Я не удивлюсь, если скоро по почте нам придет еще одна посылочка.

— Да.

— Ладно, увидимся, — подытожил Бруин. Он опустил здоровенную лапу на плечо собеседника. — Работаешь из принципа, да? Он был твоим напарником и все такое... Но вы ведь решили, что больше не будете работать вместе, как партнеры, так? И ты все равно хочешь найти тех, кто его прикончил?

— Попытаюсь.

— Уважаю! В наше время не так-то легко найти принципиальных парней!

Сержант распахнул дверь и вышел наружу, остальные последовали за ним.

Чайлд остался один. Он поднял глаза и посмотрел на свое отражение в зеркале. Его бледное лицо в молодости было достаточно похоже на лицо лорда Байрона, чтобы у него часто возникали неприятности из-за женщин с их ревнивыми и мстительными мужьями, с тех пор как ему исполнилось четырнадцать лет. Теперь он слегка располнел, левую щеку пересекал шрам, память о службе в Корее, где пьяный солдат, которого Чайлд хотел арестовать, полоснул его по лицу разбитой бутылкой. Темно-серые глаза покраснели от усталости и нервного напряжения. Забавно: голова немного обрюзгшего Байрона, посаженная на мускулистую шею и здоровенные широкие плечи. Лицо поэта, тело полицейского, точнее, частного детектива. Такие мысли посещали его не в первый раз... Ну зачем ты влез в этот грязный, подлый, кровавый бизнес? Почему не стал, скажем, профессором филологии или психологии, безмятежно коротающим свои дни в каком-нибудь тихом университетском городке?

Ответ можно было найти только с помощью психоаналитика. Но, судя по всему, Чайлд вовсе не искал ответа, поскольку он ни разу не ходил к психотерапевту. Казалось, втайне ему нравилось все, что сопутствует избранной профессии: горечь, напряжение, кровь, боль и грязь. Словно кто-то чужой, в глубине его души, наслаждался этим. Но только не сам Чайлд. По крайней мере, не

в настоящий момент Он вышел из туалета и направился к лифту. Даже в крохотной кабине лифта во время спуска он был настолько погружен в самоанализ, что не замечал, один он едет в лифте или нет. Уже подходя к выходу, чтобы избавиться от неприятного чувства раздвоенности, Чайлд тряхнул головой. Опасно так уходить от реальности.

Незадолго до исчезновения Колбена Чайлд пришел к выводу, что с ним придется расстаться. Мэтью был болтливым хвастунишкой, таким растолстевшим Дон Жуаном, неспособным контролировать свою страсть к амурным похождениям и выпивке во время работы. Шесть лет назад, когда они стали работать вместе, Мэтью не давал такой воли своему второму «я», находившемуся ниже пояса. Но сейчас, когда Колбену уже стукнуло пятьдесят, он, возможно, таким образом пытался отвлечься от мыслей о дряхлеющем теле, замедленных реакциях, утраченном умении быстро приходить в себя после похмелья... Чайлд не считал эти доводы уважительными: в свободное время Колбен был волен делать все, что ему заблагорассудится, но, когда он рисковал делом из-за баб и выпивок, страдали общие интересы.

Поэтому Геральд твердо решил, что после того, как они доведут до конца последнее дело, их сотрудничество на этом закончится.

Теперь его напарник мертв, а Бадлер, возможно, находится в руках тех же людей, которые убили Мэтью; правда, пока это только предположения. Оба исчезли в один вечер, причем Колбен тогда вел наблюдение за Бадлером.

Фильм пришел по почте три дня назад. С момента исчезновения Колбена и Бадлера к тому времени прошло уже четырнадцать дней.

Чайлд остановился у киоска возле выхода из управления и купил утренний выпуск «Таймс». В любое другое время о сенсационном убийстве кричали бы заголовки всех газет, но сегодня главной темой дня оставались проблемы, связанные со смогом. Информацию об убийстве все же поместили на первой странице.

Выходить на улицу, где властвовал ядовитый туман, не хотелось. Геральд прислонился к стене и развернул газету. Статья занимала две колонки. Репортер основательно сгладил шокирующие детали. Газетчики не присутствовали на тех просмотрах фильма, где был Чайлд.

По словам Бруина, для прессы был организован специальный показ. Сержант неистово хохотал — точь-в-точь медвежий рык, — когда описывал, как добрую половину репортеров вывернуло наизнанку

— А ведь многие из них были на войне и видели людей с развороченными внутренностями! Или взять тебя. Ты ведь участвовал в корейской войне, служил офицером, верно? И все равно блеванул, как мальчишка! Что ж так?

— Неужели у тебя самого тогда яйца не съежились?

— Шutiшь, что ли?

— А может, у тебя их просто нет?

Бруину острота понравилась, и он радостно загоготал

Все обстоятельства дела, изложенные в газете, были известны Чайлду. Машину Колбена обнаружили на стоянке на Вилшир-бульвар, за зданием трастовой компании. Исчезнувший частный детектив следил за неким Бадлером, преуспевающим адвокатом. Последний стал изменять не только жене, но и своей постоянной любовнице. Супруга обратилась в детективное агентство «Чайлд и Колбен», поручив сыщикам раздобыть свидетельства недостойного поведения мужа, чтобы начать бракоразводный процесс.

В машине Колбена был найден магнитофон, на который детектив наговаривал результаты наблюдений за объектом слежки. В этот вечер в автомобиль Бадлера села пикантная брюнетка (Мэтью детально описал ее, но дама осталась не опознанной) на перекрестке улиц Ветеранов и Олимпик. В это время на светофоре горел зеленый свет, но «роллс-ройс» адвоката не тронулся с места, пока незнакомка не села в него; из-за задержки даже образовалась пробка. Колбен высказал предположение, что севшая в машину к адвокату женщина скорее всего жила не в этой части города и что она приехала на свидание на машине, припарковав ее где-то поблизости.

«Роллс-ройс» свернул направо, проехал по улице Ветеранов и, достигнув Санта-Моники, повернул налево. Машина остановилась у респектабельного дорогого ресторана. Здесь женщина вышла из машины, а Бадлер проехал к стоянке, где оставил машину, и пешком вернулся в ресторан. Они провели в ресторане за обедом и (по предположению Колбена) обильными возлияниями три часа. Хотя адвокат и его приятельница вошли в ресторан

порознь, вышли они вместе. Лицо Бадлера покраснело, он громко смеялся и разговаривал. Даме тоже было весело, но в отличие от спутника ее походка казалась нормальной: Бадлер слегка покачивался, а когда он стал переходить улицу, то споткнулся и едва не упал.

Парочка села в «роллс-ройс»; машина проехала Санта-Монику (Бадлер при этом превышал скорость и выезжал на встречную полосу движения), на Бенфорд-Драйв свернула налево и направилась на север.

На этом магнитофонная запись обрывалась.

Из предыдущих сообщений следовало, что Колбен сделал несколько фотографий женщины в момент, когда она садилась в машину к адвокату. Фотоаппарат лежал на сиденье машины, но пленки в нем не было.

Кто-то основательно поработал: в автомобиле не оказалось ни единого отпечатка пальцев. На коврике нашли комья грязи, очевидно, попавшие туда с обуви человека, отогнавшего машину детектива на стоянку. Тщательное обследование машины больше ничего не дало. На сиденьях были обнаружены волокна ткани от тряпки, которой их протирали.

«Роллс-ройс» Бадлера бесследно исчез.

Об исчезновении адвоката стало известно полиции спустя два дня после того, как Колбен был объявлен пропавшим без вести. Супруга не сочла нужным заявить в полицию сразу об исчезновении мужа. Зачем? Он ведь и раньше пропадал из дома на два-три дня.

Как только жене адвоката сообщили, что, возможно, ее муж похищен или убит, и это связано с исчезновением Колбена (по крайней мере, существует такая вероятность), она позвонила Чайлду и заявила, что больше не нуждается в услугах агентства.

— Господи, поскорей бы нашли труп этой скотины! — визжала она в телефонную трубку. — Мне нужны его деньги! Что ж, вечно ждать, когда разморозят счета, что ли? Придут чиновники и все опечатают... Это на него очень похоже — бесследно исчезнуть и оставить меня с носом! Ненавижу его!.. — И далее в том же духе.

Чайлд сухо произнес:

— Я пришлю счет за работу. Приятно было иметь такого клиента, — и повесил трубку

Счет, конечно, будет ей выслан, но вряд ли удастся получить деньги в обозримом будущем. Даже если она и пришлет чек, банк скорее всего не оплатит его. Газеты сообщают, что власти собираются закрыть все банки, пока кризис не закончится. Эти планы встречают протесты, но, даже если банки и останутся открытыми, это ничего не изменит. Что это даст, если большинство клиентов не сумеют добраться до своих банков, если только они не живут рядом с ними? В противном случае им придется отстоять многочасовую очередь на автобусной остановке, а автобусы сейчас ходят крайне нерегулярно.

Чайлд оторвался от газеты. Двое полицейских в противогазах вели высокого темноволосого человека. Он демонстративно поднял свои руки, скованные наручниками, словно показывая всему миру, каким пыткам его подвергают. Один из копов держал в руке третий противогаз, и Чайлд догадался, что арестованный, натянув его, пытался ограбить банк или сделал что-то в этом духе.

Интересно, почему они повели его через этот вход? Может быть, наряд полиции задержал грабителя прямо на улице и повел его кратчайшим путем...

Смог дал определенные преимущества уголовникам. Сейчас многие носили влажные повязки на лицах или противогазы. С другой стороны, полицейские получили больше прав, так что равновесие сохранялось.

И полицейские, и задержанный кашляли; заходилась в кашле продавец из киоска. Чайлд сам почувствовал, как запершило в горле. Он пока не ощущал запах смога, но сама мысль об этом запахе вызвала рефлекторную реакцию.

Он проверил, не забыл ли он удостоверение личности и разрешение на вождение машины. Ему очень не хотелось, чтобы его остановили без них, как это произошло вчера. Тогда он потерял около часа, поскольку после того, как полицейские получили доказательства, что у него были веские причины выйти на улицу, он был вынужден вернуться за своими документами и по дороге домой был еще раз остановлен нарядом полиции.

Чайлд зажал газету под мышкой, подошел к выходу, посмотрел сквозь стекло на унылую улицу. Вот бы сейчас иметь акваланг! Он содрогнулся, открыл дверь и вышел наружу.

Чайлду казалось, что он идет по морскому дну, с трудом пробиваясь сквозь мутную воду

Между этим морем и августовским солнцем, так яростно пылавшим на небе, словно оно хотело своими острыми как ножи лучами раздвинуть толщу смога, не было ни облачка. Но серо-зеленое марево становилось от этого только плотнее и ядовитее

Чайлд сознавал, что употребляет несовместимые друг с другом сравнения. Абсурд? Но сама вселенная — зримое воплощение подобного смещения метафор в рассудке Создателя. Левое полушарие Господа не ведаёт, что творит правое. А может быть, просто не желает знать. Значит, Бог — шизофреник? А Геральд Чайлд, созданный по его образу и подобию, — порождение бредовых видений?

Глаза горели. Воздух обжигал легкие. Языки пламени терзали хрупкие кости.

Ни малейшего дуновения ветерка. Воздух как будто застыл. Так продолжалось уже больше суток. Казалось, гниет вся атмосфера, словно гигантский труп, внутри которого копошатся миллиарды людей. Ключья серо-зеленого занавеса нависли над головой, как гигантские страницы. Господь читает книгу Страшного Суда: чем больше он прочитывает, тем меньше страниц остается впереди. Сколько еще остается до конца? Дальше ста десяти футов невозможно было что-нибудь разглядеть. Но Чайлд так часто ходил этим путем до стоянки машин, что просто не мог заблудиться. Другим везло меньше. Мимо него, истошно крича, пробежала женщина, мгновение спустя ее скрыла плотная пелена тумана. Чайлд замер. В ушах раздавались звуки биения его сердца. Слабый гудок где-то впереди, потом завывания сирены. Геральд медленно повернулся, стараясь разглядеть в мутном море смога фигуру женщины и ее преследователя, если, конечно, такой существовал; он пытался хотя бы услышать, как они пробегают

Ничего.

Чайлд ускорил шаг. Он сильно вспотел, воспаленные глаза заволокло слезами, в гортани горело. С каждым вздохом огонь проникал все глубже, словно расплавленный металл. Скорей бы добраться до машины, где он оставил

противогаз. Геральд с трудом подавил желание пуститься бегом. Отравленный воздух вызывал панику: такое же чувство инстинктивного ужаса охватывает человека, когда на его горле сжимаются руки душителя.

Впереди он увидел автомобиль. Нет, это чужая машина. Он прошел дальше и, миновав с десятков стояночных мест, наконец нашел свой «олдсмобиль» 70-го года выпуска. Геральд натянул противогаз, включил зажигание, невольно поморщился при мысли о том, что еще больше отравляет воздух выхлопными газами, зажег фары и выехал на дорогу.

На улице было больше движущихся огней, чем он ожидал. Он включил радио, и разгадка скопления машин на дорогах оказалась простой. Все, у кого имелась возможность пожить вне зоны смога, спешили покинуть отравленную местность, независимо от того, было у них разрешение на поездки или нет. Поэтому власти сняли ограничения. Теперь уезжали даже те, кому некуда было податься. Начался великий исход из города. Пока еще пробок не наблюдалось, но скоро все изменится.

Чайлд выругался. Он планировал сегодня без помех успеть побывать в разных частях города. Хотя он и не мог ехать быстро, он был уверен, что дороги не будут забиты машинами и он везде успеет. Голос коменданта зазвучал из динамика. Он призывал к самообладанию и спокойствию. Все, кто могли, должны были оставаться дома. Те же, кто ради сохранения здоровья (а это практически все жители, подумал Чайлд) вынужден уехать, должны ехать аккуратно, и они должны знать, что за пределами округа Лос-Анджелес жилья для всех не хватит. Невада и Аризона были извещены о начавшемся вторжении. Юта и Нью-Мексика уже были готовы к нашествию.

Войска были введены в округ, но только затем, чтобы помогать транспортной полиции и медикам. Военное положение объявлено не было, в этом не было никакой необходимости. Преступность возросла, увеличилось количество краж, ограблений, но не было бунтов. И неудивительно, думал Чайлд. Смог оголял нервы, делал людей агрессивными, но все, кто мог, старались не выходить из домов, и нигде не было больших скоплений народа. Для каждого пешехода в зеленом смоге другие казались призраками, появляющимися из серо-зеленого марева, или

большими рыбами, внезапно выплывающими из теней. Любая рыба могла оказаться акулой.

Он поравнялся с машиной, на которой были установлены три огромные фары, похожие на головы чудовищ. Казалось, монстры принимают, их циклопические глаза подслеповато таращились в пространство. Чайлд увеличил скорость, обогнал машину и только после того, как свет ее фар утонул в смоге, стал притормаживать. Неожиданно за ним возникла патрульная машина, замигал красный свет. Прежде чем остановиться, он посмотрел в зеркало заднего обзора; в городе были зафиксированы случаи, когда бандиты, переодетые полицейскими, останавливали машины и грабили автомобилистов, а иногда даже избивали и убивали их. Все это происходило днем, на глазах у случайных прохожих. Чайлд решил прижаться к обочине, он осторожно направил автомобиль к едва видимому бордюру и остановился, не выключая мотора. Он пристально наблюдал за полицейским, вылезавшим из полицейского автомобиля, остановившегося слева от его машины. Если ему будет угрожать опасность, он успеет выскочить через правую дверь своей машины и скроется во мраке. Он узнал подходящего полицейского, хотя и не мог припомнить его имени, поэтому остался сидеть в машине. Чайлд медленно, чтобы полицейский не подумал, что он хватается за пистолет, достал из внутреннего кармана пиджака свои документы. У него была лицензия на ношение оружия, но сейчас она была в его квартире.

Полицейским уже осточертело проверять документы и обыскивать подозреваемых, поэтому они пренебрегли формальностями и не стали вытаскивать Чайлда из машины для того, чтобы обыскать его по всем правилам. Кроме того, у некоторых водителей были разрешения на вождение, а в ближайшие часы ожидался наплыв автомобилей на улицах, так что они пренебрегли правилами.

Установление личности Чайлда не заняло слишком много времени. Они знали Чайлда по слухам, распространившимся в управлении, кроме того, они также читали газеты. Один из полицейских сделал попытку обсудить подробности дела, но его напарник закашлял, кашель напал и на Чайлда, так что они его быстро отпустили. Он продолжил движение по Третьей улице на запад Лос-Анджелеса. Его офис и его квартира были в нескольких

квартирах от Беверли-Хиллз. Он решил отправиться домой и немного подумать.

Если он мог еще думать. Все происшедшее за последний день выбило Чайлда из колеи. Он чувствовал себя так, словно его крепко избили или он перебрал наркотиков. Чувство нереальности происходящего, появившееся после просмотра кинофильма, не покидало его. Смог еще больше усиливать эту иллюзию.

У него не было жгучей ненависти к убийцам Колбена. Ему было известно, что Колбен совершил несколько уголовно наказуемых поступков и это сошло ему с рук. Он не только сумел уйти от ответственности, но его даже не беспокоили муки совести. Колбен сделал беременной девочку-подростка, а потом выгнал ее. В результате девочка отравилась. Были за ним и другие грязные делишки. Колбен находился в интимных отношениях с женой клиента, затем эта женщина была найдена зверски избитой, в результате побоев она навсегда осталась идиоткой. У Чайлда не было доказательств, что это дело рук Колбена, однако он не сомневался, что Колбен на такое способен, особенно если ему за это были обещаны деньги.

Последнее время Колбен стал относиться к совместной работе спустя рукава, но, даже если бы он работал на совесть, Чайлд все равно расстался бы с ним по этическим соображениям. У Чайлда не было денег, чтобы купить долю Колбена в их агентстве, но он решил создать напарнику максимально тяжелые условия работы, чтобы тот сам был бы рад выйти из дела, не требуя компенсации.

Тем не менее никто не заслуживает такой смерти, даже Колбен. А может, смерть и не была такой ужасной, как это могло показаться зрителям? Колбен умер быстрой и не такой уж и болезненной смертью. Впрочем, все это не имело значения. Чайлд собирался сделать все, что мог, а мог он не так уж и много. Необходимость оплачивать счета очень быстро заставит его заняться заработками, так что он сможет заниматься расследованием только в свободное время. А свободного времени у него никогда не было.

Но сейчас не было клиентов. А просто сидеть без дела в квартире, вдыхая отравленный воздух, он не собирался. Ему совершенно необходимо было что-то делать, а сейчас он не мог даже устроиться с комфортом и читать,

поскольку глаза жгло и они слезились. Он чувствовал себя, как акула, которой для того, чтобы вода омывала жабры, необходимо постоянно находиться в движении. Как только он останавливался, начиналось удушье.

Но акула может оставаться на месте и нормально дышать, если вода движется. Сибил может быть его текущей водой. Это имя ассоциировалось с журчанием ручья, солнечным светом, тихими зелеными полянами, молоком матери. Белым питательным молоком нежности и чувства юмора.

Чайлд улыбнулся своему романтизму. Он не только был похож на лорда Байрона, но и думал, как он. Может быть, лорд Байрон вновь возродился, только уже без своей хромоты и в теле частного детектива? Частного сыщика из детективных романов, простого парня, воспринимающего мир в черных и белых тонах, настоящего героя, с которым обыватели легко себя отождествляли.

Странно, но антигерои современных новелл — сложные натуры, с богатым внутренним миром, вызывающие к себе неизмеримо больший интерес критиков, чем простые, надежные, лишённые сомнений частные детективы, герои масс. Чайлд попытался прервать цепь своих ассоциаций, как будто это было так же просто сделать, как остановить фильм. Он преувеличивал и одновременно упрощал. По своему мироощущению Чайлд был ближе к книжным антигероям, внешне — он был человеком действия, настоящим героем дешевых романов. Он опять улыбнулся; по правде сказать, сейчас он себя чувствовал испуганным маленьким сопливым мальчиком, со слезящимися красными глазами, мечтающим прибежать к своей маме. Чайлд очень хотел видеть Сибил. К несчастью, мама будет сердиться, если он предварительно ей не позвонит. Мама не любит, когда вмешиваются в ее личную жизнь, она любит независимость, и, если он будет ей мешать, она его просто выгонит.

Чайлд припарковался у своего дома и быстро пошел вверх по лестнице. Открывая дверь в свою квартиру, он слышал надсадный кашель за дверью соседа. Его квартира, состоящая из жилой комнаты, кухни и спальни, была обставлена светлой мебелью. Стены и потолок были белыми, что делало освещение в квартире ярким. Но сегодня всюду царил зеленый полумрак.

Сибил сразу ответила на его звонок.

— Ты, наверное, ждала, что я тебе позвоню, — сказал он весело в трубку.

— Да, я ждала, — ответила она, и ее голос был вполне дружелюбным.

Он не стал говорить банальностей

— Я хочу приехать к тебе.

— Почему? У тебя неприятности?

— Хочу составить тебе компанию.

— Тебе просто нечего делать, ты просто хочешь убить время.

— Мне есть чем заняться, я веду дело, — немного поколебавшись, понимая, что он насаживает наживку на крючок, и ненавидя себя за это, Чайлд добавил: — Это касается Колбена, ты читала о нем в газетах?

— Так вот чем ты занимаешься, это ужасно!

Чайлд не спрашивал, почему она сидит дома. Сибил работала секретарем в рекламном агентстве. Конечно, ни у нее, ни у ее босса не было разрешения на езду в автомобиле.

— Я сейчас приеду. — Немного помолчав, он добавил: — Я смогу у тебя остаться? Не сердись, я просто не хочу сюрпризов.

— Ты можешь побыть у меня несколько часов, а может, и больше. Я не собираюсь никуда уходить и никого не жду. Геральд, я хочу, чтобы ты приехал.

— Хорошо. Тебе что-нибудь нужно? Я могу зайти в супермаркет.

— Нет, ты же знаешь, универмаг всего в трех кварталах от моего дома, я могу пройти пешком.

— Я просто подумал, что у тебя не было времени или что ты что-нибудь забыла купить и хочешь поручить это сделать мне.

Они оба замолчали на несколько секунд. Он вспомнил, как часто ему приходилось, когда они были женаты, ходить в супермаркет и покупать то, что она забыла купить. Она вспомнила их частые ссоры из-за этого.

— Я сейчас приеду, — сказал он торопливо. — Пока

Чайлд вышел из квартиры. Сосед продолжал кашлять за дверь. Неожиданно стереопроектор заиграл пьесу Штрауса «Так говорил Заратустра». Кто-то просил сделать потише. Музыка продолжала играть. Протестующий повысил голос, а затем начал стучать по стене. Звуки музыки не стали тише.

Сначала Чайлд собирался пройти несколько кварталов до дома Сибил пешком, но потом подумал, что, может быть, ему придется неожиданно уехать по делам, хотя вероятность этого и была мала.

Его секретарь не вышел на работу, а он решил не сообщать, где будет находиться, оперативному дежурному в полицейском управлении и Бруину. Сибил болезненно реагировала, когда Чайлду звонили по делам домой. Деловые звонки ее крайне раздражали и раньше, когда они были женаты. Теоретически теперь, когда они в разводе, это не должно ее так беспокоить, но на практике они продолжали приводить ее в ярость, как всегда. В последний раз, когда он был у Сибил, телефонный звонок, адресованный Чайлду, вызвал приступ ярости, и ему было указано на дверь. После этого случая он звонил ей несколько раз, и она неизменно охлаждала его пыл. В последний раз Чайлд звонил Сибил две недели назад.

Она правильно угадала, у него были неприятности. Чайлду хотелось просто поговорить, смягчить тревогу, появившуюся после просмотра любительского фильма с Колбеном, прогнать одиночество. Это было странно, он прожил двадцать из тридцати пяти лет в округе Лос-Анджелес. За все это время он знал только одну женщину, которая его полностью понимала, с которой он чувствовал себя комфортно. Но, видимо, он был не прав, ни одна женщина его полностью не понимала, даже Сибил. Если бы это было не так, она не была бы его бывшей женой.

Но Сибил то же самое думала обо всех мужчинах, и о Чайлде в частности.

Чайлд остановил машину перед входом в дом, благо можно было не утруждаться поисками стоянки, и вошел в подъезд. Он набрал на пульте домофона номер Сибил. Раздалось жужжание открывающегося замка. Он вошел внутрь, прошел холл до конца. Ее дверь была справа. Он постучал, и дверь распахнулась. На Сибил был длинный, спускающийся до пола, восточный халат с нашитыми на ткань большими красными и черными ромбами. На черных ромбах был нарисован анк — изогнутый крест древних египтян. Сибил была босой.

Сибил исполнилось тридцать четыре года, у нее были длинные черные волосы, большие зеленые глаза, тонкий прямой нос, полные губы и бледная кожа. Она была

красивой. Ее тело под кимоно было хорошо сложено, немного широковатые бедра не портили впечатления.

Ее апартаменты были светлыми, как и у него, в квартире преобладали белые цвета. Мебель отличалась изяществом. Длинная мрачная репродукция картины Эль Греко, висящая на стене, не соответствовала обстановке. Чайлду всегда казалось, что продолговатый человек, распятый на кресте, с неодобрением смотрит на него.

Сегодня картина воспринималась расплывчатой. Даже всегда присутствующая в квартире голубоватая табачная дымка была серо-зеленой. Сибил закашлялась, когда закуривала очередную сигарету, ее лицо побледнело. Приступ кашля ее не удивил, во всяком случае, ничего нового не происходило. У нее была эмфизема легких, доктор еще два года назад советовал бросить курить, но его совет был проигнорирован. Смог в сочетании с курением только усиливал проявления болезни. Здесь Чайлд ничего не мог поделать. Если бы он начал возражать, дело кончилось бы еще одной ссорой.

В конце концов она пошла на кухню, чтобы принять лекарство. Когда она вернулась, на ее лице было вызывающее выражение, но Чайлд оставался спокойным. Он подождал, пока она не села на софу, стоящую напротив его стула на другом конце комнаты. Она бросила зажатую сигарету в пепельницу и сказала:

— Боже, я не могу дышать.

Что означало, что она не может курить.

— Расскажи мне о Колбене, — попросила она, а затем, спохватившись, добавила: — Могу я предложить тебе что-нибудь выпить?

Ее голос упал, она всегда забывала, что он завязал с выпивками четыре года назад.

— Мне нужно расслабиться, — сказал Чайлд. — У меня кончилась травка, сейчас ее не достать. Может, у тебя?

— У меня есть, — сказала она с пониманием.

Сибил поднялась и прошла на кухню. Скрипнула дверца шкафа, через минуту она вернулась с двумя белыми сигаретами с закрученными, как у конфеток, концами. Одну из них она отдала Чайлду. Чайлд понюхал маленький сверток. Запах тут же вызвал у него образы тупоконечных пирамид, построенных ацтеками. Их жрецов с острыми обсидиановыми ножами, обнаженных коричневых мужчин

и женщин, идущих по красной равнине под свирепым солнцем. Затем он представил арабские фелюги, скользящие в Индийском океане. Почему у него возникали эти представления, Чайлд не знал.

Он зажег сигарету, втянул в себя тяжелый дым и задержал дыхание. Он сделал попытку освободить тело и разум от ужаса, вызванного утренними событиями. Не имело смысла курить, если не было покоя в душе. Ему удалось освободиться от воспоминаний. Иногда приемы медитации, которым его обучал друг, срабатывали.

Он был детективом, а атмосфера ненависти и горя, в которую он был погружен, не способствовала занятиям медитацией. Тем не менее он упорно тренировался, и иногда ему удавалось отделяться от мыслей, а может, ему это только казалось. Его друг говорил, что в действительности он не медитирует, а использует технику медитации.

Сибил, понимая, чем он занят, молчала. Тикали часы. Где-то раздался гудок. Завывала сирена. Затем он выдохнул и опять затаился и вновь задержал дыхание. Все изменилось. Невидимые потоки, пронизывающие каждый сантиметр пространства, распрямились. Он посмотрел на Сибил. Теперь он опять любил ее так же, как раньше, когда они были женаты. Все стало ясным и понятным, словно они оказались в прекрасной вибрирующей сети, излучающей любовь и гармонию. Мысли о пауке, соткавшем эту сеть, сейчас его не беспокоили.

ГЛАВА 4

Он не стал останавливать Сибил, когда она начала целовать его живот, хотя знал, чем все это должно закончиться. Он не реагировал, когда она наклонилась, чтобы охватить его пенис ртом. Но когда ее язык коснулся головки, он мягко отстранил ее и сказал — нет.

Она удивленно посмотрела на него:

— Почему?

— Я не хочу описывать детали смерти Колбена.

— Ты становишься деликатным.

Сев на постели, она, насупившись, посмотрела на Чайлда.

— Ты что-то подцепил?

— Господи Боже! — сказал он, тоже садясь. — Неужели ты думаешь, что я мог прийти к тебе, подцепив сифилис или триппер? Что за вопрос, за кого ты меня принимаешь?

— Но что я сделала не так?

— В обычных обстоятельствах — ничего. Просто у меня такое появилось чувство, будто по моему петушку пошли мурашки, когда ты... Разреши, я тебе объясню

— Я прошу больше не использовать этот жаргон.

— Хорошо. Я тебе все расскажу.

Она слушала с широко открытыми глазами. Чайлду был виден ее набухший сосок, который совсем не уменьшался, скорее наоборот, даже немного увеличился. Ее глаза блестели, и, хотя на лице проступало выражение ужаса, она улыбалась.

— Я думаю, ты бы с удовольствием проделала со мной то же самое, что сделали с Колбеном!

— В который раз ты несешь сущую чушь. Неужели ты так меня боишься, что даже не можешь стать подтверже?

— Ты имеешь в виду эрекцию, ведь так? Если ты не в силах понять, почему мой пенис от страха съезживается и пытается заползти в живот, значит, ты вообще ничего не понимаешь в мужчинах.

— Да ладно, я тебя не укушу, — сказала она.

И, взяв пенис в руку, наклонилась над ним с широко открытым ртом; при этом она широко улыбалась, демонстрируя все свои зубы.

— Прекрати, — сказал он, отшатываясь.

— Да я просто шучу, не волнуйся, — сказала она.

Она подтянулась, схватившись за изголовье кровати, и принялась целовать его в губы. Она глубоко просунула свой язык ему в рот, так что Чайлд поперхнулся.

Он отпрянул.

— Перестань! Что ты делаешь? Я так задохнусь!

В ответ женщина подобралась, сидя на постели, и зашипела на Чайлда как кошка:

— Ах, ты не можешь дышать! А как ты думаешь, дышу я, когда ты всовываешь эту большую штуковину мне в горло? Что, тебе не нравится?

— Сам не знаю, что со мной, — сказал Чайлд, тоже садясь. — Давай еще покурим травки. Может быть, всестанет на свои места.

— Так ты не можешь любить меня без этого?

Он попытался взять ее руку в свои, но она вырвалась.

— Ну как ты не понимаешь, эти стальные зубы! Кровь! Окровавленные куски мяса! О Боже милосердный!

— Мне жаль Колбена, но какое он имеет отношение к нам? Ты никогда его не любил, ведь ты же и сам собирался от него избавиться. Меня от него так просто тошнило...

Сибил поднялась, накинула и запахнула кимоно, зажгла сигарету и снова закашлялась. Создавалось впечатление, будто в ее легких полно воды.

Чайлд тут же озлился. Он уже открыл рот, чтобы высказаться. Он еще не знал, что скажет, но, несомненно, это будет что-нибудь оскорбительное. Его остановил запах мускуса, исходящий от Сибил. Она была прекрасно сложена. Волосы внизу живота были иссиня-черными и мягкими, как мех морского котика. Ее влажливо могло сжимать его член, как будто там внутри у нее находилась третья рука. Затем он вспомнил фильм: что-то пытается вырваться из влажалища женщины, и токи крови, пульсирующей в его члене, немедленно застыли, а затем отхлынули куда-то прочь, назад в тело.

Сибил, угрюмо наблюдавшая, как тает его эрекция, произнесла сквозь зубы:

— Ну а теперь что, а?

— Сибил, ты здесь ни при чем. Дело во мне, я слишком издерган.

Она вдохнула в себя сигаретный дым, пытаясь справиться с кашлем.

— Ты всегда думал о своей работе, даже дома. Ничего удивительного, что наша совместная жизнь превратилась в ад.

Она была не права. Обычно они оскорбляли друг друга без всякой причины, и он до сих пор не понимал, что было истинной подоплекой ссор. Сейчас спорить было тем более не о чем. С него хватит.

Он сел на кровати, свесив ноги, затем рывком встал и пошел к стулу, где была сложена его одежда.

— Что ты делаешь?

— Твои мозги, судя по всему, совсем пропитались смогом. Это же очевидно — я одеваюсь. А затем — что не так уж сложно предсказать — я уйду.

Он сдержался и не добавил — навсегда. Это бы прозвучало по-детски. Хотя и вполне могло оказаться правдой.

Сибил с минуту помолчала. Бывшая жена Чайлда сидела, покачиваясь, с закрытыми глазами. Затем она встала, резко повернулась и ушла в соседнюю комнату. Через несколько минут, уже полностью одетый, Чайлд последовал за ней. Сидевшая на диване Сибил уставилась на него в упор.

— В последний раз я получал такую взбучку, когда был подростком и поздно пришел домой с любовного свидания, — сказал Чайлд.

Он понятия не имел, зачем он это говорит. Он же и так знал, что Сибил не считает себя виноватой в ссоре, и не собирался ничего менять. А может, он на что-то надеялся?

— С любовного свидания? Ты, наверное, встречался сам с собой, старичок!

Так, значит, его бывшая в ярости. К сожалению, ярость не делала ее красивой.

Ему не хотелось уходить, поскольку у него осталось неприятное ощущение собственной несостоятельности. Вот только в чем?

Повинуясь старой привычке, он сделал шаг в сторону дивана, чтобы, как обычно, поцеловать ее, и остановился.

— До свидания. Мне очень жаль, что так вышло. Возможно, я в чем-то был не прав.

— В чем-то! — взвилась она. — В этом весь ты! Ты не способен быть до конца виноватым или совершенно правым. Ты только наполовину сожалеешь. ты... полухренов полумужчина!

— А вот теперь пришла пора раз и навсегда покинуть веселенький Сибил-лэнд, — сказал Чайлд, открывая дверь. — Я говорю: прощай, адью и поцелуй меня в задницу!

С криком ярости Сибил вскочила с дивана и бросилась на него с явным намерением вцепиться ему в лицо ярко накрашенными ногтями. Чайлд схватил ее за руки и швырнул в комнату, так что она долетела до софы.

— Ты, задница! — в бешенстве заорала его бывшая жена. — Да я тебя ненавижу! Мне есть из кого выбирать! И это такого ублюдка, как ты, я предпочла Элу! Я отказала ему, потому что каждую ночь я надеялась, что ты мне позвонишь! Я тебя любила! И вот как ты себя повел, ты, вонючий недоносок! Теперь я позвоню Элу, и он

придет, и он получит все, что я собиралась дать тебе. Ты это понимаешь?

Чайлд осознал, что все еще способен испытывать ревность. Ему захотелось избить Сибил, а потом подождать Эла и спустить его с лестницы.

Впрочем, какой в этом смысл... Сейчас, в этот раз — никакого. Да и не «в этот раз», хотя в глубине души ему не хотелось в такое верить.

Легче было бы ухватить руками смог, чем понять, что разрушило их любовь.

Он вышел из квартиры, зная, что она ждет, чтобы он хлопнул дверь, и потому не сделал этого.

Возможно, это и заставило Сибил вылететь в холл с криком:

— И я буду сосать его член! Ты слышишь?

— Ты — не леди! — огрызнулся через плечо Чайлд.

Затем он вышел на улицу.

Когда он оказался в обжигающем серо-зеленом тумане, его разобрал смех. Смех быстро перешел в кашель. Потом он заплакал. Все происшедшее было одновременно и печальным, и омерзительным, и комичным.

— Да когда же она, наконец, повзрослеет?! — простонал он. — И когда стану взрослым я?

Когда, наконец, вырастет маленький мальчик по фамилии Чайлд?

Данте было тридцать пять лет — как ни крути, середины жизни, — когда он потерял самого себя, забылся, а очнувшись, оказался в сумрачном лесу.

Но у него был хороший проводник, и ему удалось выйти на Прямую Дорогу. Чайлд, сколько он себя помнил, никогда не ходил проторенными путями. Где только бродит его Вергилий? Этот сукин сын, должно быть, зашибает где-то неплохие деньги.

«Каждый сам себе Вергилий», — подумал Чайлд и, кашляя (как Майкл Чив), стал пробиваться сквозь туман к машине.

ГЛАВА 5

Кто-то выбил левое переднее стекло его машины, пока он был у Сибил. Взглянув на переднее сиденье, Чайлд не увидел там противогаса. Чайлд выругался. Противогаз

обошелся ему в пятьдесят долларов. Теперь достать новый можно будет только на черном рынке, где цена поднялась до двухсот. Еще придется поискать продавца.

У него было время, но у него не было наличности. И у Чайлда были сомнения, что спекулянт возьмет его чек.

Ничего не оставалось, кроме как разыскать старые мотоциклетные очки, а вместо противогаза использовать смоченный чем-нибудь носовой платок.

Приехав домой, он первым делом собрал все свои носовые платки и наполнил флягу водой. Затем набрал номер полиции, чтобы заявить о краже. Линия была занята.

Он умылся, почистил зубы, сделал сандвич из кусочка холодной ветчины и укропа, выпил стакан молока.

Ему не давали покоя мысли о том, что Сибил сейчас с Элом.

Он понятия не имел, кто такой этот Эл, но он не мог отделаться от его смутного образа, в котором единственными яркими деталями — слишком даже яркими — были пара волосатых, никогда не бывающих пустыми яичек и вечно стоящий чудовищный член.

Чайлд попытался сосредоточиться на Мэтью Колбене и его убийцах. По крайней мере, он считал их убийцами. Не существовало доказательств того, что Колбен убил. Даже если его покалечили, он мог бы и выжить. Наконец, Колбен, возможно, цел и невредим, а фильм — просто подделка.

Нужно было обдумать и такой вариант, хотя он не особенно в это верил.

Внезапно зазвонил телефон.

Кто-то пробился к нему через шум неработающих и занятых линий.

С нехорошим, но вполне оправданным предчувствием — только полиция способна прорваться сквозь перегруженную телефонную сеть — Чайлд поднял трубку.

В трубке раздался хриплый, как у медведя, проснувшегося от зимней спячки, голос сержанта Бруина.

— Чайлд?

— Слушаю.

— В деле появились новые факты, доказывающие, что фильм не подделка.

Чайлд вздрогнул.

— Я только что думал о возможности розыгрыша. Какие у вас доказательства?

— Мы только что открыли посылку, отправленную из Пасадены. — Бруин сделал паузу. — Там оказался конец Колбена, по крайней мере чей-то откушенный конец.

— Есть какие-нибудь зацепки?

— Посылку отправили на исследование, но, как мы и ожидали, больше ничего установить не удалось. У меня для тебя есть еще одна дурная новость. Меня отзывают с этого дела. Слишком много срочной работы, сам знаешь, что происходит в городе. Сейчас надежда только на тебя. Если тебе удастся подобраться к решению этого дела, в чем я сомневаюсь, не предпринимай ничего на свой страх и риск. Ты понимаешь, что я имею в виду. Ты — в нашем деле не новичок.

— Да, я понимаю, — ответил Чайлд. — Я сделаю все, что смогу, а сделать я могу не так уж и много, это ты верно заметил. У меня все равно сейчас нет другой работы.

— Ну, ты можешь поработать у нас, нам сейчас очень не хватает людей! На дорогах просто мясорубка, такого я никогда не видел. Все население города пытается выбраться отсюда. Скоро город полностью опустеет. Но в ближайшие день-два здесь будет настоящий хаос. В первый раз вижу такое.

Кровавое убийство Колбена не произвело на Бруина особого впечатления, но сейчас он был взволнован возможными последствиями чудовищных пробок на улицах.

— А если мне понадобится помощь или я наткнусь, я хочу сказать, случайно наткнусь, на что-то стоящее, тебе позвонить?

— Оставь для меня сообщение в управлении, и как только я вернусь, я сразу тебе перезвоню. Удачи, Чайлд!

— Тебе того же, — сказал Чайлд.

«О медведикус ужасно-бруин-зжащий», — пробормотал он себе под нос, вешая трубку, и тут же подумал, что фонетический каламбур ему не удался.

Неожиданно детектив осознал, что весь взмок от пота, глаза жгло, словно под веки насыпали кислотного песка, горло саднило, в легких что-то свистело и поскрипывало — таких ощущений у него не было вот уже пять лет, с тех пор как он бросил курить. Под самыми окнами отчаянно сигналили автомобили.

Если с воздействием отравленного воздуха еще можно было как-то бороться, то против уличного движения и обезумевших машин он был бессилен. На обратном пути от квартиры жены на его долю выпало просто удивительное количество неприятностей. Проезжая часть была настолько запружена машинами, что ему едва удалось втиснуться в поток. Несколько раз его притирали к самому тротуару. Водители сплошным потоком гнали, не останавливаясь, на красный свет светофоров. Машины задевали друг за друга, часто раздавались автомобильные гудки. Чайлд проехал мимо пары столкнувшихся машин, вылезшие из них водители в ярости размахивали руками, готовые поубивать друг друга. В окнах обеих покореженных машин промелькнули испуганные лица детей. Чем закончилась эта сцена, Чайлд рассмотреть не успел.

Теперь воздух постоянно оглашала какофония автомобильных гудков. Огромное железное стадо — Боже, помоги им! — спешило покинуть город.

Удушливая вонь и слепящий смог казались непереносимыми, когда на улицах машин не было. Но теперь, когда два миллиона автомобилей двигались по улицам, положение только ухудшилось.

Между тем Чайлд оставался в городе. Ему нужно было заниматься делом. Но разве можно сейчас что-то сделать? Ему совершенно необходимо было свободно передвигаться по улицам, однако в сложившейся ситуации он был бессилен.

Детектив присел на диван и посмотрел на темные книжные шкафы в дальнем конце комнаты; там тускло мерцали в своих тисненых переплетах — и каждый в своей тисненой же коробке — два больших тома «Аннотированного Шерлока Холмса» — последнее приобретение и гордость его коллекции, если не считать, конечно, экземпляра «Белого отряда» с автографом самого Конан Дойла, когда-то принадлежавшего его отцу. Отец еще в раннем детстве привил сыну любовь к приключенческой литературе, передал свое увлечение детективами. Его отец был профессором математики, и Чайлд не горел желанием повторить его судьбу.

Этого не захотел бы ни один нормальный ребенок. Большинство, будучи детьми, желают, когда вырастут, стать летчиками, ковбоями или космонавтами. Многие,

конечно, хотят стать сыщиками, такими, как Шерлок Холмс или Марк Тидд (кто из сегодняшних детей слышал о Марке Тидде?), но очень немногие среди них остаются верны своей мечте. Большинство полицейских и частных детективов, из тех, с кем он был знаком, в детстве вовсе не собирались заниматься подобным делом. Но все они зачитывались дешевыми детективными романами.

Детективы были страстью Чайлда. Может быть, поэтому он выбрал такую профессию? И разве есть в этом что-то постыдное?

В каждом американце, в ком-то больше, в ком-то меньше, жило презрение к представителям закона, даже к судьям. При этом оно неплохо уживалось с уважением и даже страхом перед самим этим законом. Полицейские и частные детективы ведут постоянную борьбу со злом, иногда им приходится даже преступать закон ради торжества правосудия. Полицейские постоянно находятся рядом с преступниками, так что неудивительно, что между ними есть определенное сходство.

Или это только казалось Чайлду, который, как он сам часто себе говорил, слишком увлекался абстрактными размышлениями и приписывал свои настроения окружающим?

Мэтью Колбен. Где он теперь? Жив, мертв или искалечен? Кто его похитил? Зачем прислали этот фильм в полицейское управление? Чего добиваются преступники, помимо извращенного удовольствия от попытки подразнить полицию?

В этом деле, если не считать костюмированных вампиров — или «вампирических мотивов», как окрестил их для себя Чайлд, — не было никаких зацепок, да и последние скорее лишь указывали направление поисков. По крайней мере, здесь открывалось хоть какое-то поле действия.

Кое-что известно о вампирах всем. Как всякий американец, Чайлд видел пару фильмов с Дракулой. Лет десять назад он прочел роман Стокера, найдя его вполне живым и убедительным. Книга не шла ни в какое сравнение с фильмами.

Когда-то он был даже знаком с человеком, который глубоко интересовался оккультными науками и прочими сверхъестественными вещами. Он поискал его номер в

записной книжке. Телефон не отвечал секунд пятьдесят, затем голос, записанный на автоответчик, сообщил, что линия перегружена, обслуживаются только неотложные вызовы и ему придется подождать своей очереди. Чайлд уныло повесил трубку и включил радио. Передаваемые новости касались в основном массового бегства жителей. Значительные отрезки магистралей и автострад оказались заблокированы застрявшими автомобилями. Полицейские отчаянно пытались ограничить движение на скоростных магистралях несколькими рядами, чтобы расчистить машинам «скорой помощи» и буксировочным грузовикам со станций техобслуживания свободный подъезд к местам аварий. Но все ряды на шоссе на дорогах были забиты машинами, и полицейские прилагали отчаянные усилия, чтобы ликвидировать пробки. В городе начались пожары, и нередко пожарные не могли пробиться к горящим зданиям. Многим пострадавшим в автокатастрофах невозможно было оказать помощь, поскольку не хватало медицинского персонала и полицейских.

Чайлд подумал, что его дело может и подождать. «Я нужен городу!»

С четверть часа он пытался дозвониться в полицейское управление, но в трубке раздавались только короткие гудки. Тот же результат принесла попытка дозвониться в госпиталь Горы Синай, расположенный на бульваре Беверли. Госпиталь находился в каких-то двух шагах от его квартиры. Он закапал глазные капли, втянул носом капли от насморка, намочил водой носовой платок и прижал его к лицу. На лоб детектив натянул старые мотоциклетные очки. В один карман уложил крохотный, размером с карандаш, фонарик, в другой — складной нож. Экипированный таким образом, он направился вниз по улице Сан-Винсенте по направлению к бульвару Беверли.

За те полчаса, что он провел дома, ситуация изменилась. Непрерывный поток машин на дороге куда-то испарился. В тумане периодически раздавались автомобильные гудки, но самих машин не было видно.

Вскоре он наткнулся на опрокинутый набок автомобиль. Ожидая самого худшего, он заглянул в окно машины, но там было пусто. Было непонятно, каким образом машина могла перевернуться. В потоке машин ни одна не могла разогнаться до достаточно большой скорости, чтобы

опрокинуться, ударившись о соседнюю. Кроме того, он не слышал звука столкновения. Очевидно, машину раскачали, а затем опрокинули набок.

Зачем? Вероятно, этого он никогда не узнает.

Уличное освещение не работало. На перекрестке он увидел смутные очертания мертвого светофора. Когда он подошел поближе, все стало понятным. Светофор был разбит. Вокруг валялись осколки разноцветного стекла. Прежде чем пересечь улицу, Чайлд задержался на тротуаре, всматриваясь в тошнотворную серую мглу. У него был шанс быть сбитым несущейся с выключенными фарами машиной. Только последний дурак станет гонять без света по улицам, но как раз сейчас на улицы Лос-Анджелеса решился бы выехать только последний дурак.

Где-то вдаль раздались звуки сирены, которые становились все громче, потом из дымки вынырнул красный свет мигалки, и мимо пронеслась машина «скорой помощи». Детектив оглянулся по сторонам и ринулся на другую сторону в надежде, что звуки сирены и красный мигающий свет заставят любого водителя, даже если он едет за «скорой помощью», стать осторожнее и хотя бы включить гудок.

После пробежки в легких саднило, глаза слезились. Адский шум бедлама он услышал еще до того, как в тумане начало вырисовываться само здание госпиталя. У ворот его остановил седой мужчина в форме охранника. Возможно, он раньше работал охранником на аэродроме или в банке, теперь по распоряжению полиции его перевели в госпиталь. Охранник направил луч фонаря прямо в лицо Чайлду, поинтересовавшись, чем он может быть ему полезен. Свет на минуту ослепил Чайлда.

— Уберите свет, я пришел предложить свою помощь, я готов делать что угодно

Он открыл бумажник и показал свое удостоверение личности.

— Вам лучше пройти через служебный вход, поскольку главный вход забит ранеными, а врачи сейчас слишком заняты, чтобы тратить время на разговоры, — не слишком приветливо ответил охранник.

— К кому мне обратиться?

Охранник торопливо объяснил, как найти директора. Чайлд вошел в госпиталь и сразу понял, что, хотя его

помощь может пригодиться, ему придется приложить немало усилий, чтобы ее предложить.

Все коридоры больницы были забиты людьми, которых переносили сюда из приемного покоя после оказания им первой помощи. Там же толпились родственники раненых и те, кто, как и Чайлд, пришли сюда, чтобы предложить свои услуги.

Приемная директора тоже была переполнена. Сквозь толпу невозможно было пробиться. Он спросил крайнего, сколько времени он уже ждет своей очереди поговорить с кем-нибудь из руководства.

— Один час и десять минут, мистер, — с раздражением ответил тот.

Чайлд развернулся, чтобы уйти.

Он уже решил пойти домой и подождать, пока не восстановится хоть какой-то порядок (словно существует в этой ситуации такое понятие, как порядок!), но остановился. Около входной двери стоял Гамлет Еремей с белой повязкой на голове. Вначале Чайлду показалось, что это тюрбан, потому что в последний раз, когда он видел Еремейю, тот расхаживал в тюрбане, украшенном блестящими шестиконечными звездами. Но на этот раз на нем была повязка, алое треугольное пятно украшало ее на манер кокарды. Мефистофельские борода и усы отсутствовали. Одет Еремей был в белые парусиновые брюки, коричневые сандалии и засаленную футболку с девизом: «NOLI ME TANGERE SIN AMOR»

— А, Чайлд! — улыбаясь, закричал он и тут же скривился, словно ему было больно улыбаться

Чайлд протянул для рукопожатия руку

— Ты протягиваешь мне руку с любовью?

— Я рад тебя видеть, Хэм, — сказал Чайлд.

— Мы сумеем пережить это время?

— Мы переживем любое время и это тоже

— Возлюбим же друг друга!

Чайлд кивнул:

— Что происходит? Что ты тут делаешь? Слушай, несколько часов назад я пытался до тебя дозвониться, а когда мне это не удалось, я даже подумывал о том, чтобы приехать к тебе. И вот ты здесь.

— Совпадение! — рассмеялся Еремей, пожимая Чайлду руку — Мои жены настояли, чтобы мы уехали из города. Я им говорил, нужно переждать день-два, пока

дороги очистятся. К тому времени и смог, может, прекратится. Они меня не послушали. Они рыдали и вели себя ну просто ужасно. Вымотали мне все нервы. Слезы хороши тем, что смывают кислоту с глаз, но они разъели не хуже кислоты мне нервы, и я не выдержал и согласился. Правда, я их предупредил, что они ищут приключений на свои задницы и что если мы влипнем в историю, то пусть они меня не обвиняют. Они тут же вытерли слезы, собрали вещи, и мы поехали. У Шейлы всегда при себе маленький молитвенный барабан, а Люп угостила нас травкой, так что мы катили по улице в развеселом, скажу тебе, настроении. Когда на перекрестке загорелся красный свет, я, как законопослушный гражданин, остановился. Но ехавший следом за мной сын Адама, очевидно, потерял разум. По его мнению, я должен был проскочить на красный свет. Его душа трепыхалась от страха. Он мне посигналил, а когда я не прыгнул по его команде, как собачка через обруч, и остался на месте, он выскочил из машины, вытряхнул меня наружу и принял колотить моей головой о дверцу. Разбил мне голову и едва не превратил в идиота. Естественно, я не сопротивлялся. Я действовал по библейскому завету — подставь другую щеку.

Мы все почему-то оказались на соседней полосе, и, поскольку идущие по ней машины не собирались останавливаться, Шейла выскочила и, оттолкнув парня, втащила меня в машину. У Шейлы тот еще характер, прости ее Господи. Парня сбили, его отбросило прямо к нам в машину. За рулем сидела Шейла, а Люп пыталась выпихнуть парня наружу. Он валялся на заднем сиденье, а его ноги волочились по асфальту. Я ее остановил и сказал Шейле, чтобы она отвезла нас в больницу. Что она и сделала, правда с неохотой. Я имею в виду, что она не хотела брать с собой парня. И вот мы здесь. Мою голову перевязали, а Шейла и Люп сейчас помогают сестрам на втором этаже. Я к ним присоединюсь, когда немного приду в себя.

— А что случилось с тем парнем? — спросил Чайлд.

— Он без сознания лежит где-то на матрасе на втором этаже. Несчастная душа пускает кровавые пузыри. Шейла заботится и о нем тоже. Она раскаивается, что его толкнула. Нрав у нее — вспыльчивый, но в душе она всех любит.

— Я собирался предложить свою помощь, — сказал Чайлд, — но я не могу часами стоять в очереди. Кроме того...

Еремейя спросил, что означает это «кроме того», и Чайлд с готовностью рассказал ему о Колбене и о фильме. Еремейя был потрясен. Он, оказывается, слышал кое-что об этом по радио. Газет он не получал уже несколько дней, так что не знал подробностей.

Чайлду нужен кто-нибудь с большой библиотекой о вампирах и способный разобраться в темных закоулках души?

Прекрасно! Он знает как раз такого человека. И он живет всего лишь в шести кварталах отсюда. Если у кого и есть нужные материалы, так это Вульстон Хипиш.

— А разве он не уехал, как другие, из города?

— Кто, Вулли? Только не он! Ничто — разве только угроза атомной бомбардировки — не заставит его оставить свою коллекцию. Не беспокойся, он дома. Но есть одна проблема. Он не любит неожиданных гостей, с ним надо предварительно договариваться по телефону о времени визита. Даже его лучшие друзья, за исключением, может быть, Нимминга Роддера, должны созваниваться с ним заранее. Сначала нужно ему позвонить и спросить разрешения прийти. Если он не ждет гостей, он обычно не реагирует на звонки. Но он знает мой голос, я ему покричу через дверь.

— Роддер? Что-то припоминаю.. Ну конечно! Знаменитый писатель и сценарист! Вампиры, оборотни, симпатичные девочки, оказавшиеся в отвратительном особняке на вершине холма, — такого сорта вещицы. Это он — автор сценария к сериалу «Земля теней», так?

— Пожалуйста, Чайлд, не говори о нем ничего в присутствии Вулли, если ты только не собираешься его хвалить. Вулли преклоняется перед Ниммингом. Он, конечно, не бросится на тебя с кулаками, но будь уверен, просто не станет тебе тогда помогать.

Чайлд переминался с ноги на ногу и кашлял. В душе его шла борьба. Ему хотелось остаться здесь и помогать людям, но еще больше ему хотелось продолжить расследование. В сущности, здесь от него будет немного толку, по крайней мере в ближайшее время. И у него было предчувствие, только предчувствие, но в прошлом оно никогда его не подводило; где-то там, в темной глубине,

что-то подергивало его, будто рыбку, пойманную на крючок.

— Я постараюсь ему позвонить, но если... — Он положил руку на худое плечо Еремейи.

— Бессмысленно, Геральд. Телефоны не работают. Но я тебе помогу. Я проведу тебя к Вулли. Я здесь случайно, и мне не нравится смотреть на этих искалеченных. Подожди минутку, я только сообщу своим женщинам, куда я пошел.

Чайлд ждал, когда он вернется. Ничего не оставалось, кроме как наблюдать за происходящим вокруг. Вскоре ему стало ясно, почему Еремее так не терпится покинуть это место. Кровь, стоны и плач были непереносимы. Но хуже всего был кашель. Громкие лающие звуки пробуждали глубоко похороненный гнев. Он вспомнил постоянный кашель Сибил. Этот кашель особенно раздражал его, когда они ели и занимались любовью. И, очевидно, способствовал их разводу не меньше, чем все остальное. Или он только так думал.

Еремейа, казалось, катился сквозь толпу. Он взял Чайлда за руку и вывел на улицу.

Было три минуты после полудня. Солнце казалось желто-зеленым перекошенным шаром. Человек, находившийся на расстоянии ста футов от них, представлялся темной колышущейся фигурой. Когда они шли, за ними тянулись ленты смога, предметы и люди казались то удлинненными, то укороченными. Иллюзия, не более того, поскольку смог не двигался. И ни малейшего даже намека на ветерок. Казалось, жар просачивался вниз, скользил как обезумевший акробат по зелено-серым волокнам, а затем растекался, обволакивая людей.

Спина, лицо и подмышки Чайлда были влажными от пота, но и эта влага не приносила облегчения. Его ноги и промежность также потели. Он сожалел, что у него нет полотенца и плавок. И все-таки здесь было лучше, чем в госпитале. Тяжелый запах потных и напуганных людей был не очень заметен на фоне стонов и страданий. Теперь Чайлд неожиданно обнаружил, что от Еремейи, который, хотя и был хиппи, остался большим чистюлей, тоже воняет. Запах, исходивший от него, был причудливой смесью табака, марихуаны, ладана, дерьма, пота и выходящего с этим потом смога.

Еремейя посмотрел на Чайлда, закашлялся и с улыбкой сказал:

— От тебя тоже несет, как от двухнедельного утопленника, прости мне это сравнение.

Чайлд, пораженный этим замечанием, промолчал. Еремейя не раз проявлял способности к телепатии. Тем не менее могло быть и другое объяснение, — то, в которое ему не хотелось бы верить. Еремейя мог догадаться, о чем думает приятель, по выражению лица, хотя, по мнению Чайлда, его лицо всегда оставалось бесстрастным.

Детектива не оставляло преотвратное ощущение, что они идут по какому-то туннелю. Чайлд был счастлив, хотя в глазах жгло, а в легких поскрипывало. В действительности ему вовсе не хотелось превращаться в больничного санитаря. Ему хотелось оставаться идущей по следу гончей.

ГЛАВА 6

— Ты понимаешь, Хэм, — сказал Чайлд, — вампирический мотив в фильме может ничего не означать, но у меня предчувствие, что из этого что-то может получиться. Пока у меня нет других идей. Может, что и выгорит...

Они стояли на тротуаре и ждали. Машины шли одна за другой плотным потоком. В зеленом тумане они были похожи на слонов: зеленые слоны, идущие плотными рядами на водопой. Огромные глаза горели во мраке. Здесь было одностороннее движение — на запад, но машины ехали на восток.

Был только один способ перебраться на другую сторону. Чайлд спустился на шоссе. Машины ехали очень медленно, так что не составляло труда забраться на капот ближайшей и перепрыгнуть на идущую рядом, затем — на третью, а потом — и на четвертую. Таким образом детектив и хиппи вскоре добрались до газона разделительной полосы. Испуганные и взбешенные водители и пассажиры ругали их на чем свет стоит, но Еремейя только смеялся, а Чайлд усмехался, глядя на приятеля. Они пересекли разделительную полосу и вновь принялись прыгать с капота на капот. Наконец они выбрались на противоположную сторону шоссе.

Город будто вымер, дома смотрели мертвыми глазами темных окон. На ближайшем перекрестке светофор работал, но никто из водителей не обращал на него внимания. Машины шли на восток по обеим сторонам улицы.

На соседней улице машины двигались быстрее, но не настолько быстро, чтобы на них нельзя было запрыгнуть. Чайлд и Еремейя перебрались через улицу тем же способом. Для Еремейи на этот раз дело чуть не кончилось печально — он поскользнулся и едва не скатился с крыши зеленого пикапа, — но и эта мелкая неприятность вызвала у него только лишь взрыв смешанного с кашлем смеха.

В этом районе жил средний класс. В некоторых особняках светились окна, но дом, перед которым они остановились, был погружен в полную темноту.

— Его, наверное, нет дома, — сказал Чайлд.

— Это ничего не значит. Окна у него всегда темные. Если его сейчас нет, значит, он отправился в магазин или на заправочную станцию; они должны сейчас работать, по крайней мере, городское управление это пообещало. Сейчас мы все выясним.

Они пересекли двор. Выходящие на улицу окна казались забитыми или закрытыми изнутри темными досками ставней. Приятели обогнули дом. У въезда в гараж стоял красный дорожный знак, на котором яркими желтыми буквами было выведено: «МИСТЕР УЖАС ЖИВЕТ И ЗДРАВСТВУЕТ ЗДЕСЬ»

Позади дома оказалось что-то вроде внутреннего двора, напоминавшего почему-то кладбище. Одинокое дерево, склонившееся под углом сорок пять градусов, нависало над домом. Масса листвы и сучьев накрыла один из скатов крыши и террасу, будто огромная зеленая рука. Весь изогнутый ствол дерева покрывали странные серые наросты, так что Чайлду вначале показалось, что оно бутафорское. Словно кто-то построил декорацию для съемки фильма ужасов.

На двери и стенах возле нее красовались многочисленные надписи: одни — шуточные, другие — поучительные. На стены были прибиты маски Дракулы, Оборотня, монстра Франкенштейна. Висели здесь и таблички: «НЕ КУРИТЬ» — нескольких размеров и форм, а еще одна запрещала приносить в дом алкогольные напитки

Еремей нажал кнопку звонка, служащую носом нарисованной вокруг нее физиономии монстра. Изнутри раздался звук колокола, затем несколько органичных аккордов из «Печального воскресенья»

И ничего больше.

Еремей немного подождал и опять позвонил. Вновь раздался колокольный бой и органная музыка, но дверь не открылась.

Ударив в дверь кулаком, Еремей крикнул, напрягая голос:

— Открывай, Вулли! Я знаю, что ты дома! Все в порядке! Это я, Гамлет Еремей, твой верный поклонник!

Маленькое смотровое окошко в двери скользнуло в сторону, из него брызнул свет. Свет пропал, затем опять вспыхнул и пропал окончательно, когда окошко захлопнулось. С громким скрипом ржавых петель дверь открылась. Через несколько секунд Чайлд понял, что все эти странные звуки — и перезвон колоколов, и органичные аккорды, и скрип петель — магнитофонная запись.

— Добро пожаловать, — произнес чей-то мягкий баритон.

Еремей хлопнул Чайлда по плечу, давая ему понять, чтобы он шел первым. Они вошли внутрь.

Хозяин немедленно захлопнул за ними дверь, задвинул три больших засова и вернул на место две дверные цепочки.

В комнате царил такой беспорядок, что Чайлд сначала вообще не мог ничего разобрать, а потому сосредоточил все свое внимание на человеке, которого Еремей представил как Вульстона Хипиша, или просто Вулли.

Вулли был высоким, тучным, с небольшим животиком и двойным подбородком. От носа к подбородку спускались моржовые усы, а на мясистом носу сидели квадратные без оправы очки. Копна прямых рыжих волос даже и не думала редеть. Глаза за очками были бледно-серыми. Он сутулился, как человек, прошедший большую часть жизни за письменным столом.

Стены и — вот откуда впечатление того, что они забиты — окна комнаты сплошь покрывали книжные полки, картины, фотоснимки, афиши, маски, пластиковые статуэтки, письма в рамках и фотопортреты актеров. На

свободном пространстве приоткрылись диван, несколько стульев и рояль. Вторая комната была такой же, за исключением того, что в ней вообще не было мебели.

Если кому-то приспичило узнать все, что возможно, о вампирах, то лучшего места для этого не найти. Чайлд понял, что попал куда следует.

Дом был битком набит вещами и книгами, имеющими хоть какое-то отношение к фольклору, легендам, сверхъестественному, ликантропии*, демонологии, колдовству и фильмам, посвященным этим же предметам.

Вулли протянул Чайлду большую, влажную, но неожиданно сильную руку.

— Добро пожаловать в дом ужасов, — пророкотал он. Еремейя объяснил, зачем они здесь.

Вулли кивнул: он слышал о Колбене по радио. Диктор сообщил, что Колбен был страшно искалечен, но никакие подробности не упоминались.

Чайлд в который раз пересказал историю со всеми подробностями. Хипиш слушал, кивая головой; при этом он еще прищелкивал языком, его серые глаза горели, а в углах рта появились морщинки.

— Какой ужас! Отвратительно! Боже, и эти чудовища еще ходят среди нас! Как такое только возможно?!

Мягкий голос журчал, понемногу затихая. Казалось, он рассыпается на части, которые, как мыши, разбегаются по углам комнаты. Хипиш потирал бледные, мягкие, потные руки, несколько раз складывал ладони как для молитвы, но при этом почему-то казалось, что его пальцы смыкаются на чей-то невидимой шее.

— Если я могу что-нибудь сделать, чтобы помочь поймать этих чудовищ... Если в моем доме есть что-нибудь для вас полезное — я целиком и полностью к вашим услугам, — говорил Хипиш. — Хотя мне трудно себе представить, что вы найдете ключ к своей загадке, лишь поверхностно ознакомившись с моей коллекцией. А впрочем... — он развел руками, — я вам покажу свой дом. Я всегда сначала провожу небольшую экскурсию для моих новых гостей.

* Ликантропия — психическое заболевание, выражающееся в вере больного в то, что он превращается в волка. В переносном смысле — действительная способность человека превращаться в волка. (Здесь и далее примеч. ред.)

Гамлет может присоединиться к нам или пусть рассматривает, что ему понравится. Итак, приступим... Это — постер к фильму «Кровососы», снятому в 1928 году с участием Альфреда Дамела и Эльзы Бенрич. У нас этот фильм мало известен, потому и постеры не получили широкого распространения. К счастью, у меня немало друзей по всему миру, есть и в Германии тоже, откуда мне прислали копию плаката. Возможно, теперь это единственный сохранившийся экземпляр. Я наводил справки, где мог, но мне не удалось обнаружить дубликата. Мои друзья также безрезультатно искали для меня другой экземпляр.

Чайлд подавил желание сказать, что он хотел бы посмотреть газетные подшивки, что у него мало времени. Но он помнил совет Еремейи, который старательно проинструктировал его, как ему держаться, чтобы получить максимум содействия.

Дом Хипиша был напичкан всякой всячиной, имеющей отношение к миру ужаса, но изготовленной для получения денег. Все комнаты были ярко освещены многочисленными лампами с разноцветными абажурами: ярко-желтыми, кроваво-красными, гнилостно-пурпурными, болезненно-оранжевыми. И все же по углам комнат будто бы скапливались тени. Тени были и там, где их уж и вовсе не могло бы быть. Работал кондиционер. Ледяной воздух медленно струился по комнате, будто предвещая наступление нового ледникового периода. Немалый плюс в пользу ледниковых времен, подумал про себя детектив. Воздух был хорошо очищен, так что жжение в глазах и горле затихало. Чайлд не мог сказать, от чего по его коже пробегают мурашки, от холодного воздуха или глядящих на него со стен и полок перекошенных монстров, кукол-оборотней, египетских статуэток — шакалоголового бога Анубиса, кошачьегоголового бога Сета.

Вторая комната была меньшей по размеру, но зато и беспорядка в ней было больше. Вулли указал на груды книг и журналов.

— Я получил посылку от одного коллекционера из Утики, штат Нью-Йорк. Недавно он умер, — его голос стал как масляный. — Какая жалость! Прекрасный был человек. Настоящий любитель ужасов. Мы переписывались многие годы, хотя никогда не встречались. Его вдова прислала

мне все это, написав, чтобы я сам, по совести, оценил наследство и выслал ей деньги. Здесь полная подшивка «Сверхъестественных историй», начиная с 1923-го и кончая 1954-м, первое издание книги Чамбера «Король в желтом», первое издание «Дракулы» с автографом Брэма Стокера, здесь еще много чего!

Он потер рукой об руку и улыбнулся.

— Но самое ценное, истинный трофей, — письмо, написанное доктором Полидори — он был личным врачом и другом Байрона. Это ведь он автор первой в английской литературе повести о вампирах — «Вампиры». Доктор Полидори! Его письмо к леди Мильбан содержит рассказ о том, как он пришел к замыслу этой повести. Это уникально! Я давно хотел заполучить это письмо, с тех пор когда в 1941 году узнал о его существовании. Оно займет достойное место на стене главной комнаты, как только я достану подходящую рамку!

Чайлд воздержался от вопроса, где он найдет на стене свободное место.

Хипиш провел его в свой кабинет — большую комнату, стиснутую со всех сторон книжными полками и старинным массивным письменным столом, заваленным книгами, журналами, письмами, картами, фотоснимками, плакатами, статуэтками и игрушками. Сверху всю эту гору придавливал топор палача, выглядевший совсем как настоящий, вплоть до запекшейся на нем крови. Затем Хипиш провел Чайлда на кухню. Там помещались кухонная плита, раковина и холодильник и, как и везде, множество книг, журналов, а также старые подшивки. На полу, на плите и по бортикам раковины валялись трупы насекомых.

— На следующей неделе я избавлюсь от плиты, — пояснил хозяин дома. — Я все равно не ем дома, а если устраиваю вечеринку, всегда можно заказать еду в ресторане.

Чайлд поднял брови, но ничего не ответил. Еремейя уже рассказал ему, что холодильник почти полностью забит микрофильмами и они все прибывают. Скоро там не останется места даже для пакета молока.

— Я подумываю о том, чтобы сделать к дому пристройку, — продолжал тем временем Хипиш. — Как вы видите, у меня становится тесновато, и не могу даже

представить себе, что здесь будет через пять лет, а может, и через год.

Вульстон Хипиш был женат пятнадцать лет. Его жена хотела иметь детей, но он сказал — нет. Детей невозможно удержать подальше от книг, журналов, картин, рисунков, масок и костюмов, его собственных игрушек и статуэток. У маленьких детей столько разрушительной энергии!

Через несколько лет его жена оставила мысли обзавестись детьми. Может быть, ей можно завести кошку или собаку? Хипиш сказал, что он очень сожалеет, но кошки царапаются, а щенок грызет все подряд и мочится где попало.

Коллекция разрасталась, пространство уменьшалось. Из комнат была вынесена мебель, чтобы освободить место для новых экспонатов. Настал день, когда не оказалось места для миссис Хипиш. «Невеста Франкенштейна» выпихнула ее из дома.

Лучше, чем кто-либо, миссис Хипиш сознавала, что бессмысленно просить даже о приостановке сбора новых экспонатов, а о том, чтобы уменьшить коллекцию, нельзя было даже и подумать.

Итак, она выехала из особняка, а развод стал неминуем, и в графе «супруга» мистера Хипиша оказалась написана «Тварь из Черной Лагуны».

По отношению к Вулли она поступила справедливо, прокомментировал это Еремейя, поскольку и после развода они остались очень дружны. Возможно, это было актом мести бывшей миссис Хипиш, поскольку теперь они так же часто появлялись вместе на людях, как и раньше, а расходы на рестораны нес теперь сам Хипиш в одиночку.

Теперь места в доме не оставалось и для Вулли. Однажды вечером он вернется с заседания общества почитателей графа Дракулы, откроет дверь, и тонны макулатуры обрушатся на него. Спасателям придется прорыть туннель, чтобы обнаружить его сплющенное тело между страниц «Замка Отранто».

Чайлд проследовал черным ходом, заваленным книгами, как и другие комнаты, к двери, ведущей в гараж. Здесь глаза жгли кислотные испарения. Детектив замигал. Потом он закашлялся. Хипиша тоже душил кашель.

— Мне бы очень хотелось провести вас и по гаражу, — неуверенно начал хозяин, — но.

Чайлд на минуту остановился. Грузная фигура Вулли была размыта зеленым туманом, он стал похож на монстра, бредущего в болотных испарениях из третьесортного фильма ужасов. Детектив уже понадеялся, что будет изабавлен от дальнейшего осмотра, но тут раздался скрип открываемой двери, а затем со все тем же душераздирающим скрипом дверь в гараж закрылась — уже за ними. Сперва Чайлду показалось, что эта дверь, как и входная, соединена с магнитофоном, потом он понял, что петли здесь просто не смазаны и давным-давно проржавели. Хипиш включил свет. Та же картина, за исключением того, что на книгах, масках и картинах лежала пыль.

— Здесь я храню вторые экземпляры, второсортные вещи и новые экспонаты, для которых пока не нашлось в доме места.

От удушья у Чайлда возникло чувство, будто у него вот-вот начнется эякуляция. Ему хотелось поскорее выбраться из горячего, спертого воздуха обратно в дом. Хотелось надеяться, что нужные ему материалы хранятся не здесь.

Чайлд обратил внимание на книжную полку, уставленную книгами Нимминга Роддера.

— А вы обратили внимание, что это единственный из живых авторов, портрет которого висит у меня в доме? — внезапно обратился к нему Хипиш. — Ним — мой любимчик. Уверен, что он величайший писатель всех времен как в жанре ужасов, так и готических романов. Он талантливей Льюиса, автора «Монаха», и даже самого Брэма Стокера. К тому же он мой старый друг. Я держу дубликаты его книг специально для него, он часто обращается ко мне за помощью, когда готовит к публикации очередную антологию своих произведений. Вы же сами знаете, у него много антологий. Он, наверное, самый переиздаваемый автор на Земле

Чайлд с трудом удержался от улыбки

Над книжной полкой на стене висел большой фото-портрет Роддера. Черными чернилами внизу портрета было написано «Моему первому почитателю и большому другу, мистеру Ужасу во плоти, с большой любовью от Нимма»

С портрета на детектива глядело тонкое, бледное лицо с запавшими щеками и острым носом. Большие очки в оправе делали его похожим на лемура. А первоначально слово «лемур» означало «призрак». Чайлд улыбнулся, вспомнив большой толковый словарь, которым он частенько пользовался в колледже. «Лемур» — от латинского *lemures*, ночной дух, призрак. Слово, родственное греческому «ламия» — прожорливый монстр; далее приводились слова еще из нескольких языков, но основополагающее значение оставалось везде прежним — «разверстые челюсти».

ГЛАВА 7

Чайлд широко улыбался, глядя на фотографию Роддера.

— Что здесь веселого? — спросил Хипиш.

— Да нет, ничего.

— Вам не нравится Роддер?

Голос Вулли был спокойным, но Чайлд уловил в нем скрытую угрозу.

— Мне нравится телевизионный сериал по сценарию Роддера «Земля теней», и мне особенно нравится главная сюжетная линия сериала. Когда маленький человек смело противостоит коррупции, авторитаризму, конформизму, даже властям, — я люблю такие фильмы. Каждый раз, когда я читаю в газетах заметки о Роддере, его всегда характеризуют как человека честного, цельного, истинного неконформиста.

Чайлд было остановился, но неожиданно для самого себя продолжил:

— Однако я знаю одного парня..

К чему говорить Хипишу, что этим парнем был Еремейя?

— Этот парень был на вечеринке, где собрались в основном люди от фантастики. Он стоял неподалеку от группы писателей-фантастов. Среди них был сам Брейлей Бредбургер. Вы ведь слышали о нем?

Хипиш кивнул.

— Мой любимый писатель — после Роддера, Люиса и Блоха.

— Так вот, — продолжал Чайлд, — мой приятель слышал, как один из писателей, я забыл его имя, жаловался, что Роддер украл у него журнальную публикацию — какой-то рассказ. Просто его перепечатал, изменив название и несколько деталей, и запихнул под Бог знает какой иностранной — греческой, что ли — фамилией в одну из своих антологий. Бредбургер на это сказал, что это еще, мол, мелочи, что Роддер, мол, украл у него три рассказа, приписав авторство себе. Бредбургер дважды припирает Роддера к стенке, доказывая свое авторство. Роддер признал его правоту и выплатил гонорар. Оправдывался он тем, что, поскольку на три четверти антология составлена из рассказов Роддера, при подписании верстки случайно, к своему огорчению, он подписался под рассказами и Бредбургера. Бредбургер добавил, что за третий рассказ он денег так и не получил и что то ли ему придется снова гоняться за Роддером, то ли подавать на него в суд за плагиат.

А третий из стоящих тут же писателей посоветовал первому встать в конец длинной очереди, если он собирается судиться с Роддером.

Вот такой кристально честный человек получается наш Нимминг Роддер.

Чайлд замолчал, удивляясь самому себе: зачем он все это вывалил. Ему вовсе не хотелось ссориться с Вулли, ведь он собирается просить его об одолжении, если тот согласится ему помочь. С другой стороны, он сам вот-вот готов был взорваться. Слишком часто ему приходилось встречать пользующихся незаслуженной славой проходимцев. Впрочем, и без этого дома, его странного хозяина и проходимца Роддера у него было немало причин для раздражения: смог, смерть Колбена, ссора с Сибил — все это основательно потрепало ему нервы.

Вулли отводил глаза, словно боялся, что они вспыхнут вдруг нечеловеческим светом. Шея у него дергалась, кончики усов отвисли под тяжестью невидимых гирь, привязанных к их концам. Ноздри трепетали — совсем как кузнечные мехи. Его бледное лицо покраснело, руки сжались в кулаки. Чайлд ждал, а молчание все затягивалось. Если Хипиш разозлится, то Чайлд не получит доступа к документам.

— Ну! — с нажимом произнес Хипиш.

Он вздернул голову и кисло, но при этом как-то хищно улыбнулся. Его пальцы судорожно сжались, будто он хватал невидимого врага за горло.

— Ну! — В ровном голосе Чайлду, кроме угрозы, слышалось что-то вроде горького стога.

— Ну! — ответил ему тем же Чайлд, сделал шаг вперед и, не дожидаясь ответа Хипиша, продолжал: — Мне бы хотелось посмотреть подшивки газет, если это возможно.

— Да? Ах да, конечно. Они наверху, я провожу вас.

Они вернулись в дом. Прежде чем покинуть гараж, Хипиш сунул портрет Роддера под мышку и забрал его с собой в дом. Чайлд было удивился: что делает в гараже портрет любимого писателя хозяина, но, еще раз осмотревшись в комнатах, заметил, что в доме нет недостатка в изображениях Роддера. Фотографий его тут было множество, были и карандашные и масляные портреты, как и вставленные в рамки вырезки из журналов и газет с портретами Роддера. Детектив понял, что у Хипиша этих портретов было в избытке, поэтому он и хранил один в гараже. Но теперь, чтобы на такой странный болезненный манер осадить гостя, поставить его на место, выказав ему свое презрение, Вулли демонстративно нес эту огромную фотографию в дом.

Следуя по пятам за Хипишем, Чайлд про себя усмехнулся. Они снова миновали кухню, холл и повернули направо к узкой лестнице, ведущей на второй этаж. Стены вдоль этой лестницы были усеяны небрежно развешенными портретами монстра Франкенштейна и Дракулы; к немалому своему удивлению, Чайлд среди них обнаружил оригиналы полотен Ханнеса Бока и Вирджила Финнлея. Были здесь и другие монстры — иллюстрации к неизвестным Чайлду романам. Все они скособочились под разнообразными углами — будто могильные камни на давно заброшенном кладбище. Они прошли маленький холл и попали в комнату, стены которой были украшены фотографиями, плакатами, увеличенными кинокадрами в причудливых деревянных рамках. Тут же на поставках разместились макеты старинных замков, на столиках лежали альбомы фотографий и газетные вырезки, вставленные в планшетные рамки: их можно было листать, как страницы книги.

В любое другое время Чайлд с удовольствием держался бы возле какого-нибудь поставца или столика, чтобы поближе рассмотреть их содержимое. Повздыхав над предметами, вызывающими в нем особую ностальгию, Хипиш махнул рукой, когда Чайлд напомнил ему о газетных вырезках. Он нырнул в огромный чулан, вдоль стен которого стояли книжные полки, заставленные пыльными альбомами; некоторые из них местами были покрыты плесенью.

Надо что-то с этим делать, пока еще не поздно. Некоторые материалы здесь уникальны, есть очень ценные и просто бесценные.

Он все еще держал под мышкой портрет Роддера. Теперь пришел черед вздыхать Чайлду, когда детектив увидел груды бумаг, которые ему предстояло просмотреть. Он уселся на стул, положил ногу на ногу и начал перелистывать хрупкие, пожелтевшие от времени альбомные страницы с наклеенными на них газетными вырезками. Хипиш немного подождал, глядя на Чайлда, затем извинился, сославшись на срочное дело.

— Если что-нибудь понадобится, только покричите — приду.

Чайлд поднял взгляд и, грустно улыбнувшись, сказал, что не хочет надоедать больше необходимого. Хипиш ушел, но оставил за собой печальную, оскорбленную в лучших чувствах эктоплазму с примесью легкого презрения.

Альбомы с вырезками шли под тематическими названиями: «Вампиры в кино»; «Оборотни в Америке, 1865—1900»; «Пенсильванские ведьмы, 1880—1965»; «Вампиры и привидения в фольклоре Южной Калифорнии, 1910—1967» и тому подобное. Груда бумаги вызвала тоску тем большую, что Чайлд не знал в точности, что именно он ищет.

Чайлд просмотрел тридцать два альбома, прежде чем обнаружил то, зачем сюда пришел. Просто почему-то у него вдруг учащенно забилось сердце — он наткнулся на пожелтевшую газетную статью.

Заметка из «Лос-Анджелес таймс» от 1 мая 1958 г была посвящена домам в пригородах Лос-Анджелеса, пользующихся дурной славой «домов с привидениями». Несколько обширных абзацев в этой статье отводились

дому, расположенному в Беверли-Хиллз, в котором обитало не только привидение, но и вампир.

Имелась и сделанная с воздуха фотография Тролинг-Хаус. Как утверждала статья, этот особняк с земли не просматривается. Сам дом находится на невысоком холме в центре огороженного стеной большого поместья. Немалая, даже по меркам Южной Калифорнии, территория усадьбы настолько заросла лесом, что из-за высоченной стены сам дом не был виден. Штатному фотографу газеты не удалось сделать ни одного снимка этого дома в 1948 году, когда владелец Тролинг-Хауса неожиданно привлек к себе внимание прессы. Не удалось договориться о съемках дома и в 1958-м, когда была опубликована сама статья, посвященная событиям десятилетней давности. Иллюстрацией к статье служил карандашный портрет «вампира» — барона Игеску, — нарисованный по памяти художником, видевшим однажды барона на благотворительном балу. Оказывается, барона видели лишь немногие, хотя он временами посещал благотворительные вечера, а однажды присутствовал даже на митинге протеста против повышения налогов налогоплательщиков Беверли-Хиллз.

Поместье получило свое название «Тролинг-Хаус» в честь дяди нынешнего владельца. Дядя, также Игеску, эмигрировав из Румынии в Англию в 1887 году, пробыл там год и в 1889-м отправился в Америку. Став гражданином Соединенных Штатов, Игеску сменил свое румынское имя на менее приметное — Тролинг. Зачем он это сделал, никто не знал.

Со всех сторон поместье окружала высокая кирпичная стена, по верху которой между острыми стальными рогатками была натянута колючая проволока. В 1900 году поместье подверглось перестройке — естественно, в поздневикторианском стиле. До этого на месте его стояла старинная усадьба, построенная, разумеется в испанском духе, эксцентричным (а по мнению некоторых, просто сумасшедшим) доном Педро дель Осоройо в сельской глуши, спустя столетие превратившейся в центр Беверли-Хиллз. Сведений о дель Осоройо было немного: жил он затворником, а откуда происходило его состояние, было уж и вовсе неизвестно. Его жена приехала из Испании (это было в те времена, когда Калифорния еще была испанской колонией)

Если верить слухам, то она происходила из старинного кастильского рода.

Нынешний владелец, Игеску, оказался в центре внимания в 1938 году, когда попал в автокатастрофу. Не проявлявший признаков жизни, пострадавший был доставлен в госпиталь. Слушание дела о его смерти было назначено на следующий день. Вечером, когда патологоанатом попытался произвести вскрытие, Игеску при первом же прикосновении скальпеля неожиданно сел на препарационном столе. Эта история получила широкую огласку, поскольку один из газетчиков в шутку предположил, что Игеску — вампир. Свое предположение журналист основывал на следующих фактах: (1) никто и никогда не видел Игеску днем; (2) он был родом из Трансильвании; (3) барон происходил из старинного аристократического рода, веками жившего в замке (теперь заброшенном) на вершине крутого холма; (4) он отправил гроб с телом своего дядюшки на родину, чтобы того похоронили в фамильном склепе, но в дороге гроб бесследно исчез; (5) он жил в старинном особняке, известном тем, что там обитал призрак Долорес дель Осоройо.

Долорес была дочерью дона Педро. Она умерла или покончила с собой от тоски. Ее возлюбленным был один норвежский капитан, который познакомился с Долорес на балу у губернатора — это был один из тех редких случаев, когда дочь дона Педро появлялась в городе. Потеряв голову от любви, капитан забросил свои дела и корабль, часть его матросов разбежалась, часть за пьянство оказалась в местной тюрьме.

Капитан Ларс Ульф Ларсон посватался к Долорес, но старый дон сурово отказал ему от дома. Однако капитану удалось проникнуть в дом старика, и, согласно легенде, ухаживания его были столь успешны, что он уговорил девушку бежать с ним на следующей неделе. Однако ночью, назначенной для побега, капитан пропал. Поговаривали, что дон Педро, убив соблазнителя дочери, закопал его тело где-то в поместье. Другие утверждали, что тело капитана было выброшено в море.

Долорес умерла через несколько недель после исчезновения капитана. Ее отец после похорон отправился на охоту, с которой так и не вернулся. Посланные на его поиски экспедиции вернулись ни с чем. Говорили, что его забрал Дьявол.

Последующие владельцы дома утверждали, что видели иногда Долорес в доме и на лужайке перед ним. Призрак черноволосой бледной девушки с ярко-красными губами был неизменно облачен в строгое черное платье по моде 1800-х годов. Ее видели нечасто, но каждое ее появление вызывало столь сильный ужас, что заставляло съезжать многочисленных владельцев и арендаторов. К тому времени когда поместье купил дядюшка Игеску, старая усадьба пришла в полное запустение, от первоначального дома сохранились только две комнаты. Вместо того чтобы снести строение, новый владелец включил сохранившиеся комнаты в состав нового дома.

Несмотря на интерес, возникший к последнему владельцу поместья, результаты газетного расследования оказались на удивление бесцветными. Нынешний Игеску унаследовал от своего дядюшки сеть бакалейных магазинчиков и небольшое экспортное предприятие. Ему — или его управляющим — удалось расширить дело, превратив магазины в сеть современных супермаркетов.

Однако Чайлда заинтересовал призрак. Неизвестно, видел ли кто-либо его в последнее время, поскольку Игеску ни разу о нем не упоминал. Последнее явление Долорес датировалось 1878 годом, когда очередные владельцы по фамилии Редес были вынуждены покинуть дом.

На опубликованном в газете карандашном наброске у Игеску было удлинненное худое лицо с высоким лбом и выступающими скулами. С рисунка на детектива сумрачно глянули большие глаза под тонкими изогнутыми бровями. Барон носил пышные, спускающиеся вниз, славянского типа усы.

Вернулся Хипиш, и Чайлд, повернув рисунок так, чтобы хозяин мог его видеть, спросил:

— Этот человек едва ли похож на вампира, правда? Он скорее похож на продавца из супермаркета.

Хипиш вытянул шею и прищурился:

— Конечно же, он не похож на Белу Лугози, но у Дракулы из романа Брэма Стокера были как раз такие усы, — он усмехнулся — Я несколько раз пытался познакомиться с Игеску, но мне не удалось прорваться через его секретаршу. Очень вежливо и твердо она мне отказала, не соглашалась даже передать ему мою просьбу, поскольку барон-де не хочет, чтобы его беспокоили по

пустякам. — Если судить по тону Хипиша, мелочным ему представлялось поведение самого барона.

— У вас есть его телефон?

— Да, но мне стоило немалого труда заполучить его, номер не зарегистрирован в телефонной книге.

— Ну, вы же ничем не обязаны барону и не давали обещания молчать о нем. Если мне удастся найти что-нибудь, что вас заинтересует, я сообщу вам об этом. Как вам мое предложение? Как-никак я у вас в долгу. Может, мне удастся выкопать что-нибудь для вашей коллекции.

— Хорошо, сейчас поищу, — несколько оттаяв, пообещал Хипиш, — но скорее всего он давно сменился.

Он провел Чайлда вниз, и, пока Чайлд ждал под полкой с масками монстра Франкенштейна, Обнаженного Мозга и других чудовищ из (заслуженно) забытых кинокартин, Хипиш канул в тусклом коридоре, затянутом крепившейся к полу и потолку пластиковой паутиной. Затем он вынырнул из тени с черной записной книжкой в руке. Переписав адрес и телефон в собственную черную записную книжку, Чайлд попросил разрешения позвонить. Он набрал номер и, как того и ожидал, услышал короткие гудки. Он попробовал дозвониться в полицейское управление, но и эта линия была занята. Попробовал набрать собственный номер, раздались гудки, затем шипение. Наконец из чистого упрямства он снова набрал номер Игеску. На этот раз судьба решила его вознаградить или произошло невероятное совпадение, — из тех, что кажутся невероятными в книгах, но нередко случаются в реальной жизни, — номер ответил.

— Алло? — раздраженно произнес женский голос. — Так линия больше не занята! Что случилось?

— Могу я говорить с бароном Игеску? — вежливо спросил Чайлд.

— Кто это?

— Это дом барона Игеску?

— Нет! Кто это говорит?

— Геральд Уилстон, — ответил Чайлд, назвав заранее подготовленное имя. — Могу я узнать, с кем я разговариваю?

— Немедленно повесьте трубку, а не то я вызову полицию! — выкрикнула женщина и сама бросила трубку

— Сомневаюсь, что это была секретарь Игеску, — сказал Чайлд в ответ на невысказанный вопрос Хипиша.

Без особой надежды на успех он набрал телефон справочной. К его удивлению, сразу же раздался голос знакомой телефонистки.

— Что стряслось, Линда? Связь наладили?

— Понятия не имею, что происходит. Скорее уж это похоже на мертвое пятно внутри тайфуна. Одно могу сказать — это ненадолго, так что поторопись.

Чайлд быстро протараторил, что ему нужно, и через несколько секунд уже имел не зарегистрированный в телефонной книге новый номер барона.

— Сегодня, еще до вечера, закину тебе в почтовый ящик обычное. Благодарю тебя, Линда, о прекраснейшая из прекрасных!

— Если смог не прекратится, я не смогу сегодня добраться домой, чтобы его получить. К тому же у почтальонов работы невпроворот, так что можешь не спешить с этим.

Детектив повесил трубку. Хипиш, который из вежливости удалился из комнаты, но не настолько далеко, чтобы не слышать разговора, вопросительно поднял брови.

Чайлд не считал нужным оправдываться, однако, поскольку он воспользовался телефоном Вулли, пояснил:

— Силам добра иногда приходится прибегать к не совсем законным методам в борьбе со злом. Мне удалось узнать новый номер барона. За такие услуги обычно я плачу десятку, но в данном случае, с учетом инфляции, это обойдется мне в двадцать долларов. Впрочем, возможно, на этот раз я трачу деньги впустую.

Хипиш только фыркнул. Чайлд направился к выходу, у него не было больше сил оставаться в этом мрачном месте, полном застывших в угрожающих позах монстров и их парализованных от ужаса жертв.

Уже когда он благодарил в дверях хозяина за помощь, Чайлду неожиданно стало стыдно. Хобби — или, правильнее было бы сказать, страсть — этого странного человека было безобидным, даже забавным и терапевтически очистительным для миллионов детей и взрослых, не переставших быть детьми. Хотя сам дом представлял собой зримое воплощение архетипического ужаса в изощренном голливудском исполнении, эффект от всего этого оказы-

вался обратным. Там, где ужасов скапливается слишком много, они становятся смешны.

К тому же этот человек сделал все, что было в его силах, чтобы помочь Чайлду.

Он тепло поблагодарил Хипиша и пожал ему руку. Очевидно, Хипиш почувствовал перемену в своем госте, потому что, широко улыбнувшись, горячо пригласил Чайлда заходить к нему еще — в любое время.

Дверь за ними захлопнулась, но, вопреки ожиданиям, Чайлда и Еремейю не окутало облако удушающего смога. Небо было голубым, светило солнце и дул приятный ветерок. Схватившись за руки, приятели выкинули пару коленец развеселой джиги, после чего оба весело расхохотались.

Только теперь Чайлд осознал, до какой же глубокой депрессии довели его смог и события последних дней. Теперь глаза его не слезились, он дышал чистым воздухом. Прогулка обратно домой была, пожалуй, самой приятной прогулкой в его жизни, хотя самой лучшей оставалась все же их первая прогулка с Сибил, когда он еще ухаживал за ней. Во двориках и на улицах было на удивление много людей, все высыпало насладиться чистым воздухом и солнцем. Оказалось, из города бежало гораздо меньше жителей, чем считала пресса, власти да и сам Чайлд.

Автомашины появлялись на улицах редко. На зонтике, загораживая горы, как гигантские башни, колыхались, меняя очертания, серо-зеленые облака.

Пасадена, Глендал и другие городки дальше от моря еще оставались во власти смога.

Он простился с Еремейей, который двинулся по направлению к госпиталю Горы Синай.

Ветерок утих, воздух опять стал неподвижным, как дохлая медуза. На западе разгоралось алое зарево, а на город опустилась зловещая тишина.

Ощущение счастья не оставило Чайлда, даже когда он входил в свой дом. Телефонная линия вновь оказалась занятой, но потом ему удалось дозвониться по новому номеру барона. На другом конце провода трубку не брали, судя по его наручным часам, минут пять. Наконец слышался приятный низкий женский голос:

— Магда Холиани, секретарь мистера Игеску, слушает. — Она особо подчеркнула слово «мистер». — Нет,

мистер Игеску не сможет поговорить с вами. Мистер Игеску ни с кем не встречается без предварительной договоренности. Нет, мистер Игеску не согласится на интервью, мистер Геральд Уилстон, не имеет значения, что вы приехали издалека. Мистер Игеску не дает интервью. Если мистера Уилстона интересует эта глупая история о вампирах и призраках из «Таймс», то лучше ее забыть. Каким образом мистер Уилстон узнал этот номер, ведь он не зарегистрирован?

На последний вопрос Чайлд не ответил. Он попросил передать его просьбу о встрече барону.

Секретарь пообещала, что передаст его просьбу при первой же возможности и сообщит о решении. Чайлд оставил свой номер телефона — сказав, что остановился у друзей, — и попросил позвонить ему, если Игеску согласится на встречу.

Чайлд подъехал к супермаркету как раз к открытию. Судя по всему, управляющий оставался на территории магазина, а пара продавщиц и парень из винного отдела просто жили неподалеку. Автомобильная стоянка заполнялась машинами, многие пришли пешком. Чайлд порадовался своей предусмотрительности, поскольку полки в супермаркете начинали уже пустеть. Нагрузив тележку консервными банками, детектив прибавил к ним пару пачек порошкового молока, потом, подумав, вернулся за пятигаллоновой бутылкой дистиллированной воды.

На обратном пути его обогнали две машины «скорой помощи». Да, сотрудникам госпиталя не придется жаловаться на безделье.

Выезжая со стоянки, Чайлд подумал, что было бы неплохо обследовать усадьбу Игеску.

Хотя у него не имелось никаких улик, указывающих на причастность барона к исчезновению Колбена, Чайлду все равно пока нечем было заняться. Остаток дня он мог провести по своему усмотрению. Завтра, когда город начнет возвращаться к обычной жизни, он займется солидной оплачиваемой работой, буде такая появится. А такая не может не появиться. Слишком много людей пропало в клубах смога.

Езда по пустынным улицам доставляла удовольствие. Чайлд насчитал всего с десятков машин на улицах, две из них были полицейскими. Их красные световые маяки мигали, но сирены не были включены. Чайлд поехал по бульвару Санта-Моника, повернул направо на Рекфорд-Драйв. Он оказался в районе богатых особняков. Когда он миновал каньон Колдуотер, показались холмы, обозначенные на карте как горы Санта-Моника. Он повернул налево к Мариконадо Лайн, проехал с полторы мили по узкой извилистой дороге, покрытой щебенкой, повернул направо на Даймон-Драйв, проехал еще с милей мимо высоких стен, окружающих поместья, и оказался на месте.

Ярдов через триста дорога, сворачивавшая в глубь соседнего с Игеску поместья, заканчивалась тупиком. Эта усадьба не была огорожена, лишь далеко не новая вывеска гласила: «Частное владение. Нарушители преследуются по закону». Похоже, владельцы не считали необходимым силой защищать свое уединение.

Чайлд с трудом развернул машину по направлению к шоссе. Если ему придется выбираться отсюда в спешке, не будет необходимости терять время на развороты. Заперев дверцы машины, он вторую пару ключей закинул под ближайший куст (он всегда старался подготовиться к любым неожиданностям) и пошел по направлению к воротам.

Стена поместья Игеску была футов десять высотой, по верху шли железные заостренные пики, а между ними была натянута колючая проволока. Чугунные ворота открывались дистанционно при помощи электромотора. И ни малейшего следа замочной скважины. Выкрашенные черной краской ворота были склепаны из толстых прутьев, которые разделяли ворота на восемь квадратов. В каждый квадрат был вставлен стальной лист с вычеканенным на нем изображением грифона с крыльями летучей мыши. Это напоминало о третьесортных фильмах ужасов, что было, конечно же, не более чем совпадением. Крылья летучей мыши, вероятно, имели какое-то геральдическое значение.

Металлическая коробочка, больше похожая на почтовый ящик, на шестифутовом столбе справа от ворот могла

быть переговорным устройством. За воротами начиналась асфальтированная дорога, которая, сделав несколько петель, исчезала в густом лесу. Единственным живым существом поблизости оказалась вялая черная белка.

Чайлд вошел в лес, начинавшийся в конце дороги и шедший вдоль стены поместья. Идти было трудно. Кусты и колючки, казалось, пытались заставить его вернуться. Он протискивался, перескакивал, цеплялся и старался отцепиться — на все это уходило немало сил. Стена повернула направо и стала подниматься по склону холма. Задышавшись, Чайлд на четвереньках вскарабкался наверх. Чайлд все никак не мог понять: то ли он потерял форму, то ли смог лишить его тело способности поглощать кислород. Передохнув немного, он с трудом взобрался на большой дуб и осмотрелся с вершины. По обе стороны стены были видны только деревья, и ни одно из них не протягивало ветвей над стеной, что дало бы возможность через нее перебраться.

Он медленно спустился. Пот тек по лицу, он разорвал штаны в двух местах, ссадина на левой руке кровоточила, ладони болели, руки были перепачканы грязью, ботинки были исцарапаны. Солнце клонилось к закату. Оно уже достигло гребня западных холмов. Пора было возвращаться: видимо, придется отложить обследование стены на другой день, если это получится. Пробираться в темноте, на ощупь по лесу было более чем неприятной перспективой.

Детектив заторопился к машине, зацепился по дороге за куст, потеряв на этот раз пуговицу с рубашки. Он успел как раз вовремя — наступили сумерки. Кругом стояла мертвая тишина, как будто он вдруг оказался в огромной и темной пещере. Не слышно было ни птиц, ни цикад. Ах да, по радио же говорили, что птицы оставили город, а насекомых, наверное, прикончил смог. Не было даже шума машин и самолетов, шума, от которого некуда было деться в Лос-Анджелесе ни днем ни ночью. В воздухе будто разлилось ожидание, будто затаился где-то в темноте хозяин этой жуткой пещеры.

Проанализировав эти свои ощущения, Чайлд счел их нелепыми.

И, только сев за руль, вспомнил, что оставил на земле под кустом дубликаты ключей от машины. Он уже было

открыл дверцу, чтобы выйти забрать их, но почему-то вдруг раздумал это делать. Детектив сидел, нервно постукивал пальцами по рулю, впервые жалея, что бросил курить.

Наконец отблески заката исчезли, и тьма стала гуще. В сумеречном небе не было видно даже отсвета огней большого города. Небо было безоблачным. Из мрака стали проступать первые звезды. Наконец над деревьями поднялась полная луна. На фоне черного неба она была похожа на карту таро, предвещающую смерть.

Чайлд ждал. Выйдя из машины, он подошел к воротам и стал всматриваться туда, где, по его предположениям, должен был находиться особняк. Ни малейшего проблеска света, который говорил бы о том, что в чаще стоит большой дом с освещенными окнами, в котором сейчас должны находиться по крайней мере два человека. Детектив вернулся в машину, посидел еще минут пятнадцать и уже собирался повернуть ключ зажигания. Вдруг его рука замерла в дюйме от ключа.

Чайлд услышал нечто, заставившее его похолодеть. Он достаточно часто охотился в Монтане и на Юконе, чтобы узнать этот звук. Это был волчий вой. И шел он откуда-то из-за стен поместья Игеску.

ГЛАВА 9

Было только десять часов вечера. После пережитого он чувствовал себя разбитым, кроме того, сказывалось действие отравленного воздуха. Не было ни дуновения. Казалось, застоявшийся воздух опять приобретает серый цвет. Это была только игра воображения, поскольку на улицах почти не было машин — главной причины смога.

Он позвонил в полицейское управление и спросил сержанта Бруина. Он не надеялся его застать, но ему опять повезло. Бруину было что рассказать о происшествиях на дорогах. Сержант собирался выспаться перед завтрашним днем, не предвещавшим ничего хорошего. Уехавшие уже начали возвращаться, что грозило новыми дорожными бедствиями. Неожиданное исчезновение смога вызвало всплеск убийств и самоубийств. Он поговорит с Чайлдом завтра, если у него будет время.

— Я понимаю, что ты валишься с ног, Бруин, но, может быть, все же выслушаешь, что мне удалось раскопать по делу Колбена?

— У тебя что-то определенное?

— У меня есть предположение...

— Предположение! Ради Бога, Чайлд, я устал! Пока!

Чайлд выругался, но признал, что реакцию Бруина можно понять. Он и сам решил выспаться. Ложась спать, детектив, однако, проверил автоответчик. Был только один звонок. В 9.45, незадолго до того, как он вернулся. Звонила Магда Холиани, чтобы сообщить, что мистер Игеску передумал и готов дать интервью. Мистер Уилстон может перезвонить, если вернется, до десяти часов. Если он придет позже, то его звонка будут ждать после трех часов пополудни следующего дня.

Чайлд долго не мог заснуть, думая о том, что заставило барона изменить свое решение. Может, он видел Чайлда в лесу и теперь из какого-то извращенного остроумия сам приглашает его в усадьбу?

Детектив проснулся от звонка. На стоящем рядом с кроватью столике надрывался телефон. Выбираясь из кровати, Чайлд в спешке опрокинул аппарат, пришлось вставать и поднимать его. В трубке раздался голос серванта Бруина.

Изогнутые стрелки настенных часов добрались до готических цифр двенадцать и восемь.

— Чайлд?

— Слушаю.

— Прости, приятель, мне неловко, что я разбудил тебя в такую рань. Но меня самого подняли в шесть. Слушай, сегодня утром нашли машину Бадлера! На той же самой автостоянке, где был найден автомобиль Колбена. Как тебе это нравится? Ребята из лаборатории, кто есть сейчас под рукой, как раз обрабатывают тачку.

— Когда была найдена машина? — спросил Чайлд.

— Около шести утра, какое это имеет значение? У тебя что-то есть?

— Нет, но, если у тебя есть время, выслушай меня. — Чайлд рассказал, чем он занимался вечером. — Я хочу, чтобы ты знал, куда я ездил ночью, на случай если я...

Он замолчал, чувствуя себя полным идиотом, а смех Бруина только усилил это чувство.

— На случай, если ты не вернешься? — Бруин громко и весело смеялся. — Настоящий живой вампир из Трансильвании? Румынский барон, владеющий сетью супермаркетов? Ты уверен, Чайлд, что смог не разбей тебе мозги?

— Смейся, смейся, — с чувством собственного достоинства ответил Чайлд. — Кстати, у тебя есть какая-нибудь версия?

— Ты же знаешь, у нас не было времени!

— А как насчет волков? Ведь есть закон, запрещающий держать на участках опасных животных, а судя по их вою, они свободно бегали по лесу.

— С чего ты взял, что это были волки? Разве ты их видел?

Чайлду пришлось признать, что нет.

— Даже если у нас и существует закон, который запрещал бы держать волков, то это дело полиции Бевебли-Хиллз или полиции округа.

Сержант принялся распространяться о вопросах юрисдикции: это, мол, место находится на самом краю Бевебли-Хиллз, впрочем, это можно легко выяснить.

Чайлд не стал настаивать на уточнении. Он знал, что Бруин сейчас слишком занят, и даже будь у него поменьше работы, и то сержант, с почти полной уверенностью можно сказать, счел бы, что Чайлд идет по ложному следу. Чайлд и сам знал, что скорее всего это так и есть, но ему просто нечем было заняться.

Остаток дня он провел, приводя квартиру в порядок. За стиркой грязного белья и мытьем машины он размышлял о том, как пройдет вечер, строя различные догадки и предположения.

После всех хозяйственных дел у Чайлда еще осталось время посмотреть новости по телевизору. Воздух оставался неподвижным и стал серым, как свинец. Несмотря на это, большинство жителей решили, что все пришло в норму. Открылись магазины и конторы, на улицах вновь появилось множество машин. Тем не менее власти предостерегали уехавших от быстрого возвращения. Необычное безветрие могло затянуться надолго. Никто не мог объяснить, что происходит, ни у кого не было даже разумных предположений.

Чайлд отправился в супермаркет, который, как оказалось, работал в обычном своем режиме. Небо быстро

приобретало зеленый оттенок; вместо солнечного с него лился какой-то призрачный и мертвенно-бледный болотный свет. Безжизненное освещение в сочетании с полным отсутствием ветра и тишиной — птицы в город так и не вернулись — действовало угнетающе. Люди реже разговаривали, их голоса звучали тише. Даже автомобильные гудки звучали глуше.

Чайлд дважды набирал номер Игеску. В первый раз автоответчик сообщил, что на звонки отвечать будут только после шести. Недоумевая, Чайлд сказал, что позвонит после шести. Вторично он позвонил в шесть с минутами. Ответил низкий голос Магды Холиани.

— Да, мистер Игеску встретится с вами в восемь вечера. Ровно в восемь.

Интервью должно закончиться в девять. Мистер Уилстон должен будет подписать документ, в котором он обязуется показать мистеру Игеску для редакции все подготовленные к публикации материалы. Нет, камера или фотоаппарат нежелательны. Нет, о съемках в поместье не может быть и речи. Шофер мистера Игеску, Эрик Глэм, встретит мистера Уилстона у ворот поместья и доставит к дому. Машину мистеру Уилстону придется припарковать у ворот, по ту сторону стены.

Чайлд повесил трубку, но не успел он отойти и трех шагов от аппарата, как тот снова зазвонил. На этот раз звонил сержант Бруин.

— Чайлд, эксперты уже готовят свой отчет. Результаты обследования машины я узнал всего несколько минут назад. — Он помедлил.

— Ну и?.. — нетерпеливо спросил Чайлд.

— Машину выскребли начисто, протерли, как и в случае Колбена. За одним исключением.

Бруин снова сделал паузу, и Чайлд почувствовал, как мурашки побежали у него по спине, по шее, затем по голове. Как только он услышал голос Бруина, у него возникло ощущение *дежа ви*, ощущение того, что он слышал эти самые слова в этих самых обстоятельствах. Однако это было не столько *дежа ви*, сколько смешанное с надеждой ожидание.

— Эксперты на переднем сиденье нашли волосы. Точнее, волчью шерсть.

— Так ты изменил свое мнение относительно Игеску?

— Мы сейчас все равно не можем этим заняться. Я думаю, что тебе следует продолжать. Волчья шерсть была положена на сиденье умышленно уже после того, как все внутри тщательно протерли. Я было предположил, что там будет другой фильм, уже с Бадлером, но пока ничего нет.

— Кстати, если я не позвоню тебе в десять вечера домой, позвони барону, сегодня вечером я к нему приглашен.

— Черт, я буду еще на службе. Позвони сержанту Мастанойе, я оставляю для него записку о тебе, он будет дежурить ночью на телефоне в управлении и передаст все мне, как только меня разыщет.

— Тогда лучше перенесем мой звонок на одиннадцать. А знаешь, меня вполне могут там и повесить.

— Будем надеяться, не за яйца, — схохмил Бруин и сам же и рассмеялся.

Чайлд почувствовал, как его яички немного сжимаются. Юмор Бруина не произвел на него особого впечатления, да и воспоминания о фильме с Колбеном все еще не потеряли своей яркости.

Стоило ему отойти от телефона на пару шагов, как он зазвонил снова. Это становилось уже забавным. Звонила Магда Холиани. Секретарь барона желала сообщить, что барон весьма сожалеет, но интервью придется перенести на более позднее время, на девять.

Чайлд ответил, что для него это безразлично.

Холиани напомнила, что его ожидают ровно в девять.

Чайлд попытался перезвонить Бруину, чтобы сообщить об изменении в планах, но тот уже ушел. Так что пришлось оставить сообщение через сержанта Мастанойю.

В половине девятого, экипировавшись по возможности, детектив отправился в путь. С бульвара Беверли холмы смотрелись как призраки, слишком робкие или слишком слабые, чтобы испускать эктоплазму.

К воротам усадьбы Игеску он подъехал как раз вовремя — уже спускалась ночь. Свет фар огромного низкого автомобиля, стоявшего по ту сторону ворот, освещал дорогу, которая вела в глубь усадьбы. Фигура, стоявшая, прислонившись к воротам, повернулась. В свете фар возник

силуэт широкоплечего гиганта с тонкой талией. На голове гиганта красовалась шоферская фуражка.

— Мое имя — Уилстон, мне назначена встреча на девять.

— Хорошо, сэр, могу я посмотреть ваши документы?

Чайлд представил фальшивые права. Шофер внимательно их изучил, воспользовавшись для этого тонким, как карандаш, фонариком, потом вернул их хозяину через щель в воротах. Он отошел в сторону, скрылся за стеной. Ворота бесшумно распахнулись вовнутрь. Чайлд вошел, и ворота так же бесшумно за ним закрылись. Глэм открыл для него заднюю дверь лимузина, а когда Чайлд сел на сиденье, захлопнул ее. Сам он сел за руль. Чайлду было видно, что большие уши шофера оттопыриваются почти под прямым углом. Детектив подумал, что они, наверное, размером с крылья летучей мыши; это, конечно, было преувеличением, но уши и вправду были огромные.

Поездка проходила в полном молчании, огромный «роллс-ройс» покачивался на поворотах, но шума мотора слышно не было. Фары то и дело выхватывали ели, клены, дубы и подстриженные кусты. Дорога петляла. Проехав около двух миль, лимузин остановился перед второй кирпичной стеной. Стена была высотой около девяти футов, по верху ее также были установлены заостренные пики, а между ними была натянута колючая проволока. Глэм нажал что-то на приборной доске, решетчатые ворота скользнули, открываясь вовнутрь. Чайлд посмотрел вперед, но там была видна только дорога, петляющая по лесу. Когда машина повернула, свет фар отразился в двух парах глаз, выхватил из темноты два волчьих силуэта. Дорога круто пошла вверх по склону холма. Фары осветили крышу в викторианском стиле. Тут под колесами захрустел гравий, и машина свернула к фасаду стоявшего на вершине холма особняка. В свете фар возник дом. Чайлд увидел то, что газетная статья из коллекции Хипиша называла «смешением стилей».

Центральная часть особняка явно была старше остальной части дома и оказалась сложена из необожженного кирпича. Пристройки были деревянные, выкрашенные серой краской, только окна были обведены красным. Пристройки спускались вниз по склону, придавая дому сходство с огромным, рассевшимся на скале осьминогом.

К центральной части дома вело широкое крыльцо, слабо освещенное отблесками, проникавшими сквозь неплотные занавеси. На фоне шторы промелькнула чья-то тень. Машина остановилась, и Глэм бросился открывать перед Чайлдом дверь. Чайлд с минуту помедлил, прислушиваясь. Волчьего воя слышно не было. Детектив удивился про себя: что именно удерживает их от нападения на людей, живущих в доме?

Судя по всему, Глэма эта проблема не волновала.

— Сюда, пожалуйста, сэр.

Шофер проводил Чайлда к двери. Он нажал кнопку, и над дверью загорелась лампочка. Массивная полированная дверь была из красного дерева, ее украшали барельефы, представляющие на первый взгляд сцены ада с картин Иеронима Босха. Приглядевшись поближе, Чайлд понял, что они выполнены в испанском стиле. На барельефах были изображены похотливые демоны и монстры, пытающие людей.

Глэм оставил свою фуражку на переднем сиденье машины. Одет шофер был в черный фланелевый пиджак и темные же брюки, заправленные в тяжелые ботинки.

Лампочка, мигнув, погасла, а Глэм достал из кармана большой ключ и открыл дверь. Створки распахнулись без малейшего скрипа (очевидно, дверь была хорошо смазана), и шофер поклоном пригласил Чайлда войти. Они оказались в огромном холле. Точнее, это были два холла: один простирался вдоль фасада здания, а из него широкий проем открывался в другой зал, уходивший вглубь. Полы были покрыты толстыми бледно-розовыми коврами. Вдоль стен стояло несколько тяжелых испанских стульев.

Знаком предложив гостю подождать, пока он не сообщит о его прибытии, Глэм с поклоном удалился. Чайлд смотрел, как гигант исчезает под центральной аркой. Боковым зрением он уловил какую-то фигуру — справа, в дальнем конце зала кто-то двигался. Он резко повернул голову — когда они входили в дом, в холле никого не было. А теперь он ясно видел спину высокой женщины в длинном, до пола, черном платье. В V-образном вырезе была видна матово-бледная кожа, изящную головку отягощал пучок черных как смоль высоко зачесанных волос. Чайлд похолодел.

Тут поприветствовать гостя появился хозяин. Мистер Игеску оказался высоким худым человеком лет шестидесяти пяти. У него были зеленые глаза, большой крючковатый нос, зачесанные назад пышные волнистые каштановые с проседью волосы. На правой щеке была ямка. Усов не было. Судя по виду, бодр и энергичен. На нем был темно-голубой деловой костюм, черный галстук с бледно-голубым значком вместо булавки. Чайлд не мог разобрать, какой символ изображен на значке.

Голос был глубоким и приятным, хотя в нем и чувствовался легкий иностранный акцент. Они обменялись рукопожатием. Руки у Игеску оказались большими, а рукопожатие было крепким. Чайлд обратил внимание на то, что предложенная ему рука была очень холодной. Игеску держался дружелюбно, без апломба, однако ясно дал понять, что может уделить гостю не более часа. Он задал Чайлду несколько вопросов о его работе и журнале, который он представляет.

Чайлд отвечал без запинки, поскольку заранее продумал, как себя держать, и приготовил ответы и на более каверзные вопросы.

Глэм куда-то пропал, Игеску сразу повел Чайлда показывать дом. Осмотр занял не больше пяти минут и ограничился парой комнат на первом этаже. Чувствуя себя несколько неуютно, Чайлд сообразил, что не получил ни малейшего представления о расположении комнат в доме. Они вернулись в большую проходную комнату рядом с центральным холлом, где Игеску предложил Чайлду присесть. Комната была обставлена старинной испанской мебелью, у стены стоял рояль. Над каминной доской красовался большой старинный портрет. Слушая рассуждения хозяина, Чайлд потягивал превосходный бренди и рассматривал картину. На ней была изображена молодая женщина в старинном испанском костюме с желтым веером из слоновой кости в руке. У нее были необычно густые брови и очень темные глаза. На губах играла легкая улыбка, но это была вовсе не улыбка Моны Лизы, в этой улыбке чувствовалась какая-то мрачная решимость — к чему? Присмотревшись поближе, Чайлд решил, что в этой улыбке есть что-то злобное, затаенная ненависть и желание отомстить. Возможно, подобные мысли навевал выпитый бренди и окружающая обстановка

или художник — будучи человеком мстительным и озлобленным, передал свои чувства ни в чем не повинной модели. Как бы то ни было, художник был определенно талантлив. Портрет выглядел более подлинным, чем сама жизнь.

Перебив тираду Игеску, Чайлд спросил его о портрете.

— Имя художника — Кребенс. Если вы подойдете поближе, то в левом углу увидите его инициалы. Я неплохо разбираюсь в истории живописи, но мне неизвестны другие его картины. Этот портрет перешел к нам вместе с домом: если верить преданию, на ней изображена Долорес дель Осоройо. Я не сомневаюсь, что это так и есть.

Он улыбнулся. У Чайлда по спине побежали мурашки.

— Когда я вошел в дом, — запнувшись, начал он, — я видел женщину, идущую через холл. Она была одета в старомодное испанское платье. Так, может, это...

— В доме только три женщины. Моя секретарша, моя бабушка и наша гостя. Никто из них не носит одежду, сходную с вашим описанием.

— Мало кто видел призрак, — настаивал Чайлд, — и тем не менее вы, кажется, вовсе не удивлены.

Игеску пожал плечами:

— И я, и Глэм, и Холиани не раз видели Долорес, правда, на некотором расстоянии. Это — не иллюзия и не галлюцинация. Долорес совершенно безобидна, и она доставляет гораздо меньше хлопот, чем люди во плоти.

— Жаль, что вы не разрешили мне привезти с собой фотоаппарат, я мог бы ее сфотографировать... Но... может быть, вы сами пытались это делать и на пленке ничего не оказалось?

— Поначалу так все и было, но, когда год назад я ее сфотографировал, она вышла на пленке вполне отчетливо. Сквозь нее видна мебель, но теперь она стала не такой прозрачной, как раньше. Прошедшее время и контакт с людьми, которые ее подпитывают...

Он махнул рукой, жестом завершая предложение. Чайлд спросил себя, не разыгрывает ли его Игеску?

— Могу я посмотреть на эту фотографию? — спросил он.

— Конечно. Только это ничего не доказывает. Существует не так уж много вещей, которые нельзя было бы подделать.

Игеску сказал что-то в переговорное устройство, замаскированное под сигаретницу, — сказал на каком-то незнакомом Чайлду языке. Это определенно была не латынь. Хотя он не был знаком с румынским языком, он сомневался, чтобы в румынском языке имелись такие гортанные звуки.

Послышалось пощелкивание бильярдных шаров. Чайлд повернулся: в дальней комнате двое играли в бильярд. Оба были блондинами, среднего роста, хорошо сложенными, одетыми в одинаковые облегающие белые свитера, узкие белые джинсы и черные сандалии. Внешне они были похожи, как брат и сестра. И у того и у другой над глубоко посаженными глазами изогнулись высокие тонкие брови. Самым необычным в этих одинаковых лицах были губы. Верхняя выглядела настолько тонкой, что напоминала лезвие измазанного кровью ножа, а нижняя, напротив, — набухшей.

Игеску окликнул их, и они резко, как-то по-волчьи, подняли головы. Манеры их напомнили Чайлду о двух виденных по дороге волках. Будучи представлены гостю, оба ограничились безмолвным кивком. Мужчину Игеску представил как Василия Хоркина, а женщину — как миссис Крачнер, но ни один из них не улыбнулся и ничего не сказал. Очевидно, им не терпелось вернуться к игре. Игеску не пояснил, кто они, и Чайлд предположил, что девушка и есть та упомянутая бароном гостя.

Совершенно неожиданно и бесшумно появился Глэм — будто это пространство скользило мимо него, а не он двигался в пространстве. Он вручил Игеску плотный маниловый конверт. Чайлд внимательно смотрел, как Игеску медленно достает из конверта фотографию; потом он вдруг заметил, что Глэм исчез так же бесшумно и незаметно, как и появился.

Снимок был сделан в середине дня с расстояния футов сорок. Свет, струившийся из окна, освещал все до последней детали. Долорес дель Осоройо покидала комнату, причем, как и положено человеку, — через дверь. Сквозь ее тело смутно просвечивали край дверного косяка и часть стула. Полуобернувшись, она смотрела в камеру с той же улыбкой, с какой глядела с картины.

— Я попрошу вас вернуть мне эту фотографию, — сказал барон.

— Как вы и говорили, эта фотография ничего не доказывает, — сказал Чайлд. Он посмотрел на свои часы: прошло уже полчаса из отведенного ему времени, и он уже открыл рот, чтобы спросить об автомобильной аварии и загадочном оживлении барона, как в комнату вошла Магда Холиани.

Она была высокой, худой, плоскогрудой женщиной лет около тридцати, с красивыми, хотя и неправильными чертами лица и густыми пепельными волосами. Судя по ее походке, можно было подумать, что в ее теле совсем нет костей. Под высокими скулами кривился узкий рот. Было в ней что-то от рептилии, точнее, змеи. В этом сходстве не было ничего отталкивающего: в конце концов, многие змеи красивы.

Глаза Магды Холиани были настолько светлыми, что сначала могли бы показаться бесцветными, но, приглядевшись, он понял, что они светло-светло-серые. Ее кожа отличалась такой белизной, что, казалось, она избегает не только солнца, но и дневного света. Однако в этой белой коже не было ни малейшего изъяна. На лице не было ни следа косметики. Ее губы выглядели бы бледными, если бы она стояла рядом с женщиной с подкрашенными губами, но на фоне ее белой кожи они казались темными и яркими. Одета Магда была в черное облегающее платье с глубоким разрезом на боку и открытой спиной. На ней были черные нейлоновые чулки и черные туфли на высоком каблуке.

После того как барон ее представил, Магда села, до середины бедра открыв стройные ноги.

Секретарша тут же взяла на себя разговор, полностью заменив Игеску, который, казалось, погрузился в созерцание дыма от своей сигары.

Чайлд попытался придерживаться стиля интервью, но на все его вопросы она отвечала кратко и сухо, а ответив, тут же сама задавала Чайлду вопросы о его работе и о нем самом. У него появилось ощущение, что это у него берут интервью.

Детектив потерял надежду что-нибудь выяснить, он даже не мог решить для себя, есть здесь что-нибудь стоящее или нет. Конечно, обитатели дома вели себя

довольно странно, но это ничего не значило, особенно в Южной Калифорнии.

Незаметно появился Глэм и занялся тем, что стал убирать со стола пепельницы с окурками и наполнять бокалы. При этом он не сводил с женщины глаз. Один раз он даже дотронулся до нее, отчего она вскинула голову и обожгла его гневным взглядом. Игеску видел, что Чайлд это заметил, но только усмехнулся.

В конце беседы Чайлд, проигнорировав очередной вопрос Магды, попросил барона прокомментировать получившее столь широкую известность «происшествие с вампиром». Собственно, ради этого он сюда и приехал. Он заранее пообещал, что его статья, если только он наберет для нее достаточно материала, будет, по возможности, деликатной.

— Честно говоря, мистер Уилстон, я согласился на это интервью только ради того, чтобы раз и навсегда пресечь распространяемые обо мне слухи. Я веду уединенный образ жизни. Я богат, но я поручил вести все мои дела доверенным людям и живу в свое удовольствие. Вы видели мою библиотеку, она весьма обширна, и в ней немало раритетов. У меня широкий круг интересов, я очень много и на многих языках читаю. Десяток полок в библиотеке заполнены книгами, посвященными драгоценным камням: это мое хобби. Но в моей библиотеке также, как вы, наверное, заметили, много книг, посвященных колдовству, черной магии, вампирам, ликантропии и так далее. Я интересуюсь и этим, но не потому, что я вампир. — Он усмехнулся поверх сигары. — Эта тематика не интересовала меня до того несчастного случая, которому я обязан вашим визитом. Я решил, что, раз уж меня обвиняют в вампиризме, мне следует побольше узнать о нем. Я кое-что и раньше знал об этом, я ведь родом из Прикарпатья, где простые люди верят больше в чертей и вампиров, чем в Бога. Но мои учителя никогда не обучали меня местному фольклору, а у меня не было близких знакомых в среде неаристократов.

Я решил дать вам интервью, чтобы раз и навсегда покончить с этой чепухой. И чтобы переключить интерес с моей персоны на действительно сверхъестественный феномен. Я не возражаю, чтобы вы опубликовали фотографию призрака Долорес дель Осоройо. Я изменил свое решение относительно фотографий, Магда выйдет

необходимые для вашей статьи снимки. На них сфотографированы некоторые комнаты в доме с присутствующим в них призраком. Я сделаю это при условии, что в вашей статье вы ясно дадите понять читателям, что я обычный человек, любящий уединение. Попутно вы можете описать эту историю с привидением, как вам только заблагорассудится. Но вы должны также ясно дать понять, что больше никаких интервью не будет и что я не потерплю у себя никаких любопытствующих, мистиков и журналистов. Договорились?

— Конечно, мистер Игеску. Даю вам слово. Как мы и договаривались, перед публикацией я пришлю вам для правки текст статьи.

У Чайлда начала кружиться голова. Он пожалел, что не отказался от бренди. Уже больше четырех лет он не употреблял алкоголя. И в этот раз он бы не изменил своим правилам, если бы Игеску не похвалил бренди как очень редкое вино, так что Чайлд соблазнился. К тому же ему не хотелось без необходимости настраивать против себя хозяина. Правда, он выпил не больше одного бокала. Или напиток был очень крепким, или после столь долгого воздержания он стал особенно уязвимым к действию алкоголя.

Игеску повернул голову и посмотрел на высокие, потемневшие от времени старинные напольные часы.

— Ваше время подошло к концу, мистер Уилстон.

Чайлд не мог понять, почему барон так беспокоится о времени, поскольку, по его собственному признанию, у него нет никаких срочных дел и он редко покидает дом. Но он воздержался от вопроса. Барон, разумеется, воспринял бы это как дерзость и ответил на него холодным молчанием.

Игеску поднялся, Чайлд тоже встал. Магда Холиани допила бокал. В дверях появился Глэм, однако Игеску сказал:

— Миссис Холиани отвезет мистера Уилстона к воротам, Глэм. У меня для вас есть другая работа.

Глэм открыл рот, чтобы возразить, но тут же закрыл его.

— Очень хорошо, сэр. — Повернувшись на каблуках, Глэм удалился.

— Если вам нужен еще материал для статьи, мистер Уилстон, — добавил Игеску, — то вам следует посмот-

реть книги Мишеля Гаро в университетской библиотеке. Кстати, у меня есть две его книги, — первое издание, разумеется. Старый бельгиец имел несколько очень интересных и весьма оригинальных теорий относительно вампиров, оборотней и других так называемых сверхъестественных феноменов. Его теория «психического импринтинга» просто очаровательна. Вы его не читали раньше? Вы читаете по-французски?

— Никогда о нем не слышал, — сказал Чайлд, раздумывая, не оказался ли бы он в ловушке, ответь он на этот вопрос утвердительно. — Я действительно читаю по-французски.

— Есть много так называемых авторитетов в области оккультных наук, которые никогда не слышали о ле Гаро или не имели возможности прочесть его книги. Я рекомендую обратиться в отдел редких книг университетской библиотеки и спросить ксерокопию «*Les Murs S'écroulent*». Перевод с латыни на французский. Оригинал еще в шестнадцатом веке был переведен на французский язык и, как это ни странно, на чешский. Латинских копий сохранилось, насколько я знаю, всего десять. Одна хранится в Ватикане; шведский монастырь имеет два экземпляра; один экземпляр хранится у меня; кайзер Германии имел один, но он потерян, а скорее всего украден после его смерти; другие пять — в государственных библиотеках в Москве, Париже, Вашингтоне, Лондоне и Эдинбурге.

— Я поищу эту книгу, — отозвался Чайлд. — Большое спасибо за информацию.

Он повернулся и увидел, как в дальнем конце коридора показалась женщина в старинной испанской одежде; черные волосы украшал высокий гребень. Она повернула голову, улыбнулась и пропала.

Игеску преспокойно спросил:

— Вы ее видели?

— Да, я видел. Но она совсем не прозрачна, — потрясенно ответил Чайлд.

— Нет, она — полупрозрачная, — подала реплику Магда Холиани. Ее голос при этом дрожал.

Чайлд недоуменно посмотрел на нее. Секретарша бабона была явно испугана, но почему-то при этом она была еще и в ярости.

— Как я и говорил, она становится все более материальной, — сказал Игеску. — Процесс идет очень медленно. Заметить это можно, только если сравнивать с тем, что было полгода назад. Когда я сюда въехал, она была почти невидима.

Чайлд встряхнул головой. Барон говорит о призраке так, словно он действительно существует. И почему так напугана Магда? Женщина, замерев, пристально смотрела в дальний конец коридора, едва сдерживаясь, чтобы не кинуться вслед за призраком.

— Многие люди — гораздо больше, чем готовы в этом признаться, — видели призраков или сверхъестественные явления, но эти явления редко повторяются. Кроме того, если люди не обращают на них внимание, то они прекращаются. Однако Долорес — это особый случай! Я ее полностью игнорирую, если не считать нескольких сделанных мной фотоснимков. Магда тоже раньше не обращала на нее внимания, а теперь привидение действует ей на нервы. Долорес откуда-то получает энергию и становится все более материальной. Может быть, источник энергии — один из тех, кто находится в этом доме.

Несомненно, история о Долорес приобрела реалистические черты. Ее фотография, показанная бароном, конечно же, ничего не доказывает. Нельзя считать фактом и то, что молодая женщина в старинной испанской одежде — привидение. По какой-то причине Игеску мог устроить розыгрыш. У Чайлда было такое ощущение, что если он бросится за женщиной-призраком и схватит ее, то окажется, что она появилась на свет лет двадцать назад, а не сто пятьдесят, как его тут пытаются убедить.

У выхода из дома Чайлд попрощался с хозяином, пообещав, что вышлет ксерокопию статьи для редактирования. Он последовал за Магдой на улицу. Прежде чем сесть в машину, он оглянулся. Шторы в ближайшем окне были приподняты, в окне были ясно видны бульдожьи лица и огромные уши Глэма.

По приглашению Магды Чайлд сел на переднее сиденье. Машина тихо тронулась с места. Магда первая начала разговор.

— Моя работа оплачивается очень щедро, только это и делает ее привлекательной. Я никогда не бываю в городе, круг моего общения ограничен хозяином, несколькими слугами и иногда гостями.

— Ваша работа отнимает у вас много времени? — спросил Чайлд, не понимая, зачем она это ему говорит.

— Нет. Я согласовываю время немногочисленных визитов, играю роль посредника между бароном и управляющими его делами, перепечатаваю главы из книги о драгоценных камнях, над которой он работает. Мне приходится тратить много сил, чтобы держаться подальше от этого монстра, Глэма.

— Когда я был в доме, я понял, что он испытывает к вам сильную симпатию, — сказал Чайлд.

Фары машины на поворотах выхватывали из темноты деревья. Над кромкой леса поднялась луна, и Чайлд мог рассмотреть окружающую местность. Он мог и ошибаться, но они, как ему казалось, ехали не по той дороге, по которой он попал в особняк.

— Я выбрала более длинную, но не менее живописную дорогу, — сказала она, словно могла читать его мысли. — Надеюсь, вам все равно, а мне хочется немного поболтать. Вы, конечно, можете не слушать меня, дело ваше.

— Отчего же, мне нравится ваш голос.

Они миновали арку ворот во внутренней стене. Магда вела машину медленно, на первой скорости. Она положила руку ему на колено. Чайлд не пошевелился. Через минуту она убрала руку и остановила машину. Они находились на узкой брусчатой дорожке, ведущей в глубь леса к беседке. Беседка, стоящая на высоком круглом цементном фундаменте, была оплетена виноградом, так что внутри нее было темно. Цементные ступени вели вверх к широкому входу.

— Я очень одинока. Барон — очаровательный человек, но он не особенно разговорчив и уж вовсе не интересуется мной как женщиной.

Чайлд не стал спрашивать, что она имеет в виду. Ее рука вновь легла ему на ногу.

— А волки здесь есть, или они остались за внутренней стеной?

Она придвинулась поближе, запах ее духов был таким сильным, будто проникал в поры его кожи. Он почувствовал, как начинается эрекция. Тогда он взял ее руку и положил на пенис. Она не убрала руку. Он нагнулся и провел пальцем по ее правой груди. Рука скользнула между тканью и телом, нащупала сосок и сжала его. Сосок начал твердеть, женщина содрогнулась. Он поцело-

вал ее, скользя языком по ее языку и зубам. Она нащупала молнию на ширинке и медленно потянула за нее, запустила руку в штаны. Он расстегнул пуговицы на платье и убедился, что, как он и предполагал, она не носила нижнего белья. Груды были маленькими, красивой формы, набухшими. Чайлд наклонился и начал целовать ей грудь. Дыхание Магды стало тяжелым.

— Пойдем в беседку, там есть кушетка.

— Прежде чем мы продолжим, тебе следует знать, я не подготовился и не захватил резинку.

— Не беспокойся, я не могу забеременеть.

Пошатываясь, он, протиснувшись мимо руля, пошел за ней следом. Она повернулась и, передернув плечами, сбросила платье. Яркий лунный свет осветил ее фигуру, темные влажные соски, темный треугольник волос внизу живота. Она сбросила туфли и осталась в одних чулках, потом вошла в беседку.

Чайлд последовал за ней, но он не настолько был возбужден, чтобы не подумать о скрытых камерах и микрофонах. Чайлд прекрасно знал, что нравится женщинам, но не настолько, чтобы они сразу теряли от него голову. У него не было иллюзий: раз Магда решила его соблазнить после столь непродолжительного знакомства, значит, или она сексуально озабочена, или у нее есть причина для такого поведения, а может, верны оба предположения. Она не притворялась, но если она думает, что сможет управлять им как марионеткой, то скоро ее постигнет разочарование.

Он огляделся в беседке. Здесь негде было спрятать камеру. Единственно, где могла быть установлена техника, это на деревьях снаружи. Даже если снимать в инфракрасном свете, оттуда мало что просматривалось. Ветки винограда и опорные стойки закрывали обзор. Да и что он теряет? Шантажировать его бессмысленно. Магда сорвала покрывало с кушетки и повернулась к нему, лунный свет, падающий сквозь заросли винограда, отбрасывал причудливые тени на ее бледную кожу. Чайлд обнял ее, поцеловал, провел руками по ее спине, ощущая упругие мышцы. Мышцы у нее были как у пумы. Чайлд опустился на колени и, стянув с нее чулки, отбросил их в сторону. Она положила свои руки ему на шею и прижала его голову к своему животу. Чайлд не сопротивлялся. Он

провел языком вниз и пощекотал его кончиком клитора. Она застонала и вцепилась в него сильнее.

Он медленно поднялся, проведя языком вверх по животу до ее соска, который он вновь начал целовать. Он осторожно подталкивал ее к кушетке, пока она не упала на нее спиной. Ее пятки, как приклеенные, были прижаты к полу. Он снова опустил на колени и пощекотал языком клитор, затем погрузил несколько раз язык глубоко во влагалище. Она начала подергивать бедрами. Тогда он потянулся и тихонько надавил рукой ей на живот, давая понять, чтобы она оставалась лежать.

Ее влагалище было таким же приятным, как и у Сибил, а волосы внизу живота были нежнее. Указательный палец правой руки он осторожно ввел в анус, а большой во влагалище. Медленно ритмично погружая пальцы внутрь и вновь выводя их наружу, он потерялся языком о клитор, затем погрузил язык во влагалище, ускоряя ритм движений пальцев.

Ее оргазм сопровождался криком, бедра над его головой напряглись, его пальцы оказались сжаты так сильно, что он не мог ими пошевелить.

Чайлд не мог больше терпеть, у него не было женщины уже две недели. Как раз перед исчезновением Колбена Чайлд при проведении расследования был легко ранен. Затем он был день и ночь занят, а когда урывал время для сна, даже его подсознание было настолько усталым, что не посылало ему сексуальных снов. Но теперь...

— Я не могу больше ждать, у меня слишком долго не было женщины.

Он начал осторожно укладываться на кушетку, помогая ей вытянуться.

Она провела языком по его животу, облизывала его лобковые волосы, а затем сомкнула губы на головке его члена. Она дважды скользнула губами вперед и назад. С криком, сходным с ее несколько минут назад, он кончил ей прямо в рот.

Он лежал опустошенный, желание схлынуло, как вода во время отлива. Они молчали. Чайлд ожидал, что она выплюнет сперму, как это всегда делала Сибил. После этого Сибил сразу шла чистить зубы и полоскать горло. Он не осуждал ее за это. Он понимал, что, как только возбуждение проходит, тягучая жидкость становится отвратительной. Он знал ее вкус. Когда ему было лет

четырнадцать, они с его пятнадцатилетним братом прошли через период гомосексуальных отношений. Это продолжалось полгода. Затем, по взаимному молчаливому согласию, все прекратилось.

Магда не выплюнула сперму, а с шумом проглотила ее. Затем вновь взяла член в рот. Когда его пенис достиг полной эрекции, он неожиданно вспомнил Колбена и стальные зубы. Эта женщина вполне могла сниматься в том фильме.

Подняв на него взгляд, Магда спросила:

— Что-нибудь не так?

— Послушай, только не сердись и не смейся. Зубы у тебя настоящие?

Женщина села.

— Что-что?

Голос ее стал тягучим.

— У тебя есть зубные протезы?

— А зачем тебе знать? — весело рассмеялась она, а потом продолжила: — Ты хочешь, чтобы я их вытащила?

— Только в том случае, если они вставные.

— Неужели я выгляжу такой старой?

— Я знал несколько девятнадцатилетних девушек, имевших вставные челюсти.

— Поцелуй меня, и сам узнаешь.

— Ладно.

Он крепко сжал ее в объятиях и во время поцелуя попытался провести языком по ее зубам. Он ощутил животный запах собственного семени и почувствовал вкус жирной клееподобной жидкости — продукта его тела. Она взяла его пенис в руку и, как только почувствовала начинающуюся эрекцию, быть может, опасаясь, что он своим языком сумеет открыть истину, вырвалась из его объятий и склонилась над пенисом. Она не хотела, чтобы он узнал, есть у нее вставные зубы или нет.

Как бы то ни было, она ушла от ответа. Было ясно, что истину можно будет узнать, только применив силу. Он расслабился, позволив ей поработать над ним. Затем он перевернул ее на спину, она широко раскинула ноги, взяла пенис двумя пальцами и направила его в себя.

Чайлд почувствовал, как мышцы влагалища сжались, словно там скрывалась третья рука. Это ощущение немедленно вызвало в его памяти кадры фильма, и эрекция

вновь стала спадать. Он вспомнил, как какое-то существо пыталось вырваться из влагалища у женщины в фильме.

— Ради Бога, ну а теперь что с тобой?

— Мне показалось, что что-то мелькнуло в кустах. — Это было единственное разумное оправдание, какое он смог придумать. — Может, это Глэм?

— Если это он, я убью его. Не думаю, что барон будет сильно этим огорчен.

Привстав с кушетки, она крикнула куда-то в темноту:

— Глэм? Глэм? Если ты там, старая задница, уноси ноги и поторопись, пока ты не познакомился с другим концом волка!

Ответа не было.

— Другим концом волка? Что ты имеешь в виду? — удивился Чайлд.

— Попозже расскажу. Его там нет. А если бы он там и был, то не посмел бы подойти к нам. Давай продолжим, я была близка к оргазму.

Вместо того чтобы вновь лечь на кушетку, она встала и подошла к небольшому шкафчику, стоявшему в дальнем углу беседки. К кушетке Магда вернулась, держа в руках наполовину пустую пузатую бутылку с длинным горлышком. Она сделала глоток, набрала жидкость в рот и, прижав свои губы к его губам, выплеснула жидкость ему в рот. Жидкость была теплой и терпкой на вкус. Чайлд глотнул и буквально через несколько секунд с удивлением заметил, что тревога его оставила.

— Что это за дрянь?

— Этот ликер изготавливают на родине Игеску. Он обладает возбуждающим действием, точнее, снимает скованность. Тебе это не повредит.

— Я в этом больше не нуждаюсь, — отозвался Чайлд.

Он чувствовал, как его пенис поднимается, будто стратостат, готовый совершить трансатлантический перелет. Луч лунного света упал на поднимающийся орган, и она взвизгнула от восторга:

— Ты прелесть! Ты — чертовски большая прелесть!

Она улеглась на кушетку, раскинув ноги. Чайлд опять вошел в нее и вышел. Вошел и вышел, вошел и вышел. Это продолжалось довольно долго. Оба молчали. Чайлд долго не мог кончить. У Магды оргазмы пошли сериями,

она вцепилась ногтями в спину Чайлду и исцарапала его в кровь, но он этого поначалу не почувствовал.

Некоторое время они лежали в молчании, их тела покрывал пот. Воздух был неподвижен, спустившаяся ночь не принесла долгожданной прохлады.

— Мне пора ехать, — сказал наконец Чайлд.

По его мнению, ему уже давно нужно было сделать контрольный звонок сержанту Мастанойе.

Вместо ответа женщина потянулась за бутылкой, стоящей на полу рядом с кушеткой.

— Давай лучше еще выпьем и посмотрим, что из этого выйдет.

Чайлд не сводил с нее глаз, чтобы убедиться, что она действительно отпила из бутылки, только после этого он сам сделал глоток и спросил:

— Так что это за история с Глэмом и другим концом волка?

— А, ты об этой глупой уродине! — со смехом ответила она. — Он меня хочет, а я его терпеть не могу. Этот слабоумный давно попытался бы меня изнасиловать, но он понимает, что в том случае, если его не убью я, это сделает барон. Можешь не сомневаться, Игеску так и сделает! Ты верно заметил, здесь есть волки. Как-то вечером я гуляла по лесу и услышала волчий вой и поскуливание. Судя по звукам, волк испытывал сильную боль. Я поднялась на холм и заглянула вниз в лощину. Там была волчица, привязанная за шею четырьмя веревками.

Концы веревок были привязаны к деревьям так, что она не могла пошевелиться. Рядом в одних носках стоял Глэм, он держал волчицу за хвост и ебал ее. Он наверняка сильно ее повредил. Не знаю, какого размера влагалище у взрослой волчицы, но не думаю, что оно достаточно велико, чтобы в него мог войти член такого монстра, как Глэм. Я не сомневаюсь, что это животное искалечило волчицу.

Чайлд немного помолчал.

— А как насчет волка-самца? Разве Глэм не боялся его?

Она рассмеялась.

— Это уже другая история, — и она снова залилась смехом.

Немного успокоившись, она взяла бутылку и вылила остатки жидкости на груди и лобковые волосы.

— Слижи, а потом мы займемся любовью.

— Ничего из этого не выйдет, — пробормотал Чайлд.

Он повернулся и стал целовать ее груди, затем запустил два пальца во влагалище и быстро начал ими работать, пока у нее не начались оргазмы. Затем он стал целовать ее живот, спускаясь вниз, пока не уткнулся ртом в лобковые волосы. Он слизал капли жидкости, затем воткнул язык как можно глубже. Когда он остановился, Магда перевернула его своими сильными руками на спину и нежно стала покусывать его член, пока он не поднялся, как выскочившая из воды форель. На этот раз он приступил к ней сзади. Она крепко сжала мышцы влагалища, на этот раз эрекция сохранилась.

Голова у Чайлда кружилась, сознание затуманилось. Он понял, что совершил ошибку, наглотавшись неизвестной жидкости из странной бутылки.

Затем мысли исчезли, тревога пропала. Смутно он ощутил оргазм, длившийся вечность, тысячелетний оргазм, обещаемый умершим праведникам исламом.

Дальше — провал в памяти.

Он смутно помнил, что как в тумане садится в автомобиль и трогается с места. Дорога извивается перед ним, как змея. Деревья наклоняются над машиной и машут ветками. У некоторых из деревьев — узловатые наросты-глаза и широко распахнутые рты. Глаза превращаются в соски, из них сочится сок.

Дерево протягивает ему руку — приятно было познаться.

Он оказывается на шоссе, вокруг — огни многочисленных машин, автомобильные гудки. И снова — то же дерево. Оно манит его, он приближается, рот оказывается шершавым лоном, оно что-то ему обещает, нечто особенное, чего он никогда раньше не испытывал.

Вдруг он наконец понимает, что оно обещает Смерть.

ГЛАВА 11

Чайлд очнулся в отделении реанимации госпиталя Беверли-Хиллз. Он чувствовал только слабость. В бессознательном состоянии его вытащили из разбитой машины

и привезли в больницу. Полицейский рассказал, что машина вылетела на обочину и врезалась в дерево. В результате столкновения машина почти не пострадала, у нее немного погнулся бампер и разбита левая фара.

Полиция подозревала, что Чайлд находился в состоянии опьянения или пребывал под действием наркотиков. Чайлд попытался заявить, что авария была не случайной, а подстроенной, что потом его избили. То, что на голове нет повреждений, ничего не доказывает. Чайлд попросил допрашивавшего его полицейского связаться с сержантом Бруином, а если того не окажется на месте, то с сержантом Мастанойей: те могли бы подтвердить его благонадежность. Ссылки на блюстителей закона несколько подняли его престиж в глазах полицейского.

К великому счастью детектива, имелся свидетель аварии. Человек, который его вытащил из машины, как раз выезжал из-за поворота, когда Чайлд врезался в дерево.

Через пятнадцать минут по настоятельному требованию пациента его выписали. Мнение врача, предупреждавшего, что, хотя у него и нет явных признаков телесных повреждений, нельзя исключать сотрясение мозга, Чайлд проигнорировал.

Технические службы полиции были слишком перегружены, так что его машину оставили на месте аварии, полиция только забрала ключи. К несчастью, полицейский забыл вернуть их хозяину. Чайлду пришлось отправиться за ключами в полицейский участок Беверли-Хиллз. Офицер, забравший ключи, еще не вернулся с дежурства, однако Чайлда заверили, что ключи от машины он сможет забрать завтра у дежурного. В том, что он остался без машины, винить следовало только себя самого.

Кто как не он сам оставил дубликаты под кустом у входа в усадьбу Игеску и забыл их забрать?

Чайлд попытался поймать такси, но все машины были заняты. То ли жители бурно праздновали исчезновение смога, то ли желали хорошенько повеселиться перед тем, как воздух вновь станет ядовитым.

Пришлось идти пешком. В его доме слышался шум веселья — вечеринки, похоже, гремели в трех-четырёх квартирах сразу. Как только Чайлд принял душ, то сразу улегся в постель, не забыв вставить в уши беруши.

Беруши еще кое-как заглушали звуки, но они не могли заглушить мысли. У детектива не было никаких сомнений, что наркотиком его одурманили намеренно, рассчитывая, что на оживленном шоссе он неминуемо погибнет в автокатастрофе.

Но почему наркотик подействовал только на него, а Магда оказалась к нему невосприимчива? Это был интересный вопрос, один из тех, на которые не так-то просто ответить. Она могла заранее принять противоядие или кто-то позаботился о ней, стоило только Чайлду покинуть поместье. Возможно, в жидкости содержался какой-то компонент, превращающийся в сильнодействующий наркотик только в случае соприкосновения с наружными кожными покровами.

Сержант Мастаноя! — с ужасом вдруг сообразил Чайлд.

Полицейский же наверняка нервничает, ведь Чайлд ему так и не позвонил вчера! Как он на это прореагировал? Что предприняла полиция?

Детектив выбрался из кровати и, поспешно набрав номер полицейского управления, попросил соединить его с сержантом.

Да, сержант Мастаноя прочитал записку, но сам Бруин, видимо, не счел это особенно важным. Он был настолько занят работой — ночь была совершенно безумная! — что совершенно позабыл о записке. Он вспомнил о Чайлде, только когда полицейский из Беверли-Хиллз позвонил и сообщил об аварии. «Но ведь это произошло не в поместье Игеску, так что повода особенно переживать не было, правда? Вы ведь в порядке?»

Чайлд ответил, что с ним все в порядке и он уже дома. Вне себя от злости на Бруина, так беспечно отнесшегося к его просьбе, детектив бросил трубку. Да он и не ожидал от них ничего другого. Но ничего, теперь, после того, что с ним, Чайлдом, стряслось, полиция увидит барона в ином свете. Теперь им придется заняться расследованием всерьез... А впрочем, ничего это не изменит. У полиции по-прежнему много срочной работы, а настоящих доказательств причастности барона у него пока нет. Кроме того, о некоторых деталях происшедшего в усадьбе в любом случае нельзя рассказывать. Если он подаст официальное заявление, то придется умолчать о некоторых пикантных

подробностях поездки с секретаршей барона по ночному лесу. Придется соврать, что бренди с наркотиком ему дали в доме.

А вот это будет ошибкой. У полицейских хватит ума, чтобы отличить, где он говорит правду, а где увиливает от ответа. Они в таких делах собаку съели, им так часто приходится выслушивать ложь и полуправду, что они с такой же легкостью, как радар отличает орла от самолета, определяют, где он врёт.

А дальше... Что мешает Магде заявить, что Чайлд ее извращенно изнасиловал?

Подавленный тем, какой оборот принимает дело, детектив вернулся в постель. Ощущение разбитости и ломоты в костях не проходило. Наркотик, похоже, притупил присущее ему чувство осторожности: никогда раньше он не бросался на женщин, с которыми только что познакомился. Он всегда сдерживался и был разборчив. По крайней мере, он должен был быть уверен, что у партнерши нет ни сифилиса, ни гонореи.

Хотя он недавно уже почистил зубы, он вновь пошел в ванну и почистил их вновь, потом прополоскал горло. Затем он достал из шкафа на кухне хранимую для гостей бутылку марочного «бурбона» и хлебнул пару глотков, не разбавляя. Само по себе это было достаточно глупо. Совершенно очевидно, что алкоголь как таковой едва ли способен прикончить бактерии, которых он мог наглотаться несколько часов назад, но это, как и прочие действия традиционного «очистительного ритуала», принесло ему некоторое облегчение.

Он уже собирался опять улечься в постель, но вдруг вспомнил, что не проверил автоответчик. На автоответчике было всего одно сообщение. В девять вечера звонила Сибил. Она просила, чтобы он сразу же, как только вернется, перезвонил ей. Когда бы он ни вернулся!

Часы показывали десять минут четвертого ночи.

Ее телефон не отвечал. Длинные гудки в телефонной трубке ассоциировались с похоронным звоном. Чайлд представил себе, как она лежит на постели — одна рука свесилась с кровати, рот разинут, глаза открыты и неподвижны. На маленькой прикроватной тумбочке стоит пустой пузырек от фенотарбита.

Если она попыталась совершить самоубийство, то уже мертва, стоило ей, конечно, принять такую же дозу, как и в прошлый раз.

Чайлд был уверен, что в этом случае теперь все кончено.

Однако он поспешно оделся и вышел. Через несколько минут, задыхаясь от бега, он был у ее дома. Глаза жгло, легкие болели от напряжения и смога. Смог быстро сгустился, настолько быстро, что не позже чем к вечеру он будет таким же густым, как раньше, если только не подует ветер.

В квартире Сибил было тихо и пусто. Сердце Чайлда бешено колотилось, когда он вошел в спальню, внутри у него все сжималось. Он включил свет. Постель была пуста, более того, на нее вообще никто не ложился. Чемоданы отсутствовали.

Он тщательно обследовал квартиру бывшей жены, но нигде не нашел никаких следов борьбы. Или она уехала, или кто-то забрал из квартиры чемоданы, чтобы имитировать ее отъезд.

Если она собиралась уезжать, то почему не оставила сообщения на автоответчике? Возможно, ее бегство и телефонный звонок никак не связаны между собой. А может, и наоборот. Она могла нарочно заставить его поволноваться. На это у нее хватило бы жестокости. Когда они расстались, она была в ярости, и теперь это могло быть местью. Такое случалось и раньше, но тогда, заставив его немного поволноваться, она раскаивалась, звонила в слезах, чтобы попросить прощения, — ей обычно было стыдно за подобные выходы.

Чайлд присел на стул, затем резко встал и пошел на кухню, открыл потайное отделение в стенном шкафу, заглянул на верхнюю полку. Маленькая круглая баночка из-под леденцов и ее содержимое — пятнадцать сигарет с марихуаной, завернутых в белую бумагу, — были на месте.

Если бы она уходила по своей воле, это она взяла бы с собой в первую очередь.

Если только собиралась не в дикой спешке.

Несмотря на тщательные поиски, ему не удалось обнаружить ее записную книжку. Даже если бы он ее нашел, все равно это ничего бы не дало. Едва ли кто-нибудь из ее бывших друзей мог знать местонахождение Сибил.

Возможно, у нее заболела мать, и Сибил в спешке уехала к ней; хотя едва ли это было настолько срочно, чтобы ей не хватило времени оставить хоть пару слов на автоответчике.

Номера телефона ее матери он не помнил, но у него был ее адрес. Узнав через справочную службу телефон, он заказал междугородний разговор с Сан-Франциско. На том конце провода никто не брал трубку. Только после безуспешной попытки дозвониться он сообразил, с чего следовало начинать осмотр дома. Вот черт, идиот недогадливый!

Чайлд поспешил спуститься в гараж. Машина Сибил стояла на месте.

Тут ему в голову пришла совершенно фантастическая мысль — впрочем, столь ли уж она фантастична? — не мог ли Игеску похитить Сибил?

Во-первых, зачем Игеску это делать?

Если Игеску виновен в смерти Колбена и исчезновении Бадлера, тогда он знает, что им может заинтересоваться полиция или частный детектив. Чайлд представился как Уилстон, сотрудник газеты штата, однако ему пришлось дать номер своего телефона. Игеску ничего не стоило навести справки и выяснить, кем на самом деле является этот «журналист Уилстон». Денег у него на это, безусловно, хватит.

Что, если Игеску обнаружил, что репортер Уилстон в действительности не кто иной, как частный детектив Чайлд? Что, если ему стало известно, что Чайлд не погиб в автомобильной катастрофе, как надеялся барон? Тогда он похищает Сибил. Возможно, барон таким образом дает понять, что Чайлду лучше бросить это дело... Нет, вероятнее всего по каким-то своим соображениям Игеску таким образом провоцирует Чайлда на то, чтобы тот тайком незаконно проник в его усадьбу.

Чайлд в раздумье покачал головой. Если Игеску виновен в этих преступлениях, то зачем ему посылать полицию свидетельства, что эти преступления вообще были совершены?

На этот вопрос так сразу не найти ответа.

Сейчас Чайлда волновало только одно: похищена Сибил или она уехала добровольно? И если ее похитили, то кто это сделал?

Он начал методично обзванивать аэропорты. Линии были заняты, но упорство Чайлда дало свои результаты. Немало усилий требовалось, чтобы переждать многочисленные короткие гудки, а потом еще вынести дополнительное ожидание, пока операторы проверят списки пассажиров. Однако два часа спустя он знал, что ее фамилия не зарегистрирована ни в одном из списков на какой-либо рейс. Конечно, оставалась вероятность того, что она в этот самый момент пытается купить билет в аэропорту, но с тех пор как на город спустился смог, все авиалинии были перегружены. Билеты были распроданы на много дней вперед, в аэропортах царило столпотворение, тысячи стремящихся покинуть город людей выстраивали бесконечные очереди в рестораны, туалеты, залы ожидания. Парковочные стоянки были все до одной забиты. Многие просто бросали свои автомобили и улетали, не собираясь возвращаться в ближайшее время. Власти ввели ограничения на время стоянки в районе аэропортов, но эвакуация брошенных автомобилей продвигалась слишком медленно, чтобы хоть сколько-нибудь ощутимо разгрузить ведущие к аэропортам автострады. Полиция не успевала справляться с многочисленными дорожными пробками вокруг международного аэропорта.

Чайлд перекусил овсянкой с молоком, а затем, хотя мысль о пущенных на ветер деньгах была неприятна, спустил всю марихуану в туалет.

Если Сибил не объявится в ближайшее время, ему придется заявить об ее исчезновении в полицию, а вот тогда в квартире произведут обыск. Если же Сибил вернется, то она поймет, зачем он избавился от наркотиков.

Наступал рассвет. Солнце напоминало странный деформированный болезненно-желтый шар. Туман ограничивал видимость какой-то сотней футов. Вернулись резь в глазах, ощущение жжения в носу и легких.

Чайлд решил позвонить Бруину, чтобы рассказать об исчезновении Сибил. Сержант, конечно же, решит — пусть он даже не скажет этого прямо, — что Чайлд просто ревнует бывшую жену, которая сейчас скорее всего развлекается с каким-нибудь парнем или с подружкой.

Звонить Бруину не пришлось; тот позвонил сам.

— Вчера к нам в управление пришла посылка, мы только-только ее распечатали. Тебе лучше к нам заехать. Сумеешь добраться за полтора часа?

— Это имеет какое-то отношение к Бадлеру? И вообще, как, черт побери, тебе удалось узнать, что я здесь?

— Я позвонил тебе на квартиру, телефон не ответил, ну, я и подумал, что ты у своей бывшей жены. Я знаю, вы с ней друзья.

— Да, — только и ответил Чайлд, понимая, что еще не время подавать заявление об ее исчезновении. — Сейчас приеду. А впрочем, нет, не так сразу. Мне еще нужно получить назад свою машину, на это уйдет некоторое время.

Детектив рассказал Бруину о своем визите к Игеску, опустив, однако, эпизод в беседе.

Бруин долго молчал.

— Ты хоть понимаешь, в какое скользкое дело мы ввязались? — наконец спросил он. — Даже если бы ты ничего там не обнаружил, все равно следовало бы потрясти этого барона. Но без постановления суда нам до него не добраться, а у нас нет никаких доказательств того, что он как-то причастен к этим преступлениям. Ты и сам это знаешь. Так что решай сам, что делать. Сначала волчья шерсть в машине Бадлера, теперь этот фильм. Не стану пересказывать тебе его содержание. Чтобы в это поверить, надо самому его видеть. Машину я прислать сейчас за тобой не могу, они все на дежурстве. Если опоздаешь на просмотр, то сможешь и без меня посмотреть ролик, я об этом договорюсь. В любом случае попозже его будут крутить для комиссара. Сейчас он по уши увяз в работе, но к этому делу у него особый интерес. Впрочем, на мой взгляд, в этом нет ничего удивительного.

Чайлд выпил стакан апельсинового сока, побрился (Сибил держала у себя для него бритву и крем для бритья, — как он подозревал, ими пользовались и другие мужчины) и пешком отправился в полицейский участок. Забрав у дежурного ключи, Чайлд спросил, не могут ли его подбросить до его машины. На что получил определенный отказ.

Попытки поймать такси на улице окончились ничем, а потому детектив решил добираться к месту аварии на попутных машинах. Четверть часа спустя он сдался. Автомобилей на улицах и так было немного, а водители тех, что шли в нужную ему сторону, не обращали на него ни малейшего внимания. Впрочем, их тоже можно было понять. Подсаживать попутчиков и в обычные, более

спокойные времена было делом небезопасным, а теперь, в этом жутком тумане, любой стоящий на обочине человек в свете фар выглядел зловеще.

Глаза слезились, в носу и горле было такое ощущение, будто он надыхался испарений расплавленного металла: Дом на противоположной стороне улицы казался зависшим в тумане неподвижным айсбергом. Мимо проехала патрульная машина. Едва-едва не растворившись в тумане, она остановилась, чтобы после краткой паузы вернуться задним ходом. Полицейский, сидящий справа, не выходя из машины, спросил, что он здесь делает

Чайлд объяснил.

К счастью, патрульный о Чайлде слышал и пригласил его сесть в машину, чтобы прокатиться с ними.

Определенной цели у полицейских не было, они просто патрулировали улицы (богатого района, разумеется). И полицейский не видел причин, почему бы им не отклониться немного в сторону. Однако мистер Чайлд прекрасно понимает, что, если к ним поступит срочный вызов, им придется тут же его высадить, и он вновь окажется предоставленным сам себе. Чайлд решил рискнуть.

Четверть часа спустя они оказались возле его машины, которая завелась с первого же оборота. Чайлд подал назад и развернулся к городу.

Через сорок минут он уже подъезжал к департаменту полиции.

ГЛАВА 12

Бадлер находился в той же комнате, где убили Колбена. Было показано, как его постепенно приучали к его роли. Он прошел через этап страха и импотенции, затем стал вести себя более уверенно и активно. Вначале с ним работали, привязав его к тому же столу, затем место стола заняла кровать.

Бадлер был маленьким человеком с узкими плечами и худыми бедрами, но его пенис был непропорционально огромным. Кожа адвоката была бледной, глаза — голубыми, а волосы на голове — соломенными. Лобковые волосы у него были светло-каштановые. Пенис был темным, как будто его постоянно наполняла кровь. Он обладал

редкой способностью удерживать эрекцию после оргазма и необычно большим запасом спермы.

Обе жертвы были мужчинами с гиперсексуальными влечениями, или, по крайней мере, секс доминировал в их жизни. Оба не были разборчивы в партнерах, оба наградили детьми целую череду несчастных девиц и обоим предъявлялись обвинения в изнасилованиях, оба любили потрепаться о своих сексуальных победах. Как это ни странно, жены обоих, говоря о них, называли мужей мерзавцами. В обоих было что-то отталкивающее. Чайлду подумалось, что жертвы выбирались не случайно, а будто следуя какой-то поэтической справедливости.

Сначала с ним работала женщина в диком макияже, которая специализировалась на оральном сексе. Несколько раз она демонстративно вставляла в рот железные зубы, но ни разу ими не воспользовалась.

Были и другие участники. Так, например, однажды появилась чрезвычайно толстая женщина с прекрасной белой кожей. Лица ее ни разу не показали. Была и еще женщина с превосходной фигурой, но ее лицо всегда скрывала маска. Обе активно использовали свой рот и влажные.

Кроме того, в действии принимали участие двое мужчин в масках. Один из них походил сложением на Игеску, другой — мускулистый гигант — напоминал Глэма. Но Чайлд не был уверен на сто процентов, что может опознать кого-либо из них.

Чадлер, судя по всему, имел скрытую склонность к гомосексуализму, которая обнаружилась скорее всего под действием наркотиков. Один из мужчин несколько раз «вдувал» Бадлеру, а сам Бадлер выступал в активной роли по отношению к мускулистому гиганту.

Когда неожиданно в одной из сцен появился третий мужчина, Чайлд решил, что дело идет к развязке, и приготовился уже было к ужасному финалу. Но ничего дурного с Бадлером не случилось. Станные мужчины и женщины отправляли какой-то ритуал, свиваясь в причудливые фигуры, центром которых неизменно оставался Бадлер.

— Похоже, мы имеем дело с организацией, — прокомментировал происходящее сидевший рядом с Чайлдом комиссар. — Кроме шести непосредственных участников,

должно быть еще по меньшей мере двое для работы с камерой.

В последней сцене фильма (о том, что сцена последняя, Чайлду сказал комиссар перед самым просмотром) Бадлер занимался любовью с женщиной, обладавшей изящной фигурой. Женщина стояла на четвереньках. Камера передвигалась, показывая различные ракурсы, избегая только снимать ее лицо. Многие кадры были сняты с близкого расстояния, очевидно, с использованием гибких световодов — гигантский пенис, входящий под набухшим анусом в похожую на каньон щель.

Камера двинулась вдоль пениса в расщелину, вспыхнуло освещение, и зрители оказались в окружении тысяч тонн плоти. Камеру направили вниз — пенис был похож на кита, бьющегося в подводной пещере.

Внезапно резкий свет погас, а камера вновь стала показывать сзади соитие Бадлера с женщиной. Теперь они находились в постели. Она — лицом вниз, ягодицы приподняты подушкой, подсунутой ей под живот. Бадлер вошел в нее сзади, заведя колено между ее широко раздвинутых ног, и теперь раскачивался в такой позе взад-вперед.

И вдруг... Чайлд весь внутренне сжался... Женщина превратилась в волчицу. От неожиданности у Чайлда замерло сердце. В момент трансформации Бадлер был в той же позиции, медленно отклоняясь назад. (Разумеется, съемки были комбинированные. Бадлер же, по всей видимости, находился под действием наркотика, поскольку он реагировал так, словно метаморфоза происходила у него на глазах.) Он остановился и сел, его эрекция начала спадать. Выглядел он так, как будто происходящее глухо потрясло его.

С глухим рычанием волчица молниеносно повернулась и цапнула его за пенис. Это произошло так быстро, что Чайлд не сразу понял, что мощные челюсти оторвали Бадлеру член.

Из обрубка на постель и зверя потоком хлынула кровь. Бадлер с диким криком завалился назад. Волчица выплонула член и вцепилась в яички. Бадлер больше не кричал. Кожа его посерела. Камера дала крупный план рваной раны, затем медленно сместилась на лицо умирающего.

Опять раздались звуки разбитого пианино, которое играло «Юморески» Дворжака. В комнату вошел Дракула, отдернув драпировку тем же драматическим жестом. Камера пошла вниз по его фигуре. Его длинный тонкий пенис комично торчал из расстегнутой ширинки. Рассмеявшись, Дракула ринулся вперед и схватил волчицу сбоку за шерсть, чтобы засадить в нее сзади свой член. Волчица завывала, изо рта ее вывалились куски мяса. Дракула пристроился сзади нее, она же принялась остервенело рвать зубами кровоточащую рану между ног Бадлера.

Экран потемнел. На нем появились белые буквы: «Продолжение следует». Фильм кончился.

Чайлду опять стало дурно. После просмотра он переговорил с бледным и потрясенным комиссаром. Впрочем, не настолько потрясенным, чтобы увиденное повлияло на его отказ провести расследование в поместье Игеску. Он даже привел против этого вполне логичные доводы (Чайлд и сам их знал). Улик против барона почти не было.

Содержание волков в поместье, предположительное отравление Чайлда, волчья шерсть в машине, волк в фильме — всех этих улик было бы достаточно, чтобы возбудить против барона уголовное дело. Но Игеску — богатый и очень влиятельный человек, и никакого досье на него, вообще ничего, что говорило бы о том, что у него когда-либо были неприятности с полицией, в департаменте не имелось. Даже если от полиции и потребуются принять какие-то меры — а оснований для подобных действий недостаточно, — заниматься этим делом будет полиция Беверли-Хиллз.

Вывод из его рассуждений не был для Чайлда неожиданностью. Чтобы полиция могла возбудить дело против Игеску, Чайлду придется представить неопровержимые свидетельства его вины. На помощь полиции в получении этих доказательств ему рассчитывать нечего.

Возвращаясь домой, Чайлд обратил внимание, что за последние несколько часов воздух снова приобрел серовато-зеленый оттенок.

По дороге детектив заехал на станцию техобслуживания, чтобы заправиться и заменить фару.

— А вы, знаете ли, мой последний клиент, — сказал ему хозяин, снимая деньги с кредитной карточки

Чайлда. — Вот только покончу с писаниной — и закрываюсь, сваливаю из города. С меня хватит!

— Я сделаю то же самое, как только улажу пару дел.

— Да? Город становится городом-призраком, отсюда уезжают все, кто может себе это позволить.

Чайлд заехал в супермаркет. На стоянке он с трудом нашел свободное место. Непохоже, что из города уезжают решительно все. Впрочем, возможно, жители закупили продукты для второго исхода или просто спешили сделать покупки до того, как магазины начнут закрываться. Как бы то ни было, Чайлду пришлось потратить два с половиной часа, чтобы закупить все необходимое. Еще час ушел на то, чтобы проехать полторы мили по забитым машинами улицам.

Детективу не терпелось немедленно отправиться в усадьбу Игеску, хотя он знал, что разумнее будет подождать, пока схлынет поток машин. На его улице крыши машин сливались в единую пеструю реку, и Чайлд сообразил, что ему не удастся даже вывести машину из гаража.

Он попробовал позвонить Сибил, но линия опять не работала. Тогда он отправился к ней пешком, не забыв захватить с собой только что купленный противогаз. Многие пешеходы были в таких же, так что улицы напоминали кадры из фантастического фильма о, например, жизни на Марсе.

Сибил дома не было. Машина стояла на своем месте в гараже. Оставленная им для нее записка все так же наполовину выглядывала из-под половичка, где он ее оставил. Он попытался дозвониться до ее матери, ему даже удалось пробиться на коммутатор, но оператор сказал, что придется долго ждать своей очереди. Он может оставить свой номер, и ему позвонят. От этого варианта Чайлд, поблагодарив, отказался.

Вернувшись домой, Чайлд на всякий случай проверил автоответчик. Звонков в его отсутствие не было. По телевизору передавали знакомые, хотя и слегка подновленные новости. Главной темой оставались смог и массовое бегство жителей. Все это действовало угнетающе. Чайлд попробовал читать, но не смог отвлечься от мыслей о своей бывшей жене и Бадлере. Бездействие изматывало нервы, и детектив решил ехать, несмотря на пробки. Оставалась надежда, что в пригороде будет посвободнее и удастся двигаться с большей скоростью. Он выглянул в

окно. Улица была по-прежнему забита машинами, ползущими в одном направлении. Автомобили отчаянно гудели, водители переругивались или стоически сидели за баранками, сжав зубы. Было ясно, что он не сможет выехать из гаража на улицу. В семь вечера неожиданно пробки исчезли, дороги стали свободными. Словно где-то открыли шлюзы и спустили избыток машин.

Спустившись вниз, детектив без дальнейших осложнений выехал на улицу. К усадьбе он добрался еще до наступления сумерек. Правда, по дороге ему пришлось ненадолго остановиться, чтобы сменить колесо. По всей автостраде были разбросаны различные предметы, один из которых оказался гвоздем, проколовшим левую заднюю покрышку машины Чайлда. Еще одну остановку пришлось сделать из-за полиции. Измученные патрульные разыскивали бандита, ограбившего заправочную станцию. По описанию, у него была машина той же марки, что и у Чайлда. Он заверил полицейских, что он не преступник, по крайней мере не тот, кого они разыскивают. Сам факт, что полицейские стали останавливать машины, свидетельствовал о том, что движение сделалось не таким напряженным, как раньше.

Чайлд развернул машину в конце идущей вдоль усадьбы дороги и задним ходом заехал в кусты. Затем вышел из машины, снял противогоаз и открыл багажник.

Пришлось немало потрудиться, чтобы продрасть через подлесок к стене, да еще таща на себе тяжеленный вещмешок. Оказавшись наконец у подножия стены, Чайлд собрал легкую алюминиевую лестницу и привязал к ней веревку. Конец веревки он перекинул через стену, затем, прихватив с собой небольшой рюкзак, взобрался на лестницу. Когда его голова оказалась вровень с колючей проволокой, он подтянул за веревку с земли наверх игрушечный резиновый туннель.

Накрыв колючую проволоку игрушкой, детектив осторожно пополз, но не сквозь туннель, а поверх него. Под его весом туннель сплющился, так что тело было защищено от металлических колючек двойным слоем резины. Оказавшись на заборе, он осторожно повернулся и поднянул вверх лестницу, после чего опустил ее на землю с внутренней стороны стены. Как только он миновал колючки, туннель он тоже поднял и сбросил на землю.

Ту же процедуру он повторил, перелезая через внутреннюю стену. Оказавшись наверху, он, однако, не стал спускаться вниз, а достал из рюкзака два куска мяса и как мог дальше забросил их во тьму. Оба куска упали на опавшие листья где-то среди корней большого дуба. Затем Чайлд стянул туннель назад и спустился по лестнице вниз. Он сел, облокотившись спиной о стену, и принялся ждать. Если эта часть плана не сработает в ближайшие два часа, все равно придется рискнуть и пойти дальше.

Тьма сгустилась, но воздух не стал прохладней. Не было ни ветерка, ни шороха, не было слышно птиц и насекомых. Поднялась луна. Несколькими минутами позже волчий вой заставил его вскочить на ноги. По голове пошли мурашки, словно кто-то погладил его по волосам холодной рукой. Вой повторился, на этот раз ближе. Послышалось сопение и ворчание, затем чавканье. Время ожидания не прошло впустую — Чайлд не спеша проверил свой револьвер системы «смит-и-вессон» тридцать второго калибра. Выждав еще пять минут, он перебрался через стену, используя все ту же лестницу и игрушечный туннель. Эти свои приспособления детектив спрятал в кустах за деревом на тот случай, если кто-нибудь патрулирует стену. С оружием в руке он пошел искать волков. Вскоре он наткнулся на несколько раздробленных костей — вот все, что осталось от мяса.

Волков он не нашел. Вместо них на листе в лунном свете лежали два обнаженных тела. Оба человека были без сознания, как это, впрочем, и должно было быть, поскольку в мясо было добавлено сильнодействующее снотворное. Чайлд без труда узнал их. Эта пара играла на бильярде, когда он был в доме Игеску. На земле в лунном свете спали Василий Хоркин и миссис Крачнер. Парень лежал на боку, согнув ноги и прижав руки к лицу. Девушка лежала на спине, вытянув ноги и сложив руки под головой. Тело у нее было на редкость красивое. Она весьма смахивала на превратившуюся в волчицу девушку из фильма.

Чайлд был потрясен. Ноги у него подкашивались, ему пришлось сесть на землю, чтобы хоть немного прийти в себя. Он не раздумывал, возможно такое или невозможно. Это просто было. Здесь-то и крылось самое страшное, угрожавшее его представлениям о порядке, царящем во вселенной. Несколько минут спустя он взял себя в

руки и принялся за дело. Клейкой лентой он связал спящим руки за спиной и для верности обмотал ею же несколько раз лодыжки. Затем, тщательно заклеив им рты, он положил парочку на бок лицом друг к другу и остатками клейкой ленты связал их вместе, намотав ленту вокруг шей и лодыжек. Когда работа была закончена, он весь взмок от пота. Чайлд оставил их лежать на поляне, надеясь, что они будут счастливы вместе. А им следовало бы быть счастливыми эти последние часы, поскольку волкам он намеревался перерезать глотки.

Детектив угрюмо зашагал по направлению к поместью. Через пять минут показался силуэт стоящего на вершине холма дома. Приблизившись к нему слева, Чайлд остановился, едва не выстрелив от неожиданности из револьвера, — прямо перед ним мелькнула фигура в длинной старинной одежде. Женщина вышла из тени на освещенную лунной полянку и скрылась в чаще леса.

Третий раз за эту ночь его прошиб пот. Это была Долорес или женщина, играющая роль ее призрака. Но зачем актрисе находиться там, где ее никто не видит? Ведь никто же не знает, что он здесь. По крайней мере, он на это надеялся.

Может быть, как раз сегодня в доме прием и барон, решив поугостить гостей, нанял какую-то женщину, загримировав ее под Долорес?

Перед домом, кроме «роллс-ройса» барона, стояло еще пять машин. На посыпанной гравием подъездной дорожке разместились два «кадиллака», «линкольн», «корд» и «дьюзенберг» 1929 года выпуска. В боковых пристройках было темно, центральная же часть дома была залита ярким светом.

Глэма нигде не было видно.

Чайлд обогнул дом. К стене пристройки примыкал увитый виноградом трельяж, который давал возможность без особого труда забраться на балкон второго этажа. Балконная дверь была закрыта, но не заперта на щеколду. В комнате было темно, жарко и пахло чем-то затхлым. Чайлд ощупью продвигался вдоль стены, пока не нащупал дверь. Она вела в чулан, набитый заплесневелой одеждой.

Детектив опять пошел вдоль стены, пока не обнаружил еще одну дверь. Она вела в тускло освещенный лунным светом из окна коридор. Чайлд включил маленький,

тонкий, как карандаш, воровской фонарик. Миновав лестницу, ведущую на верхний и нижний этажи, он толкнул дверь в другой коридор. Здесь царил полный мрак. Освещая себе путь фонариком, он вошел.

Внезапно ему почудилось, что позади него кто-то шепчется. Постояв немного, он понял, что там никого нет — его подвело разыгравшееся воображение.

В конце длинного коридора его ждала запертая дверь. Пришлось воспользоваться отмычкой. Пока он возился с замком, несколько раз ему казалось, что он слышит у себя за спиной шаги и чужое дыхание, пот заливал ему глаза, струйки бежали по ребрам.

Когда дверь открылась, в глаза ему ударил резкий свет и откуда-то пахнуло холодом. Только он успел выйти в освещенный коридор, как слева в дальнем конце прохода что-то мелькнуло. Чайлду показалось, что это был шлейф платья Долорес. Он — насколько это было возможно в кроссовках — бесшумно бросился бежать по выложенному мраморными плитами коридору. Коридор круто сворачивал вправо, Чайлд затормозил и осторожно заглянул за угол. В дальнем конце коридора лицом к нему стояла высокая черноволосая женщина — он уже видел ее однажды на портрете над камином. Женщина приветливо кивнула, судя по всему, именно ему, Чайлду, раз больше никого в коридоре не было, и скрылась за поворотом.

Чайлд растерялся, ему показалось, что сами стены вокруг него закачались. И снова — бегом по коридору, и снова — поворот; на этот раз темный шлейф мелькнул в дверях какой-то комнаты в самой середине очередного, уже третьего по счету, коридора.

Дверь вела в темную комнату. Пошарив рукой по стене, детектив нащупал выключатель, повернул его. Загорелась лампочка в торшере, стоящем возле огромной кровати под балдахином. Чайлд плохо разбирался в мебели, но он сумел определить, что кровать была сделана в стиле какого-то из Людовиков, скорее всего Людовика Четырнадцатого.

Остальная обстановка соответствовала кровати. В самом центре комнаты из лепной розетки в потолке свисала массивная хрустальная люстра.

Стены были обшиты белыми панелями; одна из них прямо у него на глазах поворачивалась, закрывая какой-то ход или лаз. Других дверей в комнате не было.

Но разве привидению, чтобы попасть из комнаты в комнату, нужно открывать двери? Разве они пользуются потайными ходами?

Может, и пользуются, если только они вообще существуют.

Однако у Чайлда не было никаких свидетельств того, что Долорес — кто бы она ни была — призрак.

Если эту женщину подослал Игеску, то она специально привела его сюда к этому потайному проходу. В статье из коллекции Хипиша говорилось, что в старинной части дома в стенах имелись потайные проходы, что были даже подземные ходы, ведущие в лес. Дон дель Осоройо специально устроил их при строительстве дома, поскольку жил в постоянном страхе перед бандитами, индейцами, взбунтовавшимися крестьянами и, возможно, правительственными войсками. Похоже, у дона частенько случались неприятности со сборщиками налогов. Ходили слухи, что в своих подвалах он прячет золото и серебро.

Когда первый барон Игеску, дядя нынешнего владельца, добавил к дому пристройки, он тоже не забыл о потайных ходах, которые, влившись в общую систему, соединили новые строения с центральной частью дома. Существование лабиринта потайных ходов ни для кого не было таким уж секретом: строительные рабочие немало судачили об этой причуде барона. Однако никаких планов дома не сохранилось, а работавшие в поместье строительные рабочие теперь были или мертвы, или слишком стары, чтобы хоть что-то помнить.

Настенная панель, закрывшаяся у него перед носом, как раз и вела в такой потайной ход. Возможно, ему специально ее показали. Возможно, это подстроенная бароном ловушка. Впрочем, есть возможность, что Долорес показала ему проход по собственной воле. Но зачем? Как бы то ни было, он решил пойти этим путем.

Насущной проблемой было найти способ открыть потайную дверь. Он прощупал и простучал панель. Нигде ни малейшего намека на выступ или отверстие. Внезапно Чайлд резко обернулся: ему показалось, что за его спиной что-то шевельнулось. Однако никого там не было. Детектив увидел только свое отражение в огромном зеркале, занимавшем полстены в дальнем конце комнаты.

С этим зеркалом было что-то не так. Оно не искажало отражение, так как это делают зеркала в комнатах смеха. Искажения, если только их можно так назвать, были едва различимы. Все в этом зеркале менялось: картина на стене, кровать с балдахином и он сам. Словно все предметы, отраженные в зеркале, находились под водой, а он смотрел на все это сквозь иллюминатор. Отражение немного рябило, предметы воспринимались то нормально, то начинали искажаться и покачиваться, и все приобретало зловещий вид. Сам он в зеркале выглядел порочным, злобным, безжалостным.

Чайлд медленно подошел поближе. Его отражение, покачиваясь, тоже приблизилось. Отражение улыбалось. Чайлд неожиданно понял, что улыбается — и достаточно ехидно — он сам. Но улыбка в зеркале излучала какую-то извращенную любовь. Любовь на грани ненависти ко всему живому. Любовь, несущую разложение.

В этой улыбке чувствовался привкус отвращения, злобы и смерти. К горлу подкатил противный комок. Чайлду даже показалось, что у него начинается морская болезнь.

Пришлось отвернуться от зеркала, но при этом появилось чувство неуверенности и беспомощности, как будто человек с той стороны стекла вот-вот всадит ему в спину нож.

Его сильно раздражало и само зеркало, и отраженная в нем комната. Нужно выбираться отсюда. Если в ближайшее время ему не удастся открыть панель, он покинет комнату через дверь.

Искать скрытую защелку было бессмысленно. Возможно, запорный рычаг находился не на панели, а где-то в другом месте — может быть, за картиной.

На картине был изображен человек, похожий на Игеску — вероятно, его дядя. Чайлд приподнял картину, снял ее с крюка и поставил на пол. Но стена за картиной была гладкой, во всяком случае, скрытой кнопки, управляющей панелью, там не нашлось.

Он повесил картину на место. Когда он ее поднимал, ему показалось, что рама стала вдвое тяжелее. Комната будто высасывала из него силы.

Повесив картину и повернувшись, Чайлд замер на месте. Панель распахнулась внутрь, и внутри была тьма. Затем панель вновь стала закрываться. Чайлд подождал, пока она закроется полностью, и слегка повернул картину. Ничего не произошло. Тогда он резко приподнял раму, и панель тут же покорно распахнулась.

Чайлд не стал мешкать. Он подбежал к открывшемуся проему и решительно, но осторожно пощупал мрак ногой, убеждаясь, что пол там есть и он, пол, прочен. Затем сделал шаг во тьму, давая панели закрыться.

Детектив оказался в полной темноте. В застоявшемся воздухе пахло гнилыми досками, осыпавшейся штукатуркой и мышами. Принюхавшись как следует, можно было также различить легкий запах вечерних духов.

Луч фонарика осветил пыльный коридор шириной в четыре фута и высотой в семь. Коридор не заканчивался перед стеной холла, как он подумал вначале, черный колодец в конце коридора оказался лестницей вниз. Внизу находилась небольшая площадка, а на ее противоположной стороне начиналась следующая лестница, ведущая вверх — к проходу по другую сторону холла.

На противоположной стороне проход шел прямо футов пятьдесят, затем поворачивал. Чайлд медленно продвигался вперед, тщательно осматривая стены, потолок и пол. Это помогло ему обнаружить небольшую дверку.

Для потайной двери она была слишком мала и располагалась слишком высоко. Он открыл щеколду, выключил фонарь и медленно распахнул дверку, стараясь избежать скрипа петель. За ней находилось полупрозрачное зеркальное стекло, сквозь которое Чайлд увидел спальню. Тут же в спальню из холла вошла женщина тициановского типа. Она прошла мимо него в каких-то пяти футах и скрылась в другой двери. На ней было платье в больших красных цветах и босоножки.

Женщина оказалась очень красивой, от ее вида Чайлда словно током ударило. Такое чувство при виде женщин, которыми он не мог обладать, он испытывал всего лишь трижды за всю жизнь.

Чайлд стал нервничать, подумывая о том, что пора двигаться дальше. Но его удержало предчувствие, что если он немного подождет, то сможет узнать что-то очень важное. У женщины был слишком уж решительный вид.

Такой вид бывает у людей, которым предстоит сделать что-то особенное.

Чайлд приложил ухо к стеклу и уловил звуки мелодии Штрауса. Опять «Так говорил Заратустра»! Музыка, должно быть, доносилась из комнаты, в которую ушла женщина.

Обстановка спальни была, пожалуй, мрачноватой для молодой женщины. Спальня барона, из которой он прошел в потайной ход (если только та комната действительно принадлежала барону), без сомнения, больше подошла бы этой красавице. А уж это помещение никак не располагало к веселью, если не считать за веселую шутку то небольшое зеркало, сквозь которое он подглядывал. Снизу до высоты шести футов стены комнаты были обшиты темными деревянными панелями, выше начинались темные обои с бледными изображениями странных птиц, извивающихся драконов, Адама и Евы под яблоней. Рисунков змея не было.

Узор некогда пышного темного ковра на полу изрядно вывел от времени. Большая кровать под балдахином опиралась на ножки, сделанные в форме лап дракона, покрывало на ней и сам балдахин были кроваво-красного цвета. На противоположной стороне комнаты находилось трехстворчатое зеркало, какие обычно ставят в примерочных магазинов одежды. Оно отражало окно, сквозь которое Чайлд смотрел в комнату. Вернее, оно отражало зеркало, висящее над большим красно-коричневым туалетным столиком.

Люстра, собранная из кусков почти нешлифованного кварца, мерцающая многочисленными темно-желтыми плафонами, не горела. Комната освещалась только торшером и настольной лампой. По углам лежала густая тень.

Чайлд ждал обливаясь потом. В узком проходе было жарко и душно. Запахи гнилого дерева, штукатурки и давно сдохших мышей усилились и перестали радовать обоняние, а запах парфюмерии совершенно выдохся. Когда Чайлд уже начал терять надежду что-нибудь увидеть, женщина вернулась.

Теперь она была совершенно нагой. Ее рыжие волосы свободно спадали на плечи и спину. В руках у нее была бутылка, которую она ласково сжимала за горлышко, часто поднося к губам. Женщина уверенно подошла к туалетному столику и остановилась, запрокинув голову.

Когда в бутылке осталось не больше двух дюймов жидкости, она поставила ее на столик и наклонилась к зеркалу.

Быстро стерев макияж, она стала всматриваться в зеркало, очевидно, выискивая дефекты в своем отражении. Чайлд поспешно отшатнулся, но затем вновь придвинулся к зеркалу. Если женщина и знала, что это зеркало с секретом, то, видимо, ей было все равно, есть ли кто-нибудь с той стороны стекла. Возможно, предполагалось, что чужих там быть не может. Вероятно, только барон мог знать об этом скрытом проходе.

Судя по улыбке, появившейся на ее лице, женщина осталась удовлетворена результатами инспекции. Она встала на цыпочки, внимательно оглядела свое тело и улыбнулась еще шире. Чайлд немедленно почувствовал половое возбуждение и неловкость за то, что подсматривает. Испытывать возбуждение было приятнее, чем стыдиться.

Женщина немножко повертелась перед зеркалом, покачивая бедрами. Затем погладила себя по ягодицам, подхватила ладонями груди снизу и нежно потеревшила соски. Соски стали набухать и вскоре напряглись. У Чайлда тоже набухло и напряглось, но в другом месте.

Продолжая поглаживать грудь левой рукой, женщина опустила правую. Чуть-чуть раздвинув безмянным и указательным пальцами малые губы, она вложила между ними средний и прикоснулась к клитору. Несколько минут она энергично работала пальцем, затем неожиданно с выражением полного блаженства на лице запрокинула голову.

Чайлд почувствовал одновременно нечто вроде оргазма и отвращения. Наверное, подглядывать за женщиной в таких обстоятельствах было скверно. Ему очень захотелось уйти, но он мужественно объяснил себе, что находится здесь не из любопытства, а чтобы расследовать случаи похищения людей и их убийства.

Женщина продолжала поглаживать клитор и влажно-розовые половые губы. Неожиданно из глубины влагалища показалось что-то, похожее на тонкий белый язык. Чайлд понял, что потрясен, хотя, честно говоря, чего-нибудь подобного ожидал.

Это был не язык. Скорее нечто, похожее на змею или угря. Какой длины было *это*, еще нельзя было с уверенностью определить, потому что змеиное тело про-

должало выползать. Кожа существа была белой и гладкой, совсем как женский живот, а само оно блестело от слизи.

Существо поднялось в воздух, подобно пенису во время эрекции, притронулось к животу женщины, опустилось на него и, изгибаясь и извиваясь, поползло вверх. А змееподобное тело все продолжало выползать из чрева. Вот *это* уже обвилось вокруг левой груди женщины... Тут Чайлду наконец удалось рассмотреть голову существа. Была она размером с мяч для гольфа, трогательно лысая, вокруг крохотных ушек — щеточка черных волос, перепачканных слизью. Еще на мордочке существа обнаружились две черные бровки — также покрытые слизью — и влажная черная борода — как у Мефистофеля. Нос, подпертый сопливыми усами, был непропорционально большим и мясистым. Глаза казались черными. Впрочем, были они такими маленькими и посажены так глубоко, что казались бы черными, даже если б в действительности были ярко-голубыми. Рот был похож на маленькую щель; когда существо приоткрыло его, Чайлд успел заметить два ряда крохотных желтых зубов и красный язычок.

Хотя лицо было размером с фотографию на удостоверение, на нем ясно читалось злое выражение.

Губы женщины задвигались. Хотя Чайлд не мог ее слышать, он предположил, что она напевает. Змея продолжала ползти вверх, ее тело все выползало из розовой расщелины, обрамленной рыжеватыми кустиками. Вот она уже заползла на плечо, обвилась вокруг шеи, головка зависла в воздухе, глядя женщине в глаза.

Тициановская красавица повернулась, позволяя Чайлду полюбоваться ее профилем. На змею она смотрела с такой гордостью и любовью, словно тварь была ее пенисом. Ее длинные красивые пальцы поглаживали змеевидное тело. Одной рукой она нежно и крепко обхватила змея за шею около головы, другая рука скользила вниз и вверх по телу странного создания так, будто женщина продолжала мастурбировать — теперь уже по-мужски.

Змеевидное существо затрепетало. Головка дотронулась до нижней губы женщины. Казалось, что оно укусило женщину за губу, та отдернула голову назад, будто ужаленная. Затем она, открыв рот, наклонила лицо и засосала змеиную голову в рот. Чайлд не мог пошевелиться. Он подумал: как это существо там во рту

дышит? Затем до него дошло, что тому, наверное, еще труднее дышать, когда оно, свернувшись, лежит во чреве.

Хотя у существа и есть нос, по-видимому, он ему нужен не для дыхания. Кислород поступает к нему из системы кровообращения женщины через соединяющие их тела кровеносные сосуды.

Эта голова раньше принадлежала взрослому мужчине; по непонятной причине Чайлд интуитивно был уверен в этом. Теперь, при помощи какого-то невероятного средства, голову уменьшили до размера мячика для гольфа и посадили на туловище змеи, или его тело было трансформировано, или... Чайлд потряс головой. Да разве все это возможно? Может, его опять накачали наркотиком? Сначала зеркало, теперь эта змея...

Тело змеи изогнулось, головка выскользнула из рта, змея стала покачиваться, как кобра перед флейтой. Тем временем женщина запустила руку в рот и вытащила вставную челюсть. Ее губы запали, она сразу постарела. Прежде чем она успела положить зубы на столик, змея рывком кинулась в беззубый рот, ее тело изогнулось, и она начала скользить вперед и назад между ее губами.

Сначала движения змеиного тела были медленными, затем они ускорились. Женщина побледнела, по ее телу прошла волна дрожи, глаза полуоткрылись, веки затрепетали, взгляд застыл, дрожь усилилась. Она попятилась, пока не уперлась в кровать. Тут она рухнула спиной на красное покрывало; одна нога осталась на полу, вторая поднялась в воздух. Минуты полторы ее тело содрогалось.

Когда она затихла, змея выскользнула из рта и поднялась в полный рост, покачиваясь из стороны в сторону. Затем она опустилась на грудь женщины и начала покусывать ее сосок.

Руки женщины приподнялись, как сонные птицы, встревоженные шумом, затем успокоились.

Змея тоже затихла и начала медленными зигзагами вытягиваться обратно в темно-рыжий кустарник, волоча за собой головку.

Чайлд пытался понять, что же он видел.

Оборотня? Вампира? Что это такое? Он нигде не читал ни о чем подобном.

Женщина встала и подошла к туалетному столику. Глядя в зеркало, она вставила искусственную челюсть в

рот и сразу помолодела, снова превратившись в самую красивую женщину в мире.

Но она также была самой ужасной женщиной из тех, кого он знал.

В этот момент дверь, ведущая в холл, вновь распахнулась. Чайлд похолодел, словно его окунули в прорубь на Северном полюсе: в дверном проеме стояла бледная Долорес дель Осоройо. Женщина, увидевшая ее появление в зеркале, посерела, пронзительно закричала, повернулась и побежала к двери, схватив бутылку за горлышко. Несмотря на свой страх, она отважно атаковала испугавшую ее женщину.

Долорес усмехнулась и ткнула в женщину указательным пальцем. Та подняла над головой бутылку и замахнулась. Чайлд понял, что Долорес показывает не на женщину, она показывает на него, точнее, на зеркало, за которым он прячется.

Женщина обернулась, глянула в зеркало, сбита с толку, затем развернулась и закричала почему-то на Долорес. Та улынулась и вышла, прикрыв за собой дверь.

Женщина медленно подошла к двери, осторожно ее открыла и выглянула в коридор. Даже если она что-нибудь там и увидела, то не бросилась в погоню, а закрыла дверь, затем прикончила бутылку, вернулась к туалетному столику, придвинула стул и села, опустив голову на руки.

Через несколько минут на щеки ее вернулся румянец, она выпрямилась. В глазах женщины стояли слезы, а лицо постарело лет на десять. Она наклонилась к зеркалу, посмотрелась в него и вышла в соседнюю комнату, где, как решил Чайлд, находилась ванная.

Ее реакция на появление Долорес была не столь спокойной, как у барона. Здесь, когда она была одна в комнате, появление испанки вызвало у нее неподдельный ужас. Если бы Долорес была подделкой и об этом было известно обитателям дома, зачем так реагировать на ее появление?

У Чайлда появилась уверенность, что Долорес дель Осоройо не была нанятой актрисой, играющей роль призрака. Но, возможно, ужас женщины был вызван какой-то другой причиной?

Чайлд не пришел к окончательному выводу.

Детектив поискал вход в комнату и, не найдя панели, скрывающей вход, пошел дальше. Скоро он обнаружил

вторую дверку, закрывающую полупрозрачное зеркало. Сквозь него была видна комната, обставленная в старинном испанском стиле. Гармонию обстановки нарушал только стоящий на столике телефон. В комнате никого не было.

Дальше по коридору Чайлд обнаружил панель, скрывавшую вход еще куда-то. Рядом с ней за небольшой отодвигающейся пластинкой находился глазок. Чайлд заглянул в него: в помещении было темно, хотя дальний конец комнаты слабо освещался лучом, проникающим сквозь замочную скважину. Откуда-то доносился голос: кто-то говорил по телефону на неизвестном Чайлду языке.

За комнатой коридор раздваивался. Чайлд прошел немного по каждому ответвлению — из каждого из них можно было пройти через скрытый проход в комнату странной многоугольной формы. Прежде чем открыть потайную дверь, Чайлд посмотрел через глазок, но ничего не смог разглядеть в темноте. Открыв панель, он пошарил рукой в проходе, нащупал тяжелую драпировку и осторожно, стараясь не дотрагиваться до нее, протиснулся в комнату. Прижимаясь спиной к стене, он осторожно двинулся вдоль нее. Дойдя до угла комнаты, Чайлд слегка отогнул край занавеси и одним глазом заглянул в комнату.

В комнате было темно, и Чайлд включил фонарик. Луч осветил стоящую на треноге кинокамеру, затем стол в форме буквы «Y». Чайлд находился в той самой комнате, где провели свои последние часы Колбен и Бадлер.

Угол комнаты занимала кровать. На маленьком столике стояла большая темно-зеленая пепельница, сделанная из неизвестного Чайлду материала. В самом центре грубо обработанной чаши помещалась высокая статуэтка. Она изображала обнаженного мужчину, превращающегося в волка. Или наоборот. До уровня груди его тело было человеческим; выше волосатые плечи переходили в напряженные волчьи лапы. Лицо оборотня, очевидно, было показано в момент метаморфозы: волчьи уши прижимались к загривку, но лицо еще оставалось человеческим.

В чаше пепельницы обнаружили окурки, несколько дюжин. На некоторых имелись следы губной помады, другие были испачканы запекшейся кровью.

Чайлд решительно включил в комнате свет и несколько раз щелкнул принесенным с собой фотоаппаратом. Теперь у него было то, за чем он сюда пришел.

Можно было попытаться выбраться отсюда, но он по-прежнему не знал, в этом доме Сибил или нет. Кроме того, он надеялся обнаружить еще более убедительные для полиции улики.

Он вернулся в потайной ход и теперь выбрал правый коридор. Вскоре тот в свою очередь раздвоился. Поразмыслив, Чайлд вновь свернул направо. Скоро на его пути оказалась лестница, ведущая куда-то вниз.

Ступеньки лестницы были скользкими, как мыло. Ему все-таки удалось миновать шесть ступенек, оставаясь при этом на ногах, потом он поскользнулся и грохнулся на спину. И покатился вниз, как по ледяной горке.

Он попытался затормозить, вытянув руки в стороны и цепляясь за стены, но стены были такими же скользкими, как и ступени. Внизу в свете все еще работающего фонарика он увидел открытый люк; как раз перед ним ступени сглаживались, образуя желоб. Детектив скользнул вниз, крышка люка захлопнулась над ним — и Чайлд оказался в крохотной камерке с глухими стенами.

Он даже не почувствовал запаха газа. Очень скоро Чайлд глубоко и мирно спал.

ГЛАВА 14

Чайлду было неизвестно, сколько он проспал. Его револьвер, фонарик, фотоаппарат и наручные часы исчезли. Голова раскалывалась, во рту пересохло, было такое ощущение, будто он приходит в себя после беспробудного трехдневного пьянства. Он обнаружил, что обмочился. Загорелся свет. Чайлд лежал на алых простынях в большой кровати. Комната была ему незнакома. Она была большой, черные стены оказались задрапированы алой тканью с желтой окантовкой. В качестве украшения на одной из стен были прикреплены две перекрещенные рапиры. Пол в комнате был из темного полированного дерева, на нем лежали алые ковры. У стен стояло несколько чугунных стульев с высокими спинками. На их сиденьях лежали алые подушки. В комнате стоял большой деревянный шкаф. Осматривая комнату,

Чайлд подумал о страхе, который должны испытывать вампиры перед железом и крестами. В доме было много предметов из железа. Хотя распятий он не видел, часто встречались предметы в виде крестов, такие, как висящие на стене перекрещенные рапиры. Если Игеску был вампиром (Чайлду казалось смешным даже думать об этом), то он не боялся железа и символа креста.

Возможно (только возможно), эти создания за сотни лет приобрели иммунитет к столь страшным для них когда-то вещам, если только они когда-нибудь на самом деле боялись железа и распятия.

Поспешиваясь, Чайлд встал с постели. Он не успел осмотреть стены комнаты в поисках скрытого прохода, через который можно было скрыться, как дверь распахнулась и вошел Глэм. Комната сразу будто уменьшилась в размерах. Подойдя к Чайлду, Глэм посмотрел на него сверху вниз. Чайлд был поражен его светящимися, словно радиоактивными, желтыми глазами. Волосы свисали из ноздрей как сталактиты. Из рта «шофера» смердело, будто он наелся тухлых осьминогов.

— Барон сказал, ты должен прийти на ужин, — проревел он.

— В этой одежде?

Глэм посмотрел на мокрые штаны Чайлда и усмехнулся.

— Барон сказал, ты можешь переодеться, в шкафу есть подходящая одежда.

Шкаф своим размером напоминал небольшую комнату. Детектив удивленно поднял брови при виде самых разных предметов мужской и женской одежды, висевшей в нем. Интересно, кому она могла бы принадлежать? Они живы или мертвы? Может, на некоторых тряпках, висящих в шкафу, пришиты ярлыки с фамилиями их бывших владельцев — Колбена и Бадлера? Или ярлыки отпороты, ведь барон не настолько глуп, чтобы оставлять столь явные улики? А может, он именно настолько глуп. Иначе зачем ему посылать эти фильмы в департамент полиции?

Нет, Чайлд не считал барона дураком.

Вымывшись в роскошной ванне, детектив облачился в найденный в шкафу смокинг. Глэм провел Чайлда через несколько коридоров, потом они спустились вниз по лестнице. Чайлд не узнавал коридоров, по которым они шли,

в столовой он тоже никогда не был. Дом был поистине громадным.

Столовая была обставлена, насколько Чайлд мог судить, в викторианско-итальянском стиле. Стены комнаты были отделаны серо-черным мрамором. В левой стене разместились внушительных размеров камин, отделанный плитой красного мрамора. Над ним висел портрет сурового седого усатого господина, облаченного в светло-красный сюртук с большими отворотами и белую с оборками сорочку.

Пол был вымощен черным мрамором. Массивная мебель — из черного же дерева. Белая вышитая скатерть покрывала стол, на котором стояли массивные серебряные блюда и кубки. Стол освещался тяжелыми высокими серебряными подсвечниками, в которых горели толстые красные свечи. Красные свечи были вставлены и в массивную люстру из горного хрусталя, но они были потушены. Глэм подвел Чайлда к свободному стулу. Барон, сидящий во главе стола, широко улыбнулся, приветствуя его:

— Добро пожаловать, мистер Чайлд. Невзирая на печальные обстоятельства — добро пожаловать! Пожалуй-ста, располагайтесь вон там, рядом с миссис Грасачевой.

За столом сидело десять человек: четверо мужчин и шесть женщин: барон, Магда Холиани, миссис Грасачева — самая толстая женщина, какую он когда-либо видел, бабушка барона, которой явно было не меньше ста лет, Вивьен Мабкруф — женщина с тициановскими волосами и чертоговой змеей в чреве, О'Райли О'Фэйтхэйр — привлекательный брюнет лет тридцати пяти, говоривший с приятным ирландским акцентом и временами обменивавшийся с бароном и Вивьен фразами на неизвестном языке. Мистер Бендинг Грасс — с широким, почти круглым лицом, высокими скулами, огромным орлиным носом и огромными, слегка раскосыми и очень темными глазами; он вполне мог бы сойти за близнеца Сидящего Быка, если бы что-то, сказанное им миссис Грасачевой, не указывало на его принадлежность к клану Ворона, — индеец, а потому скорее всего его следовало бы называть не Бендинг Грасс, а Колышущаяся Трава. Говоря о горце, Джоне Джонсоне, он неизменно называл его «пожирателем печени Джонсоном», как будто был ему соплеменником. Дальше сидели Фред Пао, высокий худой китаец с тонким лицом,

которое вполне могло бы сойти за выточенную из тикового дерева маску, и усами и эспаньолкой а ла Фу Манчу, и Панчита Посьютль, очаровательная крошка из мексиканских индейцев. Ребекка Нгима, гибкая и совершенно черная негритянка, облаченная в длинные, до пола, белые национальные одежды, завершала ряд.

Впрочем, все гости были тщательно и со вкусом одеты. И хотя в их речи улавливался легкий иностранный акцент, по-английски они говорили свободно, без грамматических ошибок, и сама беседа этого разношерстного общества изобиловала всевозможными философскими, литературными, историческими и даже музыкальными аллюзиями. Они упоминали события, географические названия и исторических деятелей, о которых Чайлд никогда не слышал, а ведь он считал себя начитанным человеком. Судя по их разговорам, они успели много попутешествовать и — кольнуло холодом у него под сердцем — пожить во времена, давно ушедшие.

Что, представление в его честь? В дополнение к прочим розыгрышам? Но с какой целью его дурачат?

От этих размышлений его оторвал барон, который снова — еще одно шокирующее обстоятельство — обратился к нему как к мистеру Чайлду. Вздрогнув, Геральд сообразил, что это уже не в первый раз. Тогда он, наверное, был слишком одурманен, чтобы понять, что это значит.

— Как вы узнали мое имя? Я не захватил с собой визитной карточки.

Барон улыбнулся:

— Вы ведь не думаете, что я вам отвечу на этот вопрос?

Чайлд пожал плечами и принялся за еду. На столе имелся большой выбор блюд, но Чайлд выбрал мясо по-нью-йоркски с запеченным картофелем. Миссис Грасачева, сидевшая рядом с ним, ела большую рыбину, постоянно подливая себе в рюмку бурбонское из высокого графина. Когда она кончила есть, графин был пуст. За столом прислуживал Глэм и две стройные женщины в форме горничных. Однако эти последние вели себя вовсе не как прислуга. Они без стеснения то и дело обменивались репликами с гостями и хозяином. Несколько раз они бросали гостям реплики на неизвестном языке, что неизменно вызывало веселый смех. Глэм говорил только

тогда, когда это было необходимо для выполнения его обязанностей. Он часто поглядывал на Магду.

Баронесса, сидящая напротив внука, согнулась над супом, будто стервятник. Суп был единственным, что она ела. Прежде чем начать, она подождала, пока суп остынет. Она почти ничего не говорила и только дважды взглянула на гостей. Старуха вела себя так, словно ее недавно привезли из египетской пирамиды и скоро увезут обратно в склеп. Глухое из красного бархата платье с алмазными блестками и кружевами выглядело так, словно оно было сшито году в 1890-м.

Миссис Грасачева, толстая, как две свиньи, сложенные вместе, имела нежную белую кожу и большие темные глаза. Когда она была моложе и стройнее, ее вполне можно было бы назвать красавицей. Однако говорила она с такими интонациями, как будто продолжала считать себя самой красивой в мире женщиной. Она громко и без умолку болтала о мужчинах, умерших ради ее любви. К концу вечера, когда она выпила два галлона виски, ее язык стал заплетаться. Чайлду стало страшно. Хотя она и была пьяна и не могла говорить разборчиво, судя по ее комплекции, ей вполне было под силу прикончить кого угодно.

Она пила значительно больше китайца Пао, тоже старательно налегавшего на вино. Никто не делал ей замечаний, и никого это не беспокоило. Однако Игеску отозвал в сторону китайца, чтобы вполголоса обменяться с ним парой фраз. Чайлд не слышал, о чем они разговаривают, но видел, как пальцы Игеску сжали запястье Пао так, что большой палец указал на него, Чайлда.

Задрожав, Пао выбежал из комнаты. Он куда-то сильно торопился.

Принесли сигары, бренди и вино. (Боже! Неужели миссис Грасачева действительно собирается курить десятидолларовую сигару и запивать ее бренди после того, как только что пила виски?)

— Вы понимаете, что я мог вас убить за вторжение, за ваше подглядывание за мной? — обратился к Чайлду барон. — Теперь, может быть, вы расскажете, зачем вы здесь?

Чайлд колебался: барон знает его имя, и, следовательно, ему известно, что он частный детектив и что его напарником был убитый Колбен. Ему должно быть понятно,

что Чайлд ищет убийцу и что его каким-то образом выследили. Вероятно, его интересует, как Чайлд вышел на его след. Его также должно интересовать, сказал Чайлд кому-нибудь, куда он направился, или нет.

Поэтому Чайлд заявил, что полиции прекрасно известно, где он, и что если он не вернется, то полицейские нагрянут в усадьбу, чтобы выяснить, что с ним случилось.

Игеску выслушал все это с улыбкой.

— И что же они найдут? — раздумчиво произнес он. — Если, разумеется, действительно заявятся сюда, в чем я сомневаюсь. Быть может, им удастся обнаружить что-нибудь такое, о чем я или мои слуги не подозреваем? Например, если полицейские найдут в лесу двух связанных вместе людей, они очень удивятся.

В этот момент в комнату вошли Василий Хоркин и миссис Крачнер, полностью одетые. На мгновение они остолбенели, увидев Чайлда, затем парень подошел к барону и начал что-то шептать ему на ухо. Потом он присел к столу и выбрал себе блюдо. Игеску посмотрел на Чайлда, нахмурился, но тут же снова улыбнулся. Он что-то сказал миссис Крачнер, та засмеялась и села рядом с Хоркиным. Чайлд почувствовал себя одураченным, он был беспомощен в этой ситуации. Конечно, можно было попытаться бежать, но он не верил, что ему дадут уйти. Оставалось только тянуть время и ждать, что у него появится хоть какой-то шанс.

Барон поднес к носу бокал с бренди, посмотрел поверх бокала на Чайлда, затем понюхал напиток и спросил:

— Вам удалось познакомиться с трудами Мишеля Гаро?

— Не удалось, ведь университетская библиотека закрыта в связи со смогом.

— Тогда пройдемте в библиотеку, там мы сможем поговорить спокойно.

Миссис Грасачева тяжело поднялась со стула, отдуваясь, как пьяный кит. Она обняла Чайлда за плечи, навалившись на него животом, напомнившим тому клубок лиан в джунглях.

— Я пойду с тобой, мальчик, ты не должен меня оставлять.

— Подожди его здесь немного, он скоро вернется, — отрезал Игеску.

Миссис Грасачева бросила на барона свирепый взгляд, но отпустила Чайлда и села на место.

Библиотека оказалась просторной полутемной комнатой с обитыми кожей стенами. На массивных полках стояло не меньше пяти тысяч книг. Некоторые из них на вид казались очень древними. Барон сел в кожаное кресло с деревянной спинкой, сделанной в виде крылатого Сатаны. Чайлд сел в такое же кресло напротив, только у его кресла спинка была выполнена в виде тролля.

— Мишель ле Гаро... — начал барон.

— Что здесь происходит? Что это за вечеринка? И кто эти люди?

— Вы не интересуетесь Мишелем ле Гаро?

— Конечно, мне очень интересно знать, что он там написал, но сейчас для меня есть более интересные вещи. Например, моя дальнейшая судьба.

— Ваша жизнь для вас, в вашем положении, сейчас важнее всего, — это несомненно. Прочие лишь играют ту роль, какую вы позволяете им играть. Впрочем, это совсем иная теория. В настоящее же время давайте вести себя так, словно вы мой гость и можете в любое время покинуть этот дом. Так оно, кстати, и есть... во всяком случае, так оно может стать. Кто знает... Поверьте мне, я не стал бы рассуждать о Мишеле ле Гаро только ради того, чтобы убить время. Разве я похож на такого человека?

Барон продолжал улыбаться. Чайлд же думал о Сибил и злился. Он знал, что нет смысла спрашивать о ней барона. Если барон действительно похитил ее, то признает он это только в том случае, если такое признание послужит какой-то скрытой его цели.

— Старый бельгийский ученый, — продолжал барон, — знал об оккультных, сверхъестественных вещах и так называемых «странностях» гораздо больше, чем кто-либо из когда-либо живших людей. Я не имею в виду, что он знал больше всех остальных, вместе взятых. Я лишь хочу сказать, что он знал больше любого человека.

Барон сделал паузу, чтобы затянуться сигарой. Чайлд напрягся, хотя он и прилагал усилия к тому, чтобы расслабиться.

— Старый ле Гаро разыскал записи, которые не сумели найти другие ученые, или же увидел в них то, что другие ученые пропустили. А может, он сумел поговорить с

некоторыми — как бы их назвать? — нелюдями? Итак, с некоторыми нелюдями, или псевдолюдьми, — и получил свои «факты», которые мы назовем теорией, непосредственно от них. Как бы то ни было, ле Гаро предполагал, что так называемые вампиры, оборотни, призраки и подобные им создания могут быть существами из параллельных вселенных. Вы знаете, что такое параллельные миры?

— Это — концепция, выдуманная каким-то из писателей-фантастов, — сказал Чайлд. — Если я не ошибаюсь, согласно этой теории целый ряд, а возможно, и бесконечное множество миров могут одновременно находиться в одном и том же месте вселенной. Такое возможно, поскольку все они поляризованы или расположены под правильными углами относительно друг друга. Термины эти на самом деле сущая бессмыслица, но они указывают на то, что некий неизвестный механизм физики позволяет более чем одному космосу заполнять одно данное — кавычки открываются — пространство — конец цитаты. Концепция параллельных миров использовалась и используется писателями-фантастами, чтобы описывать фантастические миры, за исключением некоторых мелочей, схожие с нашим или сильно от него отличающиеся. В таких мирах, скажем, Юг в гражданской войне одерживает победу над Севером.

— Прекрасно, — одобрительно кивнул барон. — Только ваши примеры не совсем корректны. Ни одна из тех историй, о которых вы думаете, не постулирует существование параллельных миров. Сюжеты Черчилла и Кэнтера были «что-если-историями», а роман Мура* — вообще из разряда путешествий во времени. Однако основная идея верна. Как бы то ни было, Мишель ле Гаро первым опубликовал теорию существования параллельных миров. Тираж его книги столь мал, а теория настолько запутанна, что знают о ней лишь очень немногие. И ле Гаро вовсе не постулировал существования серии вселенных, которые лишь слегка расходятся на одном конце серии — то есть на конце, ближайшем к земному космосу — и все более удаляются от него по мере удаления от Земли.

* Мур, Уорд — американский фантаст, автор романа «Дарю вам праздник», описывающего Америку, в которой Юг победил Север.

Нет, он, напротив, предполагал, что параллельные вселенные не имеют ничего общего с этим миром, что в них действуют совершенно иные физические законы, что многие из них окажутся совершенно неподвластны пониманию землянина, случайно прорвавшего «стену» между вселенными.

— А далее он, кажется, утверждал, что в этих «стенах» могут существовать «ворота» и «щели» и что временами, проскочив через них, житель одной вселенной может попасть в другую, так?

— Ну, на самом деле он пошел гораздо дальше. Он называл эти свои спекуляции теорией, но в действительности был уверен, что это не теория, а неопровержимый факт. Старый бельгиец полагал, что в «стенах» существуют временные бреши, случайные разломы или отверстия, которые время от времени возникают вследствие слабости или каких-то изъянов.

Он также утверждал, что существа — как разумные, так и неразумные — из параллельных миров сквозь подобные трещины иногда проникают в нашу вселенную, но формы их настолько чужды земным, что у человеческого мозга нет архетипов для их объяснения. Ле Гаро утверждал, что дело не в том, что гуманоиды видят пришельцев такими-то и такими-то. По его мнению, дело скорее в том, что пришельцы на самом деле моделируют себя в эти формы, поскольку не способны достаточно долго выжить в этой вселенной, если их облик или форма не сочетаются с физическими законами здешнего мира. Облики могут и не соответствовать местным условиям на все сто процентов, однако они довольно близки к этому. И если уж на то пошло, у пришельца может быть больше одного данного облика, поскольку именно таким образом воспринимают его земляне. Отсюда возникновение оборотней-вервольфов, способных являться то в облике волка, то в облике человека, или тех же вампиров, представляющих попеременно то в обличье человека, то в виде летучей мыши.

«Да этот человек просто меня дурачит, — подумал Чайлд. — Или же он совсем потерял разум и искренне верит в эту галиматью? К чему он клонит? К тому, что он сам пришелец из параллельного мира?»

Барон продолжал:

— Некоторые из обитателей иных миров попадают сюда случайно. Например, проваливаются сквозь пространственные трещины на Землю и не могут найти дорогу обратно. Другие попадают в этот мир как изгнанники или в ссылку за совершенные в своем мире преступления — как раньше ссылали преступников в Австралию. В некоторых параллельных мирах ваша планета, ваша версия мира используется как каторга для их преступников.

— Увлекательные рассуждения и, надо сказать, вполне логичные, — отозвался Чайлд. — Но почему эти внеземные существа принимают здесь какие-то определенные формы, а не, скажем, какие-то иные, постоянно меняющиеся?

— Поскольку в их случае миф, легенда, суеверие — называйте это как хотите — породили реальность, а не наоборот. Во-первых, всегда существовали истории о вампирах, призраках, оборотнях и тому подобном. Эти верования и легенды существуют с давних времен, задолго до начала истории, задолго до возникновения какой бы то ни было цивилизации. В той или иной форме подобные верования бытовали еще в каменном веке.

Чайлд поерзал в кресле, в надежде отогнать от себя неприятные видения. Его снова пробрал холод. Ему чудилось, что на него надвигается какая-то тень. И что тень эта складывается в массивную фигуру — с низким выступающим лбом, с обезьяньими челюстями. А за ее спиной будто маячат тени других фигур — с длинными клыками, огромными когтями и странных очертаний.

— В соответствии с теорией Гаро, — продолжал тем временем барон, — мы имеем дело с результатом «психического импринтинга». Он, конечно, не употреблял этого термина, но его описание процесса формообразования вполне ему соответствует. Ле Гаро утверждал, что пришельцы, попав сюда, способны некоторое время просуществовать в этой вселенной в своем естественном виде, однако очень недолго. Они пребывают в текучем, так сказать, состоянии, причем эта «текучесть» означает умирание.

— «Текучесть»?

— Их облик пытается измениться, чтобы соответствовать физическим законам этого мира. А данная вселенная столь же непостижима для них, как их родная была бы

для землянина. Затраченные усилия приводят к такому стрессу, такому расходу энергии, что он просто разрывает их на части, или, попросту говоря, убивает. Если только они не сталкиваются с человеческим существом. И если им настолько повезло, что они происходят из вселенной, которая позволяет им воспринять — я полагаю, телепатически, хотя и этот термин представляется мне слишком ограниченным, — позволяет им воспринять впечатления человеческого разума, только тогда пришелец способен на адаптацию. У него появляется способность к ней вследствие того, что он осознает или, если угодно, постигает облик, в котором он мог бы выжить в этом мире. Вы следите за ходом моей мысли?

— До некоторой степени. Но не слишком.

— Это так же трудно объяснить, как, скажем, мистику описать свои переживания. Вы же понимаете, что мое объяснение не больше соответствует фактам и истинным процессам, чем представление о строении атома как миниатюрной солнечной системе соответствует реальному положению дел.

— По крайней мере, это я понимаю. Вы используете аналогии.

— Натянутые аналогии. Но, согласно этой теории, пришелец, если ему повезет, сталкивается с человеческими существами, которые воспринимают его как нечто сверхъестественное, чем он, до некоторой степени, и является, поскольку выступает для этой вселенной как существо противоестественное. Люди не отрицают его целиком и полностью; это заложено в человеческой природе — пытаться объяснить каждый феномен или, следовало бы сказать, описать его, классифицировать, найти ему место в знакомом и естественном порядке вещей.

Итак, пришелец обретает облик и стержневую часть своей природы посредством человека. В этом, как вы понимаете, и заключается процесс психического импринтинга. Таким образом, независимо от их желания, обитатели параллельных миров становятся тем, кем их воспринимает человек. Однако пришелец все же сохраняет некоторые из присущих ему характеристик иного мира — возможно, их стоило бы назвать умениями или способностями, которые он может при определенных обстоятельствах использовать. Использовать их он может вследствие того, что они являются частью структуры

данной вселенной, хотя большинство землян — то есть получившие образование, то есть прошедшие основательную культурную обработку — отрицают, что подобные способности или даже подобные существа могут иметь место в этой вселенной. Однако это ничего не меняет.

— Но за столом вы с удовольствием ели запеченную вырезку и салат, — сказал Чайлд. — Я думал, вампиры питаются только кровью.

— А кто вам сказал, что я вампир? — улыбнулся барон. — И кто сказал, что вампиры питаются только лишь кровью? И более того, кто, утверждая нечто подобное, точно знает, о чем он говорит?

— А призраки? — не унимался Чайлд. — Как эта теория объясняет существование привидений?

— Ле Гаро утверждал, что призраки — это результат несовершенного психического импринтинга. В этом случае пришельцам только частично удастся воплотиться в форму того, за кого их принимает первый встреченный ими человек. Иногда они принимают вид призраков умерших людей, если люди, с которыми они встречаются, принимают их за подобные призраки. Иначе говоря, человек, верящий в привидения, видит нечто, что принимает за призрак своей умершей жены, — и пришелец становится призраком. Но привидения наделены неустойчивым «есть-нет-существованием». Они вечно не от мира сего. Ле Гаро даже дошел в своих утверждениях до того, что, возможно, некоторые из внеземных созданий постоянно перемещаются из мира этой вселенной в свой родной мир и обратно. И нигде они не могут задержаться надолго. Они одновременно принадлежат обоим мирам и не принадлежат ни одному из них. В обоих мирах они — призраки.

— И вы хотите, чтобы я во все это поверил?

Барон выпустил колечко дыма и задумчиво уставился на него, как будто это был внезапно реализовавшийся фантом.

— Нет, конечно. Я и сам не верю в эту теорию призраков в толковании Гаро.

— Тогда во что вы верите?

— Я и вправду не знаю, откуда они берутся. — Барон пожал плечами. — Призраки не происходят ни из одного из миров, с которыми я знаком. Их происхождение, их

modus operandi — для меня тайна. Но они существуют — это факт. И они могут быть опасны.

Чайлд засмеялся:

— Значит, вампиры и оборотни, кто бы они там ни были, испытывают страх перед привидениями?

Барон пожал плечами еще раз:

— Как видите, некоторые их побаиваются.

Чайлду очень хотелось задать еще несколько вопросов, но он решил промолчать. Он не хотел, чтобы барон знал, что ему удалось отыскать комнату с кинокамерой и Y-образным столом. Оставался шанс, что барон собирается его отпустить. Он мог легко уничтожить все улики, прежде чем Чайлд приведет полицию. По этой причине детектив не стал спрашивать, каким образом в число его жертв попали Колбен и Бадлер. Кроме того, представлялось вполне очевидным, что Бадлер был похищен кем-то из его окружения забавы ради. Магда или Вивьен или даже миссис Крачнер могли быть той женщиной, с которой в последний раз видели Бадлера. Ведущего слежку за Бадлером и женщиной Колбена раскусили, обнаружили и тоже похитили.

Барон поднялся:

— Мы можем вернуться к остальным. Судя по шуму, веселье — в самом разгаре.

Чайлд встал и поглядел на дверной проем, сквозь который доносились выкрики, повизгивания и хлопки в ладоши.

Он вздрогнул, сердце вдруг провалилось куда-то в желудок. Мимо двери библиотеки прошла Долорес дель Осоройо. Слегка повернув голову, она посмотрела на Чайлда, улыбнулась и пропала.

ГЛАВА 15

Если барон и видел ее, то он не подал виду. Он кивком пригласил Чайлда идти вперед. Когда они шли по коридору, нигде не было видно Долорес. В столовой О'Райли лихо играл на рояле. Чайлд не узнал музыки. Из гостей кто сидел за столом, кто на диване, некоторые стояли у рояля. Глэм и две женщины убирали грязную посуду. Миссис Грасачева пила шампанское из горлышка. Магда Холиани сидела на железном узорчатом стуле, ее строгая

длинная юбка была задрана до талии, обнажая красивые ноги. Внизу живота были видны волосы. Наполовину выкуренная сигарета с марихуаной лежала на столике рядом с ней. Магда рассматривала фотографию через старинный стереоскоп. Чайлд одернул юбку на ней вниз.

— Развлекаетесь?

Магда с улыбкой подняла взгляд:

— Посмотри сам.

Чайлд приставил стереоскоп к глазам и настроил фокус. Фотоснимок стал четким и трехмерным. Фотография оказалась совершенно невинной. На палубе парусника стояли трое мужчин. Вдали был виден гористый берег.

— Один из них похож на меня.

— Именно поэтому я и достала этот снимок. — Она помедлила, глубоко затянулась травкой, задержала дыхание и медленно выпустила дым. — Это Байрон.

— Да, действительно. Но мне кажется... я в этом даже уверен... тогда еще не было фотоаппаратов!

— Совершенно верно. Но это и не фотография вовсе.

Он не успел попросить объяснений, как вдруг две огромные белые руки обхватили его сзади, подняли в воздух и бросили на диван. Он готов был ударить миссис Грасачеву, но та оказалась намного сильнее. Под ее невинным жиром таились могучие мышцы.

— Лежи спокойно, я хочу поговорить с тобой, — сказала она.

Она плюхнулась рядом с ним, так что диван просел от ее веса, взяла его за руку, наклонилась к нему и продолжила тот же монолог, какой она вела за столом. Она говорила о мужчине, который добивался ее, и что она с ним сделала. В глазах Чайлда предметы начали расплываться, теряя очертания, и он подумал, что его опять опоили наркотиком. Окончательно он в этом убедился, когда вместо выходящего из столовой барона увидел летучую мышь, летящую по коридору.

А может, его дурачат?

Барон мог зайти за угол и выпустить в коридор летучую мышь.

Чайлд решил промолчать. Никто из гостей не обратил на это превращение ни малейшего внимания. Гости перепились и вообще не обращали внимания на происходящее. О'Райли продолжал бешено брэнчать на рояле. Бендинг Грасс и Панчита Посьотль, обнявшись, с трудом

танцевали, волоча ноги по полу. Рыжеволосая красавица Вивьен Мабкруф и красивая негритянка Ребекка Нгима также в обнимку сидели на кушетке. Вивьен в одной руке держала кубок, а другой рукой гладила Ребекку по груди. Барон вернулся, подошел к сидящей в кресле баронессе и стал что-то нашептывать ей на ухо.

Магда, одетая только в черные чулки, подошла к дивану и подсела к Чайлду. Миссис Грасачева немедленно швырнула Магду на пол.

— Он мой! — злобно выкрикнула миссис Грасачева. — Мой! Держись от него подальше, сука змеиная!

Магда, пошатываясь, встала с пола, ее глаза косили, она открыла рот, в нем замелькал маленький язычок, раздалось шипение.

— Отойди, — низким голосом прохрипела миссис Грасачева.

Чайлду послышалось, что она хрюкает.

Глэм вошел в комнату и нахмурился. Ему очень не нравилось, что Магда заигрывает с Чайлдом. Барон ледяным взглядом дал ему понять, чтобы «шофер» вышел из комнаты.

— Держись подальше, да? — неспешно промолвила Магда. — Я тебя не боюсь, свинья.

— Не забывай, свиньи поедают змей.

Тут она определенно хрюкнула и обняла Чайлда за плечи одной рукой, а другой стала расстегивать ему ширинку.

— Вы жрете подряд все и всех, кого можете, но эту змею тебе не проглотить, — брызгая слюной, прошипела Магда.

Чайлд огляделся по сторонам.

— А где кинокамера?

— Пока это только импровизация, Джордж.

Чайлд предположил, что она имеет в виду Джорджа Гордона, лорда Байрона, но это не имело ровным счетом никакого значения, поскольку он не желал играть в эту игру. Он оттолкнул ее руку, когда она двумя пальцами взяла его за пенис, который, к его досаде, начал набухать. К этой толстухе он испытывал только отвращение, может, это вид Магды возбуждал его. Главным же образом сексуальное возбуждение возникло под действием наркотика, которым его опоили.

Магда опять присела на диван и обхватила Чайлда за шею. Миссис Грасачева замахнулась на нее, но рука после окрика барона опустилась.

В этот момент распахнулись створки большой двери, Чайлд уловил движение краем глаза и повернул голову. В дверном проеме стоял барон, за его спиной была видна бильярдная.

— Полиции неизвестно, что он у нас, — сказал барон, направляясь к дивану, на котором лежал Чайлд.

Чайлд вскочил на ноги, отбросив Магду на пол, перепрыгнул через нее и бросился бежать к ближайшей двери. Ему удалось добраться до холла, где мощные руки Глэма оторвали его от пола. Он сразу стал беспомощным. Держа его за руки, как маленького ребенка, Глэм притащил его назад в столовую.

— Очень хорошо, Глэм, — сказал барон. — Ты удержался от желания его убить. Очень похвально.

— А моя награда?

— Ты ее получишь. Но это будет не Магда. Ты ей не нравишься, а приказывать ей я не могу. К тому же ты не один из нас.

— Тебе еще повезло, Глэм, что я тебя не убила, — сказала Магда.

— У тебя извращенный вкус, Глэм, — фыркнула миссис Грасачева. — Ты сможешь ею овладеть, если кто-нибудь будет держать ее за голову? Я обещаю свою помощь...

— Хватит! Прекратите это! — одернул обеих барон. — Можете разыграть его в кости или на бильярде. Но победительница должна будет оставить и мне кусочек, понятно?

— Игра в кости не займет много времени, — сказала Магда.

Барон кивнул Глэму, тот, положив руку на плечо Чайлда, повел его из комнаты.

— Скоро увидимся, любовничек! — крикнула ему вслед Магда.

— Быть тебе в свиной заднице! — парировала миссис Грасачева.

Магда засмеялась:

— Он окажется в заднице у тебя, только если ты выиграешь!

Глэм протащил Чайлда до конца холла, там они завернули за угол, а потом спустились на два пролета по лестнице вниз. Коридор, сложенный из больших серых валунов, вел к массивной деревянной двери, обитой железом и выкрашенной в черный цвет. Дверь была украшена чеканным изображением какой-то ухмыляющейся хари.

Глэм обхватил Чайлда за шею и сжал ее. Чайлд почувствовал, как сознание его покидает и он падает на пол. Когда боль вернулась, Глэм уже открыл дверь и затаскивал его внутрь. Он сорвал одежду со слабо сопротивляющегося Чайлда, приподнял его и защелкнул у него на шее металлический ошейник. Затем он собрал одежду и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Камеру освещала только висящая под потолком одинокая голая лампочка. Каменный пол был покрыт соломой. Стены и потолок оказались выкрашены почему-то в розовый цвет.

Когда Чайлд окончательно пришел в себя, то обнаружил, что стальной ошейник прикован легкой четырехфутовой цепью к металлической скобе, вделанной в стену. Он внимательно осмотрел помещение, но нигде не обнаружил никаких признаков того, что его снимают или подглядывают за ним. Пол и стены выглядели как сплошной монолит. Конечно, нельзя было полностью исключить того, что среди камней в кладке имеются скрытые глазки.

В дверь постучали, в замке щелкнул ключ. Затем дверь распахнулась, и вошла Магда. На ней не было ничего, если не считать ключа в руке. Она остановилась, улыбаясь ему. Внезапно она обернулась.

— Кто это?

Когда она выходила, он успел хорошо рассмотреть ее округлые яйцевидные ягодицы.

Раздался глухой стук, затем хрип. Потом наступила тишина. Чайлд терялся в догадках, что произошло в коридоре. Можно было предположить, что на Магду напал Глэм или Грасачева, но казалось маловероятным, что они осмелятся на такое после того, как барон ясно дал им понять, как далеко они могут заходить.

Он ждал. Послышался шум, издаваемый обнаженным телом, которое волокут по каменному полу. Затем опять все смолкло. Раздался шорох шелка. Чайлд вздрогнул.

В камеру, шурша юбками, вошла Долорес дель Осоройо. Повернувшись, она тщательно закрыла дверь и медленно двинулась к Чайлду, протягивая к нему руки. Она не была прозрачной или полупрозрачной. Она была материальна ровно настолько, насколько может быть девушка в плоти и крови. Ее черные волосы, белое лицо, красные губы и пышный бюст были настоящими.

Чайлд был слишком напуган, чтобы ответить на ее объятия. Не отвечал он и на ее горячие поцелуи. Он прижался к стене, но не смог найти в себе сил оттолкнуть ее. Его била дрожь.

Женщина бормотала что-то по-испански. Он не понимал слов, но, судя по тону, она его успокаивала. Она быстро сбросила верхнюю юбку, три нижние, длинные черные чулки, корсет. Обнаженная Долорес была прекрасной. У нее были пышные груди, большие, как кончики его больших пальцев, соски смотрели вверх. Лобковые волосы были густыми и черными. Капли пота, покрывавшие ее тело, показывали ее нетерпение.

Чайлд начал успокаиваться: она вовсе не походила на привидение. Когда он спросил, используя свои скромные познания в испанском языке, не может ли она его освободить, выяснилось, что этого она не хочет или не может сделать.

Девушка страстно его целовала, поглаживая пенис. Прикосновения ее пальцев оставили его холодным, как умирающего.

Она прекратила свои ласки, отошла назад, пристально осмотрела его тело и нахмурилась. Затем опять подошла к нему, опустилась на колени и взяла его безжизненный пенис в теплый рот. Она начала ласкать его член губами, поглаживая кончиками пальцев ему промежность. Чайлд начал оттаивать, его член начал набухать. Знакомые и никогда не надоедающие ощущения стали возвращаться. Он запустил руки ей в волосы, распустил их ей по плечам. Он начал покачивать бедрами вперед и назад.

Неожиданно она выпустила его пенис изо рта и опять стала целовать его в губы. Поглаживая пенис, она поднялась с пола, прижалась к Чайлду, привстала на носки и присела на его член. Член скользнул вверх в ее влагище. Она несколько раз привстала на носки. Чайлд кончил.

Никогда раньше он не испытывал оргазмов такой силы. Словно он вспыхнул внутри нее, словно полтора столетия девственности высвобождались из заточения вдоль его члена. Он чувствовал, как из нее по его нервам прошел разряд тока, будоража его.

Из-за ошейника, прикованного к стене цепью, Чайлд мог только стоять. Он снова попросил жестами освободить его, забрав ключ у Магды. Она в ответ только посмотрела на него. Тут до него дошло, что она боится: Чайлд, если получит свободу, тут же от нее сбежит.

Его движения стесняла цепь, но Долорес оказалась изобретательной. После того как она вызвала у Чайлда полноценную эрекцию, пососав его член и проглотив сперму, она встала на четвереньки, широко расставила ноги, повернулась и задом подползла к нему, уперев в конце концов ноги в стену по обе стороны от его тела. Сначала Чайлд хотел отказать ей, но потом, все взвесив, понял, что, если он будет ломаться, она уйдет, оставив его прикованным к стене. Положив руки ей на бедра, он направил пенис под анус в щель. Она начала раскачиваться вперед и назад. Ее влагалище, пульсируя, обжимало ему член. Он короткими и сильными рывками тянул ее за бедра на себя. Через несколько минут волны оргазма стали сотрясать ее тело, оргазмы следовали один за другим. Она что-то выкрикивала на испанском языке. Всего он не понимал, но отдельные фразы были понятны:

— О святая дева Мария! О Боже, благословенный Иисус, о ласковый Иисус, он взял меня!

Для дочери старого дона дель Осоройи у нее был богатый язык. Очевидно, за полтора столетия, проведенных с людьми, она нахваталась слов, которых не существовало в ее время. Но почему она так и не выучила английский за это время?

Когда волна оргазма прокатилась по телу Чайлда, он на время потерял способность думать. Девушка стояла на коленях, упираясь в пол руками, ступни ее ног упирались в стену позади Чайлда. Она раскачивалась вперед и назад, мотая головой.

Казалось, это продолжалось бесконечно, но наконец все кончилось. Долорес медленно опустилась на пол, легла на спину и, открыв рот, стала ловить последние капли семенной жидкости, стекающие с его конца.

Когда ее дыхание успокоилось, она встала и наградила Чайлда поцелуем. Затем опять осторожно стала ласкать его яички.

— Хватит, Долорес, или кто ты там.

Его ноги подкашивались. Он был обессилен. Он чувствовал, что его лишили значительной части жизненной энергии. Она же, напротив, будто удвоила свои силы.

Долорес улыбнулась, промолвила что-то по-испански и подняла палец вверх, давая понять жестом, чтобы он подождал здесь.

(А куда он мог пойти?)

И вышла из комнаты. Через минуту она вернулась с бутылкой красного вина и куском жареного мяса. (Может, она знала более короткий тайный ход на кухню?) Он отказался от вина и с удовольствием принялся за мясо. Хотя он недавно поужинал, сейчас он был голоден как волк. Долорес же поднесла горлышко бутылки к губам и стала жадно пить. Было видно, как двигается ее горло. Если он был голоден, то она испытывала жажду. Она наполовину опорожнила бутылку, когда за неплотно закрытой дверью послышался шум. От неожиданности она уронила бутылку; та, не разбившись, упала набок на соломенную подстилку, остатки красного вина вылились.

Нагнувшись, она подхватила с пола свою одежду, быстро свернула ее в узел, поцеловала Чайлда и со свертком, зажатым под правой рукой, подбежала к стене и левой рукой надавила на шов между двумя камнями. Раздался скрип, блок стены плавно ушел в стену, открывая темный проход. Долорес, обернувшись, с улыбкой бросила Чайлду какой-то блестящий предмет. Он рванулся вперед, вытянув руку, однако цепь натянулась и отбросила его назад. Блестящий предмет, ударившись о кончики пальцев, отскочил и упал на солому. Это был ключ от металлического ошейника.

Тьма поглотила Долорес, проход со скрипом закрылся.

В дверном проеме показалась большая голова с отвисшим подбородком и красными глазами. Это была миссис Грасачева.

Из коридора доносились возбужденные голоса.

Глаза толстушки расширились, она рывком открыла дверь и вразвалку пошла к Чайлду, шумно принохиваясь и похрюкивая. Он медленно согнул ногу, которой пытался дотянуться до ключа.

Миссис Грасачева вскрикнула:

— Кто здесь был? Кто? Скажи мне! Кто?

— Разве ты ее не встретила в коридоре, она только что вышла!

— Кто?

— Долорес дель Осоройо!

Бледная кожа миссис Грасачевой стала еще блее.

С длинной сигарой в руке в камеру вошел барон.

— Я думаю, это была Осоройо, только она могла...

Толстуха с грациозностью носорога развернулась к барону:

— Ты говорил, что она для нас не опасна!

Прежде чем ответить, барон внимательно поглядел на Чайлда и затянулся сигарой.

— Я полагал, что она сумеет собрать достаточно плазмы, чтобы материализоваться, но я ошибался.

— Что она сделала с Магдой? — спросила миссис Грасачева.

Барон только пожал плечами:

— Мы ее спросим об этом, когда она придет в себя.

В двери показался Глэм с обнаженной Магдой на руках. Голова ее беспомощно свисала, волосы были распущены.

— Что с ней делать? — спросил Глэм.

— Отнеси наверх в ее комнату и положи на постель. Пусть за ней присмотрит Вивьен.

Легкая тень пробежала по бесстрастному лицу Глэма, затем оно вновь стало непроницаемым, как каменная маска.

— Сейчас она беспомощна, но на твоем месте я бы ничего не предпринимал, — холодно сказал барон.

Глэм повернулся и вышел, ничего не ответив. В двери показались Крачнер и Хоркин, которые только молча переглянулись друг с другом.

— Вы видели Долорес? — спросил барон.

Оба отрицательно покачали головами. Взгляд барона застыл на камнях, закрывающих скрытый проход. Он уже было открыл рот, чтобы сказать, куда она скрылась, и послать этих двоих по ее следу, но передумал и промолчал.

Чайлд понял, что барон предпочитает держать некоторые вещи в секрете от своей свиты. То ли он не доверял до конца этим двоим, то ли счел эту затею бессмыс-

ленной, но в любом случае он понимал, что Чайлд видел потайной ход.

— Однако она стала достаточно материальной, чтобы трахаться, — заметила миссис Грасачева.

— Это я уже понял, — сухо отозвался барон. — Ключ Магды исчез. Чайлд, ключ у вас?

Чайлд отрицательно покачал головой. Игеску подошел к двум молодым людям, они пошептались, затем, как близнецы, парочка повернулась спинами друг к другу и, пригнувшись, медленно разошлась в разные стороны по коридору, осматривая пол в поисках ключа. Барон вернулся.

— Хватит паяльаться на его член, лучше помощи найти ключ.

— Вот он.

Она нагнулась, взяла ключ и тяжело поднялась, охая.

Взяв ключ, барон убрал его во внутренний карман смокинга.

Чайлд сжал губы. Теперь у него нет никакой возможности выбраться, если только Долорес не вернется за ним. Это был его единственный шанс.

Барон вышел. Через несколько секунд в камеру вернулись молодые люди. У парня был ключ от ошейника. Они расстегнули ошейник и, держа Чайлда за руки, потащили его по коридору. Миновав несколько закрытых дверей, они толчком открыли нужную дверь и затащили его в комнату. Эта комната была такой же маленькой, как и его камера. Стены здесь были обиты дубовыми панелями, потолок выкрашен светло-голубой краской, а пол покрыт толстым персидским ковром с узором из знаков свастики, заключенной в круг. Несколько ошейников болтались на цепях, прикрепленных к железным скобам, вделанным в стены. Чайлда опять приковали.

Возникший из ниоткуда барон глянул на часы:

— Теперь, когда она материализовалась, мы сможем с ней справиться. Все имеет свою оборотную сторону. Став опасной, она стала и уязвимой. Мы с ней справимся. Я собираюсь собрать всех наших.

Миссис Грасачева надула губы.

— Магда вышла из строя, я думаю...

— Через полчаса, не больше, она очнется, — сказал Игеску. — Я пошлю за тобой кого-нибудь сюда вниз, тебе не следует ходить одной.

Толстуха скривилась. Словно волна прилива прокатилась по ее жирному телу.

— Ты думаешь... Я... должна опасаться? Что, мне угрожает опасность? — Она рассмеялась.

— Мы все в опасности. А что с этим делать, — он указал большим пальцем на Чайлда, — я еще не решил. Он каким-то образом причастен ко всему происходящему. Возможно, Долорес ждала все эти годы кого-нибудь вроде него. Через полчаса все прояснится, и не затискай его, он мне еще понадобится.

Барон вышел, закрыв за собой дверь. Миссис Грасачева принялась раздеваться.

У Чайлда подкосились ноги.

ГЛАВА 16

Он прямо сказал ей, что она зря тратит на него время. Он не стал говорить, что даже если бы он не был выжат досуха, то все равно у них ничего бы не получилось. Огромные свисающие груди, большой дряблый живот, слоновьи ноги вызывали отвращение.

— Эта сука-призрак высосала тебя насухо, правда?

Женщина засмеялась. Когда она подошла, Чайлда чуть не стошнило от запаха перегара. Она принесла с собой в большой сумке бутылку виски и бутылку вина. Она побрызгала вином на живот и гениталии Чайлда, встала на колени и стала слизывать капли. Пенис Чайлда не реагировал. Она вскочила с колен, как огромный валун, выброшенный из жерла вулкана во время извержения, и ударила кулаком Чайлда в челюсть. Мощный удар отбросил его к стене, в глазах все поплыло.

— Ты, задница, хоть и похож на Джорджа, но ты не такой, каким он был! — Она покопалась в сумке и извлекла из нее двухдюймовую серебристую палочку. — Как только это окажется в тебе, ты станешь поживее.

Улыбаясь, она приближалась к нему. Чайлд дернулся назад, замахнулся, но она, смеясь, перехватила его запястье и стала выкручивать ему руку. С криком Чайлд рухнул на колени, цепь натянулась, и он начал задыхаться.

Когда сознание вернулось к нему, он обнаружил, что его развернули лицом к стене. Что-то — он знал, что это

серебристая палочка, — было засунуто глубоко ему в анус.

— Ты никогда ничего подобного еще не испытывал, малыш, — напевала она. — Никогда! Этой ночи тебе не забыть до конца жизни.

Сначала в прямой кишке было жжение, затем появилось такое чувство, что ему в задницу засунули сосульку. Чувство холода ползло по внутренностям, словно ледяная змея. Вот уже его яички превратились в весело позывающие ледяные колокольчики. Жидкий азот пульсировал по всем сосудам в теле Чайлда. Ледяной холод сковал ему ноги, медленно стал подниматься по позвоночнику, достиг основания черепа. Клетки мозга начали превращаться в ледяные кристаллы, ледяные сосуды пениса заполнялись наполовину замерзшей кровью. Только теперь миссис Грасачева повернула его лицом к себе, опустила на слоновьи колени и принялась посасывать его член. Она похрюкивала, совсем как свинья, жующая кукурузный початок. Ее челюсти не двигались, она работала только губами, обхватив ими член. Чайлд не чувствовал ничего, как будто ему в член вкололи солидную дозу морфия. И хотя в его мозг не поступало сигналов от пениса, пенис реагировал на прикосновения. Как пиявка, присосавшаяся к ее языку, он наливался кровью.

Когда он стал твердым, миссис Грасачева сказала:

— Ты сейчас никуда отсюда не уйдешь.

Она открыла замок ошейника и спрятала ключ в сумку. Чайлд попытался броситься к двери, но не смог пошевелить ногами.

Она улеглась на полу, широко расставив ноги — словно воды Красного моря отхлынули и образовали проход для Моисея и его людей.

— А теперь ешь меня! — приказала она.

К своему удивлению, Чайлд повиновался, хотя его мозг посылал в нервы приказы не слушаться ее указаний. Он опустился на пол и припал к ее срамным губам.

— Не так, идиот, валетом!

Чайлд вскарабкался на нее и развернулся. Она медленно глубоко засосала его член. Он коснулся языком ее «маленького пениса». Этим «маленьким пенисом» был клитор. Никогда раньше ему не приходилось видеть такого большого клитора. Ему пришлось потрудиться, что-

бы добраться до него сквозь жировые складки. Он лежал на ее животе как на холме, свесившись головой вниз.

От всего этого он испытывал только глубокое отвращение, но, как автомат, послушно выполнял все ее приказы.

Повинуясь очередной команде, он развернулся и ввел свой пенис во влагалище. Он начал совершать тазом медленные ритмичные движения, затем по ее команде увеличил темп. Она начала стонать и охать, мотая головой из стороны в сторону и выкрикивая что-то на неизвестном языке. Время от времени женщина привставала, ворочала огромными бедрами, щипала ему соски.

Чайлд потерял счет времени. Наконец она повалила его на ковер, уложила на спину, а сама навалилась сверху, усевшись на пенис. Она двигала своим огромным животом так быстро и легко, словно играла детским воздушным шариком, болтающимся в воздухе на ниточке. Судя по ее приступам неистовства, у нее было не меньше сотни оргазмов. Притомившись, она слезла с него и, отойдя в сторону, достала из сумки бутылку виски. Способность управлять своим телом начала медленно возвращаться к Чайлду. Ему удалось повернуть голову так, чтобы посмотреть, что она делает. Она сидела на ковре, облокотившись о стену, и пила из бутылки. Она была похожа на кучу теста, в которую замешали слишком много дрожжей.

Прикончив бутылку, женщина посмотрела на часы:

— Я здесь уже сорок пять минут, Игеску будет в ярости. Что-то тут не так, он должен был прислать за мной.

Она открыла дверь и выглянула в коридор.

Чайлд попытался вскочить, чтобы, кинувшись на нее, сбить ее с ног, но ему удалось только медленно подняться на ноги, которых он по-прежнему не чувствовал.

Видя, что он начинает шевелиться, она спросила, снова запирая дверь комнаты на ключ:

— Чувствуешь, как суппозиторий горит у тебя в заднице?

— Нет, только холод и тяжесть.

— Сейчас у тебя будет такое чувство, словно тебе в задницу засунули горящую паяльную лампу!

Тело ее сотрясали приступы гомерического хохота.

— Это средство действует так забавно! Когда мы любили друг друга, ты ничего не чувствовал, но сейчас начнется такое! — Она опять посмотрела на часы. — Возможно, я смогу задержаться. Игеску, наверное, забыл обо мне. Или он решил дать мне еще время поиграть с тобой. Стой, где стоишь, Джордж, мой сладенький пирожок. Сейчас я тебя приготовлю, и мы опять повеселимся.

Как прилив сменяется отливом, холод и тяжесть превратились в жар и легкость. Как только холод стал уходить, на его место пришел жар. Горячая лава разлилась по коже и стремительно ринулась внутрь тела, горячие потоки встретились там, куда был засунут суппозиторий. Анус обожгло, будто туда залетел раскаленный метеорит.

Чайлд закричал от боли.

— Ну вот, началось.

Она бросилась на Чайлда, держа в руке новую серебристую палочку. Жир под кожей колыхался, как свободная куртка в ураган. Чайлд, упреждая события, бросился в атаку, нацелившись на ее уши и собираясь оторвать их. Он решил пробиваться к двери. Даже если бы он был в форме, она все равно была бы сильнее, не говоря уже о том, что она была в другой весовой категории. Однако план его удался, и он с разбегу вцепился руками ей в уши и рванул вниз. Он уткнулся лицом в грудь и вцепился зубами в какой-то нарост. Она закричала от боли. Нарост, когда Чайлд его выплюнул на ковер, оказался соском с висевшим на нем куском белой кожи. Пошатываясь, Чайлд поднялся, его плечи болели, голова кружилась. Она вопила во все горло, катаясь по полу и обеими руками держась за искалеченную грудь.

Чайлд не стал дожидаться, когда она полностью придет в себя от удара о пол, но, когда она подкатилась к нему, с силой ударил ее ногой в пах. Большой палец ноги угодил ей в щель. Она вскрикнула от боли, ухватила его ногу рукой и дернула. Чайлд рухнул поперек ее живота. Она попыталась схватить его за яички, но он увернулся, сжал ее грудь и дернул, затем скатился по животу, как по горке, вниз, увернулся от ее брыкающихся ног и подпрыгнул вверх. Он ударил ее сверху обеими пятками по лицу, расплющив нос. Брызнула кровь. Он опять подпрыгнул и приземлился обеими ногами ей на живот. Ноги глубоко погрузились в мягкий жир. Она со свистом вы-

пустила воздух, у Чайлда от перегара сперло дыхание. Он прыгнул в третий раз — опять на лицо. От носа ничего не осталось, глаза закатились и были видны только голубоватые с красными прожилками белки. Она широко раскрывала рот, ловя воздух.

В этот момент все его чувства ожили. Связи в нервах восстановились. До сих пор он только лишь отстраненно наблюдал за собой, ничего не ощущая, как будто его чувства были отделены от рассудка стеклом. Теперь стекло исчезло, и в сознание начали поступать запоздалые ощущения. С некоторым опозданием он осознал, что ощущает свой член у нее во рту, потом между ее грудями, потом во влагалище.

Он обнаружил, что у него эрекция, опоздавшие оргазмы начали сотрясать его тело. Чайлд в судорогах рухнул на пол.

Беспомощный, он только извивался, не в силах подняться.

ГЛАВА 17

Когда он обрел над собой контроль, то поднялся и побрел к двери. Хотя эякуляции прекратились, его член оставался напряженным. Стараясь не обращать на это внимания, он открыл дверь. Миссис Грасачева тихо лежала на спине, раскинув руки и ноги, открыв рот и закатив глаза. Было такое впечатление, что у нее в глазницах были сваренные вкрутую яйца вместо глаз.

Рядом с ней на ковре лежал кусок дерьма. Так что, по-видимому, он обоссался от страха, хотя и не заметил, когда это произошло. Он обошел дерьмо и пошарил в сумке. Там лежал ключ от двери. Он открыл дверь и, захватив сумку, пошел туда, где, по его представлениям, очнулся после падения с лестницы. По пути он решил обследовать все комнаты, мимо которых шел. Там могли находиться другие узники. Возможно, в одной из них содержали Сибил. Три двери были не заперты, там не было ничего интересного. Еще три двери ему удалось открыть ключом, найденным в сумке. Первые две комнаты были маленькими, с обитыми чем-то мягким стенами и полом. Третья комната была обставлена современной мебелью, там находился цветной телевизор и бар

с выдвижным столиком, наполненный разнообразными напитками; там же лежали пачки сигарет, коробки с марихуаной, стояли бутылочки с разноцветными пилюлями. Это было похоже на комнату отдыха. Обитатели дома здесь отдыхали в перерывах в работе, выполняемой в соседних комнатах. Здесь же стоял большой комод с зеркалом. Он открыл верхний ящик в надежде найти одежду. Его поиски были прерваны близким к эпилептическому припадку оргазмом с эякуляцией. Он прошел в ванную, привел там себя в порядок, выпил несколько стаканов воды и вернулся к комоду.

Там он обнаружил несколько безрукавок и спортивных трусов. Чайлд подобрал подходящие ему по размеру, но почувствовал, что у него снова начинается эякуляция, и придется опять менять трусы. Чтобы не промокнуть, он приспустил трусы, выставив вперед свой напряженный член. Он смешно смотрелся в зеркале. Рыцарь с обрубленной тонкой пикой. Частный детектив, ставший публичным.

Там были еще носки. Он их надел и продолжил поиски. О, если бы здесь было еще и оружие! Увы, с этим ему не повезло.

Два нижних ящика были набиты плоскими полупрозрачными пакетами, чем-то наполненными. Содержимое одного он вытряхнул на пол. Из пакета вылетело что-то, похожее на прозрачный флаг, длиной футов шесть. У этого предмета с одного края были густые волосы. Рядом с волосами помещался маленький красный клапан, как у детских надувных игрушек.

Чайлд надул предмет, ослабев от напряжения еще до того, как закончил свое дело.

Каким-то образом с Колбена сняли кожу, чтобы изготовить из нее надувную оболочку. Все физиологические отверстия: рот, анус, искалеченный пенис — были защищены кусочками кожи. Глаза Колбену нарисовали, губы были тщательно прорисованы и раскрашены в телесно-красный цвет. Лобковые волосы остались на месте, что в сочетании со швом, проходящим между ногами, придавало ему сходство с женщиной.

У Чайлда не было времени выпускать воздух из оболочки Колбена, он просто оттолкнул ее в сторону, и она, как отвязавшийся надутый воздушный шарик, по спирали взлетела к потолку, затем отскочила в угол комнаты. Тут

полуопавшая оболочка под весом волос и клапана опустилась на пол и осталась стоять головой вниз. Чайлд принялся лихорадочно осматривать содержимое других пакетов. В одном из них он нашел кожу с головы Бадлера. Он предположил, что волчица во время съемок фильма так истуксала его тело, что оно стало непригодным для изготовления полноценной оболочки.

Многие оболочки принадлежали женщинам, но только у четверых из них волосы по цвету и длине соответствовали волосам Сибил. Чтобы убедиться, что Сибил среди них нет, он надул их все. Надувая последнюю, он задыхался так, словно ему пришлось пробежать полмили в смоге. Сибил он не обнаружил. Он присел и выпил еще один стакан воды. Тридцать девять наполовину опавших кожаных оболочек болтались по полу комнаты. Большинство из них почему-то стояли головами вниз. Некоторые, упавшие на уже стоявшие на полу, клонились в ту или иную сторону. Свет лампы просвечивал сквозь них, так что казалось, будто в комнату набилась толпа пьяных привидений. Струя воздуха, идущая из кондиционера, слегка раскачивала их, и они одновременно напоминали еще и компанию утопленников на дне.

Всего — тридцать девять: двадцать пять мужских и четырнадцать женских. Среди мужских пятнадцать принадлежали европейцам, семь неграм, три монголам или индейцам. Среди женских девять принадлежали европейкам и четыре негритянкам, одна — монголке.

Все они были взрослыми людьми. Будь среди них еще и кожа детей, Чайлд этого не вынес бы. До сегодняшнего дня он считал себя крутым, но он не вынес бы вида надувных оболочек-игрушек из детской кожи.

Чайлд был зол и разбит. Больше разгневан, чем измучен. Что они собирались делать со всем этим? Надуть водородом и запустить в небо Лос-Анджелеса?

Да, возможно, именно это они и собирались сделать. Это вполне соответствовало бы... нет, это превзошло бы даже наглость фильма.

Чайлд поднялся и, держа за горлышко бутылку водки, вернулся в ту комнату, где он оставил лежать миссис Грасачеву.

Та уже сидела на полу; ее рвало. Кровь тонкой струйкой продолжала литься из расквашенного носа. При виде

Чайлда она зарычала и попыталась встать. Кровь, смешанная с рвотой, покрывала ее огромный живот.

— Ты еще будешь просить, чтобы я тебя убила! — прохрипела она.

— С чего это вдруг? — Он вошел в комнату. — Прежде чем я тебя прикончу, я хочу знать, зачем вы продавливали все это с людьми? Зачем вы сдирали с них кожу?

— Я тебе яйца оторву!

Она вскочила и пошла на Чайлда. Он уперся ногами в пол и поднял над головой бутылку. Она наступила на дерьмо, поскользнулась и грохнулась на спину. Она лежала, не в силах подняться, и только стонала. Чайлд ударил ее бутылкой по голове, этого оказалось достаточно, и она затихла. Чайлд вышел из комнаты, заперев за собой дверь. С бутылкой в одной руке, женской сумкой в другой и торчавшим из трусов пенисом он шел по коридору.

«Вот теперь я выгляжу как настоящий герой!» — кисло подумал Чайлд, входя в камеру, где его в первый раз посадили на цепь.

Ему были нужны доказательства убийства невинных людей. Полиция не поверит ему на слово, но, если он представит им кожу Колбена и Бадлера, поверить придется. Кроме того, он захватит несколько других оболочек: не исключено, что этих людей разыскивают как пропавших без вести. Он вернулся в комнату отдыха. Складывать оболочки оказалось, как он и ожидал, противной работой. Воздух с шипением вышел из оболочек Бадлера и какой-то женщины, и они съежились, как ведьма из страны Оз, когда Дороти плеснула на нее водой. Но Колбен — а этот тип всегда был скользким — вырвался из рук и под действием струи воздуха понесся по комнате, отскакивая от стен. Он успокоился не раньше, чем долетел до стойки бара, на которой и повис бессильно. Чайлд аккуратно снял его со стойки, вспоминая, сколько раз ему приходилось вытаскивать Колбена из баров, когда тот был жив.

Он сложил оболочку Колбена и положил ее в сумку сверху оболочек головы Бадлера и рыжеволосой женщины. Ему удалось открыть вход в потайной лаз только после нескольких безуспешных попыток. После того как

он нащупал пальцами шов между камнями — тот, на который нажимала Долорес, — часть стены отошла внутрь.

Чайлд вошел в проем, освещая путь маленьким фонариком, найденным в сумке. Каменная дверь за ним автоматически закрылась. Проход был узким и пыльным. Чайлд прошел мимо нескольких замаскированных под зеркала окошек в комнаты и оказался перед ведущей вверх лестницей. Он начал осторожно подниматься, опасаясь ловушки. Наверху коридор раздваивался. Следы узких туфель барона и волчьи следы вели вправо, он пошел по следам.

Луч фонаря осветил несколько прямоугольных дверок на стенах. Одну из них он открыл. Через полупрозрачное зеркало он мог видеть комнату с большой кроватью. Рядом находилась панель, скрывающая вход в комнату. Он осторожно открыл ее и вошел, приблизился к двери и приложил ухо к замочной скважине. Издалека доносился шум голосов. Чайлд порадовался, что не распахнул дверь сразу, и стал вслушиваться в слова. Чтобы лучше слышать, он потушил свет в комнате и осторожно повернул дверную ручку, приоткрывая дверь. Голоса доносились из дальнего конца коридора. Все голоса, за исключением двух, были знакомы. Чайлд решил, что незнакомые голоса принадлежат Василию Хоркину и миссис Крачнер или кому-нибудь из новоприбывших.

— ...забрала много энергии у Магды. — Голос Игеску звучал раздраженно и немного испуганно. — ...чтобы самой стать осязаемой и закончить формообразование. Она не убила Магду, но была близка к этому. А потом еще этот проклятый дурак Глэм! Он получил по заслугам! Да чего от него было еще ожидать? Глэм изнасиловал ее, он думал, что он в безопасности. Само это действие дало ей достаточно энергии, чтобы прийти в себя. Она очнулась и обнаружила, что Глэм вошел в нее, а вы знаете, как она его ненавидела! Вы видели, что она с ним сделала!

Раздался незнакомый мужской голос, невозможно было разобрать, что он говорит. Ответ Игеску был достаточно громким:

— Да, Магда получила энергию, но ее недостаточно! Она находится между жизнью и смертью. Чтобы восстановиться, она должна кого-нибудь убить! Кого-нибудь из находящихся в доме!

Раздался незнакомый женский голос, только вот говорил он еще тише, чем мужской.

Опять послышался четкий и громкий голос Игеску:

— Я использую для этого Чайлда. В отношении его у меня были другие планы, но теперь мы найдем Магду и приведем ей Чайлда! Если мы это не сделаем!..

— Что еще можно ожидать от Долорес? — спросила Панчита Посьотль.

Чайлд почти видел, как барон пожимает плечами.

— Этого никто не знает. Очевидно одно: она опасна. То, что она сделала с Магдой, она может сделать и с любым из нас. Однако я полагаю, что она может справиться только с кем-то одним, да и то, если застанет врасплох. Нам лучше держаться вместе, раз уж...

Чей-то крик прервал его речь. Шум шагов означал, что вся группа двинулась по коридору, завернула за угол и начала спускаться вниз, туда, откуда раздавались крики. Чайлд пошире открыл дверь и выглянул в коридор. На площадке у перил лестницы стоял Бендинг Грасс. Он облокотился о перила и заглядывал вниз. Кто-то окликнул его по имени, и он исчез.

Чайлд воспользовался ситуацией и побежал по коридору к открытой в другом конце двери. Он заглянул в комнату. Обстановка было очень необычной: так мог обставить комнату только режиссер для съемок фильма в интерьере турецкого гарема. Там было много ковров, драпировок и подушек. Вдоль стен стояли турецкие диваны. Там был даже кальян. Шкаф был таким низким, что Магде, видимо, приходилось садиться на пол, скрестив ноги, чтобы посмотреть в зеркало. Там была и мраморная ванна вровень с полом. Она была настолько большой, что вполне могла сойти за маленький бассейн. Рядом с ванной находилось мраморное возвышение, огороженное мраморным же бордюром, сверху над ним свешивались шелковые занавески, а внутри лежали подушки. По-видимому, это и была постель Магды.

Из-за занавесей торчали черные кожаные башмаки Глэма. Чайлд быстро прошел мимо ванны, наполненной холодной водой, к мраморной ограде и заглянул вовнутрь. Глэм умер, не сняв башмаков. На нем оставались и брюки — спущенные до колен. Он снял рубашку и исподнее белье. Он слишком спешил, чтобы снять ботинки.

Все вокруг было залито его кровью. Струйки крови лились из его ушей, ноздрей, глаз, ануса и пениса. Его тело было сдавлено. Ребра были сломаны, руки сплющены, тазовые кости раздавлены. Содержимое кишечника и несколько метров самого кишечника были выдавлены из ануса. Рядом с постелью в стене зиял вход в секретный проход. Или Магда открыла скрытую панель, или это сделал Игеску, чтобы посмотреть, не там ли она укрылась.

Голоса в коридоре возвестили о возвращении компании. Чайлду не приходилось выбирать: он скользнул в открытый в стене проход. Не успел он пройти и дюжины шагов, как у него опять начался оргазм и эякуляция. Он обхватил себя руками и тихо застонал. Когда все закончилось, он выругался, но в этом деле от его ругательств ничего не зависело.

Он пошел дальше; пенис торчал из трусов, как корабельный бушприт. Суппозиторий продолжал действовать. Один Бог знает, сколько будет продолжаться его влияние.

У Чайлда вначале было намерение спрятаться в проходе около комнаты и подслушать, что замышляет эта компания. Но каждая секунда промедления увеличивала риск, что его поймут и убьют. Он был напуган тем, как Магда расправилась с Глэмом, и тем, что он подслушал. Точнее, он был близок к панике. Ужас должен был бы подавить все его сексуальные импульсы, но эрекция была совершенно автономной от его мыслей и желаний. Суппозиторий не только вызвал бесконечную эрекцию, он еще обеспечил скоростной сперматогенез. Он стал самым сексуальным частным детективом в мире.

Отойдя достаточно далеко от комнаты, он включил фонарик. Его луч тут же осветил идущую ему навстречу Долорес. Она приветливо улыбалась, протягивая навстречу ему руки. Ее горящие глаза были полуприкрыты. Девушка загородила ему дорогу. Не было сомнений в ее телесности, он помнил, что произошло с Магдой, и опасался ей сопротивляться. Кроме того, был шанс, что, если она получит от него то, что хочет, действие суппозитория прекратится. В сущности, у него не было выбора. Так что он положил сумку, потушил фонарь и спустил трусы. Девушка повалила его на себя. Без промедления он засадил в нее пенис и начал быстро двигать тазом. Он

надеялся, что сразу кончит. И хотя он чувствовал ее нежную влажную плоть вокруг своего пениса, он не был властен в своих желаниях.

Наконец Чайлд кончил и попытался освободиться из ее объятий. Ее руки были нежными и мягкими, но сила в них была как у питона.

Мысли о питоне заставили его вспомнить о Магде, и его страх усилился. Если она их обнаружит сейчас, когда он беспомощен...

Он вздрогнул, но продолжил свои гимнастические упражнения. Все тело его похолодело, анус превратился в кусочек льда, высматривающий бычьим глазом Магду, подползающую к ним сзади, готовясь сжать их в смертельных объятиях.

Он застонал и прошептал:

— Я сошел с ума, раз поверил во всю эту чушь!

Затем он опять застонал от начинающегося оргазма.

Все оказалось напрасно. Суппозиторий продолжал действовать.

Чайлд снова попытался ослабить ее объятия. Ее руки продолжали сжимать его тело железной хваткой. Вспомнив, что он сделал с миссис Грасачевой во время драки, он укусил Долорес за сосок. Он не откусил его, но укус был достаточно болезненным, и она вскрикнула, объятия разжались. Чайлд вырвался, натянул трусы, схватил сумку, фонарь и бросился бежать по узкому проходу.

Крики, конечно, услышат в комнате Магды, если панель остается открытой. Наверняка их будут искать. Луч фонаря прыгал по стенам прохода, за углом он уперся в стену. Это был тупик. Крики за его спиной приближались. Чайлд забился, как пойманная в ловушку птица, молотя руками и ногами по стенам, пытаясь найти рычаг, который открыл бы потайную дверь.

Раздалась испанская речь, из-за его спины протянулась белая рука, чтобы коснуться карниза. Вторая рука толкнула второй карниз. Стена исчезла, луч фонарика пропал во тьме. Рука толкнула его вперед, выведя из ступора. Когда он обернулся, то увидел, как стенная панель становится на место. В закрывающемся проеме он успел заметить мелькнувший луч мощного фонаря. Скользящая после игры с его пенисом рука схватила его за руку. Белая фигура повела его вперед, затем вверх по лестнице. Здесь пыль лежала толстым слоем; Чайлд несколько раз

громко чихнул. Игеску будет несложно найти их по следам в слое пыли. Нужно было выбираться из потайного хода.

Долорес, чьи следы были такими же отчетливыми, как и его, поняла, что они выдают их. Она остановилась у стены, открыла несколько запоров и сдвинула в сторону панель. Они оказались в комнате, где стены были облицованы серо-белым, потолок отделан красным, а пол — черно-красным мрамором. Люстра тоже была собрана из тонких разноцветных мраморных пластинок с подсвечниками для свечей.

Долорес повела его через комнату. Ее лицо было бесстрастным, но черные горящие глаза сулили месть. Она могла просто бросить его в проходе, но, видимо, предпочитала расквитаться с ним своими руками.

Он увидел отражение их фигур в большом зеркале. Они выглядели как двое любовников, спасающихся от ревнивого мужа. Девушка была совершенно нагой, а его влажный пенис торчал из ширинки. Сумка, которую нес Чайлд, делала их еще более комичными. Однако в споре, преследующей их, ничего комичного не было. Чайлд подталкивал Долорес, побуждая ее идти быстрее. Она что-то сказала и почти выбежала в дверь. Они пробежали через роскошный холл, покрытый коврами. В конце холла, рядом с изогнутой лестницей с мраморными ступенями и перилами из красного дерева, она толкнула дверь.

За дверью находились роскошные апартаменты из четырех комнат. В спальне находился вход в потайной лаз в стене. Книжный шкаф прикрывал двухстворчатую железную дверь с цифровым замком. Долорес быстро набрала нужную комбинацию цифр и распахнула железные створки, потом закрыла створки за ними и набрала комбинацию цифр с другой стороны двери. Очевидно, это включило механизм, возвращающий книжный шкаф на место.

Они оказались в небольшой комнате. Долорес включила свет. Чайлд увидел несколько стульев, кровать, телевизор, бар, шкаф с зеркалом. На полках хранились консервы. Там же находился холодильник, забитый продуктами. Небольшая дверь вела в ванную комнату. Игеску мог прятаться здесь длительное время.

Долорес говорила медленно по-испански. Чайлд же понял только одну простую фразу:

— Некоторое время мы будем в безопасности.

— Я укусил тебя только потому, что мне нужно выбираться отсюда, — ожидая ее гнева, стал оправдываться Чайлд.

Она не обратила на его слова внимания, посмотрела на свою грудь в зеркало и что-то прошептала. Сосок окружал четкий след от зубов. Обернувшись, девушка погрозила ему пальцем, затем улыбнулась. Было ясно, что она упрекает его за страстное поведение. Знаками она дала понять, что не стоит больше кусать ее. После этого предупреждения она взяла его за руку и потащила в постель.

Чайлд попытился.

— Покажи мне выход!

Он начал осматривать стены, не обращая внимания на то, что она медленно говорила за его спиной. Ее слова были понятны.

Если он немного задержится, то она покажет дорогу, только не нужно больше кусаться.

— Больше не будет ничего, — сказал он.

Ему удалось найти рычаг, открывающий потайной лаз из этой комнаты. Выпуклый кусок украшавшего стену лепного орнамента легко повернулся под рукой. Шкаф отошел в сторону, и Чайлд не раздумывая шагнул в проход. Долорес что-то крикнула ему из комнаты. Она кричала совсем как Сибил. Он ничего не понял из ее слов, но ему стало ясно, что ее он может не бояться. Он шел вперед, держа в одной руке острую рапиру, снятую со стены. В другой руке был фонарик, ремень сумки он перекинул через плечо.

Стальное оружие придавало ему уверенности. Больше он не чувствовал себя беспомощным. Теперь он сможет покинуть потайной ход и выйти из дома. Ну а если они окажутся у него на пути, то придется им познакомиться с клинком.

Ему пришлось нелегко. Коридор перешел в лестницу, ведущую вверх. Он поднимался осторожно, прощупывая каждую ступеньку. Шпагу пришлось засунуть за ремень, а фонарик взять в зубы. Расставив руки, он уперся в стены. Он надеялся, что, если ступени под ним подломятся, он сумеет удержаться. Лестница выдержала, и он оказался на маленькой площадке перед потайной дверью в комнату. Он повернул ручку, отодвинул стенную панель

в сторону и вошел в комнату, освещенную луной сквозь большое окно. Выглянув в окно, он увидел стоянку машин, подъездную дорогу, а за ней лес. Луна казалась тусклым глазом.

Он находился в левой пристройке, рядом с главным входом в здание. В этом крыле имелись три комнаты, две из них были пусты. Дверь в третью комнату была приоткрыта, из щели лился свет. Он пригнулся и осторожно подкрался к открытой двери. И, конечно же, тотчас едва не вскрикнул. У него начался очередной оргазм.

Стиснув зубы, он переживал сладкую и мучительную дрожь осточертевшего семяизвержения.

ГЛАВА 18

Когда все закончилось, Чайлд заглянул в щель двери. Бабушка барона сидела у стола на высоком стуле. Перед ней лежал большой лист бумаги. Она что-то говорила, губы ее двигались, и время от времени до него доносились какие-то звуки, но Чайлд никак не мог определить, говорит она по-английски или на каком-то другом языке. Единственным источником света в комнате была одинокая лампа, свисавшая с потолка прямо у нее над головой. В свете ее смутно видны были стены с громадными нарисованными жирной черной краской символами, некоторые из которых он не смог распознать. У стены стоял длинный стол, уставленный пузырьками с самыми разнообразными жидкостями. На краю стола примостился старинный глобус, на котором все страны и континенты покрывали изящные причудливые кривые. В большой клетке, стоящей в углу комнаты, сидел, спрятав голову под крыло, гигантский ворон. Возле клетки висела на крюке странная мантия.

После нескольких минут невнятного бормотания старая баронесса сползла со стула. Ее суставы похрустывали, и Чайлд решил, что до мантии ей не добраться: так она крихтела и шаркала ногами, пока шла к стене. Однако ей все же удалось сдернуть мантию вниз и даже, пусть и с немалым трудом, надеть ее. Затем, еле передвигая ноги, она двинулась вдоль длинного стола. Старуха нагнулась, невнятно что-то пробормотала и выпрямилась — снова с явно слышимым скрипом в суставах, —

держа в руках громадных размеров фолиант, который она достала, судя по всему, с полки под столом.

Трудно было поверить, что она сможет далеко уйти с этим дополнительным грузом, однако ей это удалось. Охая и поскрипывая суставами, она дотащила книгу до стола и даже взгромодила ее на покатый пюпитр. Книга заскользила вниз, пока ее не остановила горизонтально закрепленная как раз для этой цели планка. Еще одна планка в нижней части пюпитра не давала упасть со стола листу бумаги. Теперь Чайлд разглядел, что это была карта Лос-Анджелеса с пригородами, в точности такая, какими снабжают своих клиентов станции техобслуживания.

Тут обзор ему заслонила баронесса, которая стала взбираться на стул. Делала она это очень медленно, покачиваясь, и то и дело готова была потерять равновесие. Чайлд с трудом удержался от того, чтобы не поддержать ее. Однако она не упала, и Чайлд снова присел на корточки, спрашивая себя, почему это, собственно, так его беспокоит? Да пусть падает! Видимо, пережитки воспитания давали себя знать даже в самых неподходящих для того условиях: его ведь учили с уважением относиться к пожилым леди.

Спина мантии была сплошь покрыта переплетающимися символами; некоторые из них повторяли те, что украшали стены. Старуха подняла руки, чтобы отбросить широкие рукава мантии, как будто была древней птицей, изготовившейся к последнему полету. Она начала громко и нараспев говорить на каком-то незнакомом языке — том самом, на котором время от времени обменивались фразами другие обитатели дома. При этом она то и дело взмахивала руками. Золотое кольцо на ее пальце тускло поблескивало, напомнив Чайлду подмигивающий глаз.

Немного погодя она прекратила речитатив, сползла со стула и доковыляла до длинного стола у стены. Тут она смешала в стакане содержимое нескольких пузырьков и залпом выпила. Старуха вдруг громко рыгнула, и Чайлд едва не подпрыгнул на месте — от неожиданности и громкого звука. Вернувшись на свой насест, баронесса начала перелистывать страницы фолианта, судя по всему, читая вслух по несколько фраз с каждой.

Чайлд догадался, что наблюдает самый что ни на есть настоящий колдовской ритуал — настоящий в той мере, в

какой он готов был поверить в колдовство. Цель этого ритуала оставалась ему неизвестна, однако по спине пробежал холодок, когда Чайлду пришло в голову, что она, возможно, пытается таким образом его разыскать или еще как-то воздействовать на него посредством колдовства. В другое время, при других обстоятельствах он, возможно, и посмеялся бы над этим. Но слишком многое случилось с ним той ночью, чтобы так легко отнестись к чему-либо, что происходило в этом доме.

Впрочем, и причин сидеть скорчившись у двери у него тоже не было. Нужно было срочно выбираться отсюда, а единственный путь лежал мимо баронессы. Позади стола виднелась дверь; насколько он понимал, эта дверь была единственным выходом из ротонды, если не считать той дороги, по которой он только что пришел. Дверь скорее всего вела в коридор, который в свою очередь вел к лестницам на нижние этажи или к чердачному окну.

Он сомневался, что ему удастся незаметно пройти у нее за спиной. Придется, пожалуй, оглушить ее или даже убить, если это будет необходимо. У него не было причин демонстрировать хорошие манеры. Не может же она не знать, что происходит в этом доме. Вероятно, в молодости она сама принимала участие в чем-то подобном, а возможно, делает это и до сих пор.

С рапирой в руке он осторожно выпрямился и медленно направился к баронессе. Но потом вдруг остановился. Над головой старухи из ниоткуда возникла очень тонкая зеленовато-серая дымка, бесформенная, но с какими-то тянущимися от нее щупальцами. Появление зеленого облачка можно было бы понять, если бы она курила. Но она не курила. Зеленое облако все густело и разрасталось в стороны и вниз. Как это ни странно, вверх зеленая дымка почему-то не поднималась.

Чайлд заморгал в надежде, что оно исчезнет. Зеленая дымка струилась вниз, на ее седые волосы, стекала по ее шее и плечам и дальше — вниз по складкам мантии. Вот зеленый дым окутал ее всю. Звуки заклинаний стали громче, и переворачивать страницы книги она стала проворней. Голова ее настолько — как-то по-черепашьи — была вытянута вперед, что старуха, должно быть, почти уткнулась носом в страницу, уставившись на карту.

Чайлд почувствовал, что снова не понимает, что творится кругом. Как будто весь окружающий мир странно

изменился, в то время как он, Чайлд, остался прежним. Встряхнув головой, Чайлд решил пройти на цыпочках у старухи за спиной, если удастся. Она настолько была поглощена своим делом, что, возможно, его и не заметит. Если зеленый туман у нее за спиной сгустится, — если это и вправду был туман, а не какая-то очередная его галлюцинация, — то он уж и вовсе укроет Чайлда.

Зеленый туман расползлся по комнате и становился гуще. Ведьма сидела, как в зеленом коконе, окутанная им с трех сторон. Неожиданно она закашлялась, поперхнувшись смогом. Дым отлетел от ее дыхания, а потом проворно свернулся кольцами, чтобы заполнить образовавшийся ненадолго просвет. Чайлда застало врасплох легкое прикосновение тонкого щупальца, и он застыл на месте. Вкус у этого дыма был кислотный, жгучий, будто пропитанный эссенцией из выхлопных газов миллиона автомобилей и зловещей продукции дымовых труб химических фабрик и перерабатывающих заводов.

Чайлд стоял как раз напротив баронессы и смотрел, как растекающийся вниз зеленый смог начинает покрывать карту Лос-Анджелеса.

Внезапно старуха подняла глаза, как будто обнаружила в комнате чье-то присутствие. Она пронзительно завопила и свалилась со стула. Падая, она перевернулась и приземлилась на четвереньки. Проворно вскочив, старуха метнулась к двери, через которую Чайлд вошел в комнату. На какое-то мгновение Чайлд застыл, потрясенный ее ловкостью и проворством, но тут же оправился и бросился за ней следом. Однако она успела захлопнуть дверь перед его носом, а когда он попытался повернуть ручку, дверь оказалась заперта. Ломать дверь было бессмысленно — пока он будет занят этим, она уже успеет пробежать по проходу, спуститься по лестнице и исчезнуть в лабиринтах коридоров.

Конечно, была еще и Долорес. Возможно, она могла бы остановить старуху. Но опять же могла и не сделать этого. Ее позиция в настоящей ситуации оставалась двойственной. А он подозревал, что ее представление о том, что хорошо для нее, Долорес, может и не совпадать с тем, что пошло бы на пользу ему. Разумнее всего было бы не преследовать баронессу, а попытаться выбраться из дома, пока та не подняла тревогу.

Облако смога в комнате стремительно исчезало. Когда он подходил к двери, от зеленоватого тумана не осталось и следа. Дверь открывалась в кабину лифта, сделанного в конце девятнадцатого столетия. Ему вовсе не нравилось, что он может застрять в ней, как в ловушке, но другого пути не было. Он нажал кнопку «Вниз». Ничего не произошло, только над кнопкой загорелась маленькая лампочка. Тогда он повернул вниз маленький переключатель, расположенный рядом с кнопкой. Кабина пошла вниз. Когда он повернул рычажок вверх, кабина остановилась. Он нажал кнопку «Вверх», повернул рычажок, и лифт начал подниматься. Убедившись, что он научился управлять лифтом, Чайлд спустился только на второй этаж. Если баронесса уже подняла тревогу, то его будут ждать на первом этаже. Его, конечно, могли поджидать в любом месте, но Чайлд решил рискнуть.

Дверь, через которую он вышел из лифта, ничем не отличалась от остальных дверей в доме. Вот почему он не знал о существовании лифта. Он оказался рядом с комнатой Магды. С лестницы слышались приближающиеся голоса и шум шагов. У него не было времени искать незапертые комнаты, поэтому он проскользнул в спальню. Тело Глэма все еще находилось в постели Магды. Стенная панель, открывающая вход в потайной лаз, была открыта. Секунду он раздумывал, не спрятаться ли среди подушек, но потом подумал, что его сразу обнаружат, как только решат вынести тело Глэма. Не оставалось ничего другого, как вновь войти во внутрисстенный проход.

Он ждал недалеко от входа, приготовившись всадить рапиру в шею или живот первого, кто сюда сунется. Клинок дрожал в его руках от нервного возбуждения. Он никогда не брал уроков фехтования и, соответственно, не имел нужных навыков, так что был не настолько опасен с холодным оружием в руках, как ему бы хотелось. Чтобы эффективно использовать холодное оружие, надо хотя бы знать, куда стоит бить, а куда наносить удары бессмысленно, иначе клинок может отскочить от кости и нанести только легкую рану противнику.

Чайлд тихо выругался. Он был настолько поглощен мыслями о том, как правильно использовать рапиру, что не заметил начавшейся эякуляции. Из-за мощного оргазма рапира сама собой вылетела из его руки и со звоном упала на пол. Ударила струя спермы, и душный проход

заполнился едким запахом. Он поднял шпагу и стал ждать. У обитателей этого дома обоняние могло быть гораздо более чувствительным, чем у людей, — Чайлд уже допускал, что они не люди, — вероятно, они скоро почувствуют его присутствие по запаху спермы. Стоит ли немедленно уходить? И если да, то куда идти? Повторить недавно пройденный путь?

Он уже давно от них бежит. Пришло время дать достойный отпор.

Огонь.

Он заглянул в комнату. Дверь в нее по-прежнему была закрыта, звук голосов глухо доносился до него. Раздался визг, и Чайлд похолодел. Так может визжать только разъяренная свинья. Последовали крики, опять визг свиньи. Звук голосов затихал, компания удалялась по коридору. Чайлд вновь вошел в комнату и приступил к поискам. Скоро ему удалось найти то, что было нужно. На книжной полке стояло несколько книг. Он стал вырывать и комкать страницы. Разорвав несколько подушек, он высыпал их содержимое на скомканную бумагу и с помощью зажигалки, найденной в сумочке, поджег бумагу. Огонь вспыхнул и перекинулся на шторы.

Чайлд распахнул дверь в коридор, открывая дорогу сквозняку — буде такой здесь возможен. Прихватив с собой пачку «Таймс» и пару книг, он вышел в проход. Найдя недалеко от входа одностороннее зеркало, Чайлд разбил его рукояткой рапиры, чтобы еще больше усилить ток воздуха. Он разжег огонь в проходе, где пол был обит старыми высохшими досками, рассчитывая, что они вспыхнут, как подлесок на холмах на исходе засушливого лета. Затем он вернулся в комнату с разбитым зеркалом и поджег огромную кровать с балдахином.

Почему он не сделал этого раньше? Наверное, потому, что был слишком измучен, чтобы думать, вот почему. Не более того. А сейчас он просто дает сдачи.

Если ему удастся найти комнату с окнами, выходящими вовне, он без раздумий выпрыгнет из окна, даже если это окончится падением с третьего этажа. Пусть они тут повозятся с пожаром, пока он доберется до своей машины и сообщит в полицию.

Услышав за дверью комнаты голоса, он вернулся в проход и бросился по нему бегом, освещая себе дорогу фонариком, хотя отблески пожара давали вполне устраи-

вающий его полумрак. Впрочем, за ближайшим углом он лишился этого преимущества. Добежав до развилки, он остановился и осветил коридор фонариком. Ничего. Он повернулся и осветил другой коридор; в дальнем его конце раздалось рычание.

Послышалось слабое клацание. Когти или ногти по голым доскам пола?

Вой заставил его вздрогнуть.

Это был волк.

Внезапно клацание, бывшее до тех пор лениво неспешным, превратилось в стремительное. И снова вой.

Чайлд навел луч фонаря как раз вовремя, чтобы увидеть, как угол огибает огромное серое тело. В свете фонаря вспыхнули узкие глаза. И тут, припав к полу, зверь прыгнул на него.

Вслед за первым тут же возник второй.

Чайлд вслепую сделал выпад рапирой и ударил несущееся на него животное. Лезвие попало в цель. Мощный толчок отбросил Чайлда назад. Выбитый из рук клинок засел в теле поверженного зверя, а сам Чайлд рухнул на спину. И тут же с криком вскочил на ноги. Упавший фонарь осветил приближающуюся волчицу. Очевидно, она не стала нападать сразу же, решив сперва выяснить, что тут происходит. Зверь находился уже в нескольких метрах от Чайлда. Волчица медленно приближалась.

Чайлд не хотел поворачиваться к зверю спиной, но он не мог оставаться без оружия. Он протянул руку к рапире; в свете упавшего фонаря лезвие, вошедшее в шею волка и вышедшее у основания черепа, тускло поблескивало. Чайлд схватил рапиру за рукоять, уперся ногой в волка и сильно дернул. Рапира легко вышла из неподвижного тела. Волчица зарычала и бросилась вперед. Чайлд не успел повернуться. Он понимал, что сейчас она вцепится ему в шею или плечо и это будет означать для него конец.

Волчица поскользнулась и с разбега ударилась плечом в тело мертвого самца. Чайлд воспользовался этим и сделал выпад. Лезвие вонзилось в плечо волчицы, она зарычала и оскалилась. Чайлд навалился всем своим весом на рукоять, уперевшись ногами в доски пола. Лезвие ушло глубоко в тело зверя, но, еще прежде чем кончик рапиры заскрипел о пол, волчица затихла. Хрипло дыша, словно его легкие нуждались в смазке, Чайлд

выдернул клинок и вытер лезвие о шерсть. Он поднял фонарь и осветил тела волков, желая убедиться, что они мертвы. На его глазах силуэты волков расплывались, теряя очертания. Чайлд рассмотрел, на чем поскользнулась волчица. Это была лужица его спермы.

С дальнего конца коридора, откуда до того появились волки, приближались голоса. Чайлд бросился бежать по проходу в надежде, что они будут слишком заняты борьбой с пожаром, чтобы преследовать его. Коридор под прямым углом пересекался с другим, и Чайлд свернул налево. Танцующий впереди луч фонаря выхватил стенную панель и новый запорный механизм. С рапирой в руке он скользнул в потайную дверь, но не смог удержаться и чихнул. Черт, теперь любой, кто бы ни оказался в комнате, если только он не глух, будет знать о его присутствии.

Эта комната была просторной и с очень высоким потолком — настолько высоким, что, должно быть, поднималась до высоты второго и третьего этажей. Стены комнаты уходили чуть ли не к самой крыше. Они были обшиты панелями темного — очевидно, мореного — дуба, и под самым кроющимся в тених потолком шли гигантские дубовые балки. Половицы паркета также были из темного дуба. Тут и там на полу лежали волчьи и медвежьи шкуры.

Каркас кровати составляли восемь тесаных колод; как и положено кровати, к каркасу крепилось изголовье и изножье, но вместо матраса тут имелся настил.

На планках разместились громадная дубовая колода со стесанными углами. Грубо — топором и зубилом — в ней была проделана выемка. Углубление было достаточно большим, чтобы в нем мог поместиться взрослый мужчина. Мужчина там и помещался. В выбоине лежал барон, по шею укрытый медвежьей шкурой. Матрасом ему служила земля, на земляной же насыпи, служившей ему подушкой, покоилась и голова барона.

Барон лежал на спине, его большой тонкий нос будто смотрел прямо в потолок. Нижняя губа чуть отвисла, обнажились длинные белые зубы. Лицо у него было странного серовато-зеленого оттенка, как будто он только что умер. Возможно, причиной тому был странный зеленоватый свет, лившийся от трех толстых зеленых свечей, которые были установлены по углам колоды-гроба.

Чайлд откинул медвежью шкуру. Барон был наг. Чайлд положил ему руку на грудь — никакого движения. Он попробовал нащупать пульс на запястье — сердцебиения не было. Чайлд интереса ради оттянул левое веко лежащего, но увидел только белок закатившегося глаза.

Оставив барона, Чайлд подошел к окну и отдернул большие пыльные шторы. Два огромных французских окна затеняло что-то серое. День уже занялся, но свет за окном был тусклым, как будто ночь оставила по себе несмыаемый след. Небо было темно-серым с вившимися по нему тут и там серо-зелеными облачками.

Чайлд заглянул во мрак под кроватью. Там оказалась грубо сработанная дубовая крышка гроба. Он похолодел. Мертвая тишина, потрескивание горящих свечей, тяжелое темное дерево кругом, огоньки, которые как будто разбрасывали вокруг себя не свет, а тени, грубая, скорее даже архаичная обстановка комнаты и ее похожий на труп обитатель, которого он вполне ожидал тут увидеть, а увидев, все равно вздрогнул от неожиданности — все окутывало его будто саваном. Собственное дыхание царпало ему горло.

Возможно, эта комната воспроизводит обстановку в карпатском родовом замке барона? И почему кругом сплошь примитивно обработанный дуб? И почему столь грубой работы гроб, когда Игеску в состоянии позволить себе самое лучшее?

Некоторые предметы в комнате соответствовали суевериям (он теперь знал, что это далеко не суеверия). Назначение других предметов оставалось неизвестным.

У Чайлда мелькнула догадка, что комната была построенная и обставлена в соответствии с традициями, гораздо более древними, чем те, что приписывали нечистой силе даже средневековые легенды, что колоду, дуб и свечи использовали задолго до того, как получили свое название Карпатские горы, задолго до того, как возникла в качестве римской колонии Румыния, задолго до того, как была воздвигнута мать всех городов — Вечный Рим. А возможно, и задолго до того, как первые говорящие на индоевропейских языках люди начали распространяться со своей прародины на земли, которые через несколько тысячелетий будут называться Австрия и Венгрия. Архетип этой комнаты, архетип лежащего в колоде — в той или иной форме существовал в Европе и в иных землях, когда люди

говорили еще на языках, канувших теперь без следа, когда говорившие на них люди еще использовали каменные орудия.

Каково бы ни было происхождение таких, как Игеску, независимо от того, насколько близко или отдаленно он напоминал существо, порожденное фольклором, легендами и суевериями, при свете дня барон ничем не отличался от покойника. Солнечные лучи несли в себе силу, отвечающую за временную задержку анимации или какой-либо активности. Возможно, причиной этого странного сна являлся какой-то другой связанный с солнечной энергией феномен. Или, может быть, наоборот, все дело в отсутствии луны? Нет, последнее — не слишком логично, поскольку луну нередко можно видеть в небе и днем тоже. Возможно, правда, наличие иного светила значительно снижает влияние луны.

Не будь Игеску вынужден, он ни за что не прекратил бы поисков Долорес и Чайлда в потайных ходах дома. И опять же, если он знает, что они бродят где-то на свободе, он должен был позаботиться о том, чтобы не быть особенно уязвимым в дневное время.

Чайлд еще более похолодел, если не считать жаркой точки между лопаток, фокуса чего-то, что, спрятавшись невесть где, пристально смотрело ему в спину.

Он быстро огляделся по сторонам, внимательно осмотрел потолок, где к дубовым балкам льнули темные тени, еще раз заглянул под кровать, за немногие стоявшие по стенам комнаты стулья — ничего.

В ванной тоже никого не было. В соседней комнате, находящейся за массивной дубовой дверью в западной стене, тоже ничего живого не было, только в дальнем углу стоял массивный гроб из красного дерева с золотой окантовкой и ручками из листового золота.

Чайлд поднял крышку гроба, совсем уже приготовившись обнаружить там тело. Однако гроб был пуст. Или он служил убежищем тому, кто вынужден был спать днем, или его использовал в чрезвычайных случаях сам барон. Чайлд отвернул краешек атласной обивки и тоже нашел под ней землю.

Он вернулся в обшитый дубом зал. Внешне за время его отсутствия ничего не изменилось. И все же гнетущая тишина как будто потрескивала. Как будто вмешательство «иного» создавало разреженную атмосферу, которая

тут же излишне сгустилась. Тени внезапно стали казаться гуще, зеленый свет свечей стал более темным и еще более зловещим.

Сжимая в руке рапиру, Чайлд застыл в дверях. Он даже задержал дыхание, чтобы лучше слышать.

Что-то вошло в эту комнату, то ли из потайного хода в стене, то ли через дверь в стене западной. Чайлд сомневался, что оно могло попасть сюда через потайной ход, поскольку поставленный там страж атаковал бы его прежде, чем он, Чайлд, попал в усыпальницу барона.

Значит, это нечто находилось в соседней комнате и, должно быть, наблюдало за ним через какое-то отверстие или щель; их Чайлд вполне мог и проглядеть. Оно не бросилось на него сразу же, как только его увидело, поскольку он не пытался причинить вреда барону.

Возможно, это неприятное ощущение было всего лишь следствием перенапряжения и издерганных нервов. Чайлд не видел ничего необычного, вообще ничего, что могло бы вызвать у него столь острое чувство опасности.

Однако барон не заснул бы, оставив свой гроб без охраны.

ГЛАВА 19

Чайлд шагнул вперед. Стояла мертвая тишина, но он каким-то шестым чувством ощущал нарастающее напряжение. Казалось, вокруг раздается сухое потрескивание, словно некое тело вторглось в магнитное поле... Подняв рапиру, Чайлд стал медленно приближаться к огромному дубовому гробу, примявшему простыни. Потрескивание усилилось; он осторожно заглянул под кровать. Никого!

В это мгновение на спину обрушился страшный удар. Чайлд рухнул на пол, потом с трудом перекатился. Он не смог удержаться от крика: спину и ноги словно поджаривали на медленном огне. Пересилив себя, Чайлд вскочил и отпрыгнул в сторону. Позади не смолкало рычание и фыркание. Он медленно обошел кровать. Рука все еще сжимала оружие. Странно, что Чайлд не выпустил клинок при падении. Во всяком случае, он поступил так неосознанно. Что ж, на сей раз мускулы сработали без приказа рассудка.

Это был великолепный грациозный зверь, внушавший и ужас и восхищение. Черно-белый пышный мех; в неотрывно следящих за противником желто-зеленых глазах отражался зловещий свет горящих свечей. Оскаленная черная пасть, ряд острых желтоватых клыков. Он казался небольшим для леопарда, но, несмотря на скромные для своей породы габариты, вызывал немалый страх, хотя Чайлд надеялся, что привык к потрясениям и неожиданным поворотам. Зверь прятался внутри гроба, прильнув к телу Игеску, терпеливо дожидаясь, когда враг подойдет поближе.

Сейчас он вновь припал к днищу гроба и глухо зарычал. Глаза излучали ярость, на лапах поблескивали выпущенные когти.

Внезапно зверь пружинисто прыгнул, покинув свое убежище. Чайлд перегнулся через неподвижное тело барона и выставил вперед клинок. Леопард напоролся на рапиру, лезвие проткнуло шею. Перед глазами Чайлда мелькнули когти, бессильно скребущие по воздуху, но зверь не мог дотянуться до своего убийцы. Все же могучая лапа выбила из руки рапиру, и Чайлд рухнул на спину.

Когда он поднялся на ноги, леопард уже бился в агонии. Вернее, самка леопарда. Жизнь медленно покидала могучее тело, словно птицы, одна за другой слетающие с веток векового дуба.

Чайлд задыхался; тело сотрясала дрожь, сердце колотилось так, словно хотело вырваться из груди. Он уперся в неподвижное тело ногой и с трудом выдернул лезвие. Затем забрался на постель и подобрался к гробу, крепко сжимая рапиру обеими руками, направив ее острием вниз. Он держал оружие, как монах, отгоняющий Силы Зла, — крест. Кто знает, возможно, он сейчас действительно выполняет подобную миссию?

Собрав все силы, Чайлд вонзил клинок в тело барона. Лезвие прошло сквозь плоть и пробило сердце. Клинок пронзил тело и застрял в дереве.

От страшного удара мертвец содрогнулся, голова откатилась набок. И все! Из свежей раны не пролилось ни капли крови. Ни стоны, ни вздоха.

Казнь совершилась с помощью стали, а не осинового кола, как полагалось бы. Однако рукоятка рапиры образует крест. Чайлд надеялся, что священный знак имеет

большее значение, чем материал, из которого изготовлен предмет, положивший конец вампиру. А может, символика никакой реальной помощи не оказывает? Что, если поверья, согласно которым живого мертвеца, Носферату, можно уничтожить, лишь пробив ему колом сердце, а крест лишает его силы, ошибаются?

В романе «Дракула», который Чайлд читал много лет назад, говорилось, кажется, что вампиру нужно обязательно отрубить голову.

Наверняка из всего обилия легенд, окутывающих подобные создания, многое — ложь или сказка; масса фактов так и осталась тайной. Но выдумки это или нет, сейчас он делал и постарается сделать все, чтобы барон никогда больше не поднялся из гроба. Ну а леопард? Обычный дрессированный зверь, которого Игеску держал в качестве охраны? Чайлд подозревал, что это была Панчита Посьотль либо Ребекка Нгима, уж очень он казался маленьким. С другой стороны, маловероятно, чтобы Панчита — родом из Мексики, чьи предки несомненно говорили на исконном наречии своего народа, приняла такую форму, скинув человеческое обличье. Скорее она стала бы ягуаром! Нет, либо это настоящий зверь, либо африканка Нгима, а может, китаец Пао.

Как бы там ни было, никаких метаморфоз с трупом животного пока не произошло. Все-таки перед ним обычный выдрессированный зверь — гроза грабителей.

«Господи, я еще сомневаюсь! — воскликнул он про себя. — Никаких вампиров, оборотней — волков или леопардов — в природе не существует! Возможно, встречаются психопаты, воображающие себя кровососами, либо так называемые энергетические вампиры. Но сказочное создание, способное к перевоплощению!.. Немыслимо даже представить себе, каким образом такое может происходить! Кости должны приобрести эластичность, потом вновь затвердеть, изменения затронут даже структуру клетки. Фантастика! Ну, может, у них по-иному устроены кости... Хорошо, а откуда берется энергия, необходимая для подобной метаморфозы? И даже если допустить возможность изменения формы тела, как быть с мозгом? Он ведь должен все время сохранять объем и конфигурацию, свойственную человеку!»

Чайлд окинул взглядом мертвого леопарда и вспомнил о волках. В их маленьких черепахах поместился бы лишь мозг обычного животного.

Надо выкинуть наконец из головы всю эту ерунду! Его одурманили; все остальное — результат внушения!

Чайлд оглядел себя. Только сейчас он заметил, что леопард за несколько секунд схватки успел причинить ему гораздо больший ущерб, чем казалось вначале, — порвал рубашку, брюки. Детектив провел рукой по телу. Вся в крови! Боль и страх заставили тщательно обследовать раны. К счастью, зверь нанес гораздо более серьезный урон одежде, чем ему самому. Царапины оказались неглубокими.

Чайлд отправился в соседнюю комнату, оказавшуюся небольшим кабинетом, набрал охапку газет и журналов. Вернувшись в гигантское помещение, где стоял гроб, скомкал бумагу и обложил ею голову барона. Потом, обрызгав бензином из зажигалки образовавшуюся грудку, а также волосы и грудь мертвеца, поднес крохотный огонек к гробу.

Распахнув широкие окна, Геральд развел еще один костер под дубовой обшивкой и третий — под левой стороной каркаса кровати. Добавив в разгорающееся пламя стул, он стал смотреть, как постепенно обугливается и чернеет старое дерево. Огонь пожирал гроб, по комнате стелился черный дым. Запахло палеными волосами и горящей плотью Игеску.

Бумага и капли бензина помогли поджечь занавески. С большим трудом подтащив тело леопарда к костру, он бросил его в пламя. Обрызганная бензином голова мертвого животного яростно запылала; некогда блестящий, словно лакированный, нос поблек и растрескался от страшного жара.

Чайлд распахнул дверь в коридор. Там тоже было дымно, и черные облака смешались, образовав густую завесу.

Настоящая тяга отсутствовала, и вскоре дым заполнил комнату. Чайлд начал судорожно кашлять. Неожиданно, как будто спазмы в горле послужили неким стимулятором, все тело сотряс мощный оргазм.словно раскаленная лава залила спину. Когда брызнула сперма, ему показалось, что вместе с ней наружу выплескивается обратившийся в жидкий огонь позвоночник.

Когда фаллос Чайлда извергнул последние капли семени, из полыхающего костра в центре комнаты раздался леденящий душу вопль. Чайлд резко повернулся, но разглядеть что-нибудь сквозь черный дым было невозможно. Значит, одно из существ, сожженных им, он напрасно посчитал мертвым. Оно жило до сих пор: страшные протяжные крики не умолкали!

И тут, прежде чем он успел отреагировать на новую опасность, раздалось странное похрюкивание и взвизги. Потом — отчетливый цокот копыт. Доски паркета под ногами задрожали. Через мгновение мощный удар подбросил его в воздух.

Оглушенный, не в силах опереться на ушибленную ногу, Чайлд с трудом сел и сразу зашелся в кашле. Снова сопение и визг, на этот раз громче, опять поскрипывает паркет. Надежно укрытый плотной завесой дыма, Чайлд успел откатиться в сторону. Существо, сбившее его с ног, с топотом рыскало вокруг в поисках пропавшего врага.

Чайлд пополз на четвереньках вдоль стены, пригнув голову к полу, чтобы поменьше вдыхать дым, к спасительным окнам. Хрюканье сменилось звуками кашля. Со страшным шумом втянув в себя задымленный воздух, существо вновь зацокало копытами.

Чайлд миновал угол, прокрался, прижавшись к стене, до следующего. Протянув вслепую руку, нащупал нижнюю часть рамы. Если память ему не изменяет, до открытых окон осталось еще футов десять.

Цоканье неожиданно смолкло. Существо — очевидно, свинья — застыло на месте. Потом — новая серия задыхающихся взвизгов. Сейчас в них угадывались угроза, вызов противнику. Снова яростный стук копыт, сопровождаемый громким шипением второй твари.

В комнате, скрытая от глаз Геральда плотной завесой дыма, разгоралась отчаянная битва. Стены несколько раз содрогнулись от ударов могучих тел, пол ходил ходуном, звуки тяжелых ударов, — словно сильная рука молотила по массивной плоти, — сопровождаемые громким потрескиванием горящего дерева, дополняли какофонию поединка.

Остаться в горящем доме дальше было немыслимо, даже если бы Чайлд захотел увидеть, что происходит и как закончится невидимый бой. Дым прикончит его быстро, огонь — немного позже, так что надо побыстрее

выбираться отсюда! Времени доползти до выхода не оставалось. Единственный шанс спастись — окна. Он смог открыть задвижку, толкнул раму и вылез наружу.

Чайлд повис на руках, потом разжал пальцы. Тяжелый удар, хруст веток... Он упал на куст и сломал его. Судя по ощущениям, пострадало не только растение! Он скатился на землю и с трудом поднялся. Левую ногу, уже пострадавшую от нападения огромной свиньи, пронзила боль. По крайней мере, крови не заметно.

Его сразу же охватил еще один оргазм — значит, по крайней мере детородные органы остались целыми и невредимыми! — так что, когда из окна, выломав раму, вылетели два вцепившихся мертвой хваткой друг в друга существа, он мог лишь беспомощно наблюдать за развитием событий. Сминая кустарник, на землю свалились мадам Грасачева и Магда Холиани и покатались по траве.

На крыльцо выскочили остальные обитатели дома.

Обе участницы поединка были покрыты кровотокающими ранами, их лица почернели от копоти. Магда в конце концов замерла у ног Чайлда и даже успела застать самый конец оргазма. Несколько последних капель спермы попали ей на лоб. Целительная мазь и благословение свыше! Несмотря на боль, он не смог удержаться от смеха.

Толстуха обрушилась на землю, как мешок с мокрой мукой, и сейчас лежала без сознания. Из ноги, прорвав кожу бедра, торчала серая кость. Из ушей и ноздрей сочилась кровь.

Чайлд перевел взгляд на крыльцо дома. Бендинг Грасс, Панчита Посьотль и О'Райли. Чайлд перечислил про себя отсутствующих обитателей логова: Игеску, Василий Хоркин, миссис Крачнер, Ребекка Нгима, Фред Пао, Вивьен Мабкруф, две горничные и баронесса. Кажется, он знает, куда делись первые трое. Василий и Крачнер погибли от его клинка, африканка, судя по всему, горела сейчас вместе с бароном. Где же другие?

Их выжившие приятели, столпившиеся у выхода, были в плачевном состоянии: одежда изорвана, волосы всклокочены, из многочисленных ран сочится кровь. Должно быть, сцепились с Магдой, миссис Грасачевой или Долорес. Как бы там ни было, они никак не выглядели обессиленными и сейчас явно пытались найти его. Воз-

бужденно переговариваясь, соратники барона указывали на кусты, где он прятался.

Чайлд побежал к «роллс-ройсу», припаркованному на дороге в двадцати футах от него. Боль в ноге заставляла прихрамывать, но страх придал новые силы. Позади раздался крик, под ногами преследователей заскрипели деревянные ступеньки крыльца. Машина оказалась не запертой, ключ торчал в замке зажигания. Она с ходу завелась и рванулась с места. Подоспевшие как раз в этот момент Бендинг Грасс и О'Райли какое-то время бежали рядом, колотили по стеклам и протяжно, по-волчьи, выли, потом наконец отстали и заспешили к стоящему у дома красному «ягуару».

Чайлд быстро затормозил и дал задний ход, вдавив педаль акселератора в пол машины. «Роллс-ройс» ударил правым бампером О'Райли. За долю секунды, до того как автомобиль Чайлда прижал второго преследователя к «ягуару», тот успел развернуться. Смуглое широкое лицо индейца несколько мгновений смотрело на Чайлда сквозь заднее стекло.

Чайлд отъехал. Наконец он смог разглядеть распостертое тело. Бендинг Грасс рухнул на дорожку лицом вниз, его ноги превратились в красное месиво. Потом очертания фигуры стали неясными, она начала на глазах разбухать.

Наблюдать за происходящей метаморфозой было некогда. Он вновь затормозил, потом направил машину на О'Фэйтхэйра, пытавшегося подняться на ноги. Переехав О'Райли, он трижды прошелся колесами по телам несчастного ирландца, Бендинг Грасса, Холиани и Грассачевой. Панчита Посьютль, что-то выкрикивая, грозила детективу сжатым кулаком, потом опрометью бросилась к зданию. Чайлд подъехал к крыльцу.

Из окон всех трех этажей левого крыла и центрального корпуса дома вырывались языки пламени, валил дым. Если огонь не унять, обитель барона сгорит дотла через пару часов. А тушить пожар было некому.

Чайлд повел машину к линии деревьев. Разворачиваясь перед тем как выехать на дорогу, ведущую в глубь чащи, увидел часть двора. Босая Панчита Посьютль, обе горничные и Вивьен, чье белоснежное тело и ярко-рыжая копна спутанных волос выделялись яркими пятнами на фоне сумрачного неба, спешили добраться до леса. Следом

бежала нагая Долорес. Ветер развеивал ее распущенные иссиня-черные роскошные волосы; на лице экзотической красавицы застыло выражение мрачной решимости. Преследуемых тоже переполняло это чувство, но оно было вызвано страхом.

Интересно, что произойдет, если она их догонит? Судя по всему, женщины, за которыми она гналась, в отличие от Чайлда, хорошо представляли последствия и имели веские основания избегать поединка. Детектив подозревал, что отсутствие баронессы и Пао объяснялось их встречей с разгневанной Долорес. Правда, их могла убить Магда или чудовищная мадам Грасачева... Скорее всего именно они превратились тогда в питона и огромную свинью и стали крушить все на своем пути.

Трое добежали до леса и скрылись среди деревьев.

Чайлд стукнул себя ладонью по лбу. Господи, неужели он поверил во все это нагромождение небылиц? Вампиры, оборотни, перевоплощения... Чушь!

Он снова обернулся. Машина сейчас ехала по возвышенности; отсюда были хорошо видны неподвижные тела Грасачевой и Бендинг Грасса. Индеец почернел, стал вдвое массивнее, так что вся одежда порвалась. Сейчас он явно походил на медведя. Кожа мадам стала темной, в ней тоже угадывалось что-то звериное.

В этот момент из-за дома выскочила черная лиса и бросилась в лес. Такой огромной Чайлду никогда не доводилось видеть! Она трижды тявкнула, повернула голову. Ее светящиеся глаза смотрели на него, пасть растянулась в усмешке.

И вновь, как при первом столкновении с Долорес, тело пронзил ледяной холод. Животное напомнило ему о том, что он когда-то читал о китайских оборотнях-лисах. Согласно поверьям, они теряют способность к превращению в людей, когда напиваются. Тогда за ужином барона явно беспокоило неумеренное поглощение вина китайцем. Почему? Может быть, он не хотел, чтобы Чайлд увидел, как тот превратится в лиса? Нет, очевидно, у хозяина дома все-таки имелись другие причины для раздражения. Ведь Игеску никак не думал, что «гость» когда-нибудь сможет покнуть их и рассказать обо всем, что произошло.

Чайлд пожал плечами. Хватит с него страшных тайн и потрясений. Надо поскорее выбраться отсюда! Его заставляли поверить в то, что человек, весящий добрых сто

пятьдесят фунтов, может «размягчить» тело, придать ему звериную форму, а во время метаморфозы сбросить больше двух третей, как бы сложив лишние фунты в гипотетический чемодан, чтобы при необходимости «надеть» их вновь. А если «чемоданчик» отсутствовал, избыточная масса следовала за владельцем, как невидимый хвост энергия, способной в любой момент послужить хозяину.

Перед ним находились ворота в первой стене, окружавшей владения барона. Чайлд выбрался из машины, открыл их, вновь забрался в автомобиль и последовал дальше. Вскоре показалась вторая ограда. Здесь он оставил «роллс-ройс», не забыв стереть тряпкой отпечатки пальцев, прошел в высокие ворота. Его «пontiак» стоял под деревом в самом конце дороги.

Чайлд разыскал спрятанные им ключи от машины — сколько же времени прошло с тех пор: день, неделя, месяц? — и сел за руль. По дороге он попытался подвести итоги своих злоключений. Он едет домой обнаженный, покрытый кровотокающими ранами. Все тело ноет, — кроме ненасытного фаллоса! Судя по состоянию, в котором до сих пор пребывает этот орган, он готов подарить хозяину очередной оргазм! О Господи! Но у счастливого обладателя подобного чуда осталось лишь одно желание — поскорее добраться до своей квартиры. И пусть весь мир, вместе со смогом и вереницей странных чудовищ, катится ко всем чертям!

Когда он проехал примерно полмили, мимо, по направлению к покинутой им горячей усадьбе, промчался черный «линкольн» с калифорнийскими номерами. В нем находились три парочки. Все шестеро отличались привлекательностью и изысканной одеждой; на напряженных лицах застыло озабоченное выражение. Чайлд был почти уверен, что они опаздывали на какое-то важное мероприятие, назначенное Игеску, либо кто-то из обитателей дома призвал своих соратников на помощь.

Чайлд мрачно усмехнулся. Что ж, они будут неприятно удивлены. А ему следует убраться подальше отсюда, и как можно быстрее!

Небо потемнело, раздался гром, засверкали молнии. Сильный ветер разорвал смог. Дождь очистил воздух и землю. Чайлд оставил машину в подземном гараже дома и на лифте поднялся на свой этаж. Он никого не встретил по дороге к своей квартире.

Закрыв дверь, он принял душ, переоделся в пижаму, закусил бутербродами с сыром и ветчиной и забрался в постель.

Прежде чем провалиться в забытие, он вспомнил, что с ним нет сумки с уликами. Он потерял ее где-то по дороге от спальни барона к собственной спальне.

ГЛАВА 20

Чайлд проспал беспокойным сном более полутора суток. Он вставал только для того, чтобы перекусить или сходить в туалет.

Его мучили кошмары, навеванные пережитым за последние дни, но некоторые сцены насилия оказались весьма возбуждающими. Толстенная мадам Грасачева, Магда, Долорес, оседлав его беспомощное тело, неистово двигались в бешеной пляске наслаждения; он со стоном пробуждался, извергая сперму на простыню. Часто он сам грубо мял покорное изнемогающее тело Сибил, других любовниц или некоей безликой женщины, а по крайней мере дважды насиловал животных — волчицу и самку леопарда.

Проснувшись, Чайлд попытался разобраться в своих сновидениях. Согласно учению Фрейда любой сон, как бы ужасен он ни был, выявляет скрытые желания.

Когда он наконец стряхнул с себя остатки смертельной усталости, пижама и простыни оказались мокрыми насквозь, но зато действие афродизиака-свечи закончилось. Как счастлив был Чайлд, разглядывая свой бессильно опущенный, съежившийся пенис!

После завтрака и душа он просмотрел последние выпуски «Лос-Анджелес таймс». Жизнь в городе почти вошла в обычную колею. Газеты доставлялись вовремя; возобновился бизнес. Жители еще покидали город, но массовый исход прекратился. Однако морги были переполнены, каждый день кого-то хоронили, а полицейские участки пытались разобраться с потоком заявлений о пропавших без вести. В остальном все шло как обычно. Вновь собирались тучи смога, но, пока дул бриз, городу не грозили новые страшные испытания. Чайлд пробежал глазами заголовки и статьи, вынесенные на первые страницы.

Сибил так и не вернулась; обеспокоенный Чайлд связался с Сан-Франциско. На звонок ответила сестра Сибил Черрил. Она сообщила, что у них умерла мать, и Сибил ожидали на похороны. Очевидно, как только ей сообщили горестную весть, она сразу собралась и покинула квартиру, но не смогла достать билет на самолет, а машина как назло не заводилась. Поэтому Сибил перезвонила им и сказала, что появится с другом, который тоже хотел уехать из города.

Кого она имела в виду? Неизвестно... Сибил была просто в иступлении и отчаянно пыталась перед отъездом связаться с ним, но после пяти неудачных звонков оставила бесполезные усилия. Полиция сообщила, что, по их сведениям, данный индивидуум не пострадал ни в одном из многочисленных инцидентов.

Чайлд попросил Черрил не беспокоиться. Сейчас многие считаются пропавшими; Сибил наверняка скоро вернется живой и невредимой. Он сам не бросит поисков, пока не найдет ее, и так далее, в том же духе.

Повесив трубку, он почувствовал себя опустошенным. Это чувство не покидало его и на следующий день. Чайлд признался себе, что за все время ему не удалось узнать ничего нового: «друг» Сибил, с которым, как он предполагал, уехала бывшая жена, некий Ал Портхауз, заявил, что не видел ее уже две недели.

Чайлд решил временно прекратить поиски и заняться другими неотложными делами. Он выяснил, что усадьба Игеску сгорела, хотя дождь не дал пожару уничтожить дом полностью. Ни в его развалинах, ни во дворе или в лесу, окружавшем особняк, не нашли никаких мертвых тел. Сумки с уликами, потерянной им во время бегства, тоже не обнаружили.

Он вспомнил о встреченном на дороге автомобиле с шестью пассажирами, явно спешившими добраться до владений Игеску. Кем бы ни были эти люди, они тщательно убрали все свидетельства трагедии.

А что произошло с Долорес?

Он съездил к усадьбе. Поскольку вход опечатали, снова пришлось перелезть через стену. Поиски ничего не дали. Полиция, конечно, ничего не знала о том, что с ним произошло. Он сказал им только, что однажды встретился с бароном. После допроса следователь заявил, что не может понять, куда исчезли все обитатели дома во

главе с хозяином, но пока никакой информации не поступало. Так что на сегодняшний день единственная версия состоит в том, что после отъезда барона, его личного шофера, секретарши и слуг в неизвестном направлении особняк случайно сгорел, а его владелец может объявиться со дня на день.

Чайлд вернулся поздним вечером. Открывая дверь, он рассеянно размышлял о том, как хорошо было бы уехать туда, где по крайней мере несколько лет можно не бояться смога, и не сразу отреагировал на надрывающийся телефон. Он зазвонил, как только детектив вошел в квартиру.

Незнакомый приятный баритон:

— Мистер Чайлд? Нет, к счастью для вас, мы не встречались, хотя, очевидно, несколько дней назад разминулись на дороге в усадьбу барона.

Какое-то время Чайлд молчал. Потом произнес:

— Что вам нужно?

Голос в трубке оставался бесстрастным и таким ледяным, что, казалось, еще немного, и он рассыплется тысячей осколков.

— Вы поступили благоразумно, не заявив в полицию. И, насколько нам известно, вообще никому ничего не рассказали. Мы хотим быть и в дальнейшем уверены в вашем молчании. Мы можем добиться этого известными вам методами, нам доставляет удовольствие сознавать, что вы знаете о нашем существовании, но бессильны что-либо предпринять.

— Что вы сделали с Сибил? — закричал Чайлд.

Молчание.

— Сибил? А кто она такая?

— Моя жена! То есть бывшая жена. Да вы сами все знаете, будьте вы прокляты! Что вы с ней сделали, грязные чудовища, извращенные?..

— Уверяю вас, мистер Чайлд, абсолютно ничего.

Голос был холоден и насмешлив.

— Мы почти восхищаемся вами, мистер Чайлд, и тем, чего вы достигли. Вы сумели уничтожить, причем полностью, многих наших друзей, а они умудрялись оставаться в живых весьма долгое время! Конечно, без помощи Долорес дель Осоройо вам это никогда не удалось бы. Такого оборота мы предвидеть не могли. Барон относился к нашей общей знакомой с непростительной беспечно-

стью либо не смог распознать угрозу вовремя. Он заплатил за это, как и все, кто был с ним. Точнее, многие...

Чайлд понял, что нельзя упускать последнюю возможность узнать что-нибудь еще об этих существах.

— Зачем вы снимали фильмы? И посылали их в полицию?

— Фильмы предназначались лишь для нашего развлечения, мистер Чайлд. Мы рассылаем их друг другу по всему миру. Разумеется, с помощью специальных курьеров. Но барон решил нарушить данный обычай и привлечь к некоторым случаям внимание людей. Понимаете, мы получили бы особое удовольствие, наблюдая за поднявшимся скандалом, паникой, бестолковой суетой и потрясением, которое испытают полицейские. Точнее, все человеческие отродья. Барон и его близкие все равно собирались в ближайшее время уехать отсюда, так что ничем не рисковали. Никому не удалось бы как-то связать их с фильмами.

Игеску решил высылать в полицию, один за другим, фильмы, начав с самых ранних. Большинство запечатленных на пленке — назовем их главными действующими лицами — числились пропавшими без вести, а самые первые дела уже были закрыты за давностью. Вы нашли кожи этих людей. А потом потеряли.

Вам улыбнулась удача — либо вы оказались очень умным человеком — и, применяя нестандартные методы поиска, случайно наткнулись на разгадку. Просто отпустить вас было нельзя — вы слишком много знали, и барон решил сделать вас самым главным действующим лицом последнего фильма. Если бы барон был жив, он не дал бы вам уйти, вы слишком много знаете. Игеску не должен был покидать насиженное место из-за смога...

— Но я видел, как престарелая баронесса пыталась вызвать смог! Какой смысл...

— Она хотела рассеять его, глупец! Здесь было так хорошо жить, но вы, человеческие отродья...

Ярость помешала неизвестному закончить фразу. Со владав со своими чувствами, он вновь заговорил холодным и насмешливым тоном:

— Загляните в свою спальню, мистер Чайлд. И помните, никому ни слова! Иначе...

Незнакомец оборвал разговор. Перед тем как раздалась гудки, Чайлд услышал звон колоколов и первые

аккорды «Печального воскресенья». Он вспомнил мелодию, звуки скрипящих петель...

Чайлд застыл, сжимая в руке трубку. Хипиш? Неужели звонили от Хипиша?

Ерунда какая-то! Наверняка он ошибся! Страшно даже представить себе, что произойдет, если... Нет-нет, не стоит думать об этом.

Он положил трубку и вздрогнул, вспомнив, что сказал только что неизвестный. Медленно вошел в спальню. Рядом с кроватью горел торшер. Чайлд оставил лампу выключенной. Значит, в его отсутствие здесь кто-то бывал.

Она распростерлась на его постели, уставившись в потолок пустыми глазами. Из-под простыни выглядывали обнаженные груди. Густые черные волосы разметались по подушке.

Чайлд замер, разглядывая ее. Потом шепнул:

— Я думал, что они не смогут с тобой справиться, Долорес...

Он сдернул простыню, ожидая увидеть что-то ужасное. Гладкая белая кожа; никаких видимых повреждений.

Неожиданно она, словно невесомая, поднялась над кроватью. Сначала ноги, потом остальное тело... Вскоре Долорес парила в воздухе вниз головой, потом медленно всплыла к потолку. Но копна тяжелых волос и маленький красный клапан на шее перевесили, и она неподвижно повисла на полпути.

Великолепная работа! Коже придали нужный объем, словно она и вправду обтягивала живого человека, густо наложенный грим делал ее непрозрачной.

Он не мог оставаться здесь! Чайлд вышел из спальни и бессильно опустил на стул, погруженный в мрачные мысли.

Потом он резко встал, вернулся к кровати и ткнул в надутый муляж иголкой. Громкий хлопок, похожий на выстрел, и Долорес лопнула, как воздушный шарик. Чайлд разрезал кожу на мелкие кусочки и спустил в туалет. Прекрасные черные волосы сунул в мусорную корзину.

Полтора столетия провести в роли призрака, потом наконец получить вожаемую плоть, пережить несколько неистовых часов любви, свести счеты со своими древними врагами, и вот так уйти! Вернее, уплыть... Блестящий темный глаз, опущенный длинными ресницами,

густая выгнутая бровь беспомощно кружились в унитазе, пока вода не смыла останки красавицы Долорес в канализацию.

Что ж, по крайней мере, это была не раскрашенная надутая кожа Сибил!

Куда делась его бывшая жена? Возможно, он никогда ничего не узнает. Похоже, приятели Игеску действительно непричастны к ее исчезновению. «Человек», говоривший с ним, был искренне удивлен, услышав о Сибил.

Нет никаких оснований подозревать эти создания в похищении. Среди людей тоже имеются свои чудовища!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Теперь, значит, за порнографию взялся?!»

Этими словами, ничтоже сумняшеся, выразил свое мнение о книге один из знакомых автора. Как тут все просто и ясно, правда? Человек, которому принадлежит это безапелляционное высказывание, наверняка совершенно искренне убежден в том, что может без особого труда найти любому явлению соответствующее место на полочке и приклеить ярлык с названием. Причем последнее настолько исчерпывающе-ясно выразит суть данного явления, что в пояснениях не нуждается.

Среди нас есть очень и очень много узколобых, кичащихся своей ограниченностью субъектов, способных почти мгновенно, в двух словах объяснить, что такое:

порнография

Бог

добро

зло

свобода

закон и порядок

научная фантастика

коммунизм

свободная воля

почетный мир

непристойность

любовь,

а потом думать, действовать, судить ближнего своего, руководствуясь неким кодексом таких определений-аксиом. Иногда, впрочем, сажать в тюрьму, убивать, сжигать заживо...

Этот особый подвид гомо сапиенс — самопровозглашенные Ревнителю Абсолютных Истин — от первого до

последнего своего представителя, является самой разрушительной силой из всех, когда-либо угрожавших существованию нашей планеты и всей Галактики. Сейчас я постараюсь простым и ясным языком объяснить, почему определил им именно такое место на своей гипотетической полочке и приклеил соответствующий ярлык.

Итак, если говорить попросту, истину найти очень и очень нелегко. Практически любое утверждение, каким бы бесспорным оно поначалу ни казалось, нуждается в оговорках. «Вода течет вниз, а не вверх». Где: внутри космического корабля, например, или в сифоне? «Юбки — только для девочек». Интересно, что бы вам на это сказали солдаты шотландского батальона или закаленные в битвах греческие воины (у последних имелись даже кружева!)? «Формула $E=mc^2$, возможно, верна лишь для определенных условий», — объявил Альберт Эйнштейн, наш располневший бог-отец теории относительности.

Смертоносная опасность практики навешивания ярлыков заключается в том, что любой Ревнитель Абсолютных Истин игнорирует в своей слепоте едва ли не основное свойство материи, присущее всему, что есть во Вселенной: движение, то есть непрерывное изменение и развитие. Если бы только наш Ревнитель на минутку остановился и хоть немного пораскинул мозгами (а такого ни один из них ни в коем случае не сделает!), он вынужден был бы признать универсальность данного явления. Меняются обманчиво неподвижные камни и горные массивы, планеты и звезды. Причем ни одно из небесных тел ни разу не остановило свое вечное движение из-за ничтожно малого в масштабах Вселенной факта, что в тот момент на небольшой планете один из миллиардов ее обитателей решил присвоить ему ярлык!

Более всего это свойство проявляется, если обратиться к органической материи. Недостаточно сказать, что все живое с течением времени подвержено изменениям; необходимо признать, что жизнь и есть изменение и развитие. Отсутствие данных признаков противоречит фундаментальным законам Вселенной, свидетельствует об отсутствии жизни; там, где царит неизменность, существование невозможно.

Вот почему Ревнитель представляет смертельную угрозу. Его девиз: «Стоп!» Он верный друг и союзник Смерти, непримиримый враг Жизни. Знаток просто не

приемлет естественный ход событий, постоянно меняющийся, не терпящий искусственных границ и единообразия мир. Он хочет, чтобы все застыло на месте, как солдаты в строю.

Но почему?

Думаю, им движет абсолютно законное желание чувствовать себя в безопасности. Ревнитель хочет, чтобы жизнь не таила в себе угроз и неожиданных потрясений, стала абсолютно предсказуемой. Бедняге и в голову не приходит, что он совершает роковую ошибку: путает стабильность со стагнацией, застоем. Вот если бы время остановилось, мечтает Ревнитель, день завтрашний и послезавтрашний стали бы как две капли воды похожи на вчерашний (понимаете, он не способен трезво и пристально приглядеться к прошлому и, стало быть, воображает, что тогда царили воцеленные мир, спокойствие и порядок, а это не так!), он наконец смог бы вздохнуть спокойно! Самопровозглашенный Ревнитель не видит, что, пользуясь его собственной терминологией, стал злостным пособником тлетворного влияния смерти и чуждым элементом, не приемлющим животворного дыхания жизни; что вся его деятельность — одна из форм самоубийства, попытка уничтожить себя самого и весь человеческий род. Он не замечает, например, являясь на утреннюю службу в церковь, к которой принадлежит, что сидящие рядом прихожанки одеты в наряды, за которые не так давно их прогнали бы даже с пляжа, а ведь об этом ему поведают старики. Он напрочь забыл, какой шок всего несколько десятков лет назад испытала вся нация, когда Кларк Гейбл в роли Ретта Батлера в «Унесенных ветром» произнес: «Проклятье!» Знаток отмечает самые очевидные факты, отворачивается от истины и упрямо наклеивает один ярлык за другим. Так что берегитесь! Он смертельно опасен!

Филип Хосе Фармер — великолепный писатель и достойный во всех отношениях человек. Кажется, он обладает прирожденным пониманием того, что правду — настоящую правду! — найти так же трудно, как Святой Грааль, и надо всегда смотреть ей в лицо, даже если ему самому и остальным людям очень хочется отвернуться. С тех пор как в 1952 году Фармер стремительно ворвался

в научную фантастику, издав феноменальную повесть «Любовники», и до настоящего времени, он неизменно называет вещи своими именами, показывает мир без прикрас. Книга, которую вы сейчас держите в руках, — прекрасный пример подобного подхода. Уверен, Ревнителю отбросили ее, дойдя максимум до второй страницы, с возгласом: «Стоп!!» (это слово больше, чем любое «неприличное» выражение, направлено против Господа). Бедняги, душу которых навеки опустошили и развратили Ревнителю, жадно глотая слюну, пролистают роман, выхватывая «запретные» места и пропуская остальное. (Получив свою порцию сомнительного удовольствия, многие из них поспешно наклеят на него уничтожающе-презрительный ярлык и во все горло крикнут «Стоп!», чтобы лишить других этого удовольствия.) Ну а мы с вами, прочитав книгу, обнаружим в ней не нечто «оскорбительное для морали и нравственности», а просто правду (ведь многое из того, что здесь описано, содержится в каждом из нас, приятно нам это или нет) и попытку найти таковую. Итак, истина, скрытая в различных символах, и ее поиски. Все вместе — великолепная написанная, полная неожиданных поворотов и напряженного действия история.

Перед тем как написать послесловие к книге, я связался с Фармером. Мне хотелось выяснить одну деталь. Дело в том, что я никогда раньше — ни в романах или исследованиях, ни в своем собственном воображении — не встречал образ, подобный придуманной автором «самой прекрасной женщине в мире» с длинной скользкой тварью, живущей в матке, с головкой размером с мячик, личиком и клинообразной бородкой, которая по ходу действия заползает ей в горло. Этот персонаж — точнее, персонажи — помимо естественного шока и изумления, вызвал у меня восхищение своей абсолютной оригинальностью, отсутствием литературных или психопатологических прототипов. Филип сказал, что на самом деле сладкая парочка — Жанна д'Арк и печально знаменитый Жиль де Ре (подобное соединение само по себе является невероятным). Фармер добавил, что они — часть обширной структуры символов. Стало быть, «Образ зверя», подобно остальным сочинениям автора, — иносказание, притча. То есть, как в баснях Эзопа и многих пьесах Шекспира, смысл повествования гораздо глубже, чем описанные в нем события. Намеренно созданные трудности и

неудобства — путь к постижению истины. Когда вы медитируете, позиция «лотоса» поначалу кажется ужасно тяжелой. Сорокадневный пост способны выдержать лишь истинноверующие; правда, он может закончиться встречей с Сатаной, но я читал в одной книге, что именно такой поединок даст возможность одолеть Врага Рода Человеческого. Я воспринимаю и принимаю книгу Фармера как испытание подобного рода, некий структурированный шок и с нетерпением ожидаю, когда он завершит свою сложную конструкцию.

Ибо нельзя не обратить внимание, мои друзья, а также и враги-Ревнителю, на человека с такими выдающимися (во всех отношениях!) достоинствами!

Теодор Старджон

ΑΠΟΦΕΟΣ

Казалось, дождь никогда не кончится.

И был вечер, — день шестой... В темноте, петляя по улицам залитого бесконечными потоками воды города, похожего на пейзаж планеты Венера, каким его изобразил автор известного фантастического романа тридцать второго года, Геральд Чайлд преследовал Вивьен Мабкруф.

За несколько минут до начала погони он остановил машину по сигналу светофора на перекрестке Кэнон-Драйв и Санта-Моника, Беверли-Хиллз. Впереди замер роскошный черный «роллс-ройс». Задние стекла просторной кабины, как и передние, были оснащены дворниками. Поэтому Чайлд смог разглядеть пассажирку.

Вивьен, вместе с каким-то мужчиной, расположилась на заднем сиденье и, когда зажегся зеленый свет, повернула голову. Чайлд никогда не забудет это лицо, и не только из-за необыкновенной красоты Вивьен. Ему пришлось столкнуться с ней при весьма мрачных обстоятельствах, и, если бы Чайлд только смог, он с удовольствием стер бы их из памяти.

Несколько мгновений он, не обращая внимания на гудки, раздававшиеся позади, раздумывал, не оставить ли Вивьен в покое. Начав преследование, он рискует привлечь к себе внимание всей компании, включая сам объект слежки. Такого не пожелает ни один нормальный человек, — да и абсолютное большинство психов тоже!

Взяв себя в руки он устремился за «роллс-ройсом», перерезав путь «ягуару», нахальный владелец которого попытался, нарушив правила, обойти его слева. Надежно укрытый в своей кабине, водитель яростно просигналил ему вслед, проклиная на чем свет стоит. Волна грязной воды из-под колес окатила «понтиак» Чайлда, но дворники

проворно расчистили стекло. Он заметил, что «роллс-ройс» свернул на улицу Литтл Санта-Моника и, проехав на желтый свет, направился на запад. Хотя плотная завеса дождя мешала разглядеть, что творится вокруг, Чайлд не увидел поблизости ни одной патрульной машины. Он решил рискнуть, повернул налево и, проигнорировав красный сигнал светофора, последовал за объектом слежки. Серую пелену дождя прорезал свет задних огней: «роллс-ройс» свернул направо. Чайлд направился за ним. Роскошная машина остановилась возле ресторана «Мунларк». Вивьен и ее спутник покинули автомобиль. Им не пришлось мокнуть: всего шаг, и они оказались под навесом, навстречу уже спешил швейцар. Высадив пассажиров, «роллс-ройс» отъехал от ресторана. Чайлд решил проследить за ним. На водителе была форменная одежда, возможно, он направится к дому, где живет сейчас Вивьен. Правда, автомобиль может принадлежать ее приятелю, но Чайлду, пожалуй, не помешает знать, где он обитает.

Хотя Чайлд уже не работал частным детективом, он продолжал держать в машине магнитофон и, следуя за «роллс-ройсом» по Санта-Моника, а затем — северной части бульвара Сансет, подробно описал машину и назвал ее номер. Автомобиль свернул на Лексингтон, проехал два квартала, достиг подъездной дорожки, опоясывающей огромный особняк, построенный в георгианском стиле. Здесь водитель вышел и, обойдя дом, скрылся из виду. Сумерки и нескончаемый дождь не давали разглядеть с улицы номер дома. Пришлось добратся до подъездной дорожки. Надеюсь, никому из обитателей особняка не придет в голову посмотреть сейчас, что творится снаружи, подумал Чайлд. Окна светились, но других признаков жизни заметно не было.

Чайлд вернулся к своему «понтиаку» и забрался внутрь с правой стороны, чтобы не замочить ноги. Грязная серо-бурая вода залила асфальт, булькала в траве у кромки дороги.

Он записал на магнитофон номер дома; затем, вместо того чтобы уехать, долго сидел, раздумывая, что предпринять дальше. После той памятной ночи в доме барона Игеску его решили оставить в покое. Зачем же тревожить их покой?

Конечно, эти создания были хладнокровными палачами, садистами, похитителями. Чайлд знал про их преступления не понаслышке. Но доказать ничего не мог. А расскажи он обо всем, что произошло, наверняка оказался бы в психиатрической больнице. Что самое печальное, власти поступили бы абсолютно логично.

Иногда Чайлд сам отказывался верить, что события, свидетелями которых он стал, — не игра расстроенного воображения. Даже самые яркие сцены, навеки врезавшиеся в память — например, когда он спустил в туалет «телесную оболочку» Долорес дель Осоройо, включая даже глаза, — уже казались бредовыми видениями.

Его ограниченный человеческий рассудок был способен воспринять лишь определенную сумму категорий и форм, а все, что пришлось пережить в компании с Игеску, Вивьен Мабкруф, Фредом Пао, Бендинг Грассом и прочими обитателями огромного старинного дома в северной части Беверли-Хиллз, далеко выходило за рамки общепринятых представлений. Естественно, разум Чайлда старался упрятать поглубже в тайниках мозга впечатления, никак не состыковывавшиеся с привычным. Убрать то, что невозможно объяснить, чтобы пылилось в самом укромном уголке подсознания...

Можно отправиться домой, в Топанага Кэньон, и забыть про все. По крайней мере постараться забыть...

Чайлд тяжело вздохнул. Ничего не выйдет: он попался на крючок и уже не сможет вырваться на свободу. Он не переставал думать о том, кем в действительности были Игеску и его компания. Кто они — вампиры, оборотни, твари, рассказы о которых принято считать выдумками, порожденными суевериями? Даже теория Игеску об их происхождении и сущности, в деталях изложенная старым бельгийским ученым ле Гаро, несмотря на «научный» стиль изложения и атрибутику, ныне звучала совершенно дико. И все же это лучше, чем рассуждения о суеверных выдумках.

Чайлд снова вздохнул и тихо чертыхнулся. Нет, он все-таки докопается до сути. Не столкнись он случайно с Вивьен, Чайлд, возможно, заставил бы себя забыть о расследовании. Но вид ее сразу пробудил в нем детектива — так ведет себя гончая, почуяв лису.

Он отъехал от особняка и не останавливался, пока не добрался до заправочной станции на Санта-Моника.

Отсюда Чайлд позвонил в полицейское управление Лос-Анджелеса. После серии коротких гудков раздался голос сержанта Фурра, приятеля Геральда. Он пообещал проверить номер «роллс-ройса», на котором ехала Вивьен, и связаться с детективом позже.

Спустя три минуты раздался звонок.

— Геральд? Я вот что выкопал. Машина принадлежит миссис Вивьен... Вивьен Мабкро. Или Мабкраф? Черт его знает, как правильно произносится фамилия! Диктую по буквам: М-А-Б-К-Р-У-Ф. Ну ладно, слушай дальше...

Потом Фурр назвал адрес дома, возле которого был припаркован «роллс-ройс».

Чайлд поблагодарил сержанта и повесил трубку. Как видно, Вивьен пребывала в полной уверенности, что он ее больше не потревожит. Несмотря на то что она вместе с друзьями попыталась его уничтожить, а до этого убила партнера Чайлда, причем весьма жутким способом — откусила член, — Вивьен даже не позаботилась о том, чтобы сменить фамилию. Судя по всему, она не сомневалась, что Чайлда запугали до крайней степени и он ни при каких обстоятельствах не осмелится встать на их пути.

Шлепая по лужам, Чайлд дошел до своего «понтиака», забрался в кабину и направил машину к дому, в котором жила Вивьен. Он ехал осторожно и медленно. Сумерки сгустились; нескончаемый дождь превратил улицы в небольшие, но бурные реки, грозящие вот-вот выйти из берегов. Хотя был четверг, этим вечером немногие прохожие решились покинуть дом, да и проезжая часть почти пустовала — довольно необычное явление для Лос-Анджелеса. На бульваре Санта-Моника движение выглядело более оживленным, потому что именно этой дорогой в основном пользовались, чтобы добраться до Вествуда, западного пригорода и Санта-Моники, либо до города и Беверли-Хиллз.

Фары, слепящий свет которых разрывал туманную мглу, — точь-в-точь сверкающие глаза гигантских монстров библейских времен, стремящихся спастись от немолимых волн Потопа, добравшись до Ковчега. Одна из машин притормозила, сворачивая с Санта-Моники на Беверли-Драйв, и другие чудовища сразу же возмущенно загудели и засвистели. Чайлд терпеливо преодолел перекресток, дважды останавливаясь на сигнал светофора:

водители старались проскочить, не дожидаясь, пока проедут другие.

Достигнув Беверли-Драйв, он разогнался до двадцати миль в час, но, проехав несколько кварталов, сбавил скорость. Вода так залила дорогу, что мог заглохнуть мотор или отказать тормоза, — Чайлд то и дело слегка нажимал на них, но боялся, что они все равно намокли. Мимо промчались четыре автомобиля, забрызгав его многострадальный «понтяк». Чайлду очень хотелось высунуть голову наружу и хорошенько наорать на водителей за глупость и свинское поведение, но вода из-под колес машины какого-нибудь очередного лихача в любой момент могла окатить его самого.

Чайлд остановился, не доехав полквартала до резиденции Мабкруф. Прошло несколько часов. Вначале он испытывал все возраставшее нетерпение, но потом оказалась выработанная за годы работы частным детективом привычка терпеливо ждать появления объекта слежки. Пару раз Чайлду пришлось облегчить мочевой пузырь, не выходя из машины. Геральд использовал простое приспособление, наподобие тех, которыми снабжают пилотов. Он подкрепился крекерами и копченым мясом, напился кофе из термоса.

Наступила полночь. Терпение Чайлда было на исходе. Он начал нервничать; еще немного, и он поддастся почти непреодолимому соблазну убраться отсюда...

На улице появился водитель, забрался в «роллс-ройс» и отъехал от особняка. Чайлд смог разглядеть лишь темный силуэт, вырисовывавшийся на фоне ярко освещенного дома. На водителе был непромокаемый плащ, форменную фуражку от дождя укрывала блестящая прозрачная накидка.

Когда роскошная черная машина проезжала мимо, Чайлд пригнулся. Он подождал, пока «роллс-ройс» окажется на расстоянии квартала, затем, не включая фары, последовал за ним. Дождь лил не переставая, вода еще сильнее затопила дорогу.

Доехав до клуба-ресторана, водитель посадил в машину Вивьен и ее спутника, затем повернул к особняку. Именно на это надеялся Чайлд: ему очень не хотелось колесить за объектом слежки по всему городу. «Роллс-ройс» замер у просторного подъезда, шофер высадил пассажиров, они вошли в дом. Затем машина обогнула

здание, очевидно, направившись к черному входу и гаражу за особняком. Чайлд вышел из своего автомобиля и зашел за угол. В помещении над гаражом зажегся свет. Очевидно, водитель живет там.

Чайлд подошел к черному входу. От глаз соседей и случайных прохожих его скрывали стена и густой кустарник.

Пока он подбирал ключи к замку, прошло несколько минут. Наконец дверь открылась. Чайлд включил фонарик, внимательно осмотрелся, пытаясь определить, есть ли в доме сигнализация от взломщиков, но ничего не заметил. Он осторожно вошел, готовый в любой момент выскочить наружу, услышав собачий лай. Но все было тихо. Безмолвие нарушало лишь тиканье больших «дедушкиных» часов, доносящееся со второго этажа.

Через несколько мгновений Чайлд застыл возле открытой двери в спальню Вивьен.

ГЛАВА 2

Просторную комнату освещала лишь лампа, стоящая на полу. Ее основанием служили фигуры двух обнаженных нимф — или сатиров женского пола — высотой не менее четырех футов, стоявших, прижавшись друг к другу спиной, высеченных из какого-то камня с красными прожилками наподобие кварца. Станный материал, из которого был сделан абжур, напоминал тонкий пергамент. При виде его Чайлда пронзил леденящий холод, словно гигантская сосулька вошла в тело. Он вспомнил человеческую кожу, которую нашел в ящике в доме Игеску. Ее сдирали с трупов — или даже с еще живых людей — и сшивали, так что эту оболочку можно было надуть, как воздушный шар.

На абжуре выделялись яркие красные, голубые и пурпурные изображения — полужвериные, получеловеческие фигуры, извивающиеся среди языков пламени.

Стены покрывала дорогая ткань. Везде повторялось одно и то же изображение. Три фигуры. Сатир, попирающий копытом небольшой камень, его вторая нога приподнята, спина выгнута. Запрокинув голову, он играет на свирели. Перед сатиром склонилась нимфа, обхватившая губами гигантский багровый пенис. За ней — полужмея, получеловек. Нижняя часть создания напоминает огром-

ного питона, по шкуре которого рассыпаны белые и пурпурные пятна, а от пупка и выше — это женщина с полными красивыми грудями, увенчанными длинными алыми сосками. Маняще-привлекательное личико обрамляют длинные серебристые пряди. Своими изящными пальчиками она раздвигает упругие овальные ягодицы нимфы. Длинный раздвоенный язычок женщины-змеи вот-вот вонзится в покорно подставленное влагалище или анус...

За вычурной лампой находилась великолепная просторная кровать с ярко-красным, украшенным кисточками балдахином. На ней, обнаженные, распростерлись Вивьен и какой-то мужчина.

Она лежала на спине, закинув ноги на плечи своего любовника, приготовившегося войти в нее.

Чайлд не отрывал взгляда от этой сцены. Любой из них сейчас способен выкинуть что-либо необычное и противоестественное. Впрочем, с возможностями дамы он уже имел счастье познакомиться. Когда-то, пробираясь по тайным проходам в стенах особняка Игеску, он застал Вивьен в ее спальне. Не зная, что за ней наблюдают, она удовлетворяла себя в высшей степени необычным образом. Да, такое не забывается.

— Ну-ка вставь его сама, крошка, — произнес мужчина. На вид ему было лет тридцать пять; начинающее жиреть тело покрыто густой растительностью.

Неожиданно он дико закричал и судорожно оттолкнулся от любовницы, так, что буквально отлетел на другой конец кровати. Такая реакция могла быть вызвана только вспышкой всепоглощающего животного ужаса.

Он попытался встать, одновременно стараясь отодвинуться от Вивьен как можно дальше. Но дрожащие колени разъехались в стороны. Мужчина тяжело рухнул на пол. Он перестал кричать, однако все еще дрожал всем телом и стонал.

Вивьен встала на колени и склонилась над краем кровати, разглядывая неудачливого любовника. Что-то длинное, увенчанное темной головкой, проглянувшее между ног, вновь скользнуло в блестящее от слизи лоно и исчезло там.

-- Что с тобой, Билл? — спросила она озабоченно, глядя на поверженного мужчину. — Комар тяпнул за?..

Он сидел, разглядывая и осторожно ощупывая член. Потом недоуменно посмотрел на нее:

— Что со мной? Господи! Хочешь знать, что случилось? Я думал... Честное слово, мне показалось... Что там у тебя, зубы, что ли?

Мужчина вскочил. Лицо его медленно наливалось кровью. Помахав своим пенисом, словно демонстрируя вещественное доказательство, он объявил:

— Вот, полюбуйся! Там следы от зубов!

Она взяла обмякшую плоть, похожую на огромного, но сраженного внезапным недугом червяка, и склонилась над ней, внимательно разглядывая головку.

— Ну какие же это следы от зубов, глупенький? Крошечные ссадинки, ничего серьезного. Ну-ка! Сейчас мамочка вылечит сынульку! Ну как, крошке уже лучше?

С этими словами Вивьен нежно поцеловала большую пурпурную головку, прошлась языком по всей длине члена.

Мужчина отшатнулся:

— Держись от меня подальше.

— Ты что, рехнулся? — Она сидела на краю постели; великолепные полные груди конической формы словно наставили на него свои острые соски. Между ног выделялся треугольник густых рыжих волос, почти того же оттенка, что и густая грива, волнами спадающая на плечи. Невероятно длинные ноги отличались белоснежной кожей.

Билл все еще старательно держался на почтительном расстоянии.

— Повторяю: меня что-то укусило туда. У тебя зубы между ног!

Она опустилась на простыню, вытянув широко расставленные ноги, так что кончики пальцев касались пола.

— Пощупай, милый, сам увидишь, какой ты дуралей.

Мужчина уставился на густую поросль волос, обрамляющую влажное отверстие; ожесточения в нем заметно поубавилось

— Мне своего пальца тоже жалко!

Неожиданно Вивьен снова села. Ее прекрасное лицо искажил гнев:

— Ах ты, ничтожество! Я думала, ты полноценный здоровый парень! Не ожидала, что встречу психа! Надо

же, зубы между ног! Убирайся вон, пока я не позвонила в психушку!

Судя по его виду, Билл чувствовал себя полным идиотом.

— Ну, честное слово, я не знаю, как тебе объяснить! Может, у меня и вправду глюки? Или это из-за внезапного давления? И такая жгучая боль! Словно туда вонзились крохотные зубы или пучок иголок!

Вивьен слезла с кровати и протянула Биллу руку.

— Иди ко мне, деточка. Присядь сюда. Ну давай! — Она похлопала по краю постели.

Должно быть, Билл окончательно решил, что свалил дурака. А созерцание прекрасного лица и великолепного тела Вивьен помогло побороть страх. Увядавший было член вновь стал разбухать, но так и не поднялся. Билл осторожно присел на край кровати, а Вивьен взяла подушку, бросила на пол и опустилась на нее, встав на колени.

— Во рту у меня действительно есть зубы, детка, но поверь, я умею ими пользоваться, — произнесла она. Взяв полуопавший пенис, Вивьен провела кончиком языка по полуоткрытой щели посередине головки. Билл дернулся было, но затем расслабился, опустил голову и смотрел, как его пробуждающаяся плоть наполовину погружилась в нее. Вивьен начала медленно двигаться; член исчез полностью, потом вышел наружу, став блестящим от слюны и огненно-красным, словно раскалился в жаркой печи ее рта.

Билл дрожал и стонал, не отрывая глаз от вздыбившейся плоти, которую вновь и вновь жадно всасывали упругие пухлые губы. Было видно, что от подобного зрелища он получает дополнительное удовольствие.

Чайлд никак не мог решить, уйти ему или остаться в спальне. Он хотел обшарить дом, чтобы найти улики против Вивьен и ее шайки. Если имеется шанс разыскать адреса и имена, документы, записи, фильмы — все, что можно использовать как доказательство их преступной деятельности, — надо немедленно им воспользоваться. С головой ушедшая в свое занятие, Вивьен вряд ли услышит шум.

Однако он беспокоился за мужчину. Поведение Билла доказывало, что он не имеет ни малейшего понятия ни об особенностях анатомии Вивьен и ее специфических пристрастиях в интимной сфере, ни о том, что подобные

встречи заканчиваются трагически. По крайней мере, так происходило с остальными партнерами Мабкруф. И хотя Чайлд ни разу не видел, как она убила или просто проявила насилие по отношению к кому-либо, нелепо предполагать, что эта дамочка в своих повадках как-то отличается от своих чудовищных собратьев.

Билл был просто невинной жертвой, он скорее всего никогда не вставал на пути Вивьен или ее товарищей. Просто попался под руку, — как в свое время партнер Чайлда.

Перед глазами встали сцены фильма, присланного в полицию убийцами, и Чайлд невольно содрогнулся. Его партнера услаждали тогда тем же способом, что и Билла. За несколько мгновений до наступления оргазма женщина извлекла свои искусственные зубы, вставила на их место стальные и откусила головку члена у своей жертвы.

Зрелище крови, алым фонтаном брызнувшей из раны, часто преследовало Чайлда в кошмарных снах.

Он решил, что сейчас не имеет права просто наблюдать за происходящим. Значит, осмотр дома отменяется. Надо убедиться, что жизни Билла ничто не угрожает, и сделать это немедленно. Но Чайлд не хотел вмешиваться: он желал знать, что именно собирается делать Вивьен... Лучше немного подождать, а потом положить конец этой сцене.

Вивьен резко встала; освобожденный из тесных объятий ее рта, красный пульсирующий член торчал под углом в сорок пять градусов.

— Переходи на постель, милый, и ложись, — произнесла она.

Сомнения Билла уменьшались по мере того, как росло возбуждение. Он вернулся на кровать и распростерся на спине, опустив голову на подушку; Вивьен устроилась рядом. Минуту она обсасывала возбужденную плоть мужчины, потом выпустила добычу из рта.

— Билл?

Партнер неподвижно лежал на спине; руки разбросаны, голова запрокинута, глаза широко открыты. Он не откликнулся.

— Билл? — опять позвала она, немного громче.

Снова не услышав ответа, Вивьен подползла к подушке и внимательно вгляделась в лицо жертвы. Ущип-

нула за щеку, потом провела по коже острыми ногтями. Из четырех глубоких борозд стала обильно сочиться кровь, однако Билл даже не шевельнулся. Но его член не опускался, все еще раскаленно-пурпурный, толстый, блестящий.

Вивьен повернула голову. Чайлд увидел на ее лице торжествующую усмешку. Все шло так, как она запланировала!

Вот тогда-то и следовало войти в комнату и остановить Мабкруф, но Чайлда так захватило зрелище, что он не смог сдвинуться с места. Судя по всему, Билл был парализован, хотя Чайлд не понимал, как она это сделала. Затем до него дошло, что адское существо, таящееся в теле Вивьен, отравило Билла, вонзив крохотные ядовитые зубы в головку пениса. Данную часть тела паралич не затронул. Кровь по-прежнему прилиwała к члену.

Женщина оседлала Билла, чтобы опуститься на вздыбившуюся плоть и принять ее в себя без остатка. Но когда в ее лоно вошла головка, Вивьен замерла. Она оставалась в такой позе примерно тридцать секунд. Вивьен была дрожь, словно она испытывала оргазм.

Потом она сразу вытащила все еще твердый пенис из влагалища. Крошечные ручейки крови струились из нескольких ранок у основания головки.

Вивьен повернулась на сто восемьдесят градусов, протянула руку и, нащупав между своих ягодиц твердую колонну мужской плоти, вновь приготовилась ввести ее в свое тело. На этот раз она, медленно опускаясь, направила пенис не в вагину. Когда головка вошла в упругое колечко ануса, Вивьен замерла.

Чайлд знал, что сейчас должно произойти. Его мутило, он сознавал, что должен немедленно прекратить акт чудовищного изнасилования, но слишком сильно было желание увидеть то, что, насколько он знал, не довелось еще наблюдать ни единому живому существу. Ключевое слово тут — «живому».

Вивьен терпеливо ждала. Наконец нежные губки влагалища разошлись в стороны, густые заросли рыжих волос, прикрывающие щель, раздвинулись, выглянула крошечная головка, скользкая и блестящая от влаги, переполнявшей вагину. Это было лицо мужчины: черные волосы, тоненькие усики и козлиная бородка, глаза, как пара гранатов, сверкавших из-под бровей, толщиной напоминавших ножки

черного тарантула. Губы с трудом различимы, а нос длинный и загнутый.

Создание постепенно выползло наружу, потом поднялось и изогнулось, как рассерженная кобра. Чайлд был уверен, что услышал шипение, хотя скорее всего он просто вообразил это. Тварь миновала сморщенный мешочек плоти под напряженным членом Билла и поползла вниз, очевидно, стремясь достичь ануса. Змееобразное тельце сантиметр за сантиметром покидало лоно Вивьен, а головка создания уже скрылась в теле мужчины. Должно быть, она уже проникла глубоко в кишечник.

Чайлд повертел головой, словно пытаясь прогнать сонливость, и охватившее его оцепенение исчезло. Возможно, омерзительное зрелище повергло его в состояние транса...

Он вошел в комнату как раз в тот момент, когда Вивьен наконец вогнала член до конца в свой анус. Ее глаза были закрыты, лицо выражало полное блаженство. Чайлд смог подобраться совсем близко к кровати; тем временем она двигалась все быстрее и бормотала что-то на непонятном языке. Тишину нарушали лишь ее голос, звуки дождя, барабнящего по стеклу окна, и мерное поскрипывание матраса, который раскачивала Вивьен, извиваясь верхом на члене, словно обезьяна на шесте.

Теперь, когда Чайлд стоял совсем рядом, он ясно видел бледное скользкое тельце, проникшее глубоко в анус мужчины. Очевидно, создание уже не могло или не желало войти еще глубже, — оно больше не двигалось. Чайлд представил себе эту головку величиной с мячик для игры в гольф, красные глаза которой ослеплены первозданной темнотой человеческого нутра, а зубы жадно перемалывают все, что подобная тварь считает съедобным.

ГЛАВА 3

Он протянул руку и прикоснулся к ярко-красному раздувшемуся соску на великолепной груди Вивьен.

Реакция последовала незамедлительно. Веки мгновенно поднялись, сверкнули прекрасные фиалковые глаза. Она вскочила, освободив сиротливо торчащий пульсирующий пенис и вытащив тело странного создания из ануса мужчины. Оба покинули свои уютные убежища с отвратительным чавкающим звуком, а крошечная головка

разразилась серией писклявых ругательств. По крайней мере Чайлд счел эти звуки ругательствами, хотя не знал, на каком языке изъясняется создание. Похоже на то, что в основе лежит латынь; немного напоминает французский или даже каталонский диалект, а может, нечто среднее.

Заметив Чайлда, головка поднялась, а змеевидное тело свернулось кольцами позади нее, как у кобры. Вивьен пятилась, стараясь отодвинуться как можно дальше от Чайлда. Она отползла на противоположный край постели и скорчилась, а создание метнулось к своей норке и стало вползать во влажную щель. Головка все это время продолжала сверлить Чайлда сверкающим взглядом. Кроваво-красные глаза светились такой холодной, безжалостной ненавистью, что Чайлда обожгло, словно в него впились отравленные зубы твари. Через мгновение головка исчезла в складках кожи, словно ее и не существовало. Такое чудовищное извращение законов природы и вправду не должно существовать!

Чайлд подошел поближе и ударил неподвижно лежащего мужчину по щеке. Рука оставила красный след на лице, но никакой реакции не последовало. Билл, как и прежде, не отрывал глаз от потолка, грудь его мерно вздымалась и опускалась. Торчащий пенис стал понемногу спадать.

— Если я не дам ему противоядие, он обречен, — произнесла Вивьен. Ее щеки вновь порозовели, она смогла даже растянуть губы в улыбке.

— Тогда дай его! — сказал Чайлд резко.

— А если откажусь, что ты сделаешь?

В ее голосе не чувствовалось вражды или угрозы, — лишь бесстрастное любопытство.

— Вызову полицию.

— Тогда, — произнесла она спокойно, — в наручниках отсюда уведут не меня, а *тебя*. Я обвиню тебя, мой милый, во взломе, проникновении в чужую квартиру, угрозе изнасилования, нападении и нанесении телесных повреждений моему другу, а может быть, даже покушении на убийство.

«А почему бы не обвинить меня не в угрозе, а в совершении изнасилования?» — подумал Геральд. Потом до него дошло, что Вивьен придется пройти медицинское

освидетельствование, а подобная процедура ее никак не привлекает по понятным причинам.

— Да, положение у меня не блестящее, — признал он. — Но тебе, думаю, очень не понравится публичное расследование, огласка, шумиха...

Она слезла с постели, задев его мягким теплым бедром, и подошла к комоду. Взяла сигарету, зажгла ее, предложила ему. Чайлд отрицательно покачал головой.

— Что же, тогда боевая ничья? — спросила Вивьен.

— Только если дашь ему противоядие. Я подниму вокруг этого дела такой шум, что все откроется; мне плевать, что потом будет со мной.

— Ну хорошо, — отозвалась она.

Вивьен открыла комод, а он стоял за ее спиной и внимательно наблюдал, чтобы убедиться, что там не спрятано какое-либо оружие. Она вытащила из маленького углубления в верхней части доски темно-красного дерева длинную иглоу и подошла к расprostертому на кровати мужчине. Потом погрузила острый кончик в яремную вену и возвратилась к комоду. К тому времени как иголка вновь заняла свое место в тайничке, Билл стал уже тихонько двигать ногами и поворачивать голову. Несколько минут спустя он застонал, а потом с трудом сел, опустив ноги на пол.

Немного прийдя в себя, он с недоумением уставился на обнаженную Вивьен и стоящего рядом Геральда.

— Вы сознавали, что происходит? — спросил его Чайлд.

Билл молча кивнул. Он напряженно разглядывал Вивьен. На лице мужчины застыло брезгливое удивление.

— Не могу поверить! — произнес он наконец. — Что ты, так твою мать, со мной сделала? Поганая извращенка!

Сначала Чайлд ничего не понял. По сравнению с тем, что произошло, обвинение казалось до смешного несерьезным. Потом до него дошло, что Билл не мог видеть тварь, выползшую из вагины Вивьен. Он, должно быть, решил, что женщина засунула какой-то предмет ему в зад.

— Вот твои вещи, — произнесла она, показав на стул, стоящий по другую сторону кровати. — Одевайся и убирайся отсюда.

Билл, пошатываясь, поднялся на ноги, обошел постель и стал неуклюже натягивать одежду. Все это время он, не переставая, угрожал и ругался.

— Подожди, сейчас позову легавых, и копы примчатся, моргнуть не успеешь! Одурманила меня! *Меня!* Какого черта? Что ты хотела со мной сделать?

— На вашем месте я бы не стал вызывать полицию, — сказал Чайлд. — Вы ведь слышали, что она сейчас говорила. В конце концов она повесит на вас кучу обвинений, и уж поверьте, у этой женщины весьма солидные связи. Более того, она не остановится и перед убийством.

Изрядно напуганный, Билл стал одеваться быстрее.

Вивьен бросила взгляд на часы и объявила:

— Нам с Чайлдом нужно кое-что обсудить. Пожалуйста, поторопись.

— Ну да, могу себе представить, вы, парочка извращенцев! — сказал Билл и обжег их взглядом.

— Ради всего святого! Я ведь спас вам жизнь! — Геральд не отрывал глаз от Вивьен. Она прислонилась к комоду, упершись в пол ногой, расслабив вторую. Он ненавидел ее. Такое маняще-прекрасное, такое неотразимое создание! И такое жестокое и холодное, смертельно опасное; чудовище и в прямом, и в переносном смысле слова, которое слишком часто и не по адресу употребляли!

Билл наконец закончил одеваться. Остались лишь непромокаемый плащ и галоши. Очевидно, они находятся в шкафу на первом этаже в вестибюле, возле входной двери.

— До свидания, педики поганые! — промычал Билл, нетвердыми шагами покидая комнату. — Я вас еще засажу, уж поверьте!

Вивьен засмеялась. Может быть, следует уйти вместе с ним, подумал Чайлд. Теперь, после того как он выследил ее и оказался в самом логове, Чайлд задумался, верным ли было его решение. Конечно, он спас человека, но жертва Мабкруф отличалась такой тупостью, что не могла даже сообразить, какая ей грозила опасность. Разве стоил подобный идиот затраченных усилий, разве стоило ради него идти на риск?

Вивьен подождала, пока не раздался громкий стук захлопнувшейся двери. Потом медленно подошла к Чайлду, плавно покачивая бедрами.

Он попятился:

— Не приближайся, Вивьен. Я не хочу тебя! Если надеешься соблазнить меня, ничего не получится.

Она вновь рассмеялась, потом присела на край постели.

— Ну конечно, нет! А зачем ты сюда пришел? Мы ведь оставили тебя в покое, хотя легко могли убить в любой момент. И, возможно, так и надо было сделать после всех неприятностей, которые ты доставил.

— Если бы ты была человеком, поняла бы причину.

— А, ты имеешь в виду ваше обезьянье любопытство? Хочу тебе напомнить, как малайцы ловят твоих предков. Они кладут еду в горшок с горлышком такой ширины, что туда можно свободно просунуть руку. Но освободиться обезьянка способна, только если разожмет ее и выпустит еду. Естественно, такого она никогда не сделает, а стало быть, становится легкой добычей охотника.

— Да, я знаю, — ответил Чайлд. — И, возможно, это очень верная аналогия. Я здесь потому, что до сих пор считаю, что твоя компания причастна к исчезновению жены. Да, да, помню, вы отрицали свое участие, однако я никак не могу забыть, как ты в свое время поступила с Долорес. Уверен, ты вполне способна на похищение. Да ты способна на любой бесчеловечный поступок!

— *Бесчеловечный?* — произнесла она, насмешливо улыбаясь.

— Ладно, Вивьен, ты попала в точку. Так или иначе, сейчас мы сидим вдвоем в этом доме, и никто, кроме Билла, не знает, что я здесь. А твой недавний любовник, во-первых, не имеет ни малейшего представления, кто я такой, а во-вторых, ни слова обо мне не скажет. После того как Билл поразмыслит о возможных последствиях, особенно о том, что может оказаться под подозрением...

Ее глаза расширились:

— Под подозрением в чем? — Прежде чем он успел ответить, Вивьен сказала: — Сомневаюсь, что он вообще сможет что-либо рассказать кому бы то ни было.

— Ты о чем? — Но он уже знал ответ на свой вопрос.

Вивьен посмотрела на часы и произнесла:

— Как раз сейчас он должен скончаться от сердечного приступа.

Потом перевела взгляд на Чайлда и улыбнулась:

— Ах, как он поблудил! Какое потрясение! А ты чего ожидал, мой малютка? Неужели воображал, что я так просто отпущу беднягу Билла, чтобы он наболтал всякую ерунду полиции? Конечно, я заставила бы его горько

пожалеть об этом и упрятала бы за решетку, но я не желаю *никакой* огласки. Господи, Геральд Чайлд, как можно быть таким наивным?

Во время ее речи Чайлда сковало оцепенение, словно он вмерз в глыбу льда. Сейчас он вырвался из холодного плена и бросился на Вивьен, вытянув руки. Она попыталась откатиться на другую сторону кровати, но он схватил ее за лодыжку и притянул к себе. Вивьен ударила его пяткой в плечо. Чайлд склонился между разведенных ляжек, вставил три пальца во все еще мокрую щель и пошевелил ими, пытаясь нащупать, где скрывается существо. Кожу обожгло, словно он коснулся раскаленного железа, — его укусили! Но Чайлд, стиснув зубы, засунул руку как можно глубже.

Вивьен пронзительно закричала от боли, но он не останавливался и, хотя пальцы жгли все новые и новые яростные укусы, сумел ухватить крошечную головку. Создание было скользким и упиралось изо всех сил. Геральд вытащил его из убежища. Ротик беззвучно шевелился, крохотные зубки сверкали, а глаза походили на красные рубины, прикрепленные к бородавотому кукольному личику.

Чайлд прижал левое плечо к ноге Вивьен, чтобы она не смогла его лягнуть, а правым уперся в другое бедро. Она вцепилась ему в волосы и дернула. Чайлд испытал такую боль, что едва не выпустил существо, но сумел сдержаться. Затем он со всего размаху опрокинулся на спину. Извивающееся тельце вылетело из вагины, крохотный ротик распахнулся, создание пронзительно закричало, словно умирающий кролик.

Чайлд свалился на пол. Он успел заметить, как из широкой щели выскользнул хвост твари. Вырвать его из тела женщины оказалось намного легче, чем он думал. Очевидно, Чайлд все-таки ошибался, вообразив, что бородастая змейка намертво вросла в матку Вивьен.

Но с конца хвоста свешивались красные, окровавленные корни, а сама Вивьен корчилась на полу рядом с ним, заходясь в крике.

Чайлд вскочил и отбросил существо. Все в нем — верткое упруго-мускулистое змеиное тело, измазанная слизью головка, искаженное в гримасе ненависти отвратительное личико, излучающие злобу глазки — внушало

такое омерзение, что Чайлд с трудом сдержал приступ тошноты.

Существо прошуршало по простыням, ударились о противоположный край кровати, соскользнуло с постели и свалилось на пол.

Вивьен больше не кричала, хотя ее кожа приобрела сероватый оттенок, а глаза казались огромными озерами белого цвета с фиолетовыми островками посередине.

— Ну вот, ты все-таки добился своего! Надеюсь, я смогу собрать себя снова!

— Что?

Чайлд с трудом держался на ногах. Укушенные пальцы болели все меньше, но только потому, что рука, а потом весь бок постепенно немели. Комната стала расплываться перед глазами, а белоснежное тело Вивьен с рыжеватым треугольником между ног и порванными корнями, свисающими из окровавленной щели, стало кружиться и одновременно отдаляться, уплывать...

— Где уж тебе понять, тупое человеческое отродье!

Он опустилсЯ на колени, потом сел, помогая себе рукой. Казалось, она вот-вот превратится в кусок резины. Покрытый густой растительностью лобок Вивьен оказался прямо перед глазами Чайлда, и, хотя дурнота усиливалась с каждой минутой, он увидел, что происходит с женщиной.

Кожа вокруг треугольника волос трескалась. Тонкая линия превратилась в ясно различимую глубокую щель, словно в тело вонзились невидимые ножи, а их владельцы желали вырезать вагину вместе с маткой.

Талию, бедра, колени, лодыжки прочертили глубокие борозды. Чайлд наклонился, чтобы лучше рассмотреть то, что происходит. Трещины на запястьях, локтях, вокруг груди и шеи! Вивьен походила на фарфоровую куклку, упавшую на асфальт.

Он вновь перевел взгляд ниже. На глазах Чайлда вагина сама покинула свое место между ног! Пошатываясь, она проворно семенила на собственных тоненьких, как иголки, паучьих ножках с множеством сочленений телесно-красного цвета. «Спинкой» нового диковинного зверька стали лобок с гривой рыжих волос и влажная щель. А наружная сторона вагинального канала превратилась в брюшко. Следом за ожившей вагиной на таких

же ножках-палочках спешила матка, словно надеялась вновь слиться с ней в единое целое.

Из образовавшегося в теле после этого бегства отверстия стали один за другим появляться и другие органы. Некоторые Чайлд узнал. Вот тот маленький кусочек плоти вместе с мешочком, должно быть, фаллопиевы трубы и яичник; а это у нас что такое, черт побери?

Теперь уже полностью отделились и груди. Они скатились, как с горки, по крутому изгибу бедра и свалились на пол. Одна приземлилась на ножки и засемила прочь; вторая, словно жук, беспомощно лежала на спинке и сучила лапками, пока не ухитрилась перевернуться.

Распался живот, то же самое случилось с верхней частью туловища. От своей бывшей хозяйки уползли анус и ягодицы. Лапы последнего существа были значительно толще, чем у остальных, но обильная плоть оказалась для них почти непосильной ношей. Оживший зад двигался еле-еле, а вот руки, проворно перебирая своими пальцами-ножками, со спринтерской скоростью пробежали через всю комнату и скрылись под кроватью.

К кровати спешила и голова. Ее поддерживали мощные ноги около семи с половиной сантиметров в высоту. Четыре более длинные лапки, выросшие за ушами, поддерживали баланс и не давали голове свалиться набок. Глаза были широко открыты и часто моргали; кажется, Вивьен находилась в полном сознании и даже в таком положении оставалась сама собой. Однако она не смотрела в сторону Чайлда.

Его мутило, но ни к каким последствиям, он понял, это сейчас не приведет. Внутренности словно застыли.

Он упал на бок и, несмотря на отчаянные усилия, больше подняться не сумел. Вообще-то трудно было назвать это усилиями, потому что он напрягал скорее свою волю, а не мускулы, которые полностью игнорировали приказы мозга.

ГЛАВА 4

Заметив бородатую головку, высунувшуюся из-под кровати, Чайлд полностью осознал, что произошло. Когда он схватил создание и потянул изо всех сил, то сумел выдернуть его из той части тела, где оно угнездилось, — скорее всего из матки. Этого он, собственно, и добивался,

однако никак не ожидал, что с хозяйкой существа потом произойдет то же, что с куколками, которых мексиканцы вешают в своих домах на Рождество, — как их там называют? Выдерни затычку, и игрушка раскроется, так что из нее вывалится содержимое — всякие сладости.

Бородатая тварь служила своеобразной пробкой; стоило выдернуть ее, и Вивьен распалась, а части, составлявшие тело, — каждая самостоятельное живое существо, — выползли на свободу. Таковую процессию изобразить по силам было бы, наверное, лишь Иерониму Босху.

Теперь ядовитая тварь ползла к нему. Ее отвратительная головка была приподнята, кривоносое личико с кинжалами-зубками и сверкающими фонариками глаз обращено к Чайлду. Что это существо собирается делать? Оно способно отравить, и, хотя Билл оказался парализован не полностью (поскольку процесс не затронул половые органы), новый укус мог стать смертельным. Более того, по словам Вивьен, для того чтобы оправился ее незадачливый любовник, пришлось ввести противоядие. Насколько знал Чайлд, никто, кроме нее, не сумеет сделать это. А она ныне не в состоянии помочь ему, даже если захочет.

Покрытый слизью ком свернувшихся внутренностей, спешащий уползти прочь, заслонил бородатую змейку. За кишками последовала спина — костлявая длинная многоножка. Она столкнулась с ногой, путешествующей «наоборот» — пятка задрана, двадцать крепких лапок несут ее вперед. Оба существа свалились набок и беспомощно дрыгали несколько секунд ножками. Потом сумели выпрямиться и продолжили свой поход.

Бородатая тварь подобралась ближе. Чайлд бесстрастно наблюдал за ней. Интересно, есть ли на брюшке чешуйки, позволяющие созданию передвигаться совсем по-змеиному? Какой у нее скелет?

Сознание Чайлда затуманилось настолько, что он даже не подумал, как вообще может существовать подобный феномен. Его разум просто принимал бородатого человечка-змею как должное.

Тем временем вагина-многоножка и все еще преследовавшая ее на тоненьких лапках матка тоже засемили к нему. Создание с мохнатой рыжеволосой спинкой ткнулось в живот Чайлда, отшатнулось, немного повернуло,

прошествовало вдоль его тела, остановилось. Добравшись до подбородка, вагина обогнула его и наконец замерла, дойдя до рта. Чайлд не мог видеть ожившее лоно женщины, но чувствовал, что оно прижалось к его губам. Мягкие волосы щекотали нос; Чайлд чихнул. Знакомый приятный, чуть пряный запах: в других условиях он ничего не имел бы против такого соседства...

Вагина не двигалась, прильнув к нему так, словно, лишенная зрения и слуха, все же смогла наконец найти в чужом мире нечто знакомое, родное. Чайлд ощущал влажное прикосновение живой матки где-то у шеи.

Бородатая змейка тем временем все приближалась. Наконец она подобралась к затылку Чайлда. Он попытался откинуть голову, повернуть ее, но не смог даже шевельнуться. Через несколько секунд Чайлд почувствовал, как юркое тельце ползет по волосам. Господи, как ему хотелось закричать, каким-то сверхчеловеческим усилием воли вывернуться из собственной кожи и убежать отсюда!

Существо свернулось на его щеке, мокрая бородка щекотала мочку уха.

Раздался тоненький как комариный писк, но отчетливый, дребезжащий, какой-то металлический голосок.

Чайлд не понял ни слова. Тот же неведомый язык, что-то среднее между испанским и французским. Но варварски искаженным французским, лишенным характерного «прононса». Возможно, так говорили очень давно...

Создание продолжало что-то яростно пищать. Раздвоенный язычок то и дело касался ушной раковины.

И вдруг — тишина. Змейка не уползла, просто застыла. Ожившая вагина поспешно удалилась, матка, как всегда, последовала за своей бессменной подружкой. Из-под кровати высунулась голова Вивьен и медленно направилась к нему. Из приоткрытых неподвижных губ торчал язык, блестящие глаза уставились на Чайлда.

Голова остановилась, не дойдя нескольких футов до лица Геральда. Взгляд фиалковых глаз теперь был направлен выше, на бородатую змейку, свернувшуюся на щеке Чайлда. Побелевшие губы шевелились, но он не услышал ни звука. Все верно, у нее ведь теперь нет легких. Они превратились в двух странных существ, ковыляющих, словно миниатюрные издыхающие динозавры из полувысохшего болота, к противоположной стене.

А что, если ожившая голова рассчитывает на его умение читать по губам? Что, если она сейчас рассказывает ему, как вновь собрать в единое целое части Вивьен?

«Но допустим, что это уже невозможно и Вивьен больше никогда не станет прежней? Что я знаю о ней или других подобных созданиях?» — напряженно размышлял Чайлд. Перефразируя Оруэлла, все они равно необычны, но некоторые более необычны, чем другие. Вивьен, несомненно, была самым удивительным феноменом. Ее нельзя причислить ни к вампирам, ни к ламиям, ни к призракам или оборотням. Вполне возможно, что, выдернув из ее тела змееобразное существо, он раз и навсегда уничтожил хозяйку. Ведь Мабкруф — вернее, совокупность оживших частей прежней Вивьен — не сможет долго просуществовать в таком состоянии. Даже такие диковинные существа повинуются общим фундаментальным законам бытия: они должны чем-то питаться, выводить из организма отходы.

В нашей Вселенной не существует ничего, противоречащего этим краеугольным заповедям природы, ничего «противоестественного». Явления, поначалу кажущиеся таковыми, просто еще недостаточно исследованы, их сущность и происхождение не раскрыты. Все в мире обусловлено причинно-следственной связью, повинуются определенным законам, и лишь незнание делает те или иные вещи таинственными.

Змееобразное существо проползло по глазам Чайлда, спустилось на пол, приблизилось к голове Вивьен и свернулось кольцами. Верхняя часть туловища приподнялась, нависнув над глазами Мабкруф, и стала раскачиваться, словно рассерженная кобра; головка то и дело поворачивалась в разные стороны. Губки не переставая шевелились, личико искажала гримаса ярости. Тоненький писклявый голос был различим, лишь когда существо глядело на Чайлда. Оно вещало на том же неведомом языке.

Наконец тварь закончила свою речь, а может, просто устала от бесплодных попыток что-то объяснить Чайлду. Повернувшись, она поползла прочь, остановившись возле его подбородка. Чайлд смог разглядеть, что она делает, лишь спустя несколько секунд, когда змейка вновь стала

двигаться. За собой она волокла матку; хвост с корнями вновь был втиснут внутрь и, очевидно, успел прикрепить-ся к стенке ожившего органа, как прежде.

Миновав его голову, парочка остановилась, повернувшись, опять подползла к Геральду и замерла, когда матка уперлась в его лоб. В этот момент вагина отодвинулась от лица Чайлда, и он увидел, что змейка подталкивает ее головкой, заставляя принять нужное положение.

Добившись своего, бородатая тварь проскользнула в свою новую подопечную сзади и вынырнула из влажной щели. Вагина стала пятиться, словно повинаясь телепатическим призывам, пока опять не соединилась с маткой.

Что теперь? Впервые после того как в Чайлда вонзились ядовитые зубы, его стала по-настоящему беспокоить собственная участь. Возможно, действие яда со временем слабеет; возможно даже, что Вивьен солгала и противоядие вообще не требуется. Она дала это снадобье Биллу, чтобы он поскорее пришел в себя и убрался из дома. Одновременно Мабкруф ввела бедняге отраву, из-за которой он должен умереть от разрыва сердца. Тут уж она точно не соврала!

Чайлд попытался сдвинуться с места, но, как и прежде, тело отказывалось повиноваться. Однако туман перед глазами постепенно рассеялся, думать стало легче.

Только сейчас Чайлд осознал абсолютную чужеродность существа, некогда называвшего себя Вивьен. Невозможно даже представить себе, чтобы человеческое тело распалось на множество самостоятельных живых созданий! Но вот они, прямо перед глазами. Интересно, как этим тварям удастся существовать так долго? Допустим, при распаде кровоснабжение каждой ожившей части тела стало автономным, но ведь циркуляция полностью прекратилась. Сердце, все вены и артерии которого закрылись, проворно двигалось по полу, стремясь исчезнуть под кроватью, на своих тридцати хиленьких ножках. Существо чем-то походило на обезглавленную курицу, бегущую по двору.

А как они живут без кислорода и системы пищеварения? У любого существа просто не может не быть какого-либо источника энергии, системы выделения отходов из организма. Без них невозможно существовать!

И еще: как Вивьен умудрялась скрывать все эти ножки, расщелины и Бог знает какие еще биологические диковины в своем теле? При таком обилии разнообразных «деталей» она должна была выглядеть рыхлой и толстой, однако обладала безупречной фигурой и лицом. О, какое божественно прекрасное лицо! Сейчас эта головка как раз распахивает по комнате, словно сороконожка, на тощеньких лапках, опираясь на четыре ножки, растущие за ушами!

Волоча за собой матку, бородатая змейка гналась за ягодицами и анусом, явно стараясь присоединить их к своим трофеям. Но что потом? Подобная конструкция станет весьма неуклюжей и громоздкой; преследовать другие части тела будет очень тяжело.

Пока Чайлд наблюдал за стараниями змееобразного существа, голова тоже не оставалась без дела. Ей удалось пинками и толчками загнать в угол комнаты оба плеча. Пока они стояли там, прижавшись к стене, голова отправилась на охоту за разными внутренними органами; тем временем змейка подцепила добычу и потащила за собой, словно локомотив.

В этот момент доски паркета под головой Чайлда слегка прогнулись. Секунду спустя перед глазами возникла пара больших ботинок. Потом они сдвинулись, и Геральд увидел водителя, который вошел в комнату, пока Чайлд, забыв обо всем, увлеченно наблюдал за маневрами диковинных существ, на которые с его помощью разделилась Вивьен. Личный шофер Мабкрuf был крепким высоким мужчиной со смуглой, как у уроженца солнечной Сицилии, кожей. Несмотря на это, черты лица выдавали прибалтийское происхождение: выдающиеся скулы, высокий лоб, прямые темные волосы. Судя по полному отсутствию реакции на то, что происходило в комнате, водителя совершенно не ошарашило увиденное.

Быстрыми умелыми движениями он начал собирать свою хозяйку. Части тела складывались либо всовывались одна в другую; вскоре на полу лежала обнаженная Вивьен, прекрасная, как и прежде. Трещины исчезли, зазоры выровнялись, провалы затянулись. Когда кожа снова стала безупречно гладкой, водитель ударил кулаком по груди своей хозяйки. Сердце послушно забилося, и она, словно рыба, жадно вдохнула воздух открытым ртом.

Вивьен немного полежала, мерно дыша, затем села. Она чуть пошатывалась, но жестом отвергла помощь своего прислужника.

Из приоткрывшихся губок вагины высунулась бородастая головка и сердито уставилась на Чайлда.

— Бартон, — произнесла наконец Мабкроф, — положи его на кровать и раздень.

Слуга, не произнося ни слова, подхватил Геральда и опустил на кровать, затем снял с Чайлда всю одежду и аккуратно развесил в шкафу, а туфли и носки отправил под стул. Чайлд видел все это, потому что мог уже поворачивать голову. Но, увы, язык все еще отказывался повиноваться.

— Теперь можешь идти, — приказала Вивьен.

Плечистый темноволосый слуга бесстрастно оглядел Геральда, произнес: «Слушаюсь, мадам» — и покинул комнату.

Какую роль играет Бартон среди прочих членов дьявольской компании? Чайлд вспомнил Глэма, гигантского слугу барона Игеску. Силач отличался странностями, но, в отличие от хозяина, был человеком; по крайней мере, принадлежал к нашей расе. К несчастью, он совершил роковую ошибку, влюбившись в Магду Холиани, которая, кажется, была из породы питонов-оборотней. Магда отвергла его, и бедняга Глэм попытался силой овладеть ею. Результат: практически все кости сломаны, внутренности и кровь выдавлены из тела!

Если Бартон принадлежал к роду гомо сапиенс, то, несомненно, заслужил сомнительную честь именоваться одним из гнуснейших предателей в человеческой истории. Точнее, наверное, *нечеловеческой*, поскольку люди отказывались признать существование или даже возможность существования подобных созданий.

Вивьен возвышалась над ним. Она нагнулась, так что одна грудь нависла над лицом Чайлда.

— Ты заставил меня волноваться, Геральд Чайлд, мой красавчик, а я очень не люблю волноваться. Ты отнял у меня Билла, тупого сукина сына, но отменного жеребца. Поэтому, хотя к тебе запрещено приближаться, ты мне его заменишь.

Он хотел спросить, что значит «запрещено приближаться», но не мог даже рта открыть.

Вивьен впилась в его губы, просунула между ними язык, провела по зубам, языку, деснам. Тем временем ее рука искусно ласкала член Чайлда. Помимо воли он начал возбуждаться. По пенису разлилось приятное тепло, он немного увеличился.

Вивьен отодвинулась и вложила ему в рот свой сосок, хотя Чайлд не мог возбуждать его языком; если бы он был способен говорить, яростно отверг бы ее. Вивьен — самая красивая женщина из всех, кого он когда-либо встречал, но сейчас она никак не казалась самой желанной. Он питал инстинктивное отвращение к убийцам, а существо, угнездившееся в матке, вызывало омерзение к его хозяйке. Чайлд очень надеялся, что оно не покинет своего убежища, хотя понимал, что скорее всего его сейчас изнасилуют так же, как Билла. Мускулы заднего прохода рефлекторно сжались.

Несмотря на то что Чайлд никак не стимулировал грудь Вивьен, сосок раздулся и стал твердым. Она вытащила его, сунула в рот Чайлда другую грудь, и венчающий ее упругий комок плоти так же вытянулся и окреп.

Потом Вивьен стала целовать его соски, гладить щеки. Медленно провела кончиком языка по животу, прошлась по нему вдоль и поперек, прочертив слюной, словно чернилами, причудливые узоры.

Когда Мабкруф добралась до волос внизу живота, она провела губами вокруг них, а потом стала лизать сам лобок, пока не покрыла его слюной. Член Геральда поднялся еще немного. Он не хотел поддаваться на ее чары, но что-то — возможно, парализующий эффект яда — лишило возможности сопротивляться постепенно охватывающей его страсти. Чайлд испытывал к ней только омерзение, а одна лишь мысль о змееобразной твари повергала в настоящий ужас. Но эти чувства были приглушены, как бы отодвинуты на задний план, загнаны в дальний уголок сознания. Все заслонило наслаждение, дивные ощущения от умелой работы ее языка и губ.

Когда ее мягкий влажный рот сомкнулся вокруг яичек, жаркая волна, залившая низ живота, докатилась до основания члена и постепенно заполнила его. Пенис отвердел и поднялся во весь свой рост.

Поиграв яичками, Вивьен вытолкнула их языком и склонилась над вздыбившимся пенисом. Губы влажным

пуховым покрывалом окружили раздутую головку, язычок уперся в расщелину на самом верху. Он глухо застонал (про себя, потому что по-прежнему не мог издавать звуки) и почувствовал непреодолимое желание приподнять бедра, чтобы еще глубже загнать в податливый рот свою возбужденную плоть. Но это желание никак не реализовалось. тело оставалось неподвижным.

Вивьен продолжала сосать головку, то и дело опуская голову, так что член полностью исчезал во рту. Жаркая волна, затопившая фаллос, превратилась в раскаленный стержень, пронзивший Чайлда от спины до пениса. Словно жидкий огонь медленно поднимался по телу, заставляя трепетать возбужденные нервы, стремясь вырваться наружу.

Неожиданно Вивьен поднялась и повернулась изящной спиной, выпятив овальные ягодицы. Она присела, протянула руку, осторожно взяла раздувшуюся головку и, опустившись, направила ее в сморщенное тугое колючко ануса. Какое-то время член не мог преодолеть эту преграду, а потом стремительно ворвался внутрь, мягко скользя в теплой гладкой плоти, пока мягкий зад Вивьен не опустился на волосы лобка.

Она медленно поднималась и опускалась, и наслаждение почти достигло пика. Еще немного, и он испытает оргазм, хотя не любил анальный секс. Несмотря на то что иногда приходилось делать это, чтобы удовлетворить любительниц подобных забав, Чайлд сам не испытывал удовольствия. Теперь же брезгливое отвращение не мешало ему, хотя и не исчезло полностью.

Она приподнялась и замерла, так что пенис наполовину вышел из зада.

Чайлд знал, что сейчас должно произойти, и мысленно стиснул зубы, приготовившись испытать то, что ранее пришлось пережить бедняге Биллу. Однако кошмарное существо не стало запускать ядовитые зубы в его плоть.

Неожиданно он почувствовал, как нечто теплое скользнуло по напрягшейся мошонке и, щекоча волосы, направилось ниже; что-то — наверняка крошечная бородатая головка — деликатно коснулось ануса. И тут создание, с силой раздвинув сжавшиеся мускулы заднего прохода, проникло в прямую кишку. Ощущение было не из приятных: в нутро грубо ввели что-то твердое и массивное,

словно палец врача во время исследования простаты. Но это длилось недолго. То ли ядовитый укус, то ли выделяемое кожей твари вещество подавило чувство дискомфорта и заставило Чайлда расслабиться. По телу разлилось приятное тепло, Чайлда охватила истома.

Через несколько секунд Вивьен вновь стала энергично двигать задом. Одновременно Чайлд ощущал, как скользит юркое мускулистое тело в его нутре. Бородатая змейка, казалось, никак не была связана со своей хозяйкой: она двигалась гораздо быстрее, чем Вивьен.

Расслабляюще-теплое чувство сменилось напряжением и нарастающим жаром, словно воспламенившим кишки. Но это чувство принесло наслаждение. Внутренности, казалось, были так же близки к оргазму, как и пенис! Оба пронзительно приятных ощущения существовали как бы независимо друг от друга. Но когда Вивьен стала двигаться быстрее и энергичнее, а змея продолжала скользить в прежнем ритме, они постепенно слились.

Бесконечное мгновение экстаза: ослепительный красный свет наполнил глаза, по центрам удовольствия прошлись чем-то металлическим, раскаленная дрель вонзилась в мозг. Потом взрыв. Чайлда словно вывернуло наизнанку, он пронесся сквозь пятое измерение, стал плотью, которую как перчатку сняли с руки, открыв для потоков излучения...

Какое-то время Вивьен продолжала сидеть на распростертом теле Геральда, но, не выпуская все еще напряженную плоть из тесного скользкого плена, повернулась к нему лицом. Змееобразному существу при этом пришлось покинуть внутренности Чайлда, но оно уже явно получило все, что хотело. Юркое тельце и головка были измазаны, а изо рта сочилось сероватое мускусное вещество. Когда оно перестало выделяться, создание высунуло раздвоенный язычок и стало вылизываться. Через несколько секунд личико и борода выглядели совершенно чистыми, словно их вымыли.

Хотя эта пародия на Мефистофеля уже не казалась угрожающе-зловещей, она еще внушала опасение.

Чайлд с радостью увидел, как тварь наконец исчезла в своем уютном убежище. Конечно, лучше бы перед этим она не поднялась к лицу своей хозяйки и не чмокнула ее на прощание в нижнюю губу.

Как только член выскользнул из зада Вивьен, а змейка вернулась в свою норку, Мабкруф мгновенно выпрямилась. Она поцеловала свою жертву в губы:

— Я люблю тебя.

Язык по-прежнему не повиновался Геральду, так что он при всем желании ничего не мог ответить.

«Любовь?!» Если бы он только был способен, он бы сейчас выблевал!

В это мгновение в комнату вошли двое мужчин. Один из них держал в руке толстую трость. Он вытащил из нее узкий длинный меч и направил его на Вивьен.

Лезвие уперлось ей в шею.

Мабкруф сразу побелела:

— Почему вы нарушаете мир между нами?

ГЛАВА 5

Форрест Дж. Аккерман затаился в кустах. Он уже давно сидел здесь и совсем промок. Кажется, вода проникла не только за шиворот, но растопила его терпение и решимость. Еще немного, и Аккерман взорвется!

Три дня назад он получил долгожданную посылку из Англии. Она была плоской и большой. В ней находился бесценный подлинник Брэма Стокера, отражающий его попытку сказать свое слово в живописи. Картина запечатлела графа Дракулу, сладострастно припавшего к горлу молодой блондинки, сосущего кровь жертвы. Подобная сцена изображена на множестве иллюстраций к бесмертному роману: существует также масса репринтов, подписанных самим Стокером, где граф-вампир подкрадывается к спящей красавице. Те же мотивы присутствуют в бесчисленных афишах и кадрах из фильмов о подвигах знаменитого трансильванца.

Но полотно, на котором красовался Дракула, написанное самим автором, создавшим этот персонаж, было единственным в мире. Еще несколько месяцев назад о существовании картины никто не знал. И вот в дублинском особняке, некогда принадлежавшем другу Стокера, нашли дюжину живописных произведений и два десятка рисунков пером. Нынешний владелец обнаружил их в заколоченном шкафу на чердаке дома. Он даже не подозревал, что они представляют собой какую-то ценность,

продал антиквару за несколько фунтов и радовался удачной сделке.

Но антиквар отнес картины экспертам, а специалисты определили, что они подписаны Брэмом Стокером. Форри Аккерман, прознав про это, отправил дублинскому торговцу телеграмму, в которой пообещал перекрыть любую предложенную сумму. В результате он стал счастливым владельцем картины, хотя пришлось взять ссуду в банке. С этого момента оставалось лишь ждать, когда ее пришлют, и волноваться...

Когда Форри распаковал посылку, он не был разочарован. Конечно, Стокера не сравнишь с Сент-Джоном, Бомом, Финлеем или даже Полом. Но в его работе таилась некая грубая сила, притягательность, что отмечали многие. Да, спору нет, непрофессионально, может быть, примитивно, но мощно, мощно!

Форри был рад, что покупка обладает некими художественными достоинствами, хотя понятия не имел, что представляет из себя подлинное искусство, да и не хотел знать. Зато он знал, что ему нравится, а картина ему пришлось по вкусу.

Но если бы она оказалась не такой уж хорошей, даже примитивной, особого значения это не имело. Форри Аккерман стал обладателем уникального полотна, запечатлевшего Дракулу, написанного автором романа! Никто в целом мире не может похвастаться подобным!

Увы, сейчас и он не может ничем похвастаться...

В ту роковую ночь он вернулся к себе, на Шербур-Драйв, 800. Как и сегодня, лил дождь, вода потоком струилась по асфальту, почти затопила улицу, но по тротуару еще можно было ходить. Он ушел с вечеринки у Венди, когда было уже далеко за полночь, чтобы поработать с одним из своих сборников комиксов. Как редактор «Вампиреллы» и других журналов «ужасной» тематики, Форри должен был расписывать свой день по часам. Придется редактировать «Вампиреллу» допоздна, чтобы утром выслать очередной номер авиапочтой в Нью-Йорк издателью.

Он распахнул дверь, вошел. Довольно большая комната была украшена картинами разных размеров на фантастические сюжеты, обложками журналов «фэнтези», полотнами, выполненными по специальному заказу, увеличенными кадрами из фильмов ужасов и фантастиче-

ских лент; здесь же висели фотографии всех великих «монстров» кино. Лон Чени-младший в роли оборотня. Борис Карлофф в роли... самого себя, неподражаемый Бэла Лугоши* в роли Дракулы. На каждой стояла подпись с посвящением «милому Форри» или просто «с наилучшими пожеланиями...» Рядом красовались маски, гипсовые и бронзовые бюсты чудовища Франкенштейна, монстра из Черной Лагуны**, Кинг-Конга и множества других фантастических страшилищ. Книжные полки простирались от пола до потолка. Тут можно было найти сочинения самых разных жанров и стилей — от готики и фантастики до описания экзотических способов секса.

Чтобы в полной мере представить себе жилище Форри, нельзя ограничиться описанием, — здесь обязательно нужно было бы побывать. Сначала он жил в нем, потом переехал к Венди, а дом, наполненный снизу доверху экспонатами общей стоимостью не менее миллиона долларов, стал использовать как офис и свой частный музей. Придет когда-нибудь роковой день — Господи, лучше даже не думать об этом! — когда он уже не сможет наслаждаться его сокровищами, обладать целым миром грез, пребывая здесь, в сердце своей овеществленной мечты. Что ж, после его кончины дом должен превратиться в бесплатный музей с Рэем... да, великим Рэем Бредбери в роли попечителя, и люди со всех уголков Земли будут приезжать, чтобы полюбоваться на великолепную и уникальную коллекцию или покопаться в книгах, наслаждаться созерцанием редких полотен, осмотреть собрание рукописей и писем. Форри уже подумывал о том, чтобы распорядиться поместить свои останки в бронзовый бюст Карлоффа, загримированного чудовищем Франкенштейна, и установить его в центре комнаты, которая стала бы главным залом музея. Так он и после смерти продолжал бы присутствовать здесь не только духом, но и в некоем физическом воплощении, что вполне удовлетворило бы Форри, потому что в загробную жизнь он не верил.

Но, увы, законы штата Калифорния запрещают любые подобные усыпальницы. Хозяева похоронных бюро и

* Лон Чени-мл., Борис Карлофф, Бэла Лугоши — артисты, прославившиеся исполнением ролей злодеев и чудовищ в фильмах ужасов 20—30-х годов. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

** «Монстр из Черной Лагуны» — популярный в 50-е годы фантастический фильм.

владельцы кладбищ добились от законодателей принятия правил, отражающих их корыстные интересы. Умершие подлежали захоронению на кладбище независимо от их последней воли. Оставалась, правда, возможность развеять прах над морем, но только с самолета и с определенной высоты. К тому же за один полет разрешалось «похоронить» таким способом лишь одного усопшего. Да, мафия добилась своего, они заставили безутешных родственников усопших платить дань этим шакалам, этим пожирателям падали, этим жрецам Анубиса!

При одной мысли о них Форри охватывала благородная ярость. Ах вы, алчные, абсолютно бессердечные, бездушные грабители несчастных обездоленных людей! Но неужели он не сумеет организовать исполнение своей последней воли в обход дурацкого закона? У Аккерман имелась парочка приятелей, способных сделать все как надо. Да, они ребята крутые — по крайней мере, некоторые, — и возможность бросить вызов обществу (пусть даже в малом) их только обрадует!

Пока Форри стоял возле двери, стягивая плащ, он внимательно осматривал свои сокровища. Вот висят полотна Дж. Аллена Сент-Джона, изображающие Цирцею со свиньей и Улисса с его бандой, а дальше, дальше — жемчужина коллекции, сокровище из сокровищ, — дальше красуется...

Картина Стокера исчезла!

Он поместил ее как раз напротив двери, чтобы она бросалась в глаза каждому посетителю. Из-за нее пришлось перевесить два полотна. Форри с большим трудом нашел свободное место: каждый сантиметр стены украшает что-либо...

А теперь там сиротливо белело пятно.

Аккерман пересек комнату и опустился на стул. Сердце билось чуть быстрее обычного, несмотря на бушевавшие в душе эмоции: у Форри был плохой синусовый узел. Из-за этого недостатка он не мог бегать и всегда медленно поднимался по лестнице. Вот и сейчас возбуждение не подстегнуло работу сердца, но на переживания оно откликалось трепетной дрожью.

Он подумал, стоит ли вызвать полицию, как всегда поступал раньше в подобных случаях. Ведь его коллекция притягивала не только взоры, но и жадные руки воров. Какой-нибудь очередной фэн фантастики, фэнтези или

ужасов, позабыв про честь и достоинство, если у него вообще существовали жалкие остатки оных, запускал грязные лапы в его собрание, в безумной жажде заполучить уникальные картины, постеры, рукописи, книги, легендарные фотографии и маски. Эти поганые типы причинили ему массу неприятностей, из-за них пришлось потерять тысячи долларов. Убытки — дело плохое. Но еще большее было осознать, что некоторые экспонаты не заменишь, они утрачены навсегда! И как обидно, что кто-то способен причинить такое зло ему — человеку, который любил мир так, как не любил Бога; или даже не мир, а населяющих его людей, ибо Природу Форри тоже не признавал достойной поклонения.

Отвергнув мысль о полиции, Аккерман решил проверить чету Даммок. Молодая парочка появилась здесь вскоре после отъезда Вардов, исполнявших до них роль сторожей. Лоренцо и Хулия были на мели, к тому же супругам было негде жить, и Форри предложил им поселиться у него. Все их обязанности состояли в том, чтобы содержать вечеринки, а также охранять его владения от воров, потому что сам Форри с недавних пор редко оставался здесь.

Устав терзать звонок, он сам поднялся наверх. Спальня была единственной комнатой, пригодной для жилья. Кровать, туалетный столик, шкаф — всем этим пользовались супруги. Сейчас их одежда валялась повсюду — на постели, столике, стопке книг в углу, на полу. Простыни, кажется, не перестилали уже несколько дней.

Жильцов здесь не оказалось. Форри решил, что их скорее всего вообще нет в доме. Ушли на всю ночь куда-то, проигнорировав служебные обязанности! Они поступали так и раньше. Непонятно одно: откуда супруги брали деньги, чтобы просаживать их вот так? Последнее время работала только Хулия (в промежутках между приступами астмы), а Лоренцо сочинял рассказы, но до сих пор смог продать лишь «жесткую порнографию», и то всего пару раз. Наверное, время от времени они навещают какого-нибудь благодетеля и стригут с него денежки. Мысли об этом еще больше разозлили Форри. Он так мало требует от бессердечных неблагодарных людей! Охранять дом от грабителей по ночам — вот все, что он просит за право жить здесь. А когда Форри упрекал их за то, что они пренебрегают своими обязанностями, то в

ответ слышал лишь глумливый смех и упреки в эксплуатации.

Он еще раз обыскал весь дом, затем, надев плащ, спустился в гараж. Картины Стокера там тоже не оказалось.

Через пять минут прозвенел звонок. Аккерман принимал все сообщения на автоответчик, а стало быть, мог спокойно подумать и решить, отвечать ему или не брать трубку.

Голос говорившего звучал глухо, невнятно, узнать его было невозможно, хотя он представился как Влад — приятель Форри и коллега по правлению Общества почтителей графа Дракулы. В конце концов знакомое имя перевесило сомнения, и Аккерман поднял трубку.

— Форри, это не Влад. Ты, наверное, уже понял, а?

— Да, — тихо отозвался Аккерман. — Кто вы?

— Друг, Форри. Друг. Ты меня знаешь, но сейчас сказать, кто я на самом деле, не могу. Я вхожу в Лигу лорда Развена и в твоё Общество Дракулы. Не хочу, чтобы на меня у кого-нибудь имелся зуб... Но все равно я должен с тобой поделиться... Я слышал, что ты недавно получил эту картину Стокера, и собирался зайти полюбоваться на нее. Но когда пришел на очередное заседание Лиги Развена... я увидел... Увидел ее там!

— Что?! — пронзительно взвизгнул Аккерман. Он впервые потерял самообладание.

— Я увидел ее у них. Картина висела на стене в доме...

Напряженное молчание.

— Во имя всего святого, во имя премии Хьюго! Продолжай, не надо меня мучить. Я... я имею право знать, куда она пропала! Я владелец!

— Да, верно... Но я чувствую себя дерьмом из-за того, что закладываю того парня! Он...

— Он вор! — воскликнул Форри. — Отвратительный вор! Ты никого не закладываешь! Нет-нет, ты не стукач, ты выполняешь священный долг гражданина! Ты послужишь на благо Общества, не говоря уже о том, что послужишь мне!

Даже в такие моменты, чувствуя истерическое возбуждение, смешанное с униженным чувством обворованного благодетеля, Форри не мог удержаться от сомнительных каламбуров.

— Ага, верно... Да, наверное, ты прав. Я скажу тебе... Отправляйся напрямик к дому Вульстона Хипиша. Увидишь сам, правду я сказал или нет.

— Вульстон Хипиш! — мучительно простонал Форри. Потом из него вырвалось: — Нет-нет, только не это!

— Да, именно это, старик! Должно быть, он тебя надувал и вынюхивал что и как не один год! Мне тебя вроде как жаль, понимаешь, Форри, потому что ты такое от него претерпел. Хотя, что правда, то правда, у него отличная коллекция. Что и говорить! Ну, это неудивительно, ведь многое он получил от тебя!

— Никогда в жизни ничего ему не отдавал!

— Да, а он брал сам! Ну пока, Форри.

ГЛАВА 6

Через пятнадцать минут Форри уже стоял возле дома Хипиша, который находился всего в двух кварталах от его собственной резиденции. Укрытый крошечной тьмой, усиленной плотной завесой дождя, особняк казался точной копией жилища Аккермана. Это было типичное калифорнийское бунгало в псевдоиспанском стиле, покрытое штукатуркой зеленого цвета. Если подходить с фасада, подъездная дорожка располагается слева; вступив за окружающую дом стену, можно увидеть растущее во внутреннем дворе дерево, наклонившееся над землей так, что ветви, словно огромные корявые руки, заботливо прикрывали кусок черепичной крыши. В конце дорожки стоял гараж, перед ним — гигантский фанерный щит с изображением монстра из фильма.

С правой стороны находился небольшой порожек с деревянной дверью, почти сплошь покрытой разными объявлениями: «КУРИТЬ ЗАПРЕЩЕНО», «ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЙТИ, ВЫТИРАЙТЕ НОГИ И МОЗГИ», «СТАРШИЙ БРАТ ХИПИШ ВИДИТ ВСЕ!» (прилеплено к маленькой телекамере, с помощью которой хозяин рассматривал гостей, прежде чем впустить) и «ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ НА ЭСПЕРАНТО И ВОЛЯПЮКЕ» (последнее страшно задевало самолюбие Форри: долгое время он был ревностным эсперантистом. Хипиш не только собезьянничал, выучив эсперанто, но, желая доказать свое превосходство перед соперником, изучил его главного конкурента — воляпюк).

Форри довольно долго стоял перед дверью, занеся палец над звонком.

Небеса извергали на землю свой боезапас, потоки воды, казалось, смывают все вокруг. Мощные струи с ревом вылетали из сточных труб и заливали дворик. Свет, пробивавшийся из дома, окрашивал все вокруг в призрачный зеленоватый свет. Этой сцене не доставало лишь грома с молнией, душераздирающе-ужасного скрипа открываемой двери и высокого бледнокожего и краснотубого кривоногого субъекта с обволакивающе-изысканными манерами и блестящими гладкими волосами. Звучный бас произносит: «Добрый вечер, дорогой сэ», выговаривая слова с явным венгерским акцентом...

Подсмотреть, что происходит внутри, было невозможно. Все окна зашторены или закрыты ставнями, а некоторые загорожены книжными полками. Форри никогда не бывал у Хипиша, но ему описывали, как обставлен дом. Его собственное жилище выглядело точно так же.

В конце концов он отдернул руку от звонка. Для начала лучше немного порыскать вокруг, разведать обстановку, так сказать. Ясно, что, если, ворвавшись к конкуренту с требованиями вернуть похищенную картину, Форри обнаружит, что его анонимный доброжелатель солгал, он будет выглядеть как последний болван. Его не раз обманывали, а в результате возникали весьма неприятные ситуации.

Он обошел дом. Сзади должна располагаться гостиная или что-то вроде кладовки. В его жилище они уже давно были забиты книгами и журналами. Например, свою коллекцию первых публикаций Дока Севиджа он хранил за кухонной дверью.

Занавески на окнах плотно задернуты. Форри прижался к холодному стеклу ухом, но ничего не услышал. Постояв так немного, он вернулся к входной двери. На подъездной дорожке стояли две машины, на улице виднелось еще несколько. Значит, Хипиш принимает гостей. Может, лучше вернуться к себе и позвонить ему по телефону?

Нет, решительно подумал Форри, надо встретиться с подозреваемым лицом к лицу! Он не должен дать ему возможность вывернуться или время, чтобы спрятать картину

Но, приняв решение, он все равно не мог заставить себя нажать на кнопку звонка. Форри вернулся к месту, откуда начал свой поход в царство соперника, и постоял в кустах. Дождь хлестал его, с веток стекала вода. Предстоящая «очная ставка» наверняка будет ужасным испытанием. Ох как неловко! Неловко для всех. Хотя, может быть, Хипиш станет исключением. Он ведь непробиваемый, как фонарный столб!

Фары проехавшей машины на мгновение выхватили его из тьмы. Форри заморгал, а затем вылез из своего мокрого укрытия. К чему ждать дальше? Ведь Хипиш не собирается выходить наружу и приглашать его к себе!

Он нажал на кнопку звонка — носа химеры, нарисованной на двери. Раздался громкий меланхоличный колокольный звон, сопровождаемый мелодией «Печального воскресенья», исполняемой на органе.

В дверь был вделан глазок, но, как ему передавали, Хипиш редко им пользовался. Ведь когда гости нажимали звонок, автоматически включалась телекамера слева от порога.

Гулкий голос, исходящий из маски Франкенштейна, прибитой к двери, прогудел: «Ах ты, чтоб я и дальше жил, но не дышал! Сам Форрест ДЖОКЕРман! Добро пожаловать! Трижды добро пожаловать!» Негодяй посмел обыграть его фамилию!

Через секунду дверь медленно распахнулась. Сопровождающий эту процедуру пронзительно-громкий скрежет ржавых петель, естественно, был записью, включавшейся, когда она открывалась.

Вульстон Хипиш сам встретил Форри. Невысокий, около шести футов ростом, грузный, с большим отвисшим брюхом, он горбился так, словно большую часть жизни провел за конторкой или штудированием книг. Или прятаясь под дождем за кустами, подумал Форри. Он носил квадратные очки без оправы. За ними поблескивали серые глаза. Волосы темные, с рыжеватым отливом, прямые и гладкие. Отвислые усы бронзового оттенка.

— Входи, входи! — мягким вкрадчивым голосом произнес Хипиш.

Форри пожал протянутую руку, хотя ему очень хотелось, чтобы она безответно повисла в воздухе. Но ведь, в конце концов, он пока не убедился в виновности Хипиша.

Потом он остолбенел и оттолкнул руку хозяина дома.

За плечами конкурента Форри увидел картину, на которой Дракула вонзает свои длинные клыки в шею белокурой красавицы! И висит на том же месте, что раньше у него!

Аккерман так разозлился, что на мгновение у него все расплылось перед глазами.

Хипиш взял его за руку и подвел к софе.

— Ты, похоже, заболел, Форри. Неужели мой вид оказывает на тебя такое действие?

В комнате, кроме хозяина, находились еще пятеро: все они сейчас расположились вокруг софы и смотрели на Аккермана. Гости отличались привлекательностью, на них красовались дорогие сверхмодные наряды.

— Моя картина, — прошептал Форри. — Мой Стокер!

Хипиш задрал голову и сложил пальцы домиком. Потом улыбнулся в свои моржовые усы:

— Тебе нравится? Я так рад! Уникальная вещь!

Форри задохнулся от возмущения и попытался встать. Но одна из присутствующих, красивая женщина, похожая на мексиканку, толкнула его в грудь, так что он вновь откинулся на софу:

— Тебе надо отдохнуть! Ты неважно выглядишь. И что ты делал в такую погоду на улице? Ты же мог простудиться! Подожди, сейчас принесу кофе.

— Я не хочу кофе, — произнес Форри и вновь попытался подняться, но ощутил внезапный приступ ужасной слабости. — Я только хочу получить обратно мою картину!

Женщина вернулась с подносом, на котором стояли чашка дымящегося кофе, молочник и сахарница. Она поставила поднос перед Аккерманом:

— Меня зовут Панчита Посьотль.

— Ну конечно, как некрасиво с моей стороны! — воскликнул Хипиш. — Я даже не представил тебя собравшимся, мой милый Форри. Единственное извинение — беспокойство за твое здоровье!

Вторую женщину, высокую стройную блондинку с внушительным бюстом, звали Дианой Рэмбоу, остальные гости были мужчинами: Фред Пао, китаец, Рекс Билгрин, мулат, и Джордж Беньян, англичанин.

Аккерман, внимательно рассмотрев присутствующих, пришел к выводу, что они враждебно настроены по отношению к нему. Почему он так решил, он сказать не мог.

Может быть, что-то в их глазах... А может быть, потому, что, будучи рассержен из-за картины, он подозревал во враждебности всех, кто был хоть как-то связан с Хипишем.

Миссис Посьотль, подавая ему кофе, наклонилась, показав в глубоком вырезе своего тонкого платья внушительные светло-шоколадные груди с большими красными сосками. Лифчика она не носила.

При других обстоятельствах такое зрелище ему бы очень понравилось.

Потом Диана Рэмбоу, блондинка, уронила книгу, которую держала в руке, и наклонилась, чтобы поднять ее. Несмотря на свое состояние, Форри возбудился. Как и мексиканка, она не носила бюстгалтер. Ее груди были молочно-белыми, а соски размером с фалангу большого пальца казались такими ярко-алыми, словно их накрашили. Когда дама выпрямилась, Форри увидел, как они выпирают под платьем.

А еще он заметил, что происходящее вокруг него вовсе не было случайностью! Они хотели отвлечь его.

Панчита уселась рядом, прижавшись бедром к его бедру, Диана примостилась с другой стороны. Теперь, куда бы он ни взглянул, всюду маячили крутые холмы плоти, которые открывали глубокие вырезы.

— Моя картина! — прохрипел Форри.

Хипиш пропустил эти слова мимо ушей. Он взял кресло и уселся прямо перед гостем.

— Ну что ж, — произнес он деланно-торжественным тоном. — Твой визит — большая честь для меня, большая! Да, мистер Аккерман! Или мне можно называть тебя просто Форри?

— Моя картина! — снова выдохнул Форри.

— Теперь, раз уж ты решил забыть о прежних разногласиях — кто старое помянет, верно? — и явно осознал всю несправедливость былого недоверия к моей персоне, мы можем проболтать целую ночь напролет! В конце концов, чем же еще заниматься в такую погоду: за окнами дождь, ветер и все такое! У нас так много общего! Это отмечают, кстати, многие люди — и хорошие, и не очень... Думаю, нам надо получше узнать друг друга. Кто знает, возможно, мы в конце концов решим объединить Общество графа Дракулы и Великую Лигу лорда Развена во Всемирный Союз Вампиров, ведь даже у каких-то там

плебеев вроде ведьм и прочих не-вампиров есть союзы. Что скажешь, а?!

— Картина, — не оставлял попыток Форри. — Мой Стокер!

Хипиш как ни в чем не бывало продолжал вести с ним светскую беседу, остальные вполголоса переговаривались между собой. При этом одна из дам наклонилась, словно невзначай, над софой. От аромата духов, экзотического пряного запаха, он почувствовал головокружение. Господи, как он возбужден! И это несмотря на возмутительную ситуацию, в которую попал по милости Хипиша. Ах какие невероятные сиськи! А сверкание темных, как агаты, глаз Панчиты и чистый блеск голубых, словно сапфиры, глаз Дианы!

Форри потряс головой. Господи, какую дьявольскую форму колдовства они сейчас используют, чтобы одурманить его? Он пришел сюда с ясной целью. Найти украденную картину, снять со стены и выйти со своей законной собственностью через парадный вход. Трезво обдумав это намерение, Форри решил, что разумнее сначала найти что-нибудь, чтобы прикрыть бесценное полотно от дождя, — оно может пострадать, пока он донесет его до своей машины, ведь она припаркована на другой стороне улицы. Что же, пальто как раз подойдет. Правда, он рискует простудиться... Неважно! Стокер, вот что главное!

Но он не мог подняться. А Хипиш и его гости словно и не слышали, что Форри говорит о картине.

Аккерман чувствовал себя очень странно. Он как будто находился сейчас в некоем параллельном мире, который соприкасался с нашим в данной точке, так что в доме Хипиша причудливо смешались элементы двух измерений, причем совмещавшихся не полностью. Когда он начинал говорить, все шло нормально, но потом словно проваливалось в какую-то яму... И, оглядываясь по сторонам, Форри подмечал почти неуловимую необычность. Комната слегка расплывалась перед глазами.

Неожиданно ему пришла в голову мысль о том, что кофе отравлен.

Идея показалась ему просто смехотворной, и он попытался отбросить ее. В самом деле, зачем делать это? Но, с другой стороны, если Хипиш способен украсть картину и специально повесить на самом видном месте, чтобы ее увидело как можно больше людей, прекрасно сознавая,

что слухи моментально достигнут владельца; если, столкнувшись с жертвой бессовестного воровства, он мог спокойно, даже дружески разговаривать с ним и делать вид, что ничего не произошло... Да, такой человек вряд ли испытает угрызения совести, отравив его.

Но все-таки зачем ему травить Аккермана?

В мозгу Форри похоронной процессией проплыли страшные картины подвала с грязным полом и ямой в шесть футов шириной и глубиной... Его плоть исчезнет в пламени печи; труп будет растворен в кислоте. Его поджарят, а потом собравшиеся съедят на обед. Замуруют в стену, а Хипиш с друзьями будет тем временем произносить тосты в его честь, поднимая бокалы, полные амонтильядо. Посадят в маленькую клетку, и крысы, стаи голодных крыс заполнят ее... А потом начисто обглоданные косточки заботливо соберут, скелет выставят в комнате в качестве ужасного экспоната. Потом друзья и ближайшие соратники Форри станут приходить сюда (ведь после того как великий Форри столь таинственно исчезнет, королем фэнов станет Хипиш!). Глядя на скелет, они не устанут размышлять, кому он принадлежал, — ведь многие, очень многие играют в Гамлета, глядя на останки анонимных Йориков, — а может, кто-нибудь даже похлопает по блестящему черепу. И, наверное, будут говорить о знаменитом Форресте Аккермане, стоя рядом с его останками!

Форри помотал головой, словно мохнатый пес, когда отряхивает мокрую шерсть. Так можно и с ума сойти! Он пришел сюда, чтобы защитить свои конституционные права, священные права собственности. Если Хипиш вздумает мешать, он вызовет полицию. Но Форри не думал, что он посмеет.

Аккерман резко вскочил с софы. Стоя он чувствовал себя еще хуже.

— Я забираю картину, Хипиш! И лучше не пытайтесь помешать!

Он повернулся и снял картину со стены. Никто не произнес ни слова. Обернувшись, Форри увидел, что все присутствующие стоят и сверлят его глазами. Они образовали полукруг, сквозь который придется прорываться к двери.

Компания, казалось, изрядно разозлилась; их зрачки увеличились и начали светиться. Воображение Аккермана

придало им голодный кровожадный блеск. Стая оборотней! Ну конечно...

Мадам Посьотль оскалилась. Какие большие длинные клыки! Как же он раньше не заметил? Ведь когда Форри увидел ее в первый раз, она улыбнулась, обнажив, как ему показалось, ряд безупречно ровных и белых зубов.

Он выпрямился:

— Где мое пальто, Хипиш?

Тот тоже оскалился. Кажется, и его клыки заметно увеличились, а серые глаза казались такими же бездонными и холодными, как зимнее небо над Нью-Йорком.

— Ты получишь свое пальто, Форри, раз не хочешь решить проблему по-дружески.

«Ага, я все понял, — подумал Форри. — *Пальто* я получу, но не картину!»

— Я вызову полицию, — храбро заявил он.

— Вряд ли ты захочешь сделать это, — вмешалась Диана, роскошная блондинка.

— Почему?

Форри замер в напрасной надежде, что сердце в подобный критический момент его жизни сможет биться быстрее. Организм по-иному реагировал на стресс: напряглись мускулы, а глаза замигали так часто, словно стремились компенсировать отсутствие нормальной работы сердца.

— Потому что я обвиню тебя в изнасиловании, — спокойно объяснила блондинка.

— Что?!

Пальцы разжались, картина выскользнула из рук Форри.

Диана сбросила с себя платье. На ней оставались лишь кружевной пояс и нейлоновые чулки. Золотистые волосы между стройных ног были очень густыми и длинными; пышная грудь не свисала.

— Может, хочешь взять двоих, заплатив за одну, Форри? — произнесла мексиканка.

Она тоже стянула одежду, оставшись, как и блондинка, в одних чулках, поддерживаемых кокетливым поясом. Острые груди, мохнатый островок внизу живота иссиня-черного цвета...

Форри пятился, пока не дошел до софы.

— Что.. что вы задумали?

— Ну, если полиция приедет по вызову, копы найдут совершенно пустой дом, а в нем лишь тебя и двух жен-

щин. Одна окажется без сознания, другая будет ужасно кричать. У обеих между ножек найдут сперму. И уж поверь, Форри, обнаружится, что это *твоя* сперма! Мы будем покрыты синяками и кровоподтеками, а тебя застанут в голом виде, с явными признаками крайнего возбуждения, не способного толком соображать и разговаривать. В общем, ты произведешь впечатление человека... ну, скажем, обезумевшего от похоти. Что скажешь?

Форри оглядел всю компанию. Теперь они точно скалились. Их усмешки выглядели весьма зловещими. И злобными к тому же! А еще, судя по всему, они готовы беспрекословно выполнять любой приказ Хипиша.

Неужели это не кошмарный сон, а действительность? Неужели такое может произойти из-за картины? И что за дьявольские создания его окружают?

Он громко произнес:

— Ну-ка прочь с дороги! Я уйду отсюда! Это моя картина! Вы не сможете меня запугать. Мне все равно, делайте что хотите, но здесь она не останется! Если бы ты решил стать мне хорошим другом, Хипиш, и очень попросил меня, я бы отдал ее тебе! Но теперь — нет! С дороги!

Держа полотно, словно щит или стенобитное орудие, перед собой, он храбро пошел навстречу главному врагу и стоявшей рядом обнаженной блондинке.

ГЛАВА 7

Геральд Чайлд медленно ехал по залитой потоками воды улице. Его дворники уже не справлялись с влагой, покрывшей стекло. Фары выхватывали из темноты отдельные фрагменты окружающего, но плотная завеса дождя не давала как следует разглядеть, что творится впереди. Другие машины, за рулем которых сидели более легкомысленные уроженцы Лос-Анджелеса, с шумом проносились мимо.

Дорога домой, в Топанга Кэньон, заняла больше двух часов. Пришлось подниматься по извилистым улицам со скоростью десять миль в час. Машина, словно катер, рассекала воду, и она с шумом смыкалась позади. Когда Чайлд повернул к подъездной дорожке своего дома, он заметил автомобиль, стоящий возле старого дуба на другой стороне шоссе. Ну вот, еще одна брошенная рухлядь,

подумал он. За несколько последних недель здесь оставили уже семь легковушек одной модели и года выпуска. Все они стояли под этим деревом, когда он просыпался. Некоторые украшали пейзаж целую неделю, прежде чем их увозили приехавшие полицейские. Другие исчезали ранним утром через несколько дней.

Чайлд не имел ни малейшего представления, зачем неизвестный оставляет — или паркует? — автомобили рядом с его домом. Соседи (по крайней мере те, кто жил по обе стороны улицы) тоже ничего не знали.

Полицейские сказали, что машины, которые они забирали, были угнаны.

Итак, появилась еще одна. Седьмая. Впрочем, к чему спешить с выводами? Автомобиль может принадлежать человеку, приехавшему к соседям. Чайлд скоро это выяснит. Но не сейчас! Скорее в постель и спать!

Дом принадлежал ему, Чайлду приходилось лишь выплачивать налог на собственность. Особняк представлял собой пятикомнатное бунгало в испанском стиле с большим задним двором, где росло несколько деревьев. Его завещала Геральду тетушка, и после ее смерти в прошлом году он переехал сюда. Чайлд ни разу не видел тетю с 1942 года, когда был еще ребенком, а за десять лет до ее кончины не обменялся с ней и тремя письмами. Тем не менее тетушка завещала ему все имущество. Ее денег хватило как раз на то, чтобы выплатить налоги, а дом стал собственностью Чайлда.

Когда-то Чайлд работал частным детективом, но после роковой встречи с бароном Игеску и исчезновения жены отошел от дел. Сам он довольно скептически относился к собственным дедуктивным способностям. Вряд ли он был хорошим детективом; кроме того, он очень устал от всего, связанного с подобным бизнесом. Лучше вернуться в колледж, стать, скажем, историком, получить со временем ученую степень, преподавать в выпускных классах школы, а потом — в университете.

Гораздо удобнее иметь квартиру в Вествуде, рядом со студенческим городком. Но у Чайлда не хватало денег, да и тетушкин дом и весь район ему нравились — здесь так спокойно и тихо! — поэтому он не стал никуда переезжать. А чтобы сэкономить бензин и избежать сложностей с парковкой, он ездил в колледж на мотоцикле.

Сейчас школа была закрыта на каникулы.

Это была одинокая жизнь. Все время занимали занятия; приходилось содержать в порядке дом и дворик. Конечно, Чайлд не мог обойтись без дружеского общения, а ночью — без подруги. Время от времени здесь появлялись разные женщины: преподавательницы (его ровесницы или дамы постарше), студентки, а иногда совсем молоденькие девчонки, которых привлекла романтическая внешность Чайлда. Он походил на грубоватый вариант лорда Байрона — только с мозгами неандертальца, добавлял он про себя, когда кто-нибудь упоминал об этом. Чайлд сознавал, что страдает комплексом неполноценности. А у кого его нет? Хотя какое-то утешение...

Он выключил свет и проверил окна, чтобы быть уверенным, что ни одно из них не открыто. Такие инспекции стали уже рефлексом. Чайлд делал это по крайней мере три раза в день: перед уходом, вернувшись домой и перед сном.

Потом он выглянул во двор. Он был узким; позади возвышалась, нависая над участком, целая гора земли. К счастью, она еще не размылась дождем и не стала морем жидкой грязи. Вода стекала вниз, заливая двор и поднимаясь до нижней ступеньки заднего крыльца.

Как Чайлд понял из рассказов соседей, раньше холм подбирался еще ближе к дому. Но примерно десять лет назад земля стала сползать и похоронила под собой весь двор, почти достигнув жилища. Тетя Чайлда потратила массу денег, пытаясь убрать мусор, и поставила у основания горы ограждение из бетонных плит и стальной проволоки. Спустя два года, после небывало затяжных ливней, гора все-таки обвалилась снова, однако земля засыпала только ограждение, покрыв лишь шесть футов участка. Тетушка не стала ничего делать, а через год умерла.

Ливневые дожди захватили Лос-Анджелес, Вентуру и округ Оранж. Губернатор решал, стоит ли объявить всю Южную Калифорнию зоной бедствия. Одни дома подмывало, другие затопил сель, несколько машин исчезли в гигантском проломе, образовавшемся на бульваре Вентура. Женщина, ожидавшая автобуса в Лос-Анджелесе, была заживо похоронена под слоем грязи, дома в Пасифик Палисэйдс полностью смывало. Было, правда, и одно утешение — никакого смога!

Чайлд пошел на кухню, открыл шкаф, достал оттуда бутылку «Джека Дэниелса». Вообще он пил редко, предпочитая марихуану, но, когда был расстроен, травка лишь ухудшала настроение. Сейчас необходимо успокоить нервы, и коктейль «Тенесси» со льдом прекрасно справится с этой задачей.

Чайлд с трудом, маленькими глотками выпил «лекарство» и поморщился. Но он знал, что чуть позже сможет осушить стакан сразу, не испытывая отвращения. А потом проглотит зелье с удовольствием.

Ну вот, уже лучше. Воспоминания о Вивьен тревожили все меньше с каждой минутой, хотя пережитое и услышанное не давало расслабиться полностью...

...В комнате неожиданно появились трое неизвестных, один из них приставил меч к шее Мабкруф. Явно перепугавшись, она сказала что-то о нарушенном перемирии.

Каком перемирии? Чайлд никогда не слышал о нем. Но человек с мечом, судя по состоявшимся «переговорам», имел веские основания обвинить Мабкруф и ее народ — он назвал их огами — в том, что они первыми перестали соблюдать соглашение. Оги поймали Чайлда и плохо обошлись с ним. Это грубейшее нарушение всех условий! Он не должен был даже знать об их существовании, так же как о другой стороне — токах.

Мало того, оги подвергли опасности жизнь Чайлда. Из-за них он мог погибнуть. Но токи совсем не уверены, что оги действовали без злого умысла и не собирались убить Чайлда! Такова была суть обвинений.

— Как вы сами прекрасно знаете, наши представители поклялись Мордой Баррихи и могучими ядрами Драммуха, что мы позволим Младенцу развиваться, пока он не будет готов!

«Младенцу? — подумал Геральд. — Но ведь именно это означает мое имя — Чайлд!»

А может, он и есть таинственный «младенец»?

Вивьен, все еще распростертая на кровати, заявила:

— То, что он пришел в дом Игеску, — просто случайность, трагическое стечение обстоятельств! Он настойчиво преследовал нас, шпионил, искушение попробовать его силу было слишком велико! В этом мы виновны. Потом все вышло из-под контроля. Я признаю и это. Мы забыли, что за ним нужен постоянный присмотр! Понимаете, он выглядел так... так по-человечески! А иногда

вел себя настолько глупо, что заставил немного сомневаться в нем.

— Сомневаться в Младенце? — возмущенно воскликнул державший меч. — Да вы совсем сошли с ума! Он, конечно, делает лишь первые шаги, еще незрел и действует порывисто, неумело. Во всяком случае, он уже не более незрелый, чем любой из огов!

Тут Вивьен бросила взгляд на Чайлда и обеспокоенно сказала:

— Мы говорим по-английски.

Она сразу перешла на знакомое, хотя и непонятное Чайлду наречие — тот самый язык, на котором разговаривали стражники, когда он оказался узником Игеску.

И хотя Чайлд не понимал сути происходящего, он смог разобрать имя того, кто держал меч и вел переговоры: Хиндарф.

Сначала он, кажется, хотел пронзить Вивьен насквозь, но ее слова убедили его. В конце концов он уколол Чайлда иглой, и вскоре тот уже смог нормально двигаться, оделся и позволил вывести себя из дома. Сам он все еще был слишком слаб, чтобы вести машину, поэтому главный ток сел за руль, а остальные двое следовали за ними в другой машине. Хиндарф отказался отвечать на вопросы, лишь посоветовал Чайлду держаться подальше от огов. Он все-таки поверил утверждениям Вивьен, что Чайлд сам пришел к ней.

За два квартала до поворота на Топанга Кэньон Хиндарф остановил машину и объявил:

— По-моему, отсюда вы сможете доехать сами.

Он вышел и некоторое время стоял, держа дверцу открытой, так что дождь намочил кресло водителя и руль. Потом заглянул в кабину:

— Держитесь подальше от этой компании. Они смертельно опасны! Вы должны знать это. Если бы не... — Хиндарф немного помолчал, а затем произнес: — Неважно. Мы присмотрим за вами.

Он закрыл дверь. Чайлд перелез на переднее сиденье и проводил взглядом удаляющуюся тройцу. Они поехали в сторону Топанга Кэньон...

...Сейчас, перебирая в уме события последних часов, он потягивал виски и пытался следить за экраном телевизора. То, что произошло, казалось цепью необъяснимых событий. Но он верил, что Игеску, Бендинг Грасс,

Пао и остальные — не вампиры, оборотни-волки и медведи или другие сказочные чудовища. Бесспорно, они очень странные существа с противоестественными особенностями, — по крайней мере, такое считается противоестественным. Теория, в общих чертах изложенная бельгийским ученым начала XIX века, с которой Чайлда познакомил Игеску, «объясняла» существование этих созданий. Но он начал подозревать, что барон намеренно ввел его в заблуждение. Чайлд не знал, зачем тому понадобилось лгать. Что же, это далеко не все, чего он не знал!

Если он еще не совсем спятил, то должен последовать совету Хиндарфа.

Да, вот в чем вся беда... Чайлд никогда не отличался особой рассудительностью и здравым смыслом. Дуракам всегда больше всех надо! Грубо, но верно!

После четырех глотков виски на голодный желудок, не приученный даже к ликеру, он отправился спать. Его мучили кошмары, но, проснувшись, Чайлд ничего не помнил.

Его разбудил неумолкающий звонок телефона. Чайлд очнулся как после наркотического забытья, что, в общем-то, было близко к истине. Он поднял трубку и услышал незнакомый грубый голос: «Квартира Макгривена?»

— Какой вы набрали номер?

Короткие гудки. Чайлд бросил взгляд на светящийся в темноте циферблат своих наручных часов. Три часа утра.

Он попытался снова заснуть, но не смог. В десять минут четвертого встал и направился в ванную, чтобы выпить воды. Свет он включать не стал. Возвращаясь назад, решил выглянуть в окно. Все еще шел дождь, улица была залита водой.

Он отдернул занавеску. Именно в этот момент взревел мотор машины, которая была припаркована под дубом. Свет фар автомобиля, едущего по улице, четко обозначил фигуру водителя. Таинственная машина развернулась и медленно поехала вниз по улице. А управлял ею Фред Пао, китаец, которого Чайлд видел у Игеску. Огни его фар на миг осветили силуэты тех, кто сидел во второй машине. Один из них был очень похож на некоего индейца племени Кроу — оборотня-медведя. Но это никак не мог быть он! Бендинг Грасс погиб под колесами автомобиля Чайлда, когда тот бежал из горящего дома Игеску.

Чайлд бросился в ванную. Там он натянул брюки, сунул босые ноги в ботинки, накинул плащ. Ворвавшись в комнату, подхватил свой бумажник и связку ключей из вазочки с искусственными фруктами (память о покойной тетушке), стоявшей на обеденном столе. Торопливо влез в машину и подал назад, рассекая воду, словно плыл на катере. Он ехал быстрее, чем следовало, его дважды занесло, потом мотор заглох, так что Чайлд сначала решил, что доконал его.

Он сел им на хвост в четверти мили от Топанга. Первая машина направлялась, похоже, к частной дороге, которая вела на вершину холма. Чайлд никогда не был там, но знал, что она ведет к огромному трехэтажному зданию, построенному, когда дорога была всего-навсего грязной тропой. Дом стоял на вершине холма, и из него открывался вид почти на всю долину, включая его собственное жилище.

Неожиданно первая машина замерла. Чайлд был вынужден проехать мимо: если бы он тоже остановился, это показалось бы подозрительным. На вершине холма он сбросил скорость и притормозил, потом, развернувшись, поехал вниз. Машины возвращались в город, направляясь в сторону Топанга Кэньон.

Странно. Что заставило их передумать? Может быть, догадались о погоне? Наверное, увидели свет фар, когда он выезжал на Топанга.

Чайлд последовал за ними в Лос-Анджелес. Машины осторожно продвигались сквозь завесу ливня по затопленным улицам, пока не достигли Сент-Винсента и Ла Сьенеги. Когда зажегся зеленый свет, обе неожиданно рванулись вперед, подняв фонтаны брызг. При повороте на Шестую машины занесло на островок безопасности, они подпрыгнули, словно мячики, понеслись дальше к бульвару Сент-Винсент, потом повернули вправо, на Оранж.

На светофорах им везло (езде был зеленый), как, впрочем, и Чайлду, серьезно отставшему от преследуемых. Заднее колесо с громким треском ударилось о бордюр; наверное, помял крыло, подумал он. Кажется, ничего серьезного.

Он мчался следом за двумя машинами, недоумевая, почему рискует здоровьем и жизнью. Но то, что неизвестные явно пытались скрыться, хотели увести его от дороги к дому на холме, придавало смысл погоне.

Тем не менее, когда машина свернула на запад к Вилшир-бульвар, он всерьез задумался, стоит ли продолжать охоту. Враги мчались вперед, не обращая внимания на красные сигналы светофора; вылетая на очередной перекресток, он видел их хвостовые огни далеко впереди. Они неслись вперед, поднимая целые фонтаны брызг.

Чайлд прибавил скорость. Он не знал, что станет делать, когда догонит. Их ведь четверо! Причем один (а может, даже все!) обладает поистине смертоносными способностями. Чайлд вспомнил слова Хиндарфа.

На перекрестке Вилшира и Сент-Винсента автомобили проехали на красный свет за несколько секунд до того, как он сменился зеленым. В них врезались две другие машины, двигавшиеся на юг со стороны Сент-Винсента. Первая ударила в бок автомобиль Пао, вторая врезалась в нее сзади, а та, что ехала за китайцем, смяла его багажник. Мгновением позже машина Чайлда, несколько раз повернувшись вокруг своей оси на мокром асфальте, врезалась в ту, которая следовала за Пао. Все это нагромождение покореженного металла, подобно чудовищной пятилучевой звезде, кружилось по шоссе.

ГЛАВА 8

— Ну что же, Форри, — объявил Хипиш, — если ты уж так сильно хочешь ее...

Явно издеваясь, он отвесил непрошеному гостю поклон. Форри почувствовал, что краснеет:

— Хочу?! Стокер — мой! Я честно заплатил за картину! А ты, ты — жалкий воришка, украл ее!

— Вор не сумел бы даже дотронуться до полотна, — серьезно произнес Хипиш.

Остаться здесь и дальше не было никакого смысла! Форри шагнул к выходу. Перед ним расступились, а хозяин дома даже забежал вперед и открыл дверь:

— До встречи, Форри!

— Да, встретимся, когда я приду навестить тебя в тюрьме!

Добравшись до дома, Аккерман прежде всего повесил картину на прежнее место, потом проверил двери, чтобы убедиться — они надежно заперты. Супруги Даммок еще не вернулись, поэтому Форри в конце концов решил

остаться здесь и переночевать на кушетке. И неожиданно вспомнил, что должен отредактировать новый номер «Вампиреллы». Как он мог забыть!

Аккерман сварил себе кофе и прошел в заднюю комнату, где был его кабинет. Проработав до половины третьего ночи, он неожиданно уловил какой-то слабый шум в помещении, где размещалась коллекция. Он встал, вышел из кабинета, и тут всюду погас свет. Только этого еще не хватало!

Форри порывлся в ящике стола в поисках спичек, правда, без особой надежды на успех, потому что не курил. Ничего не обнаружив, отправился на кухню. Шкафы там были забиты журналами: он никогда не ел дома, предпочитая брать завтраки и обеды с собой или питаться у Венди. В холодильнике все место занимали микрофильмы — из съедобного там лежали только пакетики сливок для кофе и пара бутербродов.

Когда он залез в погреб, где хранился фонарик, свет неожиданно включился. Но Форри продолжал копать в вещах, чтобы, если снова упадет напряжение, работать при свете.

По пути в кабинет Форри заглянул в большую комнату. *Стокер исчез!*

Времени на раздумья не было. Натянув плащ с капюшоном и сапоги, Форри вылетел на улицу пулей. Он вскочил в свой зеленый «кадиллак» и рванул с места.

Автомобиль птицей летел (вернее, плыл как рыба!) по озеру, которое некогда было улицей под названием Шербур-Драйв. Форри ехал так быстро, что чуть не сбил Фреда Пао, который, держа в руках заветное полотно, стоял возле машины. Тот едва успел увернуться.

Форри включил фары так, что они слепили глаза грабителю. Китаец, видимо, испугался до такой степени, что даже уронил картину. Аккерман пронзительно, как от боли, вскрикнул и, опустив стекло, завопил:

— Я полицию вызову!

Опомнившись, Пао открыл багажник и сунул туда картину. Потом обежал вокруг автомобиля. Глухо хлопнула дверца, взревел мотор, и «меркури», подняв фонтаны брызг, рванулсЯ вперед, в направлении Олимпики. Несколько секунд Форри смотрел ему вслед, а потом, кусая губы, ринулсЯ в погоню, при этом изо всех сил

нажав на клаксон. Негодяй пытается увезти его любимого Стокера, спрятать куда-нибудь, пока не прекратятся поиски. А потом преподнесет Вульстону Хипишу!

Да, именно так все и будет, если Форрест, «Форри», Аккерман, он же — Серый Ленсмен* Лос-Анджелеса, не займется им! Как незабвенный Бак Роджерс выследил Убийцу Кейна в его собственном логове. Ф. Дж. А. найдет и покарает злодея!

«Меркури» несся на запад. Форри хотел было проехать на красный, но ему, как, впрочем, и китайцу, пришлось нажать на тормоз: путь преградила вода. Его машину занесло, она оказалась почти на середине бульвара. Навстречу двигалась другая, и Форри чудом удалось избежать столкновения. Немного очухавшись, он стал увеличивать скорость и наконец вновь увидел свою цель.

Форри проехал на красный свет, заставив пару машин резко затормозить, пересек Робертсон-стрит, достиг бульвара Шарлевил. Преследователь и преследуемый пронеслись по ней, игнорируя светофоры. Потом Пао свернул на Вилшир, вновь добрался до Робертсон, миновал все перекрестки, не обращая внимания на запретительные сигналы и знаки, свернул на Бертон-Вей. Здесь он снова проехал на красный, направляясь в сторону Сент-Винсента. Форри как привязанный следовал за ним. Где-то вдалеке завывали полицейские сирены, и Аккерман по привычке сбросил скорость. Потом он решил, что сможет оправдаться. А даже если нет, проклятому Пао придется еще хуже, когда его накроют с ворованным добром. Форри надеялся, что фараоны появятся вовремя. В противном случае они найдут лишь труп китайца!

Пао уже проехал Сент-Винсент, свернул на Шестую... Форри отставал совсем ненамного. При всем азарте погони оба не превышали сорока миль в час. Уж слишком много воды на дороге: увеличить они скорость, влага все равно сдержала бы их, словно подушка.

На перекрестке улиц Вилшир и Сент-Винсент на светофоре горел зеленый, но с другой стороны проехали на красный две машины, и Пао протаранил бок первой.

* Ленсмены — героические персонажи многотомной серии «Дока» Смита, Бак Роджерс — герой комиксов

Аккерман нажал на тормоз. Поздно! Его автомобиль врезался в заднее крыло «меркури» китайца. Форри ударился обо что-то головой и потерял сознание.

ГЛАВА 9

Чайлда ошеломило случившееся, он был оглушен внезапной какофонией и с трудом понимал, что происходит. Визг тормозов, лязг и скрежет сминаемого железа, звон бьющегося стекла...

Наконец наступила тишина. Ее нарушали лишь мерный гул дождя да вой полицейских сирен где-то вдалеке. Не все фары у поверженных машин разбились: место аварии озаряло какое-то призрачное сияние, прочерченное дождем.

Неожиданно на капоте машины Чайлда появился большой черный лис! Он замер, сверкнул на Чайлда светящимся дьявольским огнем зелеными глазами, потом спрыгнул на асфальт и исчез в темном переулке за рестораном.

Заглушив надрывный вой сирены, патрульная машина остановилась рядом с местом аварии. Из нее вышли двое полицейских. В тот же момент Чайлд успел заметить большую собаку — нет, скорее волка, — промчавшегося мимо него также в сторону ресторана.

Полицейский, осматривавший место катастрофы, при свистнул:

— Эй, Джеф, ты только взгляни сюда! В этой машине двое испарились, оставив всю одежду, а вон в той, похоже, один! Что за чертовщина!

Впрочем, патрульным надо было разбираться не столько с этой загадкой, сколько с последствиями аварии. Никто не пострадал серьезно. Машину Чайлда довольно сильно помяли спереди, но в остальном все было в порядке. У автомобиля мистера Аккермана оказался разбит радиатор, утром ее увезут. «Меркури» разбит полностью. На остальных тоже далеко не уедешь.

Один из полицейских обозначил место катастрофы, чтобы водители могли его объехать; его напарник никак не мог оправиться от мыслей о непонятной находке.

— Видел я много странных вещей, но такого... — пробормотал он.

Через пятнадцать минут прибыл второй патруль. Они удостоверились, что никого не надо госпитализировать,

собрали показания, выписали несколько квитанций о штрафе и отпустили участников происшествия. Конечно, инцидент еще далеко не завершился, но в то время случалось столько аварий из-за бесконечного ливня, не говоря об иных делах, что полицейские стремились сократить стандартные процедуры до минимума. Один из патрульных заявил, что господа Пао и мистер Батланг должны понести наказание за то, что скрылись с места происшествия, а если брошенная одежда означает, что они разгуливают сейчас по городу голыми, будут арестованы за непристойное поведение в общественных местах и даже, возможно, подвергнутся психиатрической экспертизе на предмет вменяемости.

Один из свидетелей заявил, что китайцы, возможно, просто перепугались до смерти. Оба — уважаемые граждане и, как утверждал этот человек, никогда не скрылись бы вот так, если бы случившееся не повергло их в состояние шока. Он знает их довольно давно.

— Может, и так, — недоверчиво отозвался полицейский, — но вы должны признать: как-то необычно, что все трое сняли при этом всю одежду. По-моему, при столкновении они как-то выскользнули из нее и испарились. Мы ведь ехали как раз за вами и при этом не видели, как они убежали.

— Шел сильный дождь, — настаивал свидетель.

— Ну, не такой уж и сильный!

— Господи, ну и ночь! — произнес второй патрульный.

Чайлд попробовал сам побеседовать с участниками аварии, но из всех них склонность к общению проявил лишь некий Форрест Дж. Аккерман. Он ужасно волновался из-за картины, лежавшей в багажнике «меркури» Пао. Вскоре после появления полиции он перетащил полотно в свой «кадиллак». Если патрульные и заметили что-то, они предпочли отвернуться и промолчать. Теперь он очень хотел поскорее вернуться к себе домой.

— Я подвезу вас, как только всех отпустят, — пообещал Чайлд. — Никакого беспокойства, ваше жилище довольно близко отсюда!

Он не мог понять, какую роль играл во всей этой дьявольщине Аккерман. Форрест казался просто невинной жертвой аварии. Вот только странная история с картиной из багажника Пао... Как она попала к китайцу?

К тому же здесь оказались целых два Пао. Они что, были близнецами?

По дороге к дому Форри Аккерман успел рассказать Чайлду часть своей удивительной истории. Она сильно встревожила Геральда. Он встречал Вульстона Хипиша, когда расследовал исчезновение своего напарника Колбена. Некий приятель познакомил его с Хипишем, потому что у последнего имелась огромная и знаменитая коллекция всего, связанного с вампирами. В фильме, присланном в полицейское управление Лос-Анджелеса, какой-то квази-Дракула довершил черное дело, начатое Вивьен, и окончательно изувечил беднягу Колбена, от чего тот умер.

Чайлд решил продолжить расспрашивать Аккермана, пока не узнает всю его историю. Этот человек выглядел так, словно был страшно расстроен и подавлен случившимся. Но, вполне возможно, он — на самом деле ток, как называл своих собратьев Хиндарф. Кто знает, а вдруг он — ог?

Они подъехали к дому Аккермана. Бросив взгляд на здание, проступавшее неясным пятном на фоне мрака и завесы дождя, Чайлд заметил:

— Если бы я не знал совершенно точно, что здесь живете вы, сказал бы, что тут обитает Хипиш!

— Этот жалкий человек специально добивается сходства! — ответил Аккерман. — Именно из-за таких штук его прозвали Аккерманом для нищих, хотя я не думаю, что он так уж беден.

Они вошли в дом, и, пока Форри водружал свое сокровище на прежнее место, Чайлд как следует рассмотрел все вокруг. Обстановка практически ничем не отличалась от той, которую он видел у Хипиша, но картины и прочие экспонаты были совсем иные. И атмосфера здесь была какой-то светлой, лишенной мрачной торжественности. Да и коллекция больше удовлетворяла вкусам любителя фантастики.

Когда наконец Форри слез с софы, на лице его играла улыбка.

— С аварией многое непонятно, — начал Чайлд. — Да и в исчезновении Пао масса неясных моментов. Понимаете, я преследовал китайца и другую машину, в которой сидели трое. Но вы говорите, что тоже гнались за ним! Как же так?

— Верно, — отозвался с готовностью Форри. — Чудеса, да и только! Вообще сегодняшний вечер полон удивительных происшествий и, к сожалению, огорчений. Мне надо отредактировать последний выпуск моего журнала комиксов и срочно послать экземпляр в Нью-Йорк издателю. Осталось еще довольно много работы, так что придется трудиться в два раза быстрее, чтобы успеть вовремя.

Чайлд понял тираду Аккермана как намек на то, что гостю пора уходить. Этот человек, похоже, действительно думает только о своем любимом детище. Скольким еще довелось бы вот так спокойно вернуться в свой кабинет, чтобы всласть поработать с какой-нибудь необыкновенной историей о вампирах после контакта с самыми настоящими кровососами, не говоря об оборотнях — волках и лисах!

— Надеюсь, после того как вы закончите, — сказал Чайлд, — мы встретимся, и вы проявите желание поговорить обо всем. У меня к вам много вопросов, а также некая информация, которая, убежден, заинтересует вас. Хотя вряд ли вы поверите...

— Ну, сейчас я слишком устал, чтобы верить во что бы то ни было, кроме целительных свойств крепкого здорового сна, а его мне давненько не хватает! — отозвался Форри. — Мне не хочется казаться негостеприимным, но...

Чайлд замер в нерешительности. Может, надо отнять у этого человека еще немного его драгоценного времени, чтобы предупредить? В конце концов он решил отказаться от подобной откровенности. Если Аккерман узнает, какой опасности только что подвергался, то не сможет сосредоточиться на работе. Кроме всего прочего, простое предупреждение ничего не даст, если Форрест ему не поверит и не скроется из города. Очень сомнительно, что он решил так поступить. Чайлд сам бы на его месте не поверил!

Он дал Аккерману номер своего телефона и адрес. Потом сказал:

— Позвоните мне, когда будете готовы обсудить случившееся и все, связанное с ним. Я многое мог бы вам рассказать. Кто знает, возможно, вместе мы соберем мозаику и составим более полную картину.

Аккерман обещал поступить, как советовал Чайлд. Он проводил гостя до двери и, прежде чем захлопнуть ее, задумчиво произнес:

— Я, пожалуй, заберу картину в кабинет. Кто знает, возможно, Хипиш сделает и третью попытку?

Чайлд не стал спрашивать, почему Аккерман не собирается звонить в полицию. Очевидно, это еще больше отсрочило бы время выпуска его любимого журнала.

ГЛАВА 10

Чайлд вернулся домой примерно в семь утра. Два с половиной часа назад дождь прекратился, но все каньоны превратились в русла бурных рек. Один раз машину остановила полиция. Его пропустили, когда он объяснил, что живет в стороне от основного шоссе. Эту часть Топанга Кэньон могли использовать только жители, но даже их предупредили как можно реже выезжать на дорогу. Чайлд буквально прорвался вперед. Наконец под колесами закрипел гравий подъездной дорожки. По пути он видел три дома, съехавших вниз по склону на десяток футов.

Два здания казались покинутыми, а из третьего суетливые жители выносили мебель и какие-то тряпки, загружая всем этим добром старенький пикап. Сначала Чайлд подумал, что должен предложить свою помощь, но потом решил — ребята справятся сами. Пикап более приспособлен к езде по затопленным улицам, чем его машина. Кроме того, если люди так надрываются из-за любимого древнего дивана, это их личные трудности.

Под дубом снова стояла машина. Очередное послание неизвестных: та же модель, тот же год выпуска, что и раньше. Залившая асфальт вода доходила до середины колес автомобиля Чайлда; напор был так силен, что зачастую они поднимались над дорогой на несколько сантиметров.

Он остановился на подъездной дорожке. Гараж оказался затопленным, к тому же машина могла срочно понадобиться. Вдруг вода все-таки размыва горю, нависшую над садиком? Тогда груды земли и грязи просто-напросто раздавят помещение!

Он распахнул дверь, запер ее за собой, зашел в дом, и тут...

С дивана поднималось и тянулось навстречу ему нечто бесформенное, — словно ночная тень, без лица и рук, которую не прогнали предрассветные лучи солнца. У Чайлда на миг замерло сердце.

«Тень» превратилась в женщину. Она просто была закутана в шерстяное одеяло и теперь сбросила его!

Несколько мгновений Чайлд не двигался, не понимая, кто стоит перед ним. И наконец — Сибил!

Его бывшая жена, похищенная или пропавшая без следа, вернулась!

Она бросилась к нему, тесно прижалась, спрятала лицо на груди. Он обнял ее, словно все еще не веря, что она — живая, из плоти и крови, и повторял снова и снова:

— Сибил! Я думал, ты погибла! Боже мой, где ты пропадала?

Потом она наконец перестала рыдать, подняла заплаканное лицо и поцеловала Геральда. Шесть дней назад был ее день рождения. Но хотя Сибил только что исполнилось тридцать четыре года, выглядела она на все сорок. Огромные синяки под глазами, резкие линии, протянувшиеся вокруг рта, очень старили ее. Вдобавок она здорово похудела.

Чайлд подвел ее к кровати, заставил сесть.

— С тобой все в порядке?

Она снова заплакала. Подавив рыдания через минуту, взглянула на Чайлда и произнесла:

— И да и нет!

— Я могу тебе хоть как-то помочь?

— Можешь напоить кофе. Ну, еще... угостить косячком. Если есть, конечно.

Он неопределенно помахал рукой, чтобы показать, что с тех пор, как они виделись в последний раз, он сильно изменился.

— Нет, травмы у меня нет. Я снова начал пить.

В ее глазах мелькнуло беспокойство, и Чайлд поспешил добавить:

— Только глоток-другой, и то очень редко. Я решил вновь заняться наукой. Школа, университет Лос-Анджелеса, исторический факультет. — Потом он спросил: — Как ты вообще нашла меня? И как сумела попасть в дом? Там, под дубом, — твоя машина?

— Меня сюда привели. Я сняла с глаз повязку, огляделась. Увидела свою фотографию на ночном столике и поняла, где я. Решила подождать, пока ты придешь. А потом заснула...

— Подожди-ка, — прервал ее Геральд. — Похоже, это довольно длинная история. Пойду приготовлю кофе, а заодно парочку бутербродов на случай, если мы проголодаемся.

Он вовсе не хотел отвлекаться, но знал, что, как только Сибил начнет рассказывать, не сможет ее перебить.

Чайлд порыскал по кухне и приготовил все, что не требовало возни. Он разложил результаты своих трудов на подносе, добавил большой кофейник и пару старых сигарет, обнаруженных в шкафу. Сам он не курил, но всегда держал небольшой запас для посетителей женского пола.

— Вот это здорово! — воскликнула Сибил и потянулась было за сигаретами, но потом отдернула руку.

— Я не курила уже почти полгода, — устало произнесла она, — и теперь легкие больше не ноют. Не хочу начинать все сначала.

Подобные разговоры велись и раньше, но на сей раз ее голос звучал так уверенно, что Чайлд поверил в искренность и твердость намерений бывшей жены.

Очевидно, все, что произошло с Сибил за время исчезновения, сильно изменило ее характер и привычки.

— Ну ладно, — произнес Чайлд. — Давай вернемся к самому началу. Ты уехала на похороны матери в Сан-Франциско. Я позвонил твоей сестре, и она объяснила, что ты не можешь вылететь отсюда, а машина, как назло, сломалась. Ты сказала ей, что приедешь с другом, но не пояснила, кого имела в виду. Это были последние известия о тебе. Потом ты как сквозь землю провалилась. И вот теперь, спустя год после бесследного исчезновения, как ни в чем не бывало появляешься в моем доме!

Она глубоко вздохнула:

— Я и не надеялась, что ты воспримешь это иначе, что согласишься всему, что я расскажу.

— Я способен верить во что угодно! Если твои слова окажутся хотя бы немного убедительными.

— Я не могла оставаться с тобой, Чайлд. Особенно после той ужасной ссоры, помнишь? Я не сомневалась, что ты вообще не захочешь меня больше видеть. Надо

было срочно ехать в Сан-Франциско, но я не знала, как туда добраться. Потом вспомнила об одном друге и отправилась к нему. Он жил совсем рядом.

— Друг?

— Боб Гилдер. Ты его не знаешь.

— Любовник? — спросил Чайлд, испытывая легкий укол ревности. Слава Богу, это чувство быстро прошло, по крайней мере по отношению к ней.

— Да. Бывший. Мы расстались, но не потому, что не могли больше выносить друг друга. С каждым разом становилось все труднее раздувать искорки страсти. Однако мы остались очень хорошими друзьями. Он собирался уехать в Кармел и уже упаковывал вещи, когда я явилась. Хотя губернатор пытался предотвратить бегство из города, Боб больше не в силах был терпеть смог. Наплевать ему на всяких шишек, сказал он и пообещал, что возьмет меня с собой и довезет до Сан-Франциско, тем более что там намечались какие-то дела...

...Гилдер и Сибил выбрали дорогу по Вентура, услышав по радио, что скоростная автострада на Сан-Диего забита машинами и пробка, судя по всему, рассосется не скоро. На бульваре Вентура тоже было много транспорта, но все же двигаться со скоростью десять миль в час лучше, чем торчать на месте.

Перед самой Тарзана-Драйв мотор перегрелся. Гилдеру все-таки удалось доехать до нее, но там работала только одна станция технического обслуживания. Владельцы других либо остались сидеть дома, либо тоже пытались скрыться от убийственного тумана, отравившего воздух...

— Ты, наверное, не согласишься, но я украла мотоцикл. Он стоял у самой обочины, даже ключ оставили! Поблизости было не видно ни души. Хотя, конечно, владелец мог ошиваться в каких-нибудь тридцати футах, таким густым был смог в тот день... Да, я говорила тебе, что вожу «хонду»? Мой приятель — нет, не Боб, другой, — часто меня брал с собой покататься и научил водить!

И не только водить, подумал Чайлд. Нет, он не испытывал никакой боли в сердце или других симптомов болезни Отелло. Мысль возникла сама по себе. Он был рад, что Сибил так мало для него значит теперь.

...Бесполезно даже пытаться добраться до Сан-Франциско на мотоцикле! Движение оказалось таким плотным,

что Сибил просто не могла успеть вовремя. Разве что к самому концу похорон... Поэтому она решила вернуться к себе. С воспаленными глазами, пылающим, першащим горлом и горящими от ядовитых испарений легкими, она развернула «хонду». На обратный путь ушло два часа. Улицы были забиты машинами, ползущими, словно жуки, в одном направлении, но время от времени между ними образовывались просветы, в которые она ныряла, порой выезжая на тротуар.

Минут через пять после того, как Сибил добралась до дома, в дверь постучали. Она решила, что это сосед, забывший ключи.

Открыв, Сибил увидела перед собой двух незнакомцев. Прежде чем она успела закрыть двери, они набросились на нее; через мгновение она ощутила, как в руку вошла игла, и потеряла сознание.

Проснувшись Сибил в трехкомнатной квартире без ванной. Комнаты здесь были просторными, обставлены роскошной мебелью, во время заточения ее прекрасно кормили, давали сигареты, марихуану — все, что ни пожелает грешная плоть пленницы.

Все, кроме одежды! В гардеробе оказались лишь великопепный халат и пара negligé, которые стирали каждую неделю.

...Очнувшись в первый день неволи, Сибил заметила, что осталась одна. Она стала обходить темницу и обнаружила, что в комнатах нет окон, а обе двери заперты, что в ее распоряжении имелись большой цветной телевизор и радиоприемник. Телефон не был соединен с городской линией. Когда Сибил сняла трубку, раздался мужской голос, и она быстро повесила ее. Через несколько минут дверь открылась, и вошли четверо...

По просьбе Чайлда Сибил их подробно описала. Один очень походил на Пао; второго, судя по тому, что она сказала, Геральд не знал. Третьей, по-видимому, была Вивьен Мабкроф.

...С его бывшей женой опять случился нервный припадок, ей сделали еще один укол. Когда она проснулась, то сумела взять себя в руки; ей объявили, что бояться нечего, ее скоро отпустят. Но на вопрос, что им от нее нужно, ответа не последовало. Только спустя долгое время она поняла, что похитители продержали свою жертву

целый год, предполагая использовать против Чайлда либо для того, чтобы держать его на коротком поводке...

Хорошо помня, какому обращению подвергся он сам во время недолгого заключения в доме Игеску, Чайлд сознавал, что Сибил наверняка насильовали. Заранее зная ответ, он все же спросил, использовали ее приятели барона для удовлетворения своей похоти или нет.

— О, много раз! — ответила его бывшая жена таким тоном, словно говорила о чем-то само собой разумевшемся.

— Они тебя били?

Вопрос никак не задел Сибил, не вызвал никакой нервной реакции.

— Немного... В первые дни.

— Как ты теперь себя чувствуешь? То есть не осталось никакой психической травмы?

Он поймал себя на том, что говорит как психиатр или главный обвинитель при допросе потерпевшей на каком-нибудь громком процессе.

— Иди сюда... Сядь рядом, — произнесла она, протягивая тонкую бледную руку. — Чайлд подошел к Сибил, обнял, нежно поцеловал. Он ждал, что снова польются слезы, но она лишь тихонько произнесла: — Я никогда от тебя ничего не скрывала, правда?

— Да уж! Но вряд ли из-за того, что ты — воплощенная честность, — с невольной горечью сказал Чайлд. — Может быть, ты хотела себе казаться такой, но на самом деле причина в другом. Говоря по правде, твоя непрощенная откровенность обижала меня больше всего.

— Может, ты и прав, — отозвалась Сибил, осторожно пробуя кофе. — Я расскажу все, что со мной произошло, но сейчас тебя это не обидит. По крайней мере, мне так кажется...

ГЛАВА 11

Оказавшись в чужом доме, Сибил немного походила, размялась (увы, это ей уж точно помочь не могло), посмотрела телевизор, послушала радио, полистала журналы и книги, которые пачками приносили ей, стоило только попросить, и вообще старалась как-то занять себя, чтобы не спятить. Неопределенность — вот из-за чего можно было сойти с ума! Однако даже неизвестность

тяготила меньше, чем одиночество. Некто, откликавшийся каждый раз, когда она снимала трубку, охотно беседовал с ней, а потом приходили посетители, — не меньше пяти человек. Приносившая еду женщина часто присаживалась рядом и разговаривала, если Сибил просила об этом; нередко ее навещал некий Плаггер и особа по имени Панчита. Время от времени появлялась женщина невероятной красоты. Ее звали Вивьен Мабкруф...

— Они подробно расспрашивали меня, задавали много вопросов о тебе. В основном их интересовало детство, а еще эти люди хотели знать все о твоих привычках. Что ты читаешь, какие сны видишь... да, представь себе, даже сны! Ну и прочие вещи, которые я, как твоя жена, должна помнить.

Рассказывая все, что знала, Сибил не думала, что принесет Чайлду вред своей откровенностью. Она просто не умела скрывать что-либо. А может быть, просто оправдывала свою неспособность сдерживать поток слов.

...Спустя какое-то время она почувствовала, что ей нужен мужчина. Соски набухали от прикосновения легкой ткани, не давал покоя зуд между ног... В один прекрасный день — или вечер? — Сибил обнаружила, что сидит, сжав бедра, и раскачиваясь трется о столбик кровати. Потом — о спинку стула... Когда ей принесли на сладкое банан, она не стала его есть, чтобы потом заняться мастурбацией...

— Если тебя это как-то утешит, — сказала она, — когда я... делала это, то представляла тебя... Чаще других.

Он не стал спрашивать, кого Сибил воображала своим любовником реже, чем его. На самом деле теперь Чайлда это совершенно не волновало. Странно, ведь Чайлд по-прежнему испытывал к ней теплое чувство, которое можно назвать привязанностью или даже своеобразной любовью. Он был рад снова увидеть ее, сидеть с ней рядом.

Сибил могла перемениться, но изменить себе была не способна. Так что она обязательно все расскажет сама.

— Ты не должен ревновать к воображаемому партнеру! — произнесла она, по-своему истолковав молчание Геральда. — Он фикция. Его на самом деле не существует. Попробуй угадать, кого я представляла тогда?

— Сейчас не самое лучшее время для игр, но, если честно, не знаю, кого можно сравнить с таким замечательным возбуждателем.

— Тарзана!

— Тарзана? О Господи! А в принципе, почему бы и нет? Бананы, здоровенные члены... и так далее. Само собой разумеется, наш супермен из джунглей сошел бы с ума!

Несмотря на сквозивший в голосе сарказм, он здорово удивился. Оказывается, в ней еще оставалось много сторон, о которых Чайлд и не подозревал! Надо же — Тарзан!

Сибил продолжила свой рассказ. В комнате, где ее держали, имелись телекамеры, следившие за каждым движением. Иначе почему в тот же вечер явился Плаггер и объявил, что больше ей не придется мучиться?

Плаггер был высоким, загорелым и сухопарым. Черные волосы спускались на лоб, образуя треугольник; уши немного вытянуты и заострены. Очень привлекательное лицо. Он сразу начал раздеваться. Сибил спросила, что охранник собирается делать, хотя это и так было ясно.

— У него прекрасная фигура, а кожа гладкая, словно стекло. И внушительный пенис. Не гигантский, конечно, но больше среднего, а такую огромную головку я ни разу в жизни не видела! Там было что-то вроде бородавок. Я прямо сказала тогда, что он мне неприятен.

— Ты говоришь так, как будто тебя это ни капельки не возбудило, — проговорил Чайлд.

— Понимаешь, я страдала! От банана не получаешь почти никакого удовольствия или просто облегчения... А этот парень был чертовски красивым и разглагольствовал так долго и страстно, что в конце концов даже понравился, хотя и сторожил меня. Короче говоря, я вспомнила одно старое присловье: если тебя должны изнасиловать, лучше лечь поудобнее, раскинуть ноги пошире и получить удовольствие! Ну, и...

— Все так просто?

— Конечно, нет! Я жутко трусила. Но потом он сказал, что не хочет меня принуждать, и я сразу успокоилась.

...Плаггер сел рядом, поцеловал ее. Сибил попыталась отстраниться, но он осторожно повернул ее голову. Она вскинулась, стала кричать, что он пытается взять ее

силой. Но Плаггер ответил, что просит лишь об одном-единственном поцелуе, а если ей потом не захочется продолжения, не притронется даже пальцем.

Сибил сочла условия вполне приемлемыми; по правде говоря, она никак не ожидала подобной галантности. Ведь он мог бы без особого труда овладеть ею против воли, если бы захотел.

Она повернулась к Плаггеру, он положил ее ладонь на свой напрягшийся член. И тут его язык коснулся губ Сибил...

— В то же мгновение меня словно пронзил разряд тока. По горлу, руке разлилось тепло... В общем, я испытала оргазм.

— Как это? — От удивления Чайлд даже встал.

— Да, я понимаю. Звучит дико. Но, поверь, это правда. Я трепетала... Сам знаешь, когда я возбуждена, реагирует все тело. Но на сей раз ощущение экстаза было более сильным... глубоким. Оргазм испытывала каждая часть тела!

Чайлд ничего не сказал. Опыт, приобретенный когда-то с людьми Игеску, распахнул для него двери в иной мир, полный странных и страшных вещей. С Плаггером, правда, он не сталкивался, но, наверное, среди компании Мабкруф немало существ с удивительными способностями.

Сибил не сопротивлялась, когда охранник снимал с нее пеньюар. Она позволила отнести себя на кровать. Он улегся между ног и стал лизать влагалище. По телу вновь пробежал разряд.

Оргазм следовал за оргазмом; затем промежутки между мгновениями экстаза стали больше. Наконец она решила, что не в силах больше выдержать эту потрясающую череду наслаждений, — еще немного, и потеряет сознание.

Пока она, обессиленная, с трудом дышала и тихо постанывала, Плаггер лег на нее и, положив член между грудей, крепко их сжал. И снова ни с чем не сравнимое наслаждение разлилось по телу. Экстаз был настолько сильным, что, как ей тогда показалось, от сосков разлетались голубые искры.

— Забавно, что его член был все время мягким, — заметила Сибил. — Даже когда я взяла его в рот и получила новый «электрический» оргазм, он не твердел.

— Плаггер не испытывал оргазма, когда ты делала ему минет? — спросил Чайлд. — То есть вытекала сперма у него?

— Нет, ни разу. Но от того, что я взяла пенис в рот, меня раз за разом как бы ударило током!

От этого Сибил испытала бесчисленное множество оргазмов. Они следовали один за другим так быстро, что слились в бесконечное мгновение экстаза.

Потом он принялся покрывать ее тело поцелуями, и каждый квадратный дюйм кожи содрогался от слабого, но сладостного мини-оргазма, пока наконец кончик его языка не коснулся ануса. Ощущение от этой последней ласки оказалось настолько ошеломляюще-сильным, что ее буквально подбросило и она лишилась чувств.

Сибил помолчала, заново переживая моменты небывалого наслаждения.

Наконец Чайлд решил прервать ее раздумья:

— Что ж, он так и не трахнул тебя как нормальный мужик?

Он не хотел, чтобы это прозвучало грубо; возможно, в нем все-таки проснулась ревность.

— Нет. Я пыталась было ввести его... туда, но он сказал, что ничего не получится. Член согнулся и совсем опал. Но я все-таки испытала оргазм, когда пыталась засунуть его в себя, только от прикосновения! Я сказала, что мне очень жаль, ведь он сам не кончил, но Плаггер ответил, что это не важно, он более чем удовлетворен. Я думаю, что он настоящий маньяк электрического тока! Получает удовольствие от высокого напряжения!

Когда Сибил пришла в себя и преодолела страх, она попыталась расспросить Плаггера о его удивительном электрическом теле, но он просто сказал, что устроен не так, как другие. Потом поднялся, собрал одежду и вышел.

С тех пор Плаггер стал появляться каждые четыре дня. На вопрос, почему он не приходит чаще, ответил, что ему требуется какое-то время для подзарядки. Она поняла его слова буквально и по-настоящему испугалась. В чьи руки она попала? Но стоило только испытать экстаз от электрического прикосновения, и все сомнения пропадали.

После пяти визитов Плаггера к ней пожаловали Панчита с Дианой. Они немного поговорили и ушли, а потом приходили через день или два. Как-то раз Панчита

предложила Сибил покурить травку. Та с радостью согласилась, — наркотики помогли бы скрасить серое однообразие и скуку ее жизни в заточении. Курили они втроем...

— Но мне давали не обычную марихуану. По запаху она походила на травку, но на самом деле была чем-то другим. Она здорово меня взбодрила, зато напрочь отбила волю к сопротивлению. Я думаю, там содержались какие-то особые, увеличивающие внушаемость компоненты.

— Даже так? — На самом деле Чайлд предвидел такой поворот.

— Да. Я почувствовала необыкновенную легкость, мы все смеялись, как истерички. Я совершенно забыла, что нахожусь в плену и эти двое могут сделать со мной все что угодно. Мы словно стали старыми подругами, которые очень любят, и даже больше... желают друг друга!

— Одна из них стала заниматься с тобой любовью?

— Да-да! Панчита под села ко мне, и как-то совершенно незаметно ее рука оказалась у меня на плече. Не успела я опомниться, как она уже поглаживала грудь и сосок. Я ощутила непреодолимое желание любить... и отдаться Панчите. Это казалось совершенно нормальным, естественным. Сам знаешь, Геральд, я не лесбиянка. Никогда не водилась с подобной компанией, по крайней мере до знакомства с моими похитителями. Меня всегда мучило от одной мысли о таком!

Чайлд промолчал.

— Подошла Диана, — продолжала Сибил, — высокая блондинка с великолепной грудью. Она села с другой стороны и стала меня целовать, а Панчита тем временем приподняла рубашку и принялась лизать сосок. Меня словно охватил огонь, язык слился с языком Дианы. Вдруг я почувствовала губы Панчиты ниже. Она покрыла поцелуями живот, потом нашла клитор! Диана помогла встать и повела к постели, сняла с меня рубашку. Женщины встали по обе стороны кровати; каждая взяла мою руку и сунула себе между ног. Там сразу стало мокро, и тогда я вставила внутрь пальцы, а они принялась раскатываться все сильнее и сильнее..

— Так ли уж необходимо вдаваться в детали? — спросил Чайлд.

— Это для меня как психотерапия, — ответила она, закрывая глаза и откидываясь на спинку софы.

Все трое распростерлись на кровати. Диана принялась целовать и массировать бюст Сибил, а та — левую грудь любовницы. Язык Панчиты вновь совершил путешествие по ее телу, достиг лона. Она широко развела бедра Сибил, подложила подушку под ягодицы. Дальше все шло как в сладостном сне. Панчита снова коснулась ее клитора кончиком языка и продолжала лизать до тех пор, пока у Сибил не произошел оргазм. Потом на ее место легла Диана.

— Диана лучше работала языком, я испытала пять оргазмов, один за другим! Затем Панчита села мне на лицо, я принялась лизать ее клитор, а потом сунула язык во влагалище и стала водить им вверх и вниз. Она тоже испытала несколько оргазмов; потом на меня села Диана, она почти сразу впала в экстаз... Затем Панчита снова взялась за меня, перевернула на бок и принялась лизать сзади, а Диана — спереди. Когда я наконец насытилась, мы стали удовлетворять друг друга одновременно, прижав губами к нежным губкам, лаская пышные груди, сосцы... Как это было замечательно, если бы ты знал!

— Ты думала так раньше или думаешь сейчас?

— Что ты! Когда они наконец ушли, я была в ужасном состоянии! Кричала, плакала, чувствовала себя так, словно измазалась в грязи. К тому времени действие наркотика прекратилось, ну и сам понимаешь! Но Панчита с Дианой продолжали навещать меня, и спустя какое-то время я перестала терзаться, испытывать чувство вины. Мне это даже понравилось. А что? Почему женщина не может заниматься любовью с женщиной? Кому от этого плохо?

— Никому, — спокойно произнес Чайлд. — После них Плаггер казался не таким уж потрясающим?

— Нет, нисколько. Если ставишь за уровень наслаждения отметки, я дала бы ему пять с плюсом, а им — пять с минусом.

— Ну а теперь ты наверняка расскажешь, как вскоре очутилась в одной кровати с двумя женщинами и Плаггером, — усмехнулся он.

Она широко раскрыла глаза, медленно повернула голову и, пристально посмотрев на Чайлда, удивленно спросила:

— Как ты догадался? Милый, налей мне, пожалуйста, еще чашечку кофе!

Он передал ей чашку.

— Плаггер этих двух тоже попробовал?

— Да-да! Однажды, когда мы лежали втроем, образовав живописное сплетение тел, он вошел в комнату и сразу засунул язык в зад Панчиты. Потом сказал, что у нее самая сладкая попка на свете, и я еще позавидовала подруге. Ты не поверишь, мы все тогда почувствовали слабый разряд тока во рту и влагалище! Просто уму непостижимо!

— Я могу понять твои первые лесбийские упражнения, — заметил Чайлд. — Тогда ты находилась под влиянием наркотика. Но почему ты, зная, какое действие это зелье вызывает, не отказалась, когда тебе его предложили снова?

— Я уже говорила, — мне это понравилось. А впрочем, я и не задумывалась... Сама не знаю почему!

— Твой разум молчал, — с деланной серьезностью произнес Чайлд. — В глубине души ты хотела их, поэтому просто «забыла», как действует наркотик.

— Я не закоренелая лесбиянка! — возмутилась она. — Я не испытываю нездорового влечения к женщинам! Я вполне могу обойтись и без них!

— Ты ведь только что вышла из тюрьмы, можно сказать, — резонно заметил Чайлд. — Откуда тебе знать, пока не попробуешь? Впрочем, все это неважно. По крайней мере сейчас. Они как-нибудь объяснили, почему не заставляли курить наркотик, а просто предложили?

— Сначала сказали, что я могу отказаться, если не захочу. Потом заявили, что мне не обязательно курить их травку теперь, когда я узнала, как она действует.

— У тебя к ней привычка не выработалась?

— Нет!

— Что ж, время покажет. Я просто не понял, почему эти садисты так нежно обрабатывали тебя. Честно говоря, если бы ты сейчас не описала парочку хорошо знакомых мне личностей, я бы решил, что ты попала в лапы совсем другой компании. Не к людям Игеску, а к их врагам.

— О чем ты говоришь? Каким врагам?

— Потом расскажу тебе о своих похождениях, если можно употребить такое слово.

Сибил продолжила свой рассказ. Чайлд никак не мог понять, так ли все было на самом деле. Она, без сомнения, достаточно близко познакомилась с Панчитой

Посыотль, Дианой Рэмбоу и другими «приятелями» Чайлда, а узнать их могла, только оказавшись в плену у этой компании. Но вот описание сексуальных упражнений... Может быть, она подсознательно желает скрыть нечто более ужасное? Возможно, Сибил подверглась таким страшным пыткам, испытала такой шок, что хочет подменить страшную реальность фантазиями? Маловероятно, конечно, ведь она не относится к людям с нестабильной психикой. С другой стороны, и чокнутые зачастую поступают вполне нормально, а нормальные ведут себя как чокнутые!

Если оги, как называл их Хиндарф, серьезно «обрабатывали» свою жертву, то сделали это с определенной целью, желая добиться чего-то более существенного, чем расширение сексуальных горизонтов у представителя чуждой им расы.

Вместе с тем рассказ Сибил подтверждается тем, что Мабкруф не трогала ее.

— ...А затем в мою комнату вошла роскошная рыжеволосая соблазнительница Вивьен...

— ?!

Она вместе с Мабкруф курила травку, готовая к тому, что произойдет потом. Когда женщины удовлетворяли друг друга, змееобразное создание не покидало Вивьен: Сибил даже не подозревала об этой пикантной части тела любовницы.

Чайлд решил ничего не говорить ей.

Потом Вивьен часто приходила к пленнице, порой одна, порой в сопровождении Панчиты или Дианы; иногда к дамам присоединялся Плаггер. Вскоре стал появляться и Фред Пао или его брат-близнец. Оба предпочитали оральный способ, но, когда Сибил отказалась, потребовав удовлетворить и ее, они привели с собой Плаггера. Сибил стояла в середине комнаты, старательно облизывая тонкий и длинный член Пао, а Плаггер со своим электрическим фаллосом пристраивался сзади или спереди, а иногда становился на колени и обрабатывал языком ее зад.

— Каждого пленника заставляли заниматься таким приятным занятием, — произнес Чайлд, вспоминая обстоятельства гибели Колбена и других и свое неожиданное спасение от подобной участи. Немного подумав, он решил, что люди Игеску не собирались его убивать или

калечить. Они понимали, что у него особый статус, — если, конечно, верить нескольким фразам, которые были произнесены на английском языке во время разговора Хиндарфа с Вивьен.

Однако они пытались покончить с ним, когда он бежал. Что ж, это можно объяснить как попытку самозащиты, а не желание убивать ради удовольствия.

Все загадочней и загадочней, подумал он, перефразируя героиню сказки Кэрролла.

Да Сибил и была своего рода Алисой в Стране Сексуальных Чудес! Ее приключения, несомненно, отличались такими же необычными деталями, что и у героини Кэрролла.

— В Вивьен ты не обнаружила ничего особенного? — спросил он.

— Нет. А что?

Ее рассказ на первый взгляд подтверждал, что с пленницей обращались довольно бережно. Раз Вивьен, занимаясь любовью с Сибил, ни разу не продемонстрировала свое существо, не говоря уже о том, чтобы дать ему порезвиться, значит, она относилась к ней с нехарактерной для этой дамы нежностью и заботой.

Несмотря на постоянные любовные излишества и употребление наркотиков, Сибил часто впадала в депрессию и не раз порывалась убежать. Иногда она чувствовала себя коровой, которую откармливают, чтобы потом забить. Такие настроения охватывали ее даже после того, как она стала свободнее общаться со своими похитителями.

Внезапно два дня тому назад все, за исключением особы, которая приносила ей еду, перестали приходить. Женщина даже не здоровалась и уж тем более не отвечала на вопросы. Сибил смотрела телевизор, курила травку, пытаясь собраться с мыслями. Страхи время от времени вырывались из подсознания, и тогда воображение рисовало самые ужасные сцены.

Однажды ночью Сибил проснулась. Чья-то рука трясла за плечо. Она вскочила, внутри все оборвалось: перед ней стояли трое в масках. Один из них приказал одеться. Сибил послушно исполнила требование; они тем временем укладывали ее вещи, лежащие в комнате. Потом откуда-то принесли остальные. Должно быть, они хранились в гардеробе. Ей завязали глаза, посадили в машину

и повезли в неизвестном направлении. Кажется, ехали часа два.

Чайлд опять промолчал. Вряд ли ее держали в месте, находившемся в двух часах езды от его дома. Весьма маловероятно! Если ее действительно держали неподалеку, то освободители могли просто покружить немного, создав у нее иллюзию дальнего пути.

Но ее вполне могли удерживать, к примеру, в доме Вивьен на Беверли-Хиллз.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— Что?.. Да-да. Со мной все в порядке, вот только устала. Я так рада, что вырвалась на волю, хотя, если вдуматься, порой было неплохо. Но как там все странно, Чайлд! Интересно, почему Плаггер стал таким? Ну откуда взялось это электрическое прикосновение? Ему не могли имплантировать какую-нибудь миниатюрную батарейку? Тебе это не напоминает фантастический роман?

Он поцеловал ее:

— А как ты относишься к нормальному сексу?

— Прекрасно, — пробормотала она. — Но уже поздно, я устала. Очень хочется принадлежать мужчине, который не только хочет, но и любит меня. Ты ведь любишь меня, правда? Несмотря на все размолвки?

— Конечно. За год нашей разлуки часто казалось, что я не выдержу и сойду с ума от тревоги!

Чайлд встал:

— Пойду помоюсь, побреюсь и переоденусь в пижаму.

— А я чистая, — улыбнулась Сибил. — Буду ждать тебя здесь. Ты можешь отнести меня в кровать. Как это будет здорово, милый!

Через десять минут, приведя себя в порядок, он вернулся в гостиную. Сибил крепко спала, как кошка свернувшись на софе. Чайлд усмехнулся, поцеловал ее, укрыл одеялом, опять прикоснулся губами ко лбу бывшей жены и направился в спальню.

По асфальту вновь застучали дождевые капли.

ГЛАВА 12

Форрест Аккерман проснулся и отлепил голову от стола, на котором лежал отредактированный экземпляр «Вампиреллы». Он с трудом встал и потянулся. Закончив работу на заре, Форри хотел сразу бежать в почтовое

отделение на улице Робертсона и отправить пакет но вот почему-то заснул!

Первая мысль, которая пришла ему в голову: «Картина!» Уж не подсыпали ли ему снотворное, чтобы вновь ее украсть?

Нет, она стояла у стены, рядом с письменным столом. Аккерман облегченно вздохнул, но в следующую секунду, вспомнив о Вульстоне Хипише, поморщился. С этим парнем надо что-то делать! И чем скорее, тем лучше. Он не только вор, но еще и маньяк. Любой, кто заставит двух женщин раздеться и соблазнять его так (да еще при свидетелях!), не только опасен, но и безумен!

Форри проковылял на кухню, плеснул воды на лицо, затем взял объемистый пакет, в котором лежала «Вампирелла». Только выйдя на улицу, вспомнил, что остался без машины. Ну что ж, добавим еще один пункт к обвинению, которое будет предъявлено Вульстону Хипишу!

В этот судьбоносный миг, словно Серые Ленсмены или Бэтмен, в последний момент прилетевший на помощь, подкатали супруги Даммок. Лоренцо вывалился наружу и на четвереньках пополз к дому. Жильцу Форри было тридцать пять. Брюнет среднего роста, красное лицо, черные усы, толстый живот и тонкие тараканышки ножки. Жена — Хулия — держалась на ногах, правда с большим трудом. Эта темноволосая, невысокая женщина с хищным выражением на лице, которое украшали очки с толстыми стеклами, отличалась великолепным бюстом.

— Я бы хотел одолжить машину, — радостно сказал Форри. — Мне срочно нужно на почту

— Она твоя, — бросил, не глядя на него, Лоренцо

— А ключи? Где ключи?

— Хочешь Хулию? Она твоя. Вся, целиком и без остатка! Дай мне только сигареты, жратву, выпивку и пишущую машинку — и она твоя, Форри, амиго! Спроси ее сам. Она не будет возражать.

— Мне нужна твоя машина, а не жена! — повысил голос Форри.

Лоренцо как ни в чем не бывало продолжал ползти к двери. Он повернул голову:

— Хулия! Живей! Помоги мне! Доставай ключи!

Хулия стояла, мерно покачиваясь и мигая, словно гигантская пьяная сова.

— Какие ключи? От машины или от дома?

— Черт! Форри, может, ты откроешь дверь, а?

Форри заглянул внутрь машины. Как он и предполагал, ключи торчали в замке зажигания. Непонятно, как, находясь в таком состоянии, парень не разбился? Да, пьяницам и эгоистам всегда везет! Что верно, то верно!

Аккерман вернулся к дому, открыл дверь, но вспомнил о повадках жильцов и вновь повернулся к ним:

— Не смейте блевать на мою мебель! Только попробуйте, и я вышвырну вас отсюда! Ясно?

— Ты что, Форри! — изумилась Хулия. — Разве мы когда-нибудь здесь что-нибудь облевали?

— Да, бюст «Монстра из Черной Лагуны», — горько заметил Форри. — Я прощаю вас, потому что его можно отчистить. Но если испачкаете любую из книг или картин... или вообще что-то еще, я выкину вас!

— Ой, ты и вправду очень рассердился на нас, Форри, милый! — проворковала Хулия. — А я раньше никогда не видела тебя сердитым. Я думала, ты святой!

— Если меня вывернет, можешь трахнуть Хулию, — объявил Лоренцо, лежа на спине. — Но только не выбрасывай нас! Сейчас я, Форри, пишу великий космический роман. Не великий американский роман, — *космический!* Толстой, Достоевский и Норман Мейлер перевернутся в гробах от зависти. Я всех их переплюну, о мой Меценат, мой покровитель искусства и защитник гениев! Ты войдешь в историю! «Форрест Аккерман, человек, который дал крышу над головой великому Лоренцо Даммоку»... И не только крышу, но и кровать, на которой он почивал, письменный стол, за которым творил... Ну, еще еду, вино, сигареты и пишущую машинку... Да, кстати, выкупи машинку из ломбарда для меня, Лоренцо Великолепного!

Самое печальное, что Лоренцо свято верил в свою исключительность.

Он твердо знал это с тех пор, как ему минуло восемнадцать. Весь мир должен был лелеять его гений, ведь он сказочно обогатит культурный фонд планеты. Так что человечество, в лице Форри Аккермана, в долгу перед Лоренцо!

Даммок однажды заявил, что готов на все, вплоть до проституции, ради того чтобы следовать зову Аполлона. Лишь бы не разменивать талант, тратить силы на работу. Он деградирует от вульгарного зарабатывания денег, устает

от этого; ремесло отрывает его от творчества. Вот Хулия — пожалуйста, она создана для подобной жизни; ее призвание — обеспечивать пропитание гения. Правда, у Хулии, увы, чередуются приступы астмы и истерии, что отрывает ее от выполнения своего долга. Тут уж ничего не поделаешь. А если ей приходилось время от времени сосать не только леденцы, чтобы Лоренцо имел крышу над головой, а также выпивку, сигареты и письменные принадлежности, то, собственно говоря, что в этом плохого? Форри сразу отверг предложение Хулии слиться с ней в экстазе. Пусть поддерживает в доме чистоту и заменяет хозяйку, когда у них наметится очередная большая вечеринка. Хулия ответила, что постарается, хотя оральный секс ей нравится гораздо больше. Но вход в ее лоно был открыт лишь для Лоренцо, которого приводила в неистовство даже мысль о том, что другой мужчина может туда проникнуть. А тем временем приходилось выполнять малоприятные обязанности прислуги.

Форри отвернулся, проклиная себя за то, что не вышвырнул их сразу и не сделает этого никогда. Он забрался в машину — потрепанный «форд» образца 1960 года. Так он и думал! Топливо на исходе!

Но чудо! Двигатель завелся, и он смог — правда, со скрипом — проехать квартал. Затем пришлось добираться пешком до ближайшей заправочной станции и тащиться к своей колымаге с полной канистрой бензина. Странно, подумал он. Всякий раз, когда я еду в чужой машине, в ней кончается горючее.

Вернувшись, он обнаружил Алис Мерри, которая сидела на софе в гостиной. Всюду воняло блевотиной. Значит, Лоренцо опять вывернуло...

— Привет, Алис! — воскликнул Форри с деланной радостью. На самом деле он испытывал примерно то же, что человек в лифте, у которого оборвался трос. — Какими ветрами тебя принесло? И как ты вошла?

— Ты сам когда-то дал мне ключ, помнишь?

— И попросил обратно, а ты его вернула!

— Все правильно. Просто я успела сделать дубликат. Ты что, не рад меня видеть, Форри? В свое время.

— Прости, мне надо кое-что урегулировать.

Он приблизился к лестнице и задрал голову. Верхние ступеньки загажены, и Хулия даже не удосужилась убрать!

Он вернулся. Прежде чем отправиться спать к Венди, придется быстро просмотреть и ответить на письма. Но очередная пакость Лоренцо, помноженная на визит Алис Мерри, окончательно выбила Форри из колеи. Нет, он исчезнет, как последние марсиане у Бредбери!

Алис Мерри — блондинка среднего возраста, с хорошей фигурой — отличалась неординарным складом мышления. Она была замужем, но, встретив его на всемирной конвенции фантастов, заявила, что «помешалась на этом божественном Форри». Аккерману это долго льстило, но в конце концов она ему надоела. Он не любил Алис, и хотя лезть согревает душу, при многократном применении она уже действует на нервы. Особенно когда ее муж пригрозил, что потащит его в суд как соответчика по делу о расторжении брака.

— Даммоки сейчас слишком заняты, чтобы убирать за собой, — заметила она. — Я поднялась наверх, чтобы узнать, что там происходит. Такой шум! Ты не поверишь, — этот тупоголовый Лоренцо сидит на стуле, а Хулия держит в зубах его «банан»! Но вся изюминка в том, что Лоренцо смотрит на нее и одновременно что-то записывает! Записывает, представляешь? Интересно, может, у него шариковая ручка вместо пиписки?

— Слушай, может, поднимешься к ним и понаблюдаешь за этим феноменом? Мне надо бежать, Алис. Всю ночь я был на ногах, машина сломана, я весь вымотан, и... короче говоря, я должен идти.

— Я в курсе.

— В курсе? — Форри очень удивился. — Кто тебе рассказал?

— Да я участвую в деле с самого начала, — объявила она, доставая сигарету из сумки. Закурив, Алис холодно посмотрела на него: он не разрешал курить в доме, за исключением спальни, расположенной наверху. Форри решил проигнорировать этот вызывающий жест.

— В чем ты участвуешь с самого начала? — попытался он уточнить. Любопытство пересилило усталость.

— В деле, с которым ты связался. Все началось очень и очень давно, Форри. Ты не поверишь! А если поверишь, перепугаешься до смерти. Впрочем, ты испугаешься так или иначе, потому что поймешь: то, что я сейчас скажу, — правда!

Форри осторожно опустился на стул:

— Что значит «очень и очень давно»?

— Приблизительно десять тысяч лет по земному исчислению.

Форри захлопнул рот. Алис Мерри любила его разгрызывать в промежутках между бурными сценами и сексом; всем известно, как глубоко он ушел в параллельную Вселенную, созданную пером и кистью; порой Аккерман казался себе таким чудовищем — Левиафаном, плещущимся в безбрежном море фантастики, или Летучим Голландцем космических просторов.

Алис часто подшучивала над ним. Но на сей раз, кажется, говорит серьезно. Правда, эта женщина очень редко бывает серьезной.

— Посмотри вокруг, — объявила она, взмахивая сигаретой. — Окинь взглядом все это сумасшедшее нагромождение картин и фотографий. Удивительные миры, инопланетные формы жизни; грузные, похожие на слонов марсиане, крылатые люди с мышлением машин, гигантские насекомые, киборги, гомункулусы... Ты прочел бездну книг, где действуют невероятные существа, описываются фантастические планеты. Ты воздвиг нерукотворный памятник фэнтези и научной фантастике — и себе заодно. Здесь перед нами предстает целая жизнь, полная любви и труда... Ты должен верить в этот неземной, созданный тобой мир. Иначе не окружил бы себя столькими артефактами внеземных цивилизаций. Какой уникальный опыт, сколько вложено во все это!

Алис Мерри сегодня была не похожа сама на себя. Прежде она никогда так не говорила. Ему порой казалось, что она вообще не способна говорить серьезно, так страстно декламировать.

— Десять тысяч лет! — снова воскликнула она. — Ты согласишься, что мне десять тысяч лет? Нет? А как насчет двенадцати?

— Двенадцать тысяч? — переспросил он. — Ну перестань, Алис. В десять тысяч лет я бы еще поверил, но в двенадцать? Не смей меня!

— Я выгляжу на сорок, верно? А теперь смотри, Форри!

Совсем как в фильмах «Она» по Хаггарду или «Потерянный горизонт»! Но все происходило наоборот. Там красивая девушка с гладкой блестящей кожей на глазах у зрителя превращалась в ужасную старуху. А сейчас самопровозглашенный Мафусаил женского рода демонстрировал

потрясающий сеанс, как бы это сказать, «деморщинизации»!

Алис за считанные мгновения стала юной и такой прекрасной! Ах как хорошо это получалось у Элен Гахаген и Джейн Уатт!

Жаль, что сердце не может биться, как у других. Тогда его не трясло бы, словно от лихорадки! Значит, все — правда! Все, о чем он мечтал всю жизнь, о чем читал! Все верно! Ну, может, и не все... Что ж, хотя бы часть!

— Кто ты, или что ты за существо? — тихо спросил он. Комната кружилась, изображения на картинах Пола, Финлея, Сент-Джонса Бока становились объемными, оживали. Наверное, это шок. Ну еще бы! Первый контакт!

— Ну что, понравилось? — спросила Алис.

— Конечно, — отозвался Форри, с трудом переводя дыхание. — Но ты не ответила на вопрос.

— Я... ну, как бы тебе объяснить... Я — ток. Мы враги огов. Кое-кого из них ты встретил вчера. Фред Пао, Диана Рэмбоу, Панчита Посьотль... И Вульстон Хипиш.

ГЛАВА 13

— Хипиш! — выкрикнул он. — Значит, этот воришка вообще не человек?

— Мы не только не принадлежим к вашей расе. Мы не земляне, прилетели из другой системы, более того, из иной галактики. Родина токов — четвертая планета, кружащаяся вокруг звезды в туманности Андромеды.

Какое везение! Впрочем, судьба всегда улыбалась Форри. Он хотел заниматься любимым делом и смог обеспечить свое существование. Мечтал стать величайшим собирателем научной фантастики и фэнтези в мире — и это у него получилось легко и естественно, как у змеи, меняющей кожу. Понадобилась работа, и чу! — некий издатель задумал целую серию журналов ужасов для детей. Угадайте, кто лучше других может издавать их? В этой области он знал всех великих и был их другом.

«Я видел, — восторженно говорил про себя Форри, — как первые люди высадились на Луне, и надеюсь дожить до дня, когда мы ступим на поверхность Марса. Да, мне определенно везет!»

А теперь вот это! Конечно, на первый взгляд рассказ Алис кажется бредом, в который может поверить только

сумасшедший. Существа из иной галактики вступают в контакт с землянами, выбрав его в качестве полномочного представителя нашей расы! Хоть он и посвятил столько лет фантастике, принять такое!.

Однако, если верить словам Алис, пришельцы соприкасаются с землянами уже десять тысяч лет. Раскрывали они свое происхождение раньше? Архиважный вопрос!

— Ты, Форри, перевозбуждаешься, — сказала она. — Я понимаю, сейчас в твоей голове роится множество всяких вопросов. Но ты поймешь все быстрее, если дослушаешь меня спокойно. Договорились? Хорошо. Расслабься и слушай. Будь хорошим мальчиком!

Существует планета, размерами и конфигурацией похожая на Землю, которая вращается вокруг звезды на краю галактики Андромеды, находящейся за 800 000 световых лет от вашего мира. Небо там — раскаленный искрящийся газ, сквозь который светят гигантские звезды. Планета токов не имеет луны, а значит, приливов и отливов у нас нет.

У пятой планеты системы имелись две небольшие луны, но на ней отсутствовали моря, а следовательно, и приливы. То был умирающий мир огов, расы, исполненной злобы и ненависти.

«Тысяча чертей!» Форри понял, что перевозбудился, потому что выругался про себя. Он терпеть не мог употреблять даже мысленно любые, самые невинные выражения подобного рода.

«Тысяча чертей» — это в стиле Гернсбека! Или раннего Кэмпбелла!

— ...Токи и оги ничем не походили на людей. Земноводные создания, они могли легко переходить в состояние чистой энергии, менять форму, имитируя или создавая новые организмы. Но способность к метаморфозам имела свои пределы, ограничивая размеры и выбор формы нового тела: минимум — крупная лиса, а если существо летало — летучая мышь. Когда создание было еще меньше, избыток энергии переходил в невидимую форму, которая в виде «хвоста» тянулась за ним. Нет, лучше уподобить ее багажу, сложенному в неосознаваемый, невидимый чемодан.

— А как ты выглядишь на самом деле? — не удержался Форри.

— Мы же договорились — никаких вопросов или комментариев, — улыбнулась Алис, сверкнув белоснежными зубами. Она была такой привлекательной, выглядела сейчас так молодо, что у него защемило сердце от желания. Или это тоска по безвозвратно ушедшей юности?

— У нас нет определенной формы; хотя, если хочешь, назови таковой тело, которое мы используем большую часть жизни, потому что со временем оболочка как бы «прилипает», и от нее становится сложнее избавиться. А для того чтобы поддерживать форму, отличную от человеческого тела, требуется больше энергии. Поскольку большинство из нас очень долго копировало людей, считай, что так мы и выгядим «на самом деле».

Когда стали возможны межпланетные полеты, оги и токи вступили в контакт. Обе цивилизации путешествовали в просторах космоса не с помощью ракет или антигравитационных установок. Они использовали весьма специфическое устройство. Конечно, специфическое с точки зрения человека.

Это устройство было сделано из особого, искусственно созданного металла и походило на большой кубок. Столь необычная форма потребовалась потому, что только с ее помощью можно сфокусировать ментальную энергию инициатора. Вероятно, более точный перевод этого слова с языка токов будет «капитан». Только он способен произвести в действие такое устройство, чтобы перенести остальных из одной точки пространства в другую.

— Но почему только капитан мог управлять уст кубком? — не выдержал Форри.

— У этого устройства — назовем его Граалем — есть пределы возможностей, — объяснила Алис. — Оно немного походит на Чашу Артура из ваших средневековых мифов, хотя ее внутренняя поверхность имеет строение, которое покажется неестественным, даже устрашающим для человека. Грааль — нечто материальное, но приводится в действие волнами энергии очень редкого типа. Наверное, ты назвал бы ее энергией волн мозга, но это не совсем так. Ну, в общем, Граалем — космическим кораблем или средством телепортации токов и огов — должен управлять инициатор, он же капитан. А на каждый миллион новорожденных приходилось лишь около сотни капитанов

— Новорожденных? — Форри задрал брови. — Разве сгустки энергии способны рождаться?

Она нетерпеливо махнула рукой:

— Я употребляю аналогию для простоты. Если сейчас начать описывать все детали очень сложной культуры, нам не хватило бы и двадцати лет. Дай мне закончить.

...Оги изобрели Грааль и обнаружили у себя капитанов независимо от токов. Между двумя планетами почти сразу же установились связи, но вскоре разразилась война. Оги оказались настоящими злодеями, желавшими превратить токов в своих рабов...

Форри поостерегся принимать эти слова на веру. Прежде чем делать какие-то выводы, надо выслушать противоположную сторону!

— ...Токи отразили нападение противника, но обе стороны понесли тяжелые потери. В конце концов воцарился мир. Обе расы обратили свои взоры на другие миры. Поскольку расстояние ничего не значило для Грааля — ведь он преодолевал в одно мгновение любой отрезок пространства, — Вселенная лежала перед ними.

Однако, учитывая, что существуют миллиарды обитаемых миров, а количество капитанов не столь уж велико, круг исследований сильно сократился. Они обнаружили Землю: на нашу планету переместилась примерно тысяча токов. Вслед за ними направили свою экспедицию оги. Заключенный мир не распространяется на другие планеты, и оги без раздумий атаковали токов.

Началась битва, итогом которой стало почти полное взаимное уничтожение. Оги и токи разрушили все Граали, расправились с капитанами. Обе расы оказались прикованы к Земле без всякой надежды вернуться.

Мы жили в вашем мире, но не принадлежали ему, — продолжала свой рассказ Алис, перефразируя изречение Фомы Кемпийского. — Наша способность приобретать различные формы породила сказки о феях и других существах. Токи в сознании людей трансформировались в эльфов, хотя часто превращались в животных и более экзотические создания. Но мы не делали ничего дурного людям, если, конечно, они не нарушали наши правила.

За десять тысяч лет великая война, периодическая смерть от рук людей и самоубийства сократили численность токов и огов до сотни и даже меньше представителей каждой расы. Но те, материальная оболочка

которых была уничтожена, не исчезали бесследно. Они опять превращались в сгустки энергии, чтобы потом вновь обрести форму. Однако такой процесс здесь протекает долго, потому что магнитное поле Земли отлично от нашего.

— Отсюда пошли призраки? — спросил Форри.

— Да. С человеком такое невозможно. В случае смерти вы исчезаете навсегда. Но ток или ог, «оболочка» которого погибла, должен обитать в том месте, где есть и оптимальное магнитное поле, и люди. Он как бы питается энергией человека. А когда приобретет определенную форму — эту фазу развития вы называете эктоплазмой, — ему необходима кровь или секс. С их помощью «призрак» формирует тело полностью. Нам, токам, нужна любовь, а оги нуждаются в крови.

Она помолчала, собираясь с мыслями, потом продолжила:

— Одна из наших недавно приобрела оболочку, вступив в связь с Геральдом Чайлдом. Можно сказать, добыла с помощью секса средства к существованию! Конечно, с Чайлдом она смогла достичь цели неизмеримо быстрее, чем с любым обычным представителем вашей расы.

ГЛАВА 14

— Черт возьми, что все это значит?! — не выдержал Форри, который практически никогда не ругался.

— Это значит, что Чайлд — последний капитан. Правда, он ни о чем не подозревает... пока.

— Почему?

— Потому, что он наполовину человек и вырос в человеческой семье. Потому, что капитаны отличаются особо чувствительной нервной системой и с ними надо обращаться осторожно, пока они не возмужают. Чайлд — зрелый мужчина в физическом смысле слова, но все еще остается ребенком, если говорить о его возможностях.

— Минутку, — сказал Форри. — Мне не хотелось бы уклоняться от главной темы, но, если вы, инопланетяне, обладаете особым даром возвращаться к материальной жизни после смерти тела, почему же все эти убитые капитаны снова не ожили?

— Некоторые оживали, а потом снова уничтожались врагами, потому что их существование уже невозможно

было хранить в тайне. Кому-то не удавалось это сделать из-за неподходящих условий. Понимаешь, если бы у нас оказался капитан и Грааль, мы смогли бы не только возвратиться на родину, но и вернуть всех потерявших плоть друзей. Видишь ли, превращаясь в сгустки энергии, мы мыслим по-иному, более примитивно. Потерявший тело ог или ток располагает некоторой способностью строить логические схемы, но в том, что он стремится вернуться к материальной форме существования, заслуга инстинкта, подстегивающего его постоянно. Такой «призрак» блуждает до тех пор, пока не наткнется на место с подходящими для «возрождения» условиями. А подобный процесс, как правило, занимает очень много времени.

— Прости за то, что я тебя прервал; — извинился Форри.

Если бы он собственными глазами не наблюдал за трансформацией дамы среднего возраста в юную красавицу, то счел бы себя жертвой самого грандиозного надувательства в мире. Виденное, однако, не вызвало никаких сомнений. Он действительно беседует тет-а-тет с представителем внеземной цивилизации, по сравнению с которым странные существа из фантастических романов или даже из стародавнего журнала «Weird tales» покажутся детской невинной сказочкой.

Ведь если вдуматься, она сейчас рассказывает знакомую историю о том, как аборигены Марса и Венеры развязали тайную войну за владение Землей. О, великий Хьюго, как тебя не хватает! Господи, если бы я мог сейчас нажать на кнопку телевизора и подключить всех любителей фантастики и членов общества, чтобы и они порадовались!

Но через секунду он опомнился. Если все это правда, а так наверняка и есть, то с детскими фантазиями придется расстаться. Перед ним разворачивается не шоу, а картины беспощадной войны.

— Чайлд? — спросил он.

— Давай перенесемся в 1788 год, — сказала она. — Дата рождения мальчика, который стал Джорджем Гордоном, лордом Байроном, знаменитым или даже великим английским поэтом. В тот год, конечно, никто, включая нас, не знал, что его ожидает всемирная слава. Мы также никак не могли предсказать, кем он станет: капитаном, обыкновенным человеком... или еще одним током.

— У меня к тебе целая тысяча вопросов, — улыбаясь, произнес Форри, — но я постараюсь сдержаться.

— Он оказался нашим первенцем, — продолжала она. — На Токе дети рождаются очень редко. То есть рождения в результате связи двух «сгустков энергии» случаются нечасто. Но поскольку мы не умираем как люди, ничего страшного тут нет. А здесь, на Земле, нам никогда прежде не удавалось получить ребенка подобным образом. И тут некий капитан получил материальную форму. Одному из нас пришла мысль сохранить генетический потенциал на случай, если его убьют, что впоследствии и произошло. Капитан в то время жил вблизи поместья Байронов, он стал любовником леди Байрон, чтобы она забеременела. В ту ночь нас собралась почти сотня, — наверное, все, оставшиеся в живых. Мы были рядом и... Насколько я помню, это единственный случай (нет, существовал еще один прецедент), когда столько токов совокуплялись одновременно, чтобы произвести на свет ребенка. Мы «ввели» в леди Байрон всю порцию общей мыслительной энергии, и нам улыбнулась удача. При соединении спермы и яйцеклетки создавался и энергетический эмбрион, который вошел, вернее, слился с будущим Байроном. Так что можно с уверенностью утверждать, что он — единственный человек, обладающий самой настоящей душой.

— Прости, но каким образом происходит развитие «энергетического эмбриона»? Он превращается в самостоятельное существо или...

— Он сливается с нервной системой и становится единым целым с обладателем обычного тела и разума. Не идентичным, но подобным ему. И он не погибает со смертью тела.

Однако создание такого «ребенка» требует с нашей стороны огромных затрат. Концентрируя объединенную энергию, мы трахались как сумасшедшие! Это, дорогой Форри, был самый грандиозный групповой секс в мире! Я знаю, что ты не любишь употреблять грязные слова, а тем более слышать их... К сожалению, хотя ребенок рос и развивал свой замечательный талант, специфические способности капитана у него не проявлялись. Впрочем, в то время это не имело большого значения, поскольку Граалем мы не располагали. Но надеялись получить хотя бы металл для его создания. Его из столетия в столетие

создавали по крупичкам. На Токе мы бы сделали его через год, но здесь, где минералов немного, а материалы для создания потенциализаторов встречаются еще реже, нам потребовалось очень долгое время для его получения. Но однажды оги совершили набег и украли весь наш запас.

Они знали, что Байрон — один из капитанов, и стали действовать, завели с ним знакомство, а мы никак не могли воспрепятствовать их козням. Потом, обнаружив, что у него нет необходимых качеств, оставили в покое. Какое-то время мы пребывали в отчаянии. Но ведь Байрон все еще обладал генетическими потенциальными возможностями, и мы решили воспользоваться этим. Если ему самому не суждено стать капитаном, возможно, таковым вырастет его отпрыск.

— Чайлд? — Форри никогда не мог удержаться от каламбура: «Чайлд» — значит ребенок.

— Именно, — кивнула Алис. — Мы взяли образцы его спермы определенным способом — не хочу об этом распространяться — и заморозили их, только не в жидком водороде или льде, а с помощью нашей энергии. И стали ждать.

Мы ждали, пока наши враги, оги, не получили столько металла, что его хватило бы для создания Грааля. Затем отобрали женщину с нужными генетическими качествами (используя вашу терминологию), поскольку это тоже приходилось учитывать. Мы не хотели получить неполноценного физически или умственно капитана. Выбор пал на миссис Чайлд, не в малой степени благодаря ее имени, что, кстати, вызывало ассоциацию с Байроном. В конце концов мы говорим на вашем языке, а иногда думаем как люди! Как вы, но не по-человечески!

— Значит, Геральд Чайлд — из великой поэмы Байрона «Чайлд Гарольд»?

— Да, если ты произнесешь его имя как Герольд. Чайлд — дитя, которое, подобно средневековому герольду, возвестит своим появлением о долгожданной материализации энергетических «призраков», их новом физическом воплощении. И о грядущем возвращении на родную планету, нашу «землю обетованную». Мертвые восстанут, мы перейдем реку Сион, и прочее, и прочее... Ну, в общем, ты понял.

— А что же ваш Чайлд и Грааль? — произнес Форри. Алис уже собралась ответить, но в этот момент кто-то начал кричать и стучать в дверь.

ГЛАВА 15

Чайлда разбудил звонок в дверь. Пошатываясь, он прошел в прихожую, миновав продолжавшую спать Сибил, щелкнул замком. Лицо омочили капли дождя, ворвавшегося в квартиру с порывом ветра. Перед ним стояли трое. Как можно быть таким неосторожным, мелькнула отчаянная мысль. Поздно! Первый шагнул за порог, выставив пульверизатор. Чайлд задержал дыхание и бросился в спальню, где хранил оружие, но его остановил жесткий повелительный голос:

— Чайлд! Твоя жена!

Второй стоял рядом с Сибил, приставив нож к ее горлу. Третий, Фред Пао или его брат-близнец, сжимал пневматический пистолет.

Сибил открыла глаза и пробормотала:

— Что про...

Первый из непрошенных гостей направил на нее пульверизатор, нажал на рычажок, и она сразу же потеряла сознание.

— С ней ничего дурного не случится, — сказал Пао. — Теперь твоя очередь, Чайлд.

Можно, конечно, еще добежать до спальни, подумал Геральд. Но они перережут горло Сибил, если решат, что смогут этим чего-то добиться, либо что, удерживая ее, не добьются ничего! Конечно, у него был шанс застрелить всех троих, но что станет с его бывшей женой? Однако спасет ли он Сибил, если выполнит их требования?

Чайлд не знал, что делать, и неуверенность парализовала волю. После инцидента в доме Мабкруф и последовавших переговоров хозяйки с Хиндарфом он понял, что находится под неусыпным надзором.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я сдаюсь.

Человек с пульверизатором приблизился к нему и направил струю прямо в лицо. Чайлд хотел было задержать дыхание, но тут же сообразил, что глупо бороться с неизбежным. Бросив взгляд на часы, сделал глубокий вдох.

Он очнулся через полчаса, лежа на удобной кровати. Над головой навис балдахин. Чайлд повернулся. Рядом с

ним мерно дышала Сибил. Она еще не пришла в себя. Он с трудом поднялся. Немного болела голова, язык стал как ватный.

Его поместили в спальню, где была ванная. Только одна дверь.

Вскоре проснулась Сибил. Она немного полежала, приходя в себя, встала, подошла к нему Чайлд обнял ее

— Прости! Если бы я заставил тебя уйти, ты была бы в безопасности!

— Что поделаешь, — вздохнула она. — Как по-твоему, мы когда-нибудь выберемся отсюда? И интересно, что им от тебя нужно?

— Рано или поздно обязательно узнаем, — ответил Чайлд, сняв руку с ее талии и оглядывая свою темницу. К стене над туалетным столиком прикреплено большое зеркало; другое, высотой до потолка, установлено напротив. Наверняка они используют особые стекла, чтобы шпионить за пленниками, решил Чайлд.

Прошел час. Сибил оставила тщетные попытки связать разговор и взялась за детективный роман (весьма подходящее чтиво, что и говорить!), который обнаружила на полке. От нечего делать Чайлд снова принялся исследовать комнату, надеясь отыскать хоть какую-то зацепку, которая помогла бы им выбраться из заточения. Но лишь убедился, что дверь изготовлена из прочной стали и плотно сидит в проеме, а кроме того, открывается наружу.

Спустя полтора часа после их пробуждения послышались шаги. В комнату вошел Пао и еще двое неизвестных. Впрочем, одного из них Сибил сразу узнала и окликнула:

— Плаггер!

Плаггер был высоким, хорошо сложенным мужчиной с темной кожей. Длинные узкие руки, продолговатые пальцы, покрытые странными выростами. Про эту деталь Сибил не говорила Чайлду.

— Наши — и ваши — враги действуют быстро, — без предисловий заявил Пао. — Вот почему мы были вынуждены вас забрать сюда. Мне очень жаль. Нам всем жаль! Но это продиктовано необходимостью. Иначе вы рисковали попасть в руки токов.

— Токов? — спросил Чайлд.

— Вам все объяснят, — сказал Пао. — А пока вас ждут в другом месте.

— А Сибил?

— Она останется здесь. С ней будут хорошо обращаться.

Чайлд поцеловал свою бывшую жену:

— Я вернусь. Не думаю, что они желают причинить нам вред. По крайней мере сейчас.

Он следил за тем, как Плаггер закрывает дверь. В середине имелась кнопка, при нажатии срабатывал блокирующий механизм. Чайлд протянул руку, надавил на нее, дверь сразу распахнулась.

— Что вы делаете? — Пао вновь запер ее с помощью кнопки.

— Я просто хотел посмотреть, как все работает, — пожал плечами Чайлд.

Они вышли из комнаты и по широкому коридору, устланному роскошными коврами, направились вниз. Пройдя несколько шагов, Чайлд остановился. Его предположения оправдались: в зеркало можно было наблюдать за всем, что творилось в «камере». Он увидел Сибил. Она замерла в центре комнаты, прижав руки к бедрам.

Геральд решил узнать, насколько он для них важен, и обратился к своим похитителям:

— Я хочу, чтобы это зеркало отключили. Мне не нравится, когда за мной подсматривают.

Пао сначала заколебался, но скрепя сердце согласился:

— Хорошо.

Он нажал кнопку, расположенную рядом с зеркалом, и оно потемнело.

— Я желаю, чтобы и второе было отключено, — заявил Чайлд.

— Я прослежу за этим, — отозвался Пао. — Идемте же!

Чайлд последовал за ним; двое других замыкали шествие. Дойдя до конца холла, они свернули налево и, миновав такой же коридор, очутились в просторной комнате, походившей на салон в доме миллионера, каким его принято изображать на декорациях для фильмов. В самом конце зала стоял великолепный концертный рояль. Комната была обставлена очень дорогой мебелью. Возможно даже, это был подлинный гарнитур эпохи Людовика IV. Но внимание Геральда привлек куб из стекла или прозрачного металла, стоявший в центре. Внутри него находился изящный столик из темно-красного дерева, на кото-

ром стоял серебристый кубок или, вернее, половина кубка: одна сторона у него отсутствовала. Казалось, его срезали под углом в сорок пять градусов.

Пао подвел Чайлда к прозрачному кубу и жестом велел, чтобы ему принесли стул. Геральд огляделся. В комнату вели шесть широких проходов, в некоторые свободно прошли бы трое. Вместе с Чайлдом и его стражами здесь находилось примерно полсотни человек. Мужчины щеголяли во фраках, на женщинах были надеты длинные вечерние платья. Его сопровождающие были единственными, кто носил обычные костюмы. Чайлд заметил в толпе Мабкруф и Посьотль. Вивьен красовалась в пурпурном платье с глубоким, почти до пупка, декольте. Ее бледная кожа и золотисто-рыжие волосы, рассыпанные по плечам, резко контрастировали с ярким платьем, словно объатым пламенем. В руке она держала большой веер из страусовых перьев. Поймав взгляд Чайлда, Вивьен улыбнулась.

Когда Чайлд вошел, присутствующие громко переговаривались друг с другом, но стоило ему приблизиться к кубу, и гул перешел в тихий шелест голосов. Пао поднял руку, призывая к молчанию; воцарилась тишина. Слуга принес тяжелый стул с тремя ножками, на спинке которого оказался вырезан какой-то символ, представляющий собой букву «дельта», один конец которой заглывает широко распялившая рот рыба.

— Садитесь, пожалуйста, — произнес Пао.

Чайлд опустился на стул и, откинувшись на спинку, поморщился. «Символ» больно врезался ему в спину. Серебристый тусклый кубок зажегся, замерцал ярким светом. Сияние усиливалось, становилось все больше; Чайлду даже почудилось, что кубок вот-вот расплавится.

Прошелестел благоговейный шепот.

Пао улыбнулся и сказал:

— Вы, Геральд Чайлд, нас очень обяжете, если сконцентрируете все внимание на кубке.

— Сконцентрировать внимание? — ответил Чайлд. — Но как?

— Просто смотрите на него. Хорошенько смотрите. Пусть его образ заполнит весь рассудок. Вы скоро поймете, что я имею в виду.

Чайлд пожал плечами. Почему бы и нет? Странная процедура да и сам кубок возбудили его любопытство, а

собравшиеся явно не желают причинить ему какое-либо зло. Определенно, с ним обращаются сейчас гораздо лучше, чем у барона Игеску.

Сидя на стуле, он принялся рассматривать удивительный кубок. Он имел широкое основание, украшенное маленькими выпуклыми фигурками, очертания которых расплывались. Приглядевшись, он различил изображения мужчин, женщин, странных животных. Все они участвовали в грандиозной оргии. В этом сплетении тел проглядывали небольшие кубки, напоминавшие тот, который стоял перед ним, только они были целыми. Чайлд с любопытством разглядывал бесчисленные сцены, составлявшие орнамент. Вот женщина, наполовину скрывающаяся в кубке; создание, похожее на лондонского оборотня, каким его сыграл Генри Халл, засунуло свой длинный член в ее анус. Еще одна группа, изображенная сбоку, плохо различимая с того места, где сидел Геральд, состояла из двух фигурок. Мужчина вылезает из кубка. Ноги еще упираются в донышко, а вздыбившийся член торчит в воздухе, обвитый шупальцами твари, похожей на спрута с шестью конечностями. У этого невероятного существа различались и мужские, и женские половые органы, как у гермафродита. Оно удовлетворяло похоть человека, одновременно доводя и себя до экстаза.

Чайлд понятия не имел, что значит эта сцена, но чувствовал, что она должна символизировать плодovitость, потенцию. Нет, не способность зачать ребенка, а в ином значении.

Ему казалось, что стоит немного напрячь воображение, и смысл композиции станет ясен. Но мысль ускользнула.

У кубка была изящная тонкая ножка. Ее обвивало какое-то змееподобное существо, голова которого, постепенно становясь плоской, переходила в рисунок, украшающий широкую чашу. Пара несимметричных черных глаз — единственные сгустки темноты на сверкающей серебристой поверхности.

Если на внешней стороне имелось лишь стилизованное изображение змеиной головы, внутри роились, словно дикий насекомые, непонятные геометрические узоры. Когда Геральд смотрел на них, они начинали двигаться, а когда удавалось на мгновение приковать к месту взгляд, выделить какую-то одну фигуру, он, казалось, начинал

понимать их скрытый смысл, хотя, естественно, раньше никогда не сталкивался ни с чем подобным.

Тем временем сияние, исходящее от кубка, становилось все ярче. Голоса постепенно стихли. Неожиданно Чайлд обнаружил, что его слух невероятно обострился. Он улавливал дыхание каждого из присутствующих (кроме своего), стук дождя, барабанившего где-то вдалеке по крышам и стенам, даже бульканье воды, растекающейся по асфальту.

Но вот до него донеслось какое-то шипение. Чайлд сначала никак не мог определить, откуда оно исходит. Звуки казались такими отдаленными, слабыми. Потом его осенило. Не надо было даже оборачиваться, тем более что ничего приятного он не увидит. Создание в лоне Вивьен!

Змееподобное существо вылезло из убежища и теперь свисало меж стройных ног, укрытое длинным платьем. Бородатая головка уперлась глазками в пол, окаймленный тоненькими усиками рот распахнут, мелькает раздвоенный язычок. Какие чувства оно хочет выразить? Ярость? Вожделение? Или что-то иное? Благоговейный страх, преклонение?

Кубок сиял все ярче. Удивительно, но теперь Чайлд мог смотреть на него, не рискуя ослепнуть. Обжигающая, раскаленная белизна заполнила глаза, затопила рассудок. Кажется, она высветлила череп, превратила мозг в сверкающий алмаз.

Коллективный полувдох-полувсхлип. Свет погас. Темнота причиняла физическую боль. Чайлда охватила неизбывная тоска, как будто умер кто-то очень близкий. Жизнь потеряла смысл: зачем продолжать бессмысленное существование?

Слезы сами закапали у него из глаз.

ГЛАВА 16

Подавив наконец рыдания (откуда вдруг взялось это ощущение полного одиночества, потерянности?), Чайлд поднял голову. Все молчали, доносились лишь звуки негромких шагов, позвякивание маленьких бокалов, которые передавали всем присутствующим. Содержимое выпивалось одним глотком, затем их ставили на большие серебряные подносы.

Из толпы вынырнул Пао. Он подошел к Чайлду сзади с бокалом, наполненным темной жидкостью, и несколькими сэндвичами. Черный хлеб из муки грубого помола.

— Поешьте, выпейте это, — предложил он.

— А если я откажусь?

Пао казался ошеломленным. Но он пересилил себя и, пожав плечами, ответил:

— Не в наших силах заставить вас. Но, клянусь родной планетой, еда и вино не причинят вам никакого вреда.

Чайлд перевел взгляд на кубок. Казалось, он только что потускнел, но теперь вновь сверкнул, переливаясь серебром. Геральд отвернулся, продолжая искоса смотреть на него.

Кубок вновь выглядел тусклым.

— Когда я узнаю, что все это значит? — спросил он.

— Возможно, во время церемонии. Но было бы лучше, если бы вы... вспомнили сами.

— Вспомнил?

Пао не стал отвечать. Чайлд наклонился к бокалу. Жидкость пахла как обычное вино, но в аромате улавливался какой-то незнакомый компонент, вызвавший странные видения. Безграничное черное пространство: лишь сияние звезд нарушает одиночество. Потом — ночное небо, украшенное целой гирляндой гигантских красных, голубых, желтых, бордовых, изумрудных и пурпурных звезд.

Алые горы с прилепившимися зданиями-грибами из белого и красного камня, а корни устремлены вверх. У самой линии горизонта небо прочертила, словно радуга, узенькая полоса, состоящая из алых, бледно-зеленых и белых ниточек, — нечто вроде колец Сатурна.

Он залпом осушил крохотный бокал и, сразу же почувствовав голод, съел сэндвичи. Вкус их напоминал ростбиф с сыром.

Все опорожнились бокалы и молча стояли, очевидно, в ожидании следующего акта торжественной церемонии. Наконец Пао воздел руки и возгласил:

— МЛАДЕНЕЦ-ЧАЙЛД да обретет силу!

Странно слышать свое имя в таком контексте, подумал Чайлд. Но что ни говори, звучит красиво!

— МЛАДЕНЕЦ да обретет силу! — отозвались в едином порыве остальные, словно хор в греческой трагедии.

— Лишь следуя верным путем, МЛАДЕНЕЦ обретет эту силу!

— ...эту силу, — эхом откликнулся хор голосов.

— И вырастет!

— И вырастет!

— И возмужает!

— И возмужает!

— И станет нашим капитаном!

— И станет нашим капитаном!

— И поведет в долгий путь на родину!

— И поведет в долгий путь на родину!

— И превратит в пыль наших врагов — токов!

— ...наших врагов — токов!

— Сквозь небытие и смертельный холод он поведет нас!

Звучали и другие призывы, смысл которых Чайлд не мог уловить, за исключением одной вещи — упоминания имени врагов, токов. Наверное, с их представителями он встречался. Хиндарф и остальные спасли его от Вивьен, обвинив последнюю в нарушении условий перемирия.

Вино ударило ему в голову, еда придала новые силы. Чайлд посмотрел на кубок, и тот сразу засиял, словно воспламененный его взглядом.

Но вот Пао закончил свою проповедь, и в зале сразу возникла атмосфера званого вечера. Послышались громкие голоса и смех. А потом все начали раздеваться! Панчита Посьотль в числе первых сбросила платье, под которым оказались лишь чулки, удерживаемые огромными алыми подвязками. Вивьен быстро последовала ее примеру, оставшись в поясе с резинками и чулках. Змееподобное существо вернулось в свое убежище. Теперь золотисто-рыжий треугольник волос между ног выглядел маняще-соблазнительно.

Обнаженный Пао, тонкий, но длинный член которого свисал между ног, обратился к Чайлду:

— Прошу вас раздеться, капитан.

У Геральда немного кружилась голова. Он поднялся:

— Капитан?

— Вы сами скоро поймете все... По крайней мере, очень надеюсь на это, — произнес Пао.

Чайлд содрогнулся, вспомнив, что пришлось претерпеть, попав в удушающе-тесные объятия гигантской миссис Грасачевой.

— Хотите меня использовать, как тогда, у Игеску?

— О нет, теперь никто не посмеет даже подумать об этом! — воскликнул Пао. — Вивьен совершила непростительную ошибку и, не нуждаясь мы в ней так сильно, поплатилась бы за такое жизнью. Но ее можно понять: ваша сила неотразимо притягательна, и она не смогла устоять перед искушением... Все же в наказание сегодня ей не разрешат прикоснуться к вам.

Чайлд бросил взгляд на обнаженную Мабкруф. Какие идеальные формы! От странного вина желудок словно воспламенился; по телу кипящей лавой разлился жар. Огненный поток устремился в жерло вулкана — фаллос, заставив плоть набухнуть.

— Хорошо, я разденусь.

Пао собрал его одежду и ушел. Чайлд почувствовал себя глупо, стоя посреди комнаты обнаженный, с задраным, пульсирующим пенисом, и опустил на стул. Окружающие приступили к следующей части ритуала. Каждый обнял, начал ласкать избранного партнера стоя, примостившись на диванах или даже на полу. Но они не спешили начать подлинную оргию, явно ожидая какого-то сигнала или знака.

Вскоре вернулся Пао. Подойдя к Чайлду, он взял его руку:

— С вашего благословения, капитан.

С этими словами он положил свой длинный тонкий член на ладонь Чайлда. Безжизненный отросток мгновенно ожил. Он покраснел, распух и, разбуженный неведомой силой, встал во весь свой внушительный рост. Пао попятился, почтительно поклонился и поцеловал руку, которая только что держала его пенис.

— Благодарю вас, капитан.

Остальные, разбившись на пары, стали быстро формировать две колонны; каждый заранее знал свое место. Никаких споров, попыток пролезть вперед.

Первыми в очереди оказались Панчита Посьютль и высокий блондин, похожий на скандинава. Они встали перед Геральдом, заслонив кубок.

— Прошу прощения, капитан, — произнес мужчина, взяв руку Чайлда и заставив пальцы сомкнуться вокруг наполовину вставшего члена. В ту же секунду пенис увеличился, словно воздушный шарик, надутый газом. Он пульсировал в ладони Геральда, будто обладал собствен-

ной жизнью. Из отверстия на вершине головки выделялась большая капля мутной жидкости.

Мужчина отступил, Панчита опустилась на колени и, взяв пенис Чайлда, поцеловала его. Затем поднялась, посмотрела ему прямо в лицо своими огромными сверкающими глазами и удалилась.

Чайлд не отрывал от них взгляда. Партнеры пристроились на диване. Панчита закинула ноги на плечи блондина, тот сразу ввел пенис в ее лоно, так что тот полностью скрылся в густых черных зарослях внизу живота, и начал ритмично двигаться. Красный, словно обожженный, зад мужчины дергался все быстрее и быстрее. Неожиданно оба мучительно застонали и стали извиваться в экстазе. Потом на несколько минут замерли, приходя в себя после оргазма. Затем скандинав поставил Панчиту на четвереньки и вошел в нее сзади.

Это зрелище возбудило Чайлда. Когда к нему приблизилась вторая пара и женщина, склонясь, поцеловала член, он захотел, чтобы она взяла его в рот. Но та сразу встала, попятилась и, бормоча «Спасибо, капитан», отошла в сторону вместе с партнером, коренастым индусом с толстым коротким членом.

Следующие пары заняли меньше времени. Они быстро приближались; следуя заведенной процедуре, представители сильного пола опускали на ладонь Чайлда свой пенис, а женщины целовали или облизывали фаллос капитана. Но были и исключения. Некоторые мужчины вставляли на колени и тоже прикладывали губы или даже сосали член, а дамы прижимали его ладонь к промежности.

Сначала Чайлда не покидало безразличное чувство, но по мере того, как уменьшалась очередь на «благословение», предубеждение постепенно исчезло. Он стал воспринимать подобное обращение как нечто нормальное, естественное и даже... знакомое и привычное? Перед глазами все чаще мелькали странные неземные ландшафты; эти видения совпадали с прикосновениями рук или губ к его напряженной пульсирующей плоти.

Кубок сиял все ярче и ярче. С каждой новой парой участников древнего ритуала свечение усиливалось. Ослепительный свет, словно лампочка, горел в голове Геральда, но еще сильнее сверкал жарким белым огнем раздутый фаллос. Иллюзия оказалась столь полной, что, опустив

глаза и не увидев ничего необычного, Чайлд ощутил разочарование.

Он заметил, что, в отличие от остальных, Пао не имел постоянного партнера. Он бродил по просторной комнате в поисках «свободного тела» и, обнаружив таковое, пускал в ход пенис. Судя по всему, китайцу было безразлично, кто перед ним — мужчина или женщина. Он погружал свой фаллос в подставленное влагалище, рот или анус и, подвигав бедрами, вытаскивал исторгавший семя, но еще твердый член, а затем переходил к следующему объекту своей ненасытной страсти.

Неожиданно Чайлд вспомнил о Плаггере. Его нигде не было видно. Он одним из первых подставил капитану свой усеянный выростами пенис. Геральд почувствовал тогда слабый разряд, что резко усилило нараставший экстаз, но продолжения не последовало. Казалось, Плаггер намеренно свел свои возможности к минимуму. А потом, уделив совсем немного времени партнерше (тем не менее она от наслаждения лишилась чувств), куда-то исчез.

Чайлд задумался. Воображение рисовало ему Плаггера, спешащего к комнате Сибил. Может, этот ублюдок действительно шел к ней? Тем временем очередная жаждающая «благословения» принялась облизывать его пенис, и Геральд забыл о нем.

Стоящие в очереди вели себя достаточно спокойно, но, дождавшись «аудиенции», мгновенно превращались в необузданных маньяков. Громкая речь, ругань, чавкающие звуки влажных поцелуев и трущихся друг о друга влажных тел. Стоны, всхлипы, вздохи экстаза — подступающего или наступившего... Воздух наполнен вязким мускусным духом пота и спермы.

Прекрасной Вивьен запретили прикасаться к Чайлду, но вокруг было много свободных партнеров.

Она наклонилась, прильнув губами к могучему черному фаллосу здорового негра, а Пао, расположившись позади нее, погрузил член в подставленный зад. Под его свисающими яичками виднелось гибкое тельце неразлучного спутника Мабкруф. Змейка скользила по телу китайца, проникнув глубоко в его анус. Они начали судорожно дергаться и извиваться. Очевидно, все трое одновременно испытали оргазм. Негр вытащил полусогнутый член из рта Мабкруф, спешившей проглотить последние капли спермы.

В этот момент очередная женщина перестала щекотать кончиком языка яички Чайлда. Пао, член которого на глазах восстанавливал свою мощь, хотя из него еще сочилась сероватая жидкость, неспешно приблизился к Геральду. Чайлд посмотрел на него с немым желанием. Он был близок к оргазму; напрягшаяся колонна плоти пульсировала, слегка раскачиваясь. Он отметил, что сияние кубка то становилось сильнее, то уменьшалось.

К тому времени как Пао встал рядом, смутные догадки переросли в уверенность. Кубок испускал свет сообразно пульсации фаллоса капитана!

Пао поднял руку Чайлда; при этом его пенис сразу стал твердым, дойдя почти до пупка. Плоть Геральда тоже вздыбилась так, что касалась живота. Пульсация усилилась, затопившая яички лава грозила вот-вот вырваться наружу.

— Ну давай! — выдохнул он.

Пао взмахнул рукой. Чайлд понял, что должен назвать партнера.

Геральд быстро пробежал глазами по разгоряченным телам и лицам. Великолепный выбор: почти все женщины отличались удивительной красотой.

— Вивьен! — громко произнес он.

Пао открыл рот, очевидно собираясь возразить Чайлду. Но тут же опомнился и пальцем поманил Мабкруф.

Она была ошарашена не меньше китайца. Ткнув себя в грудь, выдохнула:

— Я?

Пао кивнул и жестом показал, чтобы она поторопливалась. Вивьен почти бегом бросилась вперед. Свисающая змейка путалась в ногах, билась о колени. Бородатая головка, распахнув рот, негодуя шипела.

Упав на колени перед Чайлдом, опустив глаза, Вивьен шепнула:

— Простите меня, капитан.

Потом обеими руками взяла напряженный фаллос и принялась с наслаждением обсасывать головку. Наслаждение нарастало, волнами охватывая его; тело от живота до колен обратилось в лед.

Задыхаясь, он простонал, обращаясь к Пао:

— Вырви эту тварь!

— Какую тварь? — недоуменно спросил китаец.

— Змейку из ее влагалища! Быстрее!

Пао наклонился, просунул руку между ног Чайлда и схватил бородатое существо, пытавшееся обвиться вокруг бедер, чтобы добраться до ануса, хотя его длина вряд ли позволяла это. Китаец сдавил его там, где тельце переходило в голову, и дернул изо всех сил.

Вивьен распалась на части.

Руки Чайлда держали осиротевшую голову. Прекрасные фиалковые глаза полыхнули огнем, но губы по-прежнему сжимали фаллос, а язык искусно стимулировал его. Остальные ожившие органы, встав на крохотные лапки, разбежались по всей комнате. Здоровенный негр, которого Вивьен только что удовлетворила, поймал влагалище-многоножку и, насадив его на могучий член, принялся двигать ею. Существо судорожно сучило лапками, словно испытывая оргазм.

Кубок стал пульсировать быстрее. Чайлд держал голову за уши и яростно всаживал в нее твердый как сталь фаллос. Головка уперлась в горло, потом почти выскользнула изо рта, чтобы мгновение спустя проникнуть еще глубже, так что волосы вокруг пениса терлись о нежные пухлые губы.

Все быстрее и быстрее, ярче и ярче! Зримая пульсация надвигающегося экстаза.

Лед превратился в огонь! Потоки лавы устремились в распахнутый рот. Он закричал, стал яростно двигать бедрами, в своем исступлении едва не выронив голову. Фаллос вошел в ее горло, жесткие волосы царапали нос, Чайлд извергал семя снова и снова, а кубок сверкал, как тысяча солнц!

Пао забрался под голову Мабкруф и стал глотать стекавшую из горла на пол сперму.

Остальные спешили слизать то, что он пропустил. Потом китайца отпихнули в сторону, на его место заполз еще один счастливец. Но и он продержался недолго. Участники оргии, отталкивая друг друга, подставляли распяленные рты под драгоценный дождь. Неудачники водили пальцами по губам или совали их в рот тем, кто смог подобраться к волшебному источнику, а потом жадно облизывали их. Некоторые после этого втирали оставшуюся влагу между ног.

Сладкая дрожь экстаза улеглась, Чайлд исторг последние капли спермы. Сияние быстро померкло. Вскоре от кубка исходило лишь слабое свечение.

Переводя дыхание, Геральд стащил голову Вивьен со своего члена и бросил ее Пао.

— Теперь можешь снова собрать ее

Он сел и мрачно уставился на кубок, чувствуя неимоверную усталость.

Все столпились вокруг него. В шепоте приглушенных голосов чувствовался благоговейный страх. О чем они говорят? Сначала Чайлд не мог разобрать ни слова; потом до него донеслись слова одной женщины: «Он и в самом деле вырос! Немного, но вырос!», и он понял причину восхищенного изумления. Та сторона кубка, где металла не доставало, теперь выросла почти вдвое.

— Вы воистину наш капитан, о Геральд грядущего исхода! — провозгласил Пао, держа обмякший член на ладони. — Но более не Чайлд, не дитя!

На этот раз смысл слов китайца был ясен, правда в общих чертах. Когда тело сотрясал последний могучий оргазм, в мозгу мелькали странные образы. Впрочем, они больше не казались странными. Каким-то неведомым образом древний ритуал пробудил дремавшие глубоко в душе знания о жизни его истинных предков. Точнее, генетическую память.

ГЛАВА 17

Барабанный стук в дверь заставил Форри подскочить. Он распахнул ее, даже не удосужившись проверить, кто к нему ломится. Такое отсутствие бдительности свидетельствовало о расстроенных нервах.

На пороге стоял высокий благообразный мужчина с желтоватыми волосами и темно-синими глазами. С ним были еще двое.

— Меня зовут Хиндарф, — представился незнакомец. — А это Беллоу и Грандер. Мы друзья, старые друзья Алис Мерри. Вы разрешите зайти?

— Здесь нельзя курить, — предупредил Форри, но потом вспомнил, что Алис сидит на диване и яростно дымит

Он впустил их в дом и закрыл дверь. Двое, не дожидаясь приглашения, уселись, а Хиндарф встал в середине комнаты с таким важным видом, словно намеревался стать центром внимания присутствующих. Так и вышло

— Я пришел сюда, чтобы довести до конца наш план, — сказал он.

— Какой план? — спросил Форри.

Он обвел взглядом комнату. Аккерман всегда относился к этому месту как в центре Вселенной. Здесь были собраны рисунки и картины, запечатлевшие самые отдаленные уголки космоса. Все они были созданы теми, кто никогда не покидал пределов Земли, во всяком случае во плоти. Картинки с Марса... Для кого-то — чудное место, но для него — дом.

А теперь личный островок в космосе, с его привычной атмосферой, казался чужим, уплывал, словно сорвавшийся с якоря корабль, в необъятное море, став игрушкой волн.

Вторжение в его маленький мир настоящих инопланетян уничтожало дух, царивший здесь, делало все *фальшивым!* Ведь они, в отличие от хранящихся здесь продуктов человеческой фантазии, *настоящие*. Вопреки собственным утверждениям Форри, жизнь все-таки оказалась реальнее вымысла!

— Вы, очевидно, желаете знать, почему избрали именно вас, — произнес Хиндарф. — К чему втягивать землянина в нашу битву с огами? И зачем нужна ваша помощь, чтобы вызволить капитана?

Форри склонил голову и, подняв брови, бросил взгляд на гостей.

— Да, я спрашиваю себя об этом, пришельцы, — с достоинством произнес он приличествующим представителю всей человеческой расы тоном. — Как говорят в стране, которую мы называем Корея, призывают многих, но выбирают Фу!

Хиндарф сумел сохранить невозмутимый вид:

— Некоторые из вас обладают свойством, которое называется резонансом. Случайное сочетание генов обуславливает рождение людей, обладающих некой психофизической предрасположенностью, которая вызывает феномен белого шума, — так мы его окрестили. Испускаемые их мозгом волны сочетаются с теми, которые исходят от токов, что приводит к возникновению мгновенной симпатии и сочувствия к нам. Кстати, они негативно отражаются на огах, мешая работе рассудка. Так или иначе, этот феномен делает незаметными волны, испускаемые токами. Другими словами, оги и токи чувствуют присутствие друг друга, как лев может учуять запах

антилопы. Однако, если один из генераторов белого шума находится рядом, злодеи оги теряют такую способность.

Форри скрестил пальцы:

— Я никогда не делил все вокруг на белое и черное. В этой Вселенной гораздо больше серого цвета!

— Можете хоть что-то хорошее сказать про нацистов? — спросил Хиндарф.

— Пожалуй... они придумали ракеты, а это привело к тому, что мы ступили на поверхность Луны.

Алис Мерри расхохоталась:

— Тогда поцелуй меня в задницу и зови своим Адольфом!

— Вульстон Хипиш — один из огов, — нахмурился Хиндарф. — Вульстон стал не просто соперником, он превратил себя в настоящую пародию на вас и постоянно воровал экспонаты вашей коллекции. Вы считаете, что в нем больше серого, чем черного?

— Он черен, черен, как мысли дьявола! — взволнованно произнес Форри. — Не далее как вчера...

— Знаю! — нетерпеливо махнул рукой Хиндарф. — Вопрос заключается в следующем: захотите вы нам помочь или нет? Это связано с опасностью, но вы серьезно уменьшите ее, если согласитесь сотрудничать с нами. Мы собираемся освободить Чайлда. Он стал пленником огов. И эманации, которые исходят сегодня из дома, в котором он содержится, указывают на его участие в церемонии выращивания Грааля. Скорее всего он не отдает себе отчета в том, что делает, хотя это уже не так важно. Он делает то, что желают похитители.

— А вы не знаете других землян, способных помочь вам? — спросил Форри. В его воображении воскресли юношеские фантазии, в которых он оказывался в центре внимания законспирированных групп марсиан и венериан. Инопланетяне вели безжалостную тайную борьбу за контроль над Землей. Обычно Аккерман вставал на сторону марсиан. В их противниках чувствовалось что-то зловещее, жабе, ползучее. И этот проклятый дождь! Едва он подумал о нем, как воображение превратило залитый семидневным ливнем Лос-Анджелес в планету Венеру, какой ее описывали писатели в старые добрые времена золотого века фантастики, — конец тридцатых—сороковые годы!

— Нет, — ответил Хиндарф — В этом месте никого.. да и в других тоже Ни один не выпускает белый шум так сильно, как вы

— Конечно, вопрос не имеет к нашему делу никакого отношения, — не удержался Форри, — по почему Хипиш у меня крадет?

— Потому, что ему хочется включить ваши вещи в свою коллекцию и переправить ее на родную планету Хипиш очень жадный и тупой ог Вот почему он стянул у вас несколько экспонатов, вместо того чтобы забрать всю коллекцию, когда придет время улететь к себе.

— Что?! — пронзительно воскликнул Форри. — Всю коллекцию?

— О да, — подтвердила Алис Мерри, нагло выпуская в его сторону струйку дыма. — Он планирует обчистить твой дом и гараж. Знаешь, ведь для этого ему достаточно пары минут, если он воспользуется помощью капитана. Коллекция переместилась бы в огромный амбар позади нынешнего логова огов. Когда капитан переместит наших врагов на родную планету, он прихватит и коллекцию. Которая, кстати, состояла бы из множества произведений искусства, не считая археологических находок, книг и прочее, и прочее, для музеев огов.

— Вы сможете посетить наш мир, если захотите, — объявил Хиндарф. — И вдобавок, собрание Хипиша перейдет к вам. Мертвому такое ни к чему!

— Мертвому?

Хиндарф кивнул:

— Конечно. Мы собираемся уничтожить огов. Всех до единого.

Форри был противником насилия, пусть даже негодный вор заслужил казнь! Но перспектива отправиться на другую планету, да еще за пределами нашей галактики!.. Он, только он, избранный представитель человечества, совершит путешествие в неведомое. В детстве Форри мечтал стать первым землянином, ступившим на поверхность Луны и Марса; потом заветное желание поблекло и растаяло как сон. Он даже не сможет посетить их в качестве туриста. И вот ему предлагают бесплатный вояж на планету почище Луны и Марса, вместе взятых! Невообразимо далекий и странный мир, освещенный лучами другого солнца!

— Но я смогу потом вернуться, когда захочу? — спросил он осторожно. — Понимаете, мне не хочется покидать Лос-Анджелес навсегда. Здесь останется моя коллекция и замечательные друзья.

— Конечно, — заверил его Хиндарф.

— Я также должен предупредить, что, если это связано с чем-то, требующим большого напряжения, я стану обузой, — сказал Форри. — Мое сердце.

— Алис нам уже все рассказала.

Форри вытаращил глаза:

— Все?!

— Все, связанное с вашим здоровьем, — успокаивающе произнес Хиндарф.

— Что ж, тогда ладно, — облегченно вздохнул Аккерман. — Хорошо, я помогу вам. Но только как генератор белого шума. Даже не просите меня участвовать в истреблении этих огов.

Четверо инопланетян улыбнулись.

Форри тоже ухмыльнулся, но особой радости не испытывал. А вдруг он сейчас, сам не зная, продал душу Дьяволу? Кажется, оги и вправду злодеи, но ведь и токи могут оказаться не такими уж святыми. Что, если перед ним случай, когда враждующие стороны в действительности ничем не отличаются друг от друга?

ГЛАВА 18

Проснувшись, Чайлд почувствовал себя совершенно опустошенным. Его жег стыд.

Он бросил взгляд на спавшую рядом Сибил, потом повернулся на спину и долго не отрывал глаз от потолка.

Прошлой ночью с ним произошло что-то странное. Или это случилось раньше? Часы куда-то подевались, и он потерял счет времени.

Тогда, на церемонии Граализации, в его голове внезапно словно повернули ключ, освободивший некий скрытый пласт памяти или включивший заложенную при рождении программу. Чайлд прошел все стадии ритуала, не сделав ни единого неверного шага. Ему не понадобились ничьи инструкции или советы.

Когда Геральд заставил кубок сиять пульсирующим светом, он ощутил экстаз, намного превосходящий обычный оргазм. Трудно отделить сексуальный аспект пережи-

того от остальных, но он сознавал, что по крайней мере часть испытанного наслаждения даровал ему кубок.

Последний эпизод с отделившейся от тела головой Вивьен, вынужденной даже в таком состоянии удовлетворять его, в тот вечер казался великолепной находкой и апофеозом справедливой мести. Сейчас все предстало в ином свете и выглядело отвратительно и дико. Господи, что на него нашло тогда? Как он мог додуматься до такого!

Чайлд сознавал, что, когда его вновь усадят с этой странной штукой, он, очевидно, сделает то же самое. Не стоит тешить себя иллюзиями!

Самое ужасное состоит в том, что он стал послушным орудием в руках людей — точнее существ, — казавшихся самим воплощением зла! Но рядом с кубком он уже не в силах сделать что-нибудь, сопротивляться... В каком-то смысле кубок управлял Чайлдом больше, чем он этим куском необычного металла!

Для чего проводилось действо, какого результата они ждут от следующих сборищ?

Чайлд решил, что откажется участвовать в ритуале, пока ему не ответят на все вопросы. Он вновь подумал о Сибил. Станут ли ее пытаться, чтобы заставить его повиноваться? Хорошо узнав огов, Чайлд не сомневался, что они пойдут на все, лишь бы добиться желаемого. Значит, из-за него Сибил станет... Он содрогнулся.

Размышления прервал стук. Он был слабым и почти не проходил сквозь толстую металлическую дверь, но Чайлд услышал его. Кажется, после ритуала у него обострился слух.

Чайлд встал с кровати и только тут заметил, что на нем нет одежды. Наплевать! Он подошел к двери, распахнул ее. На пороге стояла Вивьен, за ней — Пао.

— Вы, ребята, так далеко ушли вперед в развитии всяких технологий, что могли бы придумать более легкий способ привлечь мое внимание.

— Вы указали на то, что желаете полного уединения, — сказала Вивьен. — Мы отключили мониторы, средства связи и зеркала.

— Очень мило с вашей стороны, — отозвался он. Как они стараются продемонстрировать свою ангельскую доброту и порядочность!

— Покажите, где это самое переговорное устройство, и я свяжусь с вами, когда захочу. И не вздумайте включить что-нибудь еще!

— Что пожелает капитан... — прошептал Пао.

— Он пожелает получить хороший завтрак, а потом — ответы на все вопросы!

— Разумеется, — сказал Пао с таким видом, словно был удивлен: как Чайлд может сомневаться в их готовности открыть всю правду.

— Я встречаюсь с вами через десять минут, — добавил Чайлд. — Да, объясните мне, как пройти в столовую. И оставьте дверь открытой.

Пао сильно смутился, но потом взял себя в руки и уверенно произнес:

— Прошу нас извинить, капитан, но вам придется остаться здесь. Ради вашей же безопасности. Существуют негодяи, желающие причинить вам вред. Вам нельзя выходить за пределы этой комнаты. За исключением, конечно, Граализации.

— Граализации?

— Обряда создания цельного кубка Грааля.

— Значит, все повторится снова?

— Повторится.

— Тогда все понятно. Я нахожусь в плену.

Пао слегка поклонился и поправил его:

— Под охраной, капитан. Ради вашей же пользы.

Чайлд захлопнул дверь перед их носом и разбудил свою бывшую жену. Сибил не хотела вставать, но он объявил, что она должна все слышать. Он направился было в ванную, но замер: из-под кровати торчала длинная волосатая морда! Спящее создание чем-то походило на черную собаку размером с датского дога. Чайлд потрогал его мокрый нос. Оно сразу открыло глаза.

— Ты еще кто такой, и что делаешь под моей кроватью?

Темно-коричневые влажные глаза показались ему знакомыми. Но само животное, выползшее из-под кровати, никак не могло встретиться ни Чайлду, ни другому человеку. Спереди оно напоминало огромного спаниеля, а сзади — обезьяну. Встав на получеловеческие-полузверинные лапы, существо проковыляло к стулу и уселось на него, положив на передние лапы свою растрепанную морду с висящими ушами. На обезьяньей половине тела

обильно росли волосы, но они все же не скрывали низ живота. Мошонка — как у человека. Над ней торчит пенис, покрытый выростами-бородавками.

— Я проголодался, — сказал Чайлд. — Но, увидев тебя, кто бы ты ни был...

Он не испытывал страха, только отвращение. Создание казалось вполне безобидным. Большие влажные «собачьи» глаза и сквозившая в каждом движении усталость лишь подчеркивали это. Но его появление лишний раз доказывало неземное происхождение тех, кто здесь собрался.

Сибил, казалось, совершенно не испытывала страха. Странно! Она должна была уже биться в истерике!

— Сибил, он спал с тобой прошлой ночью?

— И он тоже, — невозмутимо ответила его бывшая жена.

— Значит, кто-то еще?

Насколько он помнил, на церемонии отсутствовал только Плаггер.

— Нет, не думаю... Кажется, он перевоплотился в это существо за полчаса до того, как мы закончили...

Чайлд не стал интересоваться, что имелось в виду под словом «закончили».

— Он сказал, что почти выдохся, — сообщила Сибил. — Прежде чем прийти ко мне, провел время в компании с тремя пленными токами. Думаю, занимался с ними содомией: вводил свой вялый член в их зад, так что они получали небольшой разряд тока. Единственный случай, когда электрический шок приносит наслаждение! А потом он пришел ко мне.

Чайлд решил, что не вправе упрекать ее. Да и зачем? Сибил не упускала ни малейшей возможности заняться сексом и вкладывала в это всю душу. Попутно не уставала уверять, что он — ее единственная любовь. Правда же заключалась в том, что ее подлинной и единственной страстью был сам секс!

Самое невероятное в случившемся заключалось вовсе не в превращении Плаггера в некую полусобаку-полуобезьяну, а в спокойной реакции Сибил на подобную метаморфозу. Правда, она сейчас могла находиться в глубоком шоке.

— Почему Плаггер решил подбодрить узников таким способом? — спросил он.

— Он сказал, что все находящиеся в доме, включая даже токов, должны участвовать в обряде Граализации. Только если все мы совокупимся с огом, будет достигнут нужный результат.

— Капитан! — послышалось из нефритовой статуэтки, стоявшей на столике возле кровати. — Желаете что-нибудь?

— Да, желаю! — резко произнес Чайлд, поворачиваясь к переговорному устройству. — Уберите отсюда эту мерзость! Меня тошнит от Плаггера!

Через несколько секунд дверь открылась. В комнату вошел высокий светловолосый мужчина, — он стоял первым в очереди во время обряда. За ним следовали две женщины с подносом. Блондин взял Плаггера за лапу и вывел, а дамы принялись раскладывать еду. Гренки с яйцами и кофе оказались просто превосходными.

Весь завтрак он не сводил глаз с Сибил. Та весело щебетала, словно не замечая его пристального взгляда. За время заточения нервы у нее стали просто стальными!

Насытившись, Сибил отправилась в ванную «подготовиться к новому дню», как она заявила. Вскоре пришли Пао и Вивьен. Мабкруф сразу же опустилась на колени перед Чайлдом, пробормотала: «С вашего разрешения, капитан!»

Потом поцеловала головку фаллоса. Чайлд отнесся к этому спокойно. Что ж, если у них так принято... Обычай, что и говорить, разительно отличался от церемонии приветствия августейших особ. Там все-таки принято целовать руку.

Тем временем Пао прикоснулся к члену пальцем:

— С вашего разрешения, капитан!

«Так вот, оказывается, где скрыта вся власть и слава», — невесело подумал Чайлд. Неудивительно, что Игеску и остальные похитители, державшие когда-то его в заточении, не могли удержаться от соблазна, хотя им запрещено было трогать Младенца, дабы не мешать ему развиваться в инопланетный вариант Спасителя. Он уяснил это из разговора Вивьен со старшим из компании токов, вырвавших его из рук Мабкруф.

Интересно, собирались оборотни-волки растерзать его, как решил во время бегства из усадьбы барона Чайлд? Может быть, они просто хотели загнать его обратно? А псевдолеопард, прыгнувший на него, когда он пришел

умертвить лежавшего в дубовом гробу барона? Наверное, создание хотело лишь испугать его и спасти от гибели Игеску?

Теперь ясно, что значили слова о грядущей роли Младенца. Он стал капитаном. Но оставалась еще масса неясного. Например, откуда взялись поставленные у его дома машины, кто и зачем ставил их там?

Словно угадав мысли Чайлда, Вивьен произнесла:

— Несколько лет назад у нас была почти половина Грааля, — плод сотен лет кропотливого труда. Потом его украли токи. Мы бросились в погоню, убили двух и настигли третьего похитителя. Он забежал в железно-дорожное депо и, увидев, что окружен и прорваться невозможно, бросил драгоценную добычу в контейнер с металлоломом. Тогда мы не знали этого. Но чуть позже выудили правду при допросе.

— Могу себе представить. — Чайлд прикрыл глаза и содрогнулся.

— Но к тому времени металл уже попал в плавильную печь. Мы провели тщательнейшую (и очень дорогостоящую!) работу по розыску той плавки. Из нее потом произвели машины одной модели и марки. И тогда...

— Но вы не знали, какие именно машины содержат частицы Грааля? — спросил Чайлд. Он начинал понимать.

— К счастью, эти машины перевезли в наш район. Мы сузили поиск до трехсот штук. Потом стали их угонять и ставить перед вашим домом, капитан. Нам повезло... очень повезло! Три машины содержали частицы металла, из которого сделан Грааль. Они начинали светиться, когда вы находились вблизи, но вы не замечали свечения, — скрывала краска, к тому же оно было слабым.

Их переплавил человек, которому мы хорошо заплатили за работу и молчание... Потом выделили крохотные крупинки Грааля и использовали их для того, чтобы обнаружить другие машины. Ведь если их сблизить друг с другом, они начинают светиться.

Нам больше не требовалась ваша невольная помощь, поскольку теперь мы точно знали, в каких автомобилях содержится металл, и машины перестали появляться возле вашего дома. Пришлось, конечно, подкупить кое-кого, чтобы выяснить имена владельцев. К сожалению, увезти все оказалось невозможно.

Но мы собрали достаточно частиц, чтобы они стали своеобразным «семенем», из которого «вырастет» недостающий металл. Процесс Граализации страшно истощает силы капитана и утомляет остальных участников ритуала. Но тут уж ничего не поделаешь!

Чайлд понял далеко не все и попросил Пао объяснить некоторые детали. Беседа длилась полтора часа, но даже после нее он получил не все ответы.

Чайлд не поверил утверждениям китайца о том, что «плохими парнями» в этой странной истории были токи, а оги, соответственно, — положительными героями. Возможно, первые действительно прожженные злодеи, но вторые ничем не уступают им!

Однако исполнение мечты пришельцев объективно пойдет на пользу Земле. Он не предаст свою планету — наоборот, отправив огов на их далекую родину, окажет человечеству огромную услугу, хотя вряд ли ему когда-нибудь воздадут должное за «проявленный героизм». Расскажи Чайлд обо всем, что произошло, в награду обязательно получит бесплатную путевку в сумасшедший дом!

В его нынешнем привилегированном положении было несколько непонятных моментов. Во-первых, после выполнения требований огов Чайлд мог вернуться на Землю и осчастливить токов так же, как их противников. Если его нынешние стражи сумели распотрошить машины и сделать Грааль, что мешает точно так же поступить токам? Ведь автомобилей, в которые вплавлен драгоценный металл, осталось немало.

Оги, конечно, думали об этом. Что они собираются предпринять, чтобы лишиться его такой возможности? Чайлд очень не хотел обсуждать подобные темы, потому что в равной степени боялся услышать и ложь, и правду. Если пришельцы планируют убить его или оставить пленником в своем мире, то, уж конечно, не признаются ему! А заведи он разговор на такую тему, они наверняка решат убрать или упрятать его, даже если раньше не собирались делать ничего подобного. Он проиграет и в первом, и во втором случаях.

— Это будет просто невероятно! — говорила тем временем Вивьен. — Когда Грааль предстанет во всей красе, вы, капитан, сможете материализовать всех огов, которые скитаются по всей планете в виде сгустков энергии.

Чайлда ошеломили ее слова, хотя совсем недавно он был твердо убежден, что его уже ничем не удивишь.

— То есть мне придется дать вашим мертвецам... как бы это сказать... новую плоть?

— Вы дадите им возможность самим создать ее, — ответила Мабкруф.

— И для всех нас наступит великий день — День Воскресения! — взволнованно произнес Пао. Его раскосые, как у лисы, глаза заблестели, в них отражался красный свет лампы.

— А где произойдет это самое воскресение, материализация, или как вы там ее называете?

— Они восстанут в человеческом обличье в амбаре за нашим домом, — ответила Вивьен. — Там места более чем достаточно, несмотря на обилие вещей.

— Их будет девятьсот, — объявил Пао. — Сразу всех одеть плотью невозможно. Вы можете управлять этим процессом, капитан! Каждый раз, например, материализовать по десять—двадцать наших соратников. Их проведут из амбара в здание.

«Теология Дня Воскресения! — подумал Чайлд. — А я, значит, заменяю Всевышнего?»

— А лорд Байрон, мой подлинный отец? Он тоже окажется в их числе?

— Нет-нет! Вы забываете, капитан, что...

Он замолчал на полуслове, явно не желая продолжать. И неудивительно! Байрон ведь окажется среди призраков токов, которых материализовать не планируется. Пао, должно быть, старается сейчас угадать, что думает Чайлд. То, что отец капитана — ток, легко могло привести его к выводу, что именно враги огов — положительные герои этой драмы.

— Байрон был очень талантливым молодым человеком, но страшно погряз в пороке, — осторожно и медленно произнес Пао. — История умалчивает, до какой степени он предался злу, но сохранились косвенные указания на это. Конечно, общество не знало всей правды, иначе его казнили бы! Сожалею, капитан, что вынужден говорить такое о вашем отце, но правда есть правда. К счастью для вас, мы успели спасти нашего капитана от токов!

Скрытый смысл фразы Пао угадывался легко. Благодетели-оги спасли Чайлда от мрачной перспективы пойти по родительским стопам.

— Я должен все хорошенько обдумать, — сказал Чайлд. — Мне бы хотелось побыть одному. Я сегодня вам понадоблюсь?

— Сегодня токи собираются, чтобы напасть на дом, — извиняющимся тоном произнес Пао. — Сейчас как никогда важно выиграть время. Мы надеялись, что к вечеру вы накопите достаточно сил и будете готовы к Граа-лизации.

— Я жду вас после обеда, — подытожил Чайлд.

Пао поклонился, а Вивьен хотела было вновь припасть губами к фаллосу капитана, но он отстранился, бросив:

— Мне необходимо сохранить энергию.

Ответ Чайлда явно понравился Пао, но рыжеволосая красавица нахмурилась, закусил губу и молча повернулась, чтобы удалиться. Чайлд остановил ее:

— Минутку, Вивьен. Помнишь, что случилось прошлой ночью? То есть ты оставалась в сознании, когда, гм-м... рассыпалась на части?

— Да, но чувствовала себя, как во сне. Когда меня собирали, я сохранила смутные воспоминания...

— Ты испытываешь оргазм в «разобранном виде»?

— Даже если что-то и происходит, не помню. Если ты хотел отомстить, то получил жалкое подобие расплаты, так же как, очевидно, я — подобие оргазма.

— У меня еще кое-как укладываются в голове твои приятели с их фантастическими свойствами: о таком упоминают легенды, сказки, поверья. Но мне ни разу не приходилось слышать о созданиях твоего типа. О вас что-нибудь было известно людям?

— Если ты намекаешь на строение тела, автономизацию, как я называю это, и живущего во мне ога, то ответ отрицательный. Я уникальна. Кстати, я относительно молода. Вновь материализовалась в 1562 году, погибла в 1431 году нашей эры, как сейчас принято вести отсчет. Живущий во мне ог умер в 1440 году. У меня не было лучшего друга ни среди соплеменников, ни среди людей.

— Так эта тварь когда-то носила человеческую оболочку?

— Да. Видишь ли, когда нам удалось материализоваться снова в 1562 году, мы перестроили тела в их нынешнем виде. Такие вещи для огов возможны, до определенных пределов, конечно. Приходится считаться с

законами природы. Но с нашими невероятными знаниями получаешь возможность делать с материей то, что вам, землянам, и в голову не придет.

Мы часто говорили о таком симбиозе, видели в нем возможность удвоить интенсивность любовных игр. Поэтому материализовались в нынешнем виде. Правда, при этом допустили одну ошибку. Вернее, ее допустила я. Я почему-то думала, что, если смогу разделить себя на автономные части, они тоже познают любовь, то есть, я хочу сказать, оргазм, и будут передавать ощущения друг другу. В общем, моя идея не сработала.

Говорит Вивьен правду или лжет? Сказанное казалось чем-то уж совершенно фантастическим. Возможно ли, чтобы кто-то сам совершил с собой такое! Разве не правдоподобней предположить, что сразу после материализации Вивьен и ее дружка поймали токи. Потом враги превратили их в то, что они сейчас собой представляют. Трудно понять, для чего они это сделали, но все-таки садистская шутка с пленными — более правдоподобный вариант, чем ее объяснение.

— В пятнадцатом веке нам пришлось пройти через страшные испытания, — продолжала она. — Его повесили и сожгли, а я сгорела на костре.

— Значит, ты была ведьмой? Тогда все умерщвленные в средние века колдуньи и в самом деле виновны?

— О нет! Не могу назвать себя невиновной, но ведьмой я не была. По крайней мере, в том смысле, как это понимали мои палачи. Меня ведь сжег один англичанин. Ты знаешь?

— Нет. А кем ты была? Известной личностью? Я мог где-нибудь читать о тебе?

— Думаю, да. Меня звали Жанна д'Арк. А того, кто живет в моем лоне, — Жиль де Ре.

ГЛАВА 19

После ухода огов Чайлд прилег на кровать. Сибил проснулась в самом конце их беседы, поэтому он пересказал ей содержание разговора.

Выслушав Геральда, Сибил заметила:

— Я всегда считала, что Жанну д'Арк англичане отправили на костер по ложному обвинению. Ее ведь потом оправдали, правда?

Жанну осудила Церковь; она же, в лице святых отцов, сняла обвинение, а потом объявила «ведьму» праведницей. Думаю, все дело в том, что наша Вивьен стала для французов национальной героиней.

— А я не понимаю, что надо было Вивьен... то есть Жанне? С какой стати огу пытаться спасти Францию от завоевателей-англичан?

— Возможно, ради собственных интересов. Кто знает, что она собиралась делать после того, как передаст бразды правления королю-французу? Не исключено, что Вивьен хотела позднее занять его место или использовать как марионетку и получить фактическую власть над страной. А может, даже намеревалась изгнать англичан, а потом вторгнуться в Британию и снова объединить две державы. Я не спрашивал, чего они с Жилем де Ре добивались тогда. Что ж, при случае надо поинтересоваться. А сейчас я еще не пришел в себя от того, что услышал.

— А кто такой этот Жиль де Ре, Чайлд?

— Военачальник; один из самых искусных и храбрых воинов Франции. А еще дичайший садист, психопат с гомосексуальными пристрастиями, который заманивал в свой замок, похищал, а затем пытал, калечил и убивал во славу Сатаны сотни детей. Мальчиков и, по-моему, девочек. В те дни член королевской семьи или представитель знати мог позволить себе многое, не опасаясь возмездия, но этот зашел слишком далеко даже для своего кровавого времени. Его обвинили в колдовстве, ритуальных убийствах и других страшных преступлениях, включая, по-моему, содомию. Жилия де Ре приговорили к смерти, и совершенно правильно! Мало найдется диких изуверов, подобных ему. По сравнению с нашей змейкой Джек Потрошитель кажется старым добрым чудяком!

Сибил содрогнулась, но промолчала. Чайлд поднялся с кровати и начал раздеваться. Сибил удивленно следила за ним.

— Снимай с себя все, — сказал он.

— Зачем?

— Хочу заняться с тобой любовью. Что тут странного?

— После прошлой ночи — странно... — неуверенно начала она и стала медленно расстегивать блузку. Потом

остановилась: — Разве ты не должен побережь себя для нынешнего вечера?

— Давай-ка я тебе помогу. — Чайлд подошел и сам стал возиться с пуговицами. — Верно. Но то, что хотят они, вовсе не всегда совпадает с моими желаниями. И еще: если я приду совершенно выжатым, что им останется делать?

— Нет-нет! Не надо им перечить!

— Ты на чьей стороне, Сибил?

— Ну конечно, на твоей! На чьей же еще! Но мне не хочется, чтобы они злились на тебя. И на меня!

— Скажешь, что я овладел твоей волей. — Чайлд усмехнулся. — И не только волей!

— Ох, надо бы отказаться... — произнесла она медленно, не отрывая глаз от увеличивающегося члена.

— Ну давай! Прикоснись к нему!

— Я же не ог, — отозвалась она. — Но если ты хочешь...

Он снял с Сибил блузку, расстегнул бюстгальтер, обнажив полные красивые груди, еще не начавшие отвисать. Чайлд прикоснулся губами к соскам; они набухли. Тогда он принялся лизать упругие комочки плоти.

Она стояла, прижавшись к Геральду, слегка выгнув спину, и бессильно стонала. Потом стала нежно гладить пенис. От этой ласки разбухшая плоть поднялась, головка увеличилась.

Оторвавшись от напряженной груди бывшей жены, Чайлд заставил ее отступить к кровати и осторожно опрокинул на спину. Стянул юбку, трусики, примостился между стройных ног. Пушистый треугольник внизу живота намок от выделившейся влаги: Сибил всегда быстро возбуждалась.

Чайлд провел языком вдоль раздутых влажных губ, просунул его в щель и начал водить вверх и вниз, то и дело прижимая к разбухшей кнопочке клитора. Наконец стал энергично лизать его, ввел два пальца в податливую плоть и стал двигать ими. Сначала медленно и осторожно, затем все быстрее и быстрее.

Сибил содрогнулась, вцепилась в волосы Чайлда, из ее горла вырвался полустон-полукрик.

Отдохнув, он поднялся, переместился выше, пока пенис не оказался вблизи полуоткрытых губ. Он осторожно, но властно наклонил ее голову.

Головка твердого как камень фаллоса налилась кровью; натянутая кожица, казалось, вот-вот не выдержит и лопнет. На упругой колонне плоти, словно канаты, выступили вены.

Сибил водила языком по напрягшимся шарикам яичек, щекоча пальцем упругое колечко ануса, введя его наполовину внутрь. Жаркая влажная печь рта, трепетные прикосновения к чувствительной плоти, приятное расширяющее чувство и тепло... Чайлд застонал.

Сибил провела языком вдоль вставшего в полный рост фаллоса, немного поиграла с волосами лобка, и наконец ее губы сомкнулись вокруг головки. Чайлд ощутил дразнящее прикосновение к крохотным нежным припухлостям, окаймляющим отверстие в ее центре. Член то появлялся, то вновь исчезал во рту Сибил, ее зубки слегка задевали чувствительную плоть.

Мышцы живота и бедер напряглись до предела; он словно взорвался! Сибил жадно проглотила извергнувшуюся в рот сперму. Она не выпускала его плоть и работала языком, прерываясь лишь, чтобы прошептать что-нибудь возбуждающее. Вскоре член снова стал расти. Когда напряжение достигло пика, Чайлд попросил ее лечь, накрыл своим телом и сразу вогнал пенис так глубоко в податливое лоно, что волосы внизу живота сплелись. Какое-то время он не двигался, наслаждаясь мягкой нежностью тела, державшего часть его собственной плоти в своей уютной влажной темнице. Внутренние мышцы влагалища сжимались и разжимались, массируя фаллос.

— Сама знаешь, Сибил, я не супермен, — сказал он. — Как правило, меня хватает раза на два. Но когда я был пленником у Игеску, мне вставили в зад свечу, и она служила и афродизиак, и как бы источником дополнительной энергии. Прошлой ночью мне дали выпить какое-то вино, что привело к такому же результату. Возможно, оно продолжает действовать. Вот почему я так быстро восстановил силы после первого раза. Но можно все объяснить и по-другому. Я слишком долго не видел тебя. Ты и есть мой афродизиак! Неважно. Я люблю тебя и не хочу вылезать из постели целый день!

— Я тоже люблю тебя, — прошептала Сибил — Чайлд, давай продолжим?

Он стал двигаться, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, повинаясь ритму огненного прилива, бушевавшего внутри. Она закричала, охваченная экстазом. В то же мгновение наслаждение достигло пика; Чайлд тоже застонал, извергнув струю спермы в ее лоно. Сибил распростерлась на простынях. Слезы, залившие ее лицо, капали на подушку.

Очевидно, он все-таки был прав относительно афродизиака. Член, потерявший твердость после бурного извержения, оставался во влагище. Минуты через две он полностью окреп и мог использовать оставшиеся резервы энергии.

На сей раз, однако, оргазм последовал не так быстро. Он без перерыва двигался в ней минут пятнадцать, ощущая растущее наслаждение, но оно не переросло в экстаз. Зато у Сибил оргазм следовал за оргазмом. Она бесильно раскинула руки. Широко распахнутые глаза уставились в потолок, голова измяла подушки, по щекам катились слезы, а из горла рвались мучительно-сладкие стоны.

Внезапно она дико закричала и лишилась чувств. Чайлда это ничуть не беспокоило: с ней часто случалось такое. После особенно острого взрыва наслаждения она теряла сознание.

Но на сей раз с его бывшей женой творилось что-то странное. Белоснежная, гладкая, но влажная кожа на глазах у Чайлда стала покрываться красными, как у ирландского терьера, и мокрыми волосами. Лицо вытянулось, превратилось в морду животного, шелковистые длинные волосы стали короткой щетиной, маленькие нежные ушки заострились, покрылись густой шерстью, глаза теперь располагались по краям головы.

В ту же секунду раскинутые в истоме руки с изящными пальчиками и ухоженными ногтями трансформировались в мохнатые лапы, увенчанные короткими тупыми когтями. То же самое произошло с ее ногами, все еще закинутыми на его плечи. В живот уперся большой упруго-жесткий волосатый член, запачкав кожу мутновато-белой жидкостью. Тягучие капли стекли на пенис Чайлда, на половину вошедший в прикрытый густыми волосами анус неведомого существа.

Несмотря на шок и отвращение, Чайлд уже не мог остановиться. Когда началась метаморфоза, он готов был

исторгнуть семя. Кроме того, он довольно давно начал подозревать, что Сибил подменили. Она слишком спокойно, даже равнодушно относилась к происходящему, в частности к перевоплощению Плаггера, выказала плохо скрытое желание заполучить Чайлда в постель. Подлинная Сибил, даже если бы испытывала страшную потребность в сексе, отказала бы ему из страха истощить запасы драгоценного семени и вызвать гнев похитителей. Лежащее под ним существо, очевидно, тоже боялось, но не смогло устоять перед искушением испробовать, не делаясь ни с кем, всю силу, мощь и величие фаллоса капитана.

Это стало роковой ошибкой. Обезумев от наслаждения, оно потеряло над собой контроль. Более того, сейчас тварь явно не сознавала, что произошло.

Чайлд выстрелил струей спермы в покрытый рыжеватыми волосами зад. Он испытал оргазм такой силы, что, придя в себя, почти пожалел существо. Пожалел, но не простил.

Тяжело дыша, он немного полежал на волосатом мокром теле.

Потом слез с постели и схватил тварь за горло. Она оказалась одного с ним роста и почти такой же тяжелой, но ужас обессилил ее. Большие коричневые глаза вылезли из орбит, пасть широко распахнулась, лапы отчаянно забили по воздуху.

Чайлд повернулся и потащил существо к двери за уши. Он кричал до тех пор, пока не щелкнул замок, а потом точным ударом ноги, пришедшимся прямо под хвост, вышиб его в коридор. Три ога, подхватившие волосатое тело, казались ошеломленными.

— Хватит с меня ваших трюков! — выкрикнул Чайлд. — Где моя жена? Или вы ее приведете сюда, и немедленно, или ничего больше от меня не дожждется. Делайте что угодно, мне наплевать!

Существо поднялось, потерло пострадавшую волосатую шею и жалобно заскулило. Потом попыталось что-то сказать, но с такой пастью нельзя произносить членораздельные фразы.

— Убейте эту мерзость! — вновь крикнул Чайлд. — Когда убьете, принесите доказательства! А потом приведите мою жену, Сибил, живую и невредимую!

Дверь закрылась. Не в силах сдержать приступ бес-
сильной ярости, он метался по комнате. Злость сменилась
отчаянием, из глаз сами полились слезы. Он долго пла-
кал, а когда немного успокоился, поднялся, принял душ и
стал одеваться.

В комнату вошли Пао, О'Брайан и высокий светло-
волосый швед.

ГЛАВА 20

В девять вечера Форрест Аккерман вместе с четырьмя
токами, включая Алис, отправился на встречу. Форри
пришлось до предела напрягать воображение, чтобы объ-
яснить разгневанной Венди, почему он должен пропу-
стить ежемесячный обед с друзьями, а потом выдумывать
новый вариант для хозяев. Вряд ли кого-то удовлетворили
его доводы, но, по крайней мере, они были куда правдо-
подобнее истинной причины!

После пяти дождь на несколько часов прекратился,
облака немного поредели. Затем вновь сгустились тучи,
сверкнула молния, раздались первые раскаты грома. Еще
полчаса, и хлынул самый настоящий ливень.

Все передачи по радио были посвящены сообщениям о
потерянных жизнях и причиненных наводнением разру-
шениях. Страшные новости прерывала лишь рок-музыка.
Более двух тысяч зданий покинуты жильцами из-за угрозы
разрушения. Большинство каньонов закрыли даже для
тех, кто там жил. Небольшие речки и ручейки, струящи-
еся вниз по холмам, стали бурлящими потоками. В до-
лине Сан-Фернандо вода зачастую доходила до колен.
Деловая жизнь замерла; пришлось отменить большую
часть автобусных маршрутов. Губернатор вынужден был
в конце концов объявить три округа зонами бедствия.
Налогоплательщики требовали усмирить стихию; страхо-
вой агент застрелен в упор разъяренным человеком, дом
которого накрыла лавина селя.

В гастрономах начали исчезать продукты. Обнару-
жили загрязнение питьевой воды, канализационные тру-
бы оказались забиты. Несмотря на почти непрерывные
ливни, бушевали пожары. Одна пожарная машина, спе-
шащая на вызовы по двадцать раз в день, провалилась в
огромную яму, созданную потоками, льющимися с хол-

мов. Люди сумели спастись, но машину вытащить не удалось.

Перед самым уходом Аккерману позвонила Венди. Вечеринку пришлось отменить, хотя большинство гостей, приглашенных на ежемесячную встречу фэнов и «сочувствующих», жило на расстоянии нескольких миль от места сбора. На самом деле сделать это следовало раньше, но хозяйка дома отличалась редким упрямством.

Форри облегченно вздохнул. Вранье ложилось тяжким бременем на его чистую душу. В то же время он презирал себя за такое чистоплюйство. Действительно, почему он должен беспокоиться из-за какой-то вечеринки, когда от того, что он и друзья-токи совершат нынешним вечером, зависит судьба всего мира? Но он все равно беспокоился.

Хиндарф вел грузовик. Он пробивался вперед с большим трудом: вода временами поднималась выше колес машины. На пересечении Сансет и Беверли-Драйв он подогнал свой грузовик к обочине. Через пять минут взвизгнули тормоза. Прибыл полуприцеп с автофургоном.

Они выбрались из грузовика и по щиколотку в воде поплелись к фургону, цепляясь друг за друга, чтобы течение не сбило с ног. Мимо пронеслось бревно, служившее, судя по всему, стойкой для доски объявлений. Задень оно кого-нибудь, наверняка сломало бы ногу.

В автофургоне разместилось человек двадцать. Задние двери захлопнулись, машина рванула с места. Высокое шасси и могучий мотор позволяли прорываться вперед там, где обычный легковой автомобиль скрылся бы под водой.

По пути Хиндарф инструктировал их. Наверное, все, за исключением Форри, уже знали всё о предстоящем, но Хиндарф добился, чтобы его слушали. На напутствие ушло минут пятнадцать; еще десять минут потратили на то, чтобы надеть ласты, натянуть гидрокостюмы, прикрепить баллоны и маски. Форри запротестовал, — ему никогда не приходилось заниматься подводным плаванием, — но его успокоили, объявив, что погружение продлится не больше одной минуты. Костюмы предназначались для того, чтобы не переохладиться в ледяной воде.

Фургон остановился на крутом склоне, двери расклялись. Специально для Форри на землю спустили

небольшую лестницу. Остальные прыгивали вниз. Они находились в Топанга Кэньон, перед самой дорогой, ведущей к жилищу огов. Бурлящий там буроватый поток соединялся с другим, — вода по щиколотку, — стекавшим с Топанга. Форри был рад, что надел костюм и ласты, а тяжелый баллон помогал оставаться в вертикальном положении. Но он боялся, что не сможет подняться по склону. Он так и сказал Хиндарфу.

— Сможете, сможете! — заверил тот его. — Надевайте маску и дышите через мундштук.

— Как, прямо сейчас? — спросил заинтригованный Форри.

— Прямо сейчас.

Аккерман повиновался; первая же порция воздуха дала необыкновенный прилив энергии. Он никогда в жизни не чувствовал себя таким бодрым, разве что в детстве. Все тело налилось силой, а на душе стало так радостно, что хотелось смеяться и петь. Конечно, с зажатым в зубах мундштуком это было невозможно.

— Возможно, завяжется борьба, — сказал Хиндарф. — Парообразный допинг в воздухе, который вы вдыхаете, даст заряд энергии. Эффективно, но, к сожалению, недостаточно долго.

Они зашлепали ластами по покрытой водой дороге. «В этих скользких костюмах, в масках, с аквалангами мы похожи на венериан», — подумал Форри. Общее впечатление усиливали трезубцы и гарпуны в руках у некоторых участников похода. Дождь вновь усилился, вокруг разлилась непроглядная темнота, и он представил себя первопроходцем, бредущим по неведомой планете; чужое небо окутано тяжелыми грозowymi тучами.

Чтобы добраться до поворота, откуда хорошо просматривался дом, предстояло преодолеть очень трудный участок холма. К их счастью, то тут то там росли кусты, помогавшие взобраться на крутой подъем, скользя ногами по размокшей земле. Только теперь Форри смог понастоящему оценить все преимущества своего одеяния, дававшего возможность остаться сухим и чистым. Он почти не ощущал порции наркотика, да и сердце никак не реагировало на перегрузки.

Наконец, то и дело скользя и падая, группа добралась до вершины. Находящееся справа возвышение укрывало их от обитателей дома; правда, засевшие там враги все

равно не смогут разглядеть их в такой темноте, подумал Форри.

Хиндарф повел их в обход возвышения. Наконец участники похода остановились возле высокой каменной стены, обвитой колючей проволокой. Токи быстро собрали длинную лестницу и приставили ее в нужном месте. Хиндарф предупредил, чтобы никто не касался проволоки, — сквозь нее пропущен ток высокого напряжения. Они по одному подходили и перебирались на противоположную сторону.

За стеной был фруктовый сад, раскинувшийся на сотни ярдов. Казалось, он протянулся до самой линии горизонта.

Лестницу быстро разобрали и спрятали в кустах. Уверенно пробираясь между деревьями, сквозь густые заросли, Хиндарф подвел их к новому холму. Подъем здесь облегчали крутые ступеньки. Когда включили фонарики, обнаружилось, что они сделаны из темно-красного камня. Такая беспечность может выдать участников похода с головой! Форри высказал свои опасения вслух, но Хиндарф успокоил его. Свет, который испускают фонари, — невидим; Аккерман разглядел его благодаря очкам со специальными стеклами. Оги не способны обнаружить подобные лучи, добавил Хиндарф.

Группа поднялась на вершину. Примерно в пятидесяти ярдах они увидели четко вырисовывающийся черный силуэт дома. Здание было погружено в темноту; лишь полоска света выдавала присутствие жильцов. Хиндарф не мешкая двинулся к узкому плавательному бассейну. Переполнявшая его после дождей вода затопила цементные дорожки и внутренний дворик, разлилась даже по темно-красному камню ступенек.

Здесь Форри получил от Хиндарфа новые инструкции. Потом все по железной лестнице спустились в бассейн. Приставленный к землянину ток помогал ему идти.

На миг Форри полностью ослеп и потерял ориентацию. Но вот рядом вспыхнул свет; он различил впереди своего помощника с фонарем, ласты Хиндарфа.

Участники похода проплыли весь шестидесятифутовый бассейн под водой, старательно прижимаясь ко дну. Форри успел разглядеть нанесенные на него странные изображения. Грифоны, оборотни, другие твари, наполюзив успешные принять человеческого облик. Безногий дракон, петух с крыльями-плавниками и клювом-фаллосом,

скат, у которого на месте рта — начисто выбритая вагина, страшный краб, оседлавшая его обнаженная женщина, щеголявшая рыбьими головами вместо груди. За ней смутно виднелось что-то еще: огромное, темное и гораздо более ужасное, чем остальные, существо, совершавшее зловещие метаморфозы.

Когда они достигли края бассейна, Хиндарф и опекун Аккермана стали отдира́ть от стены панель. На вид она ничем не отличалась от других, разве что была тоньше и чуть шире. За ней оказалось большое отверстие; Хиндарф, а затем охранник Форри вплыли в него. Какое-то время Аккерман колебался, но, напомнив себе, что представляет здесь все человечество, последовал за ними. Туннель проложили в земле, укрепив пластинами. Интересно, сколько времени понадобилось токам, чтобы завершить подкоп? Наверное, годы, ведь они могли работать лишь в предрассветные часы.

Впрочем, не исключено, что оги сами вырыли его на какой-нибудь экстренный случай, а токи, случайно обнаружив туннель, воспользовались им.

Он потерял счет времени. Казалось, проход ведет куда-то вглубь. Но затем они внезапно очутились в просторной камере, которую ярко освещала лампа, подвешенная к цементному потолку. Лестница вела к платформе; здесь хранились костюмы для подводного плавания. На полках лежали акваланги, маски, баллоны с воздухом

Значит, верным оказалось второе предположение. Оги обеспечили себе путь для бегства в случае необходимости. Но почему они не выставили охрану, не предусмотрели мер защиты от непрошенных гостей?

Хиндарф объяснил, что дальше двигаться нельзя. Дверь камеры была заперта и снабжена сигнализацией. Им придется воспользоваться другим туннелем, который они выкопали сами.

Участники похода снова погрузились в воду. Форри вместе с остальными глубоко нырнул, достигнув дна. Вскоре Хиндарф уже пролезал в отверстие, которое оказалось настолько узким, что баллон на его спине заскрежетал по металлическим пластинам, укреплявшим стены

Крутой поворот; наверное, подумал Форри, мы приближаемся к концу туннеля огов.

Они снова оказались в камере, гораздо меньшей, чем первая. У стены находился деревянный плот с поплавами; рядом возвышалась лестница.

Хиндарф втащил Форри на плот. Один из их команды вручил своему предводителю запечатанный конверт, тот вытащил из него лист бумаги и расправил его. Достав фонари, токи принялись разглядывать тесно подогнанные пластины, устилавшие потолок камеры. Тишину нарушали лишь мерный стук капель и тяжелое дыхание. Потом двое начали отдира́ть эти пластины.

Внезапно над головой раздался глухой гул.

Звук был таким сильным, что плот вздыбился, сбив всех с ног. Сверху полетели комья грязи, забрызгав их с головы до ног. Плот раскачивался все сильнее и сильнее.

Но стены все-таки выдержали, хотя кое-где пластины разошлись и вздулись. Казалось, наверху только что прогремел мощный взрыв. Но вот все стихло. В наступившей тишине особенно четко слышалось, как волны, образовавшиеся от недавнего сотрясения, мерно бьются о стену, жалобно стонет и скрипит покачивающийся плот.

Первым пришел в себя Хиндарф:

— Либо произошло небольшое землетрясение, либо дом подмыло. В любом случае действуем по нашему плану. Надо сейчас же выбраться отсюда.

Токи, сдиравшие пластины, переждали тряску, судорожно вцепившись в лестницу. Теперь они возобновили работу, расширяя отверстие сверху.

Форри решил, что они еле-еле копаются! Его так и подмывало самому взяться за дело и скорее вырваться отсюда на свежий воздух. Он вновь сумел подавить этот приступ малодушия. «Как же так, — вновь и вновь решительно говорил он себе, — я отстаиваю честь Земли!»

Хиндарф тоже забрался на лестницу и стал небольшой киркой очищать потолок от грязи. Форри пришлось отпрянуть, чтобы не попасть под большие куски, посыпавшиеся сверху. Его проводник, ткнув пальцем в план, заметил:

— Мы находимся прямо под комнатой, где удерживается Чайлд.

— Как к вам попал этот документ? — спросил Форри.

— Раньше он хранился в городском архиве. Оги решили, что уничтожили планы дома. Кстати, здание построено очень давно.

Один из планов не попал к ним в руки, потому что его подшили не в то дело. Мы выложили кругленькую сумму, чтобы получить его.

— Почему вы решили, что именно в этой комнате содержится ваш Чайлд?

— Оги и прежде держали здесь важных пленников. Токов и землян. Конечно, мы могли ошибиться; что ж, проникнем в дом, а дальше видно будет.

Хиндарф перестал очищать грязь и приложил ухо к устройству, которое прижал к камню. Затем сунул диковинную вещицу в карман и стал сверлить в этом месте. Форри напрягал слух, но так и не смог уловить никаких звуков. Перехватив недоуменный взгляд, опекавший его ток объяснил, что дрель вращается на сверхзвуковой скорости.

Работа заняла довольно много времени. Хиндарф с напарником снимали большие панели и осторожно спустили вниз, где их подхватывали другие.

Неожиданно главный ток вновь прекратил работу и опять попытался определить, что делается за стеной.

— Какие-то странные всплески, шорохи... — прошептал он с озадаченным видом.

Он взял у помощника металлический четырехугольник и привинтил к потолку. Тонкий провод соединял устройство с черным ящиком в руках у второго тока.

Все, кроме Хиндарфа, спустились и столпились у стены подальше от лестницы. Тот кивнул, и помощник нажал на кнопку.

Сверху тут же образовалось прямоугольное отверстие. Устройство вместе с куском потолка полетело вниз, едва не задев предводителя токов.

В образовавшийся проход со страшным шумом хлынула вода. Бурный поток сбил с ног Хиндарфа и обрушился на плот.

Участники похода мгновенно очутились в воде. Этой участи не избежал и Форри Аккерман.

ГЛАВА 21

— Ваша жена погибла три месяца назад, — произнес Пао.

— Вы убили ее! Убили! — выкрикнул Чайлд. — А до этого пытали, верно?

— Нет. Мы не хотели причинить ей зла, потому что собирались привести Сибил к вам, когда вы окажетесь готовы... Но она умерла.

— Как это случилось?

— Несчастный случай, капитан. Вивьен, Плаггер и она наслаждались троим. Он засунул свой язык в рот Мабкруф, ваша жена лизала пенис. Вивьен и Сибил терлись друг о друга раздвинутыми ногами. А Жиль, как я понял, заползал то во влагалище, то между ягодич Сибил.

— Я еще могу допустить, что моя бывшая жена занималась любовью троим, — процедил сквозь зубы Чайлд, — но никогда не поверю, что она позволила Мабкруф даже подойти к ней! Сам вид змееобразной твари...

— Когда испытываешь электрическое прикосновение Плаггера, забываешь о многих предрассудках, — ответил Пао. — Подумайте, зачем мне сейчас лгать?

Правда же такова: Жиль во время этой сцены совсем потерял разум, — впрочем, его и так немного, крошечный кусочек серого вещества, так что он даже собственного имени не помнит, а речь представляет собой бессмысленный набор звуков и непонятна даже ему самому, — так вот, очевидно, перевозбужденный электрическими прикосновениями Плаггера к телу хозяйки, он укусил Сибил. Зубы порвали в прямой кишке какие-то сосуды, и она истекла кровью. Причем, уже мертвая, продолжала реагировать на Плаггера. Вот почему никто ничего не заметил.

Чайлду стало дурно. Опустив голову, он присел на край постели. Пао молча стоял рядом.

Когда через несколько минут Чайлд посмотрел на китайца, на лице у того застыло все то же безразлично-вежливое выражение. Желтоватая кожа, тонкий рот с опущенными уголками, маленький кривой нос, выделяющиеся скулы, раскосые черные глаза придавали Пао сходство с Фу Манчу, героем серии авантюрно-криминальных романов и фильмов. Но под этой непроницаемой маской какие бушуют сейчас страсти! Ведь для того чтобы заставить Чайлда сотрудничать, уже не применишь испытанные методы. Даже самая жестокая пытка не поможет ни этой самой Граализации, ни возвращению огов на родную планету. Страдая от боли, капитан не сможет выполнить свое предназначение.

Перед глазами Чайлда, как живые, встали Вивьен, Плаггер, Жиль де Ре и существо, которое прикинулось Сибил. Как же его звали? Кажется, Брейгель?

О'Брайан ушел. Чтобы, следуя приказу, разделаться с несчастной полусобакой-полуобезьяной?

Пао судорожно глотнул и обратился к своему капитану:

— Как я могу возместить ущерб?

Что означало: «Как вы собираетесь отомстить за это?» Наверное, китаец думает... да, наверняка Пао уверен, что Чайлд считает его виновным в смерти Сибил!

— Я хочу лишь уничтожить Жилия.

Пао облегченно вздохнул и быстро произнес:

— Вивьен тоже умрет.

Чайлд прикусил губу. Он не собирался убивать никого, кроме змееобразной твари, но это едва ли можно назвать убийством, так же как нельзя ее причислить к разумным существам. Но он хотел, чтобы Вивьен осталась жива и узнала, что он приготовил для нее и остальных огов.

— Приведите сюда Мабкруф! — приказал он.

Пао молча удалился. Через пять минут он вернулся в сопровождении Вивьен, О'Брайана и еще пяти-шести огов.

— Мне нужны тесак, бинты, лечебные мази и морфий, — объявил Чайлд.

Вивьен побледнела. Из всех присутствующих, кажется, лишь она сознавала, что задумал Чайлд.

— Да, и еще щипцы и деревянный табурет.

Дрожа всем телом, Мабкруф опустилась на стул.

— Встань и разденься!

Она послушно поднялась и стала медленно снимать одежду.

— Теперь можешь сесть, — сказал Чайлд. В комнату вошел О'Брайан, неся все, что Геральд потребовал.

— Я видел фильм, где ты откусила член Колбену, надев стальные клыки. Поэтому не проси тебя пожалеть.

— Я ни о чем не прошу. Но не я тогда убила Колбена.

— Я не собираюсь сейчас с тобой спорить. Главное, ты способна на такое и наверняка не раз проделывала подобные вещи, если не хуже!

Чайлд надеялся увидеть слезы, услышать мольбы о пощаде. Но Вивьен держалась на редкость твердо и муже-

ственно. Ну конечно, ведь эта женщина некогда звалась Жанной д'Арк!

— Держите ее, — приказал он. — И разведите ноги пошире.

Пао и О'Брайан раздвинули стройные белоснежные ноги. Шелковистый треугольник волос внизу живота был золотисто-каштанового цвета. Такого красивого влагища ему еще не приходилось видеть! Кто бы мог подумать, что в лоне ее притаилась змея!

Чайлд с удовольствием поручил бы исполнение операции кому-нибудь другому. Но если у него хватает духу приказать подобное, то должно хватить смелости самому довести дело до конца!

Он осторожно ввел длинные щипцы в тело Вивьен. Она содрогнулась и стала мелко трястись, но не издала ни единого звука.

Он засунул инструмент еще глубже и поводил им, пытаюсь нащупать крошечное тельце. Теперь первоначальный план захватить щипцами голову Жилия казался дурацким. Во-первых, Чайлд не мог развести их достаточно широко, а во-вторых, создание было слишком быстрым и юрким. Но, по крайней мере, надо надеяться, что вторжение в «норку» выманит его наружу. Так и произошло.

Мокрая голова с растрепанной острой бородкой и слипшимися иссиня-черными волосами выскочила наружу, избежав прикосновения железа. Крошечный ротик широко распахнут, обнажив острые иголки зубов, раздвоенный язычок ощупывает воздух.

Геральд схватил скользкое тельце левой рукой. Сжав пальцы, он медленно вытащил извивающееся существо наружу и прижал головку к табурету.

Пао с шумом втянул воздух. Очевидно, он до сего момента продолжал надеяться, что Чайлд просто вырвет маленькое чудовище из тела Мабкруф, чтобы она вновь распалась на части.

— Дайте мне тесак.

Вивьен следила за его движениями; лицо ее оставалось совершенно бесстрастным.

— Введите ей морфий, — приказал Чайлд О'Брайану. — Вы ведь умеете это делать, верно?

— Да, капитан. Вы догадались, что я врач. Но боюсь, морфий ей не поможет. Она нечувствительна к наркоту

— Я не хочу, чтобы она страдала, — сказал Чайлд. — По крайней мере, сделайте так, чтобы она не испытывала сильную боль. Какие средства помогут? Но она не должна терять сознание. Пусть все видит!

— Неважно, — отрывисто произнесла Вивьен. — Делайте свое дело. Я хочу ощутить расставание с Жилем в полной мере!

Чайлд не стал спрашивать, что она имеет в виду. Он взглянул на шипящее злобное существо, извивающееся под его рукой. Медленно занес нож, резко опустил его.

Кровь брызнула во все стороны. Голова скатилась с табурета и упала на пол. Пао поднял ее, положил рядом с кровоточащим телом. Личико дергалось в предсмертных судорогах, а в затуманенных глазах, прикованных к Чайлду читалась такая ненависть, словно тварь даже после смерти желала обречь на вечные муки своего палача. Но вот они остекленели, крохотные губки перестали шевелиться.

Вивьен посерела, ее глаза закатились, так что стали видны белки.

О'Брайан смазал место ампутации, и кровотечение почти мгновенно прекратилось. Подобное средство наверняка незнакомо земной медицине. Во всяком случае, преуспевающий доктор, расположившийся в самом центре Лос-Анджелеса, никогда не выписывал его своим пациентам.

После того как врач обработал и забинтовал рану, Мабкруф вынесли из комнаты вместе со стулом, на котором она сидела. Обезглавленное тельце осталось меж ее ног и волочилось по полу, пока кто-то не догадался свернуть его кольцом и положить на живот Вивьен.

Вошли две женщины и принялись за уборку.

— Что будем делать с головой? — спросил Пао.

— Бросьте ее в мусорный ящик.

— Очень хорошо... Вы сможете вечером участвовать в обряде?

— Попытаюсь, — неопределенно ответил Чайлд. — Брейгель совсем опустошил меня...

— Он утверждает, что вы сами настояли на этом.

— Я считал, что он должен под любым предлогом отказывать мне, чтобы не утомить накануне вечерней церемонии.

— Совершенно верно, капитан. Но перед таким искушением устоять очень трудно. И потом, вы получили то,

чего добивались. Но если ваше требование остается неизменным, Брейгеля казнят.

— Ладно, пусть живет. А теперь, если не возражаете, я хотел бы побыть в одиночестве. Полном одиночестве! Отключите все, за исключением переговорного устройства, разумеется. Не приносите еду, пока я сам не попрошу. Я хочу немного расслабиться, а потом посплю.

— Слушаюсь, капитан.

Чайлд опустил на стул. Как быть? Он, пожалуй, исполнит желание огов и с удовольствием отправит их в родную галактику, но не высадит на нужной планете. Он доставит своих похитителей на какой-нибудь необитаемый остров в космосе. Пусть обустроят новый дом! При этом им, конечно, придется немало помучиться!

Пао объяснил Чайлду устройство Грааля. Теперь Чайлд знал, что во время телепортации можно обозреть определенную часть Вселенной. Непонятно, правда, каким образом происходит подобное чудо, но Пао заверил его, что капитану такое по силам. Следовательно, во время обряда он сможет перенестись на любой из миров их галактики.

Прошел час. Времени для исполнения плана оставалось совсем мало. Чайлд прошел в ванную и открыл все краны. С помощью напильника для ногтей он сорвал решетку сливного отверстия и туго забил внутрь свернутые простыни. Потом вставил пробки в ванну и раковину и стал шарить глазами по комнате, пытаясь найти что-нибудь тяжелое. Уходя, оги забрали с собой шипцы и тесак.

В качестве оружия лучше всего подойдет нефритовая статуэтка, в которую вмонтировано переговорное устройство. Ее можно использовать как дубинку; кроме того, у него окажется возможность прослушивать все переговоры огов.

Не увидев больше ничего подходящего для исполнения задуманного, Чайлд опустил на постель и принялся ждать. Пройдет немало времени, прежде чем вода дойдет до кровати. Тогда Чайлд заберется наверх: балдахин должен выдержать его вес.

Проходили минуты, часы. Вода поступала из ванной, заливая понемногу пол. Геральду казалось, что уровень ее поднимается невыносимо медленно. Наконец пришло время перебираться на балдахин.

— Капитан! — раздался голос из статуэтки, зажатой в руке. — Обед готов. Желаете чего-нибудь?

— Потом! — отрезал он, прикидывая, когда вода зальет балдахин. — Примерно через час. Принесите мне то же, что вчера. Да, кстати! Когда начнется ритуал?

Последовала долгая пауза. Наконец:

— Около девяти, капитан. Или, если пожелаете, позднее

— Пожалуй, я немного посплю. Не забудьте разбудить за десять минут до обеда.

Когда образовавшееся озеро намочило балдахин, а заодно и штаны Чайлда, он прыгнул, поплыл в ванную. Дверь почти скрылась под водой. Он нырнул и очутился в маленьком помещении. Просунув голову в узкую полоску между миниатюрным морем и потолком, он набрал в легкие побольше воздуха и вновь нырнул. Свет продолжал гореть, вода была прозрачной: это обеспечило отличную видимость. Чайлд сумел закрутить краны и всплыл. Наконец он добрался до своего убежища.

Едва он залез на балдахин, дом сильно тряхнуло. Вода полностью залила половину комнаты, словно здание резко накренилось, потом отхлынула.

Чайлд на миг потерял представление о том, что происходит, его охватила паника.

— Капитан! — раздался голос. — Если вы ощутили толчок, не беспокойтесь. Это не землетрясение. Скорее всего вода подмыла часть холма. Сейчас подозрительное место осматривается. Пожалуйста, не волнуйтесь! Дом стоит в сорока футах от края. Нам ничего не угрожает.

Оги настолько увлеклись процессом Граализации, что начисто забыли о ливне и его возможных катастрофических последствиях. Вокруг рушились дома, гибли люди, а эти создания вообразили, что происходящее на чужой планете, которая стала для инопланетян второй родиной, их не коснется. Ведь они сейчас заняты важными межгалактическими проблемами!

Итак, настал решительный момент. Если большинство обитателей особняка отправилось осматривать местность, его задача значительно облегчалась.

— Принесите мне обед, — сказал он, поднеся статуэтку к губам.

— Извините, капитан, — неуверенно произнес голос, — но он еще не готов.

— Хорошо... Тогда пришлите слесаря. В водопроводной трубе сломался золотник, мою комнату заливает.

— Да, капитан.

Чайлд замер, засунув статуэтку за ремень. Остается надеяться, что под напором воды дверь резко распахнется.

Сползание холма — главная причина недавней тряски. Но огромная масса воды в его комнате несомненно тоже сыграла свою роль. Ну вот, теперь, если все сработает..

Внезапно замок щелкнул. Сдавленный крик, потонувший в реве вырвавшегося на свободу потока. Пенясь и бурля, он устремился в узкий дверной проем.

Несколько мгновений Чайлд колебался, затем бросился к выходу. Его протащило вперед, так что он ушиб бедра и бок, затем швырнуло о стену. Поток увлек его, беспомощного, как песчинка, и понес по коридору, превратившемуся в русло бурной реки. Очевидно, когда холм размыло, дом наклонился вперед, потому что вода хлынула в этом направлении.

ГЛАВА 22

Обрушившийся на участников похода водопад грозил разнести платформу в щепки. Плот закружился, нескольких участников похода прижало к стене.

Цепляясь за тока, каким-то чудом удержавшегося на плоту, Форри приготовился к худшему. Наверное, дом рухнул в образовавшуюся под ним яму, и им всем крышка! Команда Хиндарфа, включая Форри, будет навеки погребена под тоннами жидкой грязи!

Самое ужасное заключалось в том, что они сняли свои баллоны с кислородом и маски, а значит, вернуться тем же способом, каким попали в бункер, нельзя.

Но, может быть, все-таки найдется выход? Хлеставшие из пролома ревущие потоки воды мешали собраться с мыслями. Плот кружился, словно попал в водоворот, плотная завеса брызг не давала ничего разглядеть вокруг. Все же Форри успел подумать, что они очень быстро проплыли под водой туннель, а потом вовсе не обязательно преодолевать весь бассейн. Он может сразу вынырнуть.

Он тут же представил себе узкий изгибающийся участок пути, скользкие стены, готовые в любой момент

придавить его, как мошку, и содрогнулся. Нет, уж лучше остаться в этой дыре!

Они стояли так в крошечной темноте; внезапно напор воды заметно уменьшился, хотя плот по-прежнему раскачивался. Из отверстия наверху прорвался лучик света, еще один. Оттуда по-прежнему текло, но это был жалкий ручеек по сравнению с только что иссякшим водопадом.

Раздался голос Хиндарфа; он велел не шуметь. Удивительно, их предводитель остался целым и невредимым.

По его приказу токи снова собрали лестницу, и он первым полез наверх. За Хиндарфом последовали остальные. Кто-то подтолкнул к ступенькам Форри, и он стал быстро карабкаться, хотя и не испытывал особой охоты идти с другими. Просунув наконец в отверстие голову, Аккерман увидел спальню, которая только что была залита. У входа громоздились стулья, столы и даже кровать.

Токи лихорадочно пытались убрать образованную наводнением баррикаду с дороги. Хиндарф и еще один участник похода осмотрели комнату, но Чайлда здесь не было.

— Что произошло? — спросил Форри.

— Не знаю точно, — ответил Хиндарф. — Но нетрудно догадаться, что Чайлд или кто-то другой, содержащийся здесь в заточении, затопил комнату. Когда дверь открылась, вода унесла его. Возможно, ему удалось скрыться.

— Отлично! — воскликнул Аккерман. — Значит, нам тут больше делать нечего?

Хиндарф обвел взглядом коридор. Здесь царил еще больший беспорядок. Там, где холл поворачивал, валялись разбитые столы, вазы, стулья, скомканные ковры; часть стены, не выдержав первого чудовищного удара, обвалилась. Рядом лежал человек со сломанной шеей. Токи сказали, что это некий Глинч — ог, который навел ужас на население средневековой Германии, славившее легенды о кровожадном оборотне. Последние двадцать лет он трудился в налоговом управлении Лос-Анджелеса.

Хиндарф отдал новые распоряжения. Группа разделилась: часть отправилась на поиски капитана, пленных товарищей и Грааля. Сам предводитель, Аккерман и остальные токи пойдут в другом направлении.

Но тут участников рейда ожидало новое потрясение. Откуда-то послышался страшный скрежет и треск.

— Скорее! — крикнул Хиндарф. — Думаю, у нас очень мало времени!

Они смогли открыть дверь, заклинившуюся из-за перекосившихся стен, и обнаружили трех перепуганных, злых и голодных токов. В другой комнате лежала Вивьен; ее узнали все, кроме Аккермана. Укрытая простыней, она распростерлась на постели и едва слышно стонала. Хиндарф отдернул ткань, и глаза Форри едва не вылезли из орбит. Какой ужас! Между стройных ног лежал гигантский трехфутовый пенис с ампутированной головкой; другой конец засунули во влагалище женщины!

— Значит, кто-то наконец прикончил Жилия де Ре? — спросил Хиндарф.

— Это Чайлд, — простонала Вивьен.

— Где он?

Женщина снова застонала и качнула головой. Предводитель токов протянул руку и, дернув изо всех сил, вырвал изуродованную штуку из ее лона.

То, что произошло потом, навеки врезалось в память Форри.

Хиндарф поднял вагину-многоножку и ударил ее о стену.

— Вот, возьми, — протянул он невероятное существо Аккерману. — Новый экспонат для твоей коллекции!

Глава токов держал тварь за волосы; крошечные лапки судорожно дергались. Форри попятился и в ужасе выскочил из комнаты.

Откуда-то послышались крики и выстрелы, затем пронзительные вопли. Хиндарф пробежал мимо Аккермана, направляясь в сторону, откуда доносился шум. Остальные последовали за ним. Вскоре они добрались до огромной комнаты, в центре которой двенадцать их товарищей боролись с девятью огами. За ними, словно приз победителю, красовался стеклянный куб, внутри которого на возвышении стоял небольшой свинцово-серый кубок. От него исходило слабое сияние.

Один из токов ударил ногой по стеклу, и все сооружение со страшным грохотом свалилось на пол. Борьба вспыхнула с новой силой, но дом с душераздирающим скрипом и треском перекосялся, словно тонущий корабль, и куб

откатился к противоположной стене. Сбитые с ног токи и оги устремились за ним

Форри тоже упал и проехался по полу футов десять, ободрав ладони и колени, но даже не заметил этого заветный Грааль, выкатившись из своего стеклянного укрытия, лежал прямо перед глазами!

— Хватай его и беги! — завопил что было сил Хиндарф

В этот момент женщина-ог — Панчита Посьютль, его старая знакомая, — прыгнула на Аккермана сзади, и он снова рухнул на пол

Форри ни за что не притронулся бы к кубку, знай он о последствиях. Но возбужденный всем, что произошло, и инстинктивно повинаясь приказу, он вскочил на ноги и схватил Грааль. Несмотря на свое состояние, он отметил, что от добычи исходит какое-то необыкновенное тепло. Казалось, в его руках зажато живое существо, плоть которого слабо пульсирует. Кубок одарил Аккермана мгновенным приливом энергии и необыкновенным ощущением силы. Форри впервые в жизни почувствовал себя страшным героем, которому все по плечу.

Прекрасно сознавая, что резкие движения ему противопоказаны, он побежал вперед, выскочил из комнаты-зала в коридор

Чудовищный грохот, треск, стон крошащегося дерева, и пол ушел из-под ног у Форри; он упал, так и не выпустив добычу.

Казалось, дом перевернулся. На глазах у Аккермана потолок треснул, и он врезался в него. Дом погрузился в темноту, но ее прорезал луч фонарика, — скорее всего его держал кто-то из огов. Островок света заставил сверкать серебристую поверхность кубка.

Словно парализованный, Форри беспомощно смотрел, как Грааль откатывается все дальше и дальше от него. Неясная фигура, ворвавшаяся в полосу света, бросилась к кубку. Неизвестный был не похож на Чайлда, его не обтягивал костюм для подводного плавания. Значит, враг, решил Аккерман

Ог с торжествующим криком выпрямился, прижимая к груди заветное сокровище. И тут Форри изо всех сил пнул его босой (он давно уже потерял ласты) ногой. Удар пришелся пониже правой ягодицы. В тот же миг дом вновь накренился, и противник, вопя от ужаса, полетел

вниз головой. Кубок вывалился из его рук и исчез за перекосившейся дверью; мгновение спустя она разлетелась в щепки под напором воды.

Холодная мутная жижа подхватила Форри и понесла, словно на резиновом плоту. Он проскользнул в соседнюю комнату, как кусок мыла, выпавший из рук. Прямо перед ним покачивался на воде перевернувшийся кубок. Форри поскорее схватил его, крича от страха и радости.

Однако торжество оказалось преждевременным. Еще одна волна накрыла его, вода залила рот и нос. Форри судорожно закашлялся, стал отплевываться, пытаясь избавиться от плотной грязи, не дававшей дышать.

Потом что-то тяжелое обрушилось на голову, и темная пучина, чернее и неотвратимее, чем вязкая жижа, утянула его на самое дно.

ГЛАВА 23

Там, где коридор поворачивал, Чайлд врезался в стену и едва не потерял сознание. Течение несло его дальше; он благополучно преодолел еще один поворот, потом на гребне огромной волны промчался через другой длинный холл. В конце его миниатюрная река разделилась: один поток, сломав преграду — парадную дверь, — выплеснулся наружу, другой хлынул в комнату рядом со входом.

Уровень воды сразу резко упал, течение ослабело. Царапая колени и ладони, Чайлд на четвереньках выбрался из дома и оказался на ступеньках крыльца. Шатаясь под напором бьющей в спину воды, он с трудом поднялся на ноги, успел сделать несколько неуверенных шагов. Но тут же вскрикнул, упал и покатился вниз по скользкой грязи.

В конце концов Чайлд оказался погребенным по плечи в липкой жиже. Выбравшись на свободу, он бессильно раскинулся на спине, глядя вверх.

Из парадного входа и окон дома, нависшего над ним струился свет. Чайлд лежал на дне гигантской ямы, образовавшейся из-за оползня. Если не убраться отсюда вовремя, его раздавит рухнувший особняк. Здание шаталось и скрипело, а бурлящая вокруг стен жижа предвещала новую катастрофу.

Как хочется еще немного поваляться и отдохнуть, хотя бы перевести дыхание! Но Чайлд заставил себя

перевернуться, поднялся и, с трудом волоча ноги по хлюпающей поверхности, отошел от дома. Он споткнулся обо что-то твердое. Точь-в-точь булыжник, только камень не может стонать! Чайлд встал на колени и ощупал странную находку. Это была голова женщины, торчащая из моря жидкой грязи.

— Кто тут?

— Это я, я! — прошелестел ответ.

— Кто?

— Диана Рэмбоу. А вы кто? — Потом: — Помогите мне!

Отвратительное болото вокруг него всколыхнулось, жижа накрыла ноги. Чайлд задрал голову. Никаких особых изменений. Правда, кажется, дом наклонился еще больше. Внезапно свет в окнах исчез, до него донесся странный скрежет.

Чайлд, не раздумывая, бросился бежать. Чтобы откопать Диану, потребуется масса времени, а здание вот-вот рухнет ему на голову. Кроме того, за все, что сделали они, они заслужили лишь смерть.

Отбежав порядочное расстояние от дома, он оглянулся. Гибель под обломками теперь ему не грозила; правда, если холм, на котором Чайлд все еще стоял, вновь поползет, ему все равно несдобровать. В этот момент огромный особняк со страшным грохотом рухнул. Хотя было уже темно, Чайлд смог разглядеть, что здание опрокинулось набок, — настолько быстро ушла из-под него земля.

Он хотел как можно быстрее добраться до руин, но слишком вымотался. Опустился прямо в грязь, перевел дыхание. Если бы Чайлд сейчас мог заплакать, ему стало бы легче.

Немного собравшись с силами, придя в себя, он поднялся и зашлепал, проваливаясь по колено в жижу, обратно. Чайлд шел очень медленно, и не только потому, что усталость не позволяла идти быстрее. Он боялся, что в один прекрасный момент грязь засосет его, словно болото.

Первым он нашел Форри Аккермана. Неподвижное тело редактора и знаменитого коллекционера очень медленно, миллиметр за миллиметр, погружалось в море жижи. Бедняга лежал на спине; лицо полностью покрыто слоем грязи, но на носу до сих пор красуются очки. Они

ярко заблестели при свете фар машины, проехавшей по дороге вниз.

— Форри?

Заляпанные грязью губы раздвинулись, открыв такие же черные зубы:

— Дааааа...

— Ты жив! Как тебя сюда занесло? Что произошло?

— Помоги подняться... — попросил Аккерман.

Чайлд вытащил его из липкого плена, и Форри сразу же зашарил вокруг себя, встав на колени. Еще одна машина проехала под холмом; теперь Чайлд мог лучше различить детали. Но он все же не видел, что ищет Аккерман.

— Я держал его! Держал вот этими руками! — простонал Форри.

— Что держал?

— Грааль!! Тот самый Грааль!

— Ты? Как он мог к тебе попасть? Форри, расскажи, что происходит?

И Аккерман, не переставая ощупывать липкую скользкую поверхность и выражать эмоции совершенно нехарактерными для него словами, поведал о своих приключениях.

Геральд заставил его подняться:

— Послушай, Форри, ты никогда не найдешь кубок в этом чертовом месиве! Нам лучше вернуться в дом. Вернее, дойти до его руин и посмотреть, остался ли в живых кто-нибудь из наших друзей. Если их, конечно, можно назвать таковыми.

Форри сразу поднял на него глаза:

— Что ты имеешь в виду?

— Что мы с тобой знаем о токах? Да, они помогали нам, но наверняка не бескорыстно. Кто знает их истинные мотивы? Даже оги прониклись ко мне теплыми чувствами, когда обнаружили, что я им очень нужен. Поэтому...

— Я должен отыскать этот ваш Грааль! — объявил Аккерман. — Мне хочется увидеть планету токов! Другой возможности уже не будет!

— Ладно, Форри, — вздохнул Чайлд. — Достанем его как-нибудь. Мне ведь он тоже нужен, чтобы раз и навсегда решить все проблемы. Но сейчас мы должны подумать о тех, кого еще можно спасти. В конце концов,

кто бы они ни были — люди или пришельцы, токи или оги, — бедняги страдают и нуждаются в помощи.

Машина теперь приближалась к ним. Водитель направлял ее вперед, пока не решил, что дальше ехать опасно. Из автомобиля вышли четверо и, шлепая по грязи, подошли к Чайлду и Аккерману. Через несколько минут переговоров выяснилось, что незнакомцы — токи. Товарищи вызвали их, и они прибыли с другого конца света.

— Что касается Грааля, я на вашем месте не беспокоился бы о нем, капитан, — сказал их главарь по имени Тиш. — Вам нужно лишь сконцентрироваться, и кубок начнет светиться. Сияние пробьется даже сквозь тонны грязи!

ГЛАВА 24

Представители враждующих рас сняли просторное помещение.

Две трети зала «Американского Легиона» было разбито на квадраты. На остальной площади разместились примерно сто оставшихся в живых после всех передрагов и токов, Чайлд — их капитан, и стоявший, как и прежде, на пьедестале Грааль. В стороне от участников церемонии сидел Форри Аккерман. Он в основном должен был играть роль наблюдателя и, лишь когда настанет время перелета, тоже подвергнется воздействию чудесной силы кубка. Если все пройдет благополучно, Форри вместе с остальными отправится в волшебное и таинственное путешествие к звездам!

Чайлд восседал в кресле капитана возле Грааля. Перед ним стройными рядами выстроились обнаженные инопланетяне. В этом зале сегодня все сбросили с себя одежду.

Они пришли сюда, повинаясь приказу капитана. Он объявил, что, если враждующие стороны не объявят перемирие и не будут строго придерживаться его, он уничтожит Грааль и откажется нести бремя лидера. Если же оги и токи станут сотрудничать, Чайлд доставит всех на родные планеты.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы непримиримые противники достигли соглашения.

Чайлд до сих пор испытывал сомнения в том, что сумеет перебросить их сквозь немыслимые расстояния и

найти для каждой группы точное место «высадки». Но он не терял надежды. Ведь успех означал освобождение Земли от старых и новых чудовищ. Жаль только, что подобным образом нельзя избавиться от остальной нечисти!

Хиндарф и Пао погибли под обломками дома и тоннами грязи. Распорядителем избрали Тиша. Он замял инцидент с рухнувшим домом. Огромные суммы, врученные определенным ответственным лицам, отвалили представителей власти от руин на холме. Выжившие в кровавой схватке и последующей катастрофе тайно похоронили своих товарищей.

Тиш начал ритуал. Он вызывал пары одну за другой, чтобы начать шествие. Каждая состояла из тока и ога. Четырем дамам, оставшимся без кавалеров, тоже предстояло сокоупиться в начале церемонии.

Мужчины и женщины приближались к капитану, становились перед ним на колени; каждый представитель своей расы касался фаллоса Чайлда, целовал головку и отходил в сторону, уступив место следующей паре. Чайлд сконцентрировал все внимание на Граале. Его пенис рос, набухал, пока наконец не встал в полный рост. Грааль стал светиться. Сияние то усиливалось, то слабело, повинаясь пульсации напряженного члена.

Токи и оги целовали, облизывали символ могущества капитана и возвращались на свои места, чтобы терпеливо ждать, взявшись за руки, — но чаще за сокровенные места партнера! — когда очередь иссякнет.

Сияние кубка становилось все ярче и ярче; наконец он начал сверкать, как миниатюрное солнце, и никто, кроме Чайлда, не мог смотреть на него. Свет заполнил все существо Чайлда, словно испепелил в своем чистом пламени, но он ясно видел Грааль и стоящих рядом участников ритуала.

Последним к нему приблизился Тиш. Распорядитель опустился на колени, провел рукой по сверкающему напряженному фаллосу, яичкам. Потом поцеловал блестящую багровую головку. Все тело Чайлда от живота до колен обратилось в глыбу льда, член слегка подергивался, а огненная влага стремилась вырваться наружу. Он подозвал к себе тайландку-тока, отличавшуюся необыкновенной чувственной красотой. Она подбежала, нагнулась, расставив ноги, выпятив великолепные упругие

ягодицы, и сомкнула губы вокруг пениса. Ее партнер сразу подошел к ней, уткнулся лицом в пышный зад и вонзил язык во влажное лоно. Другая женщина встала на четвереньки и стала сосать его член, над ней склонился любовник, а его удовлетворяла языком красавица, устроившаяся между его ног. Раздвинув мягкие податливые ляжки, в напрягшийся клитор впился губами мужчина; его пенис искусно возбуждала, слегка покусывая раздувшуюся головку, дама. Она тоже не осталась без внимания. В эту цепь наслаждения включились все участники ритуала, кроме одной: Тиш немедленно поспешил ей на помощь. Он, словно военачальник, следящий за битвой, обошел линию своих стонущих, рычащих от страсти подопечных. Обнаружив в самом конце ряда одинокое влажное лоно, изнывающее от неудовлетворенного желания, Тиш немедленно оседлал женщину и, не без труда войдя в нее, стал ритмично двигать задом.

Но даже в таком положении распорядитель продолжал что-то декламировать на незнакомом языке. Он выговаривал странные слова нараспев, словно шаман. Чайлд каким-то непостижимым образом понимал его, хотя впоследствии не смог перевести диковинные фразы.

Чайлд застыл в своем кресле, остро ощущая каждое прикосновение языка к его плоти. Женщина щекотала яички, облизывала член, наслаждение близилось к своему пику. Внезапно он коротко вскрикнул, и драгоценная влага вырвалась наружу. Грааль словно воспламенился: он исторг пульсирующий, нестерпимо яркий свет, и в зале исчезли все тени. Тиш продолжал бормотать свои заклинания. Он явно еще не кончил. Лишь в тот момент, когда капитан напрягся всем телом, исторгнув последние капли семени, распорядитель завершил свое выступление пронзительным воплем.

Воздух над нанесенными на пол квадратами потемнел, сгустился в маленькие облака. Стало очень холодно, разгоряченная потная плоть мгновенно покрылась гусиной кожей от озноба. По залу промчался ветер, каждое облачко словно всасывало в себя атмосферу, нависнув, как сгусток черноты, над собравшимися. Вскоре во всех уголках зала образовались миниатюрные вихри пыли; отовсюду доносился пронзительный свист и стон, дребезжало стекло в окнах. Поднялся настоящий ураган.

Хотя Чайлд прекратил извергать сперму, ослепительный пульсирующий свет не гас. Однако темные пятна над квадратами пола стали еще чернее, словно впитывая волшебное сияние и обретая форму.

Первым из тех, кого Геральд знал, воскрес Игеску, которого он убил в деревянном гробу, вонзив меч в сердце. Тело барона сгорело во время пожара, вспыхнувшего в огромной усадьбе.

Чайлд не думал, что ему придется вновь увидеть его худое длинное лицо с высоким лбом, густыми бровями, широкими выпирающими скулами и огромными горящими глазами. Между ног барона свисал не очень длинный, тощий член.

Потом он заметил Магду Холиани, прекрасную блондинку, оборачивающуюся питоном.

За ней — Хиндарфа и Пао.

Все восставшие из небытия предстали в своем человеческом облики и были обнажены.

Геральд отыскал Долорес дель Осоройо, восхитительного испано-калифорнийского «призрака». Она с помощью секса в буквальном смысле слова ожила, став существом из плоти и крови, но очень скоро оги убили ее и содрали с нее кожу.

Красавица материализовалась в самом центре площадки, отведенной для «новорожденных». Обнаженная, она была столь же прекрасна, как и в старинном платье, которое носила во время их последней встречи. Ее бедра подрагивали, словно Долорес вспоминала о часах, проведенных с ним.

Воздух стал теплым, как и раньше, ветер стих.

Зал наполнился гулом голосов. Живые и возвращенные к жизни возбужденно переговаривались, кричали, смеялись.

Тиш подождал минут пять, дав всем прийти в себя, потом приказал замолчать.

Они медленно и неохотно повиновались, ибо инопланетяне, как и люди, нуждались в том, чтобы выплеснуть переполнявшие их чувства.

— А теперь — в дальний путь! — крикнул распорядитель.

Все повернулись к нему. Чайлд краем глаза заметил Форри, одиноко сидящего в углу. На его лице застыло ошеломленное выражение, глаза были выпучены, по лбу

струился пот. То ли Аккермана так потрясла сцена «ри-туала», то ли мысль о предстоящем путешествии.

Впрочем, только он сам решит, отправиться с остальными или остаться. Если захочет увидеть далекие миры, ему достаточно будет просто встать и перейти в центр зала. Грааль перенесет Аккермана вместе с токами и огами.

Тишу сначала не понравилось, что Форри не станет участвовать в церемонии-оргии, но он признал, что это лишь в ничтожной степени скажется на энергии Грааля.

Распорядитель знаком велел женщине принести чашу, наполненную темной жидкостью. Поцеловав фаллос капитана, она встала рядом с ним; сразу же начался следующий, заключительный обряд. «Виночерпий» окропила член Геральда и продолжала делать это после того, как очередной участник церемонии прикладывался губами к фаллосу. С другой стороны от капитана стоял Тиш. Каждый третий окунал его палец в чашу и проводил им по губам Чайлда. На вкус напиток напоминал мед с неувлимым привкусом домашнего сыра. Когда чаша опустела, Тиш показал, чтобы ее наполнили вновь, и обряд возобновился.

Грааль продолжал ярко светиться и пульсировать. Его чистое белое сияние начало действовать на Чайлда. Нет, он не ослеп и по-прежнему хорошо видел, что происходит вокруг. Но перед глазами то и дело вспыхивали странные картины. Как правило, ландшафт выглядел так, словно он наблюдал его, стоя на поверхности незнакомой планеты, но иногда Чайлд как бы проносился мимо звезд, светивших красным, зеленым или желтоватым светом. Они были близко — не больше сотни тысяч миль от него, — но, несмотря на это, он не ощущал испепеляющего жара, лишь космический холод, проникавший до костей.

Тиш снова начал произносить что-то на незнакомом языке. Чайлд подозревал Долорес. Она радостно поднялась и побежала к нему; большие груди с напряженными сосками прыгали, как мячики. Опустившись на колени, красавица спрятала лицо между ног Чайлда и заплакала. Потом взяла в рот головку полуопущенного, вялого члена и начала сосать. Фаллос сразу поднялся, словно воздушный шарик, в который вдули воздух, затвердел, внизу живота разлилось приятное тепло.

Грааль стал пульсировать быстрее, целый калейдоскоп незнакомых миров и разноцветных ослепительно ярких звезд пронесся перед глазами.

Долорес плотнее сжала пухлые губы, быстрее заработала языком и стала энергично двигаться, то полностью засасывая плоть капитана, то выпуская фаллос изо рта. Барон подошел к ней и поднял так, что она теперь стояла согнув колени. Он сразу всадил фаллос в упруго-неподатливое колечко ануса и начал яростно двигаться. Плаггер встал на колени, развел ягодицы Игеску, засунул свой «электрический» язык ему в зад и стал ритмично раскачиваться, спрятав лицо между ног вампира.

Хотя между ним и живым аккумулятором было два человека, Чайлд ощутил разряд. Надеюсь, они быстро сформируют цепочку, подумал он, иначе собравшихся ждет большое разочарование. Чайлд чувствовал, что оргазм вот-вот наступит, и, если участники обряда не успеют, придется все начать сначала. Ведь в момент, когда капитана охватит экстаз, все или почти все инопланетяне должны слиться в едином порыве. Тогда перемещение в пространстве станет возможным.

Комната начала раскачиваться. Казалось, обнаженные тела вокруг скользят по поверхности вращающегося диска. Они падали, хватались друг за друга, с вождением сосали, лизали, целовали сокровенные части тела партнеров, засовывали напряженную плоть в жадно распыленные губы рта или вагины, в крохотные красновато-коричневые припухлые отверстия между ягодиц.

Вот яркая рыжеволосая красавица Вивьен: А вот высокий мужчина с острой иссиня-черной бородкой и горящими глазами. Именно по этим приметам Чайлд узнал Жилия де Ре. Он материализовался в виде человека. Сейчас знаменитый воин-герой и садист-убийца засунул член в зад хрупкого женственного блондина, который увлеченно лизал Вивьен.

Потом Мабкруф, де Ре и остальные отступили к краю бешено вращавшегося круга, некогда бывшего танцевальным залом. Грааль исторгал молнии, ослепительные вспышки белого пламени, зигзаги изумрудного огня, желтые сполохи, кроваво-красные звезды, пурпурные ракеты-мечи с зазубренными краями. Они отлетали вверх, ударялись о потолок, расплескивались разноцветными искрами по

извивающимся обнаженным телам и падали на пол, как брызги застывшей лавы.

Чайлд почувствовал, что его вулкан вот-вот извергнет поднимающийся по жерлу жидкий огонь. Но, опустив голову, увидел лишь алые пухлые губы Долорес, словно нежные лепестки вагины, сжавшие напряженную плоть. Его тело стало прозрачным: сперма, красная, как жидкость в термометре, лихорадочно-быстро ползла вверх, будто кто-то решил измерить температуру в доменной печи и сунул внутрь нехитрый прибор. Наконец раскаленная влага вырвалась на свободу и, минуя тесное кольцо великолепных губ, вспыхнула как порох.

Грааль беззвучно взорвался, образовав растущее желтое облако, пронзенное миллиардами крошечных осколков раскаленного добела металла.

ГЛАВА 25

Форри колебался до самого последнего момента.

Сначала оргия вызвала у него лишь отвращение. Одно дело — смотреть порнуху и совсем другое — наблюдать все это во плоти. Ужасно неприятно и как-то униЗИтельно! Но постепенно атмосфера откровенной похоти, зрелище бесконечных оргазмов, вздыбленных пенисов, сочащихся пахучей влагой вагин, распыленных сочных губ, мокрых расширенных анусов, видневшихся между разведенных ягодИц, стало действовать возбуждающе. Аккерман даже испытал приступ ревности, когда увидел, как его Алис, жадно чавкая, сосет у здорового индейца краснокожий фаллос. Ему захотелось соскочить со стула и окунуться в океан беснующейся раскрепощенной плоти.

Но он до самого конца остался верен себе, хотя легко мог сделать свой конец счастливым (Господи, даже здесь я пытаюсь сочинять каламбуры, горько подумал Форри)

Так или иначе, его внутренний локатор улавливал вибрации, исходящие от здешнего сборища. Это здорово раздражало, и Аккерман от всей души надеялся, что так называемый «обряд» не затянется надолго. Иначе даже он не сумеет устоять и присоединится к хэппенингу!

Через несколько секунд в его сознании впервые мелькнули образы, которые роились в мозгу у Чайлда. Форри не знал, что их передает рассудок капитана, но правильно

угадал причину. Чайлд и Грааль несомненно сфокусировали и распространяли вокруг непонятную энергию, соединившись в единое целое каким-то непостижимым психо-нейро-сексуальным способом!

Вспыхивающие и сразу исчезающие видения странных миров походили на картины великих мастеров фантастической живописи вроде Бонстелля, Пола, Сайма, Финлея, Бока, Эмшуиллера, Сент-Джона, ставшие трехмерными, а затем вдруг превратившиеся в реальность. Фантазия, которая обрела плоть!

Но Чайлд показывал лишь крохотные кусочки неземных пейзажей, словно разрезал пирог Вселенной на тонюсенькие ломтики и бросал ему как подачку!

Аккерман вскочил и нетвердыми шагами направился к извивающемуся клубку человеческих тел. Оставалось только протянуть руку, и... Но причудливая живая конструкция вдруг унеслась далеко-далеко, за образовавшийся в туманной дали горизонт! Теперь между ним и созданиями, славящими своей дикой пляской любви живительную силу Грааля, было немыслимое расстояние!

Надо торопиться. Близились время Великого Оргазма Младенца-Чайлда! Если он не успеет омыться в лучах этого света, то останется здесь, — одинокий голый человечек в центре огромного танцевального зала, с нелепо торчащим пенисом и слезами, струящимися из-под очков! Второго такого шанса судьба уже никогда ему не подарит! Подумать только: Форрест Дж. Аккерман, единственный землянин, получивший билет на путешествие сквозь мириады галактик к чужим, полным ужасного очарования планетам в другом уголке Вселенной! Детские мечты сбылись, хотя в нашей жизни грезы никогда не становятся явью! Да, он построил дом, в котором собрал подобные фантазии, вернее их бледные отображения. Эти псевдореальные реликвии казались таковыми в призрачном мирке его квартиры, но лишь на какие-то доли секунды! Звезды, подобные гигантским алмазам, алые ландшафты, вооруженные щупальцами деревья, марсиане с чудовищной грудью, слоновьим хоботом и шестью пальцами, газеле-окие нимфы в птичьем оперении, длиннозубые краснотелые вампиры вечно живут в тесном, но уютном помещении дома-музея, наслаждаясь своим неподвижным существованием.

А теперь он отправится в свою космическую одиссею. За пределы бесконечности!

Форри бросился к исчезающим фигурам. В тот же миг Грааль изверг огромное облако-гриб красных, зеленых, желтых, пурпурных и белых огней. Аккерман бежал, а участники ритуала с той же скоростью удалялись, словно скользили по катку.

— Подождите меня! — вопил он. — Я тоже хочу с вами!

Прежде чем Форри смог остановиться, невысказанный горизонт внезапно надвинулся на него и, подобно несущемуся на всех парах паровозу, возникшему из туннеля, оглушил, ослепил сверканием изумрудных, рубиновых и светло-желтых огней, проехался по рассудку бешено вращающимися сгустками невысказанно-яркой близны и космического мрака.

Сколько бы реально ни прошло времени, для Форри оно спрессовалось в единое мгновение. Только что он стоял в зале «Американского Легиона» и вдруг оказался в огромной комнате с серыми стенами, потолком и полом. Никакой мебели, дверей, окон. Помещение освещал лишь свет, исходящий от Грааля.

Рядом стоял Чайлд и все остальные. Они затуманенными глазами смотрели друг на друга. Некоторые до сих пор сжимали в объятиях партнера или партнершу.

Перед Чайлдом на пьедестале возвышался кубок. С ним ничего не произошло!

Хиндарф подошел к стене и что-то негромко произнес. Большая часть поверхности стала прозрачной.

Ничего более унылого Форри в жизни не видел! Сплошные нагромождения камней. Никакой растительности. Никакой воды. Однако небо было по-земному голубым; значит, снаружи есть нормальный воздух.

— Подойди ко мне, Форри, — сказал Чайлд. — Возьми за руку.

— Зачем? — спросил Аккерман, но спорить с капитаном не стал.

Хиндарф «открыл» второе окно на противоположной стене. Те же источенные ветром скалы, но за ними, у самого горизонта, угадывалось зеленое пятно и что-то, походившее на вершины деревьев.

— Но это не наш мир и не планета огов! — закричал Хиндарф.

Он указал на небо. Форри с трудом разглядел бледную луну. Размерами она походила на спутник Земли, но в центре виднелись темные пятна, сливавшиеся в узор, которым украшены крылья бабочки «Мертвая голова».

Чайлд подозвал Долорес дель Осоройо. Она улыбнулась, подошла и встала слева, крепко сжав его руку. Геральд что-то сказал ей по-испански. Она кивнула и снова расцвела в улыбке.

— Пожалуй, это все, что я знаю по-испански, — объяснил он. — В общем, Долорес желает остаться со мной. Я тоже хочу, чтобы она была рядом.

— Это луна Гутрата! — вновь крикнул Хиндарф.

Он резко повернулся к Чайлду:

— Капитан, вы перенесли нас в пустынный мир Гутрата!

— Да, здесь пустыня, но вы с огами сможете тут устроиться вполне сносно. Правда, придется немного поработать. Верно?

Хиндарф побелел.

— Да, но вы ведь не считаете... — произнес он едва слышно.

— Моя генетическая память, или как вы там еще ее называете, когда я вновь обрел ее, подсказала, что, как только вы высадитесь на родную планету, ни токи, ни оги почти наверняка меня не отпустят. У вас есть гораздо более могущественные капитаны, способные нейтрализовать мои способности, пока ваши люди не схватят меня. Иного выхода у вас нет, потому что я наполовину землянин, а значит, мне нельзя доверять. Куда бы я ни доставил вас, обязательно стану пленником. А вместе со мной — те, кто оказался на территории врага.

— Неправда! — одновременно закричали Хиндарф и Игеску.

— Правда! Вы, представители враждующих народов, решили сыграть в космическую рулетку, потому что не знали, какую планету я выберу первой. Вы даже не спрашивали, что я думаю, ведь тогда пришлось бы раскрыть карты и предоставить мне возможность выбирать. И еще, если бы на меня стали слишком явно давить, у вашего капитана могли возникнуть подозрения. Тогда вы решили рискнуть, положившись на удачу. И оба проиграла.

— Ты не посмеешь!

Токи и оги бросились на него.

Форри хотел было выдернуть свою руку: казалось, их троих сейчас взорвут на мелкие кусочки!

Но Чайлд сжал его ладонь так крепко, что захрустели кости.

— Поцелуйте меня в задницу! — крикнул он. Через мгновение они исчезли.

Рядом с Форри пронесся тонкий треугольник вселенской пустоты, ноги окутало беззвучное пурпурное пламя. Он огляделся и увидел знакомый зал «Американского Легиона».

Какое-то время он не мог говорить. Потом неуверенно произнес:

— А где Грааль?

— Я оставил кубок у них. Я ведь мог это сделать, хотя отныне Грааль навсегда для меня потерян. Если только другой капитан не доставит его на Землю.

— И это *все*? — ошеломленно и разочарованно спросил Форри. — Больше ничего не будет?

— Ты ведь еще жив.

— В «Барбарелле» эффекты куда изобретательней!

— Когда тебя повесят, ты будешь ворчать, что веревка жесткая! — засмеялся Чайлд.

Они оделись и направились к выходу.

— На моем месте я бы никому ничего не рассказывал. И, наверное, лучше нам забыть о существовании друг друга, — сказал Чайлд.

Форри окинул взглядом Долорес. Она облачилась в белую открытую блузку и узенькие оранжевые брюки, оставленные какой-то женщиной-током.

— А как же она?

Чайлд прижал к себе темноволосую красавицу и сказал:

— Не беспокойся, я о ней позабочусь. Да, она инопланетянка. Но *хорошая* инопланетянка.

— Что ж, надеюсь, ты прав. — Форри протянул руку. — Удачи вам! *Adiau*, как говорим мы, эсперантисты!

— Остерегайся поддельных Граалей!

Форри проводил их взглядом. Рука бывшего капитана хватывала стройную талию бывшего призрака, его ладонь лежала на крутом изгибе бедра. Как может этот чудной парень с такой легкостью отказаться от огромных

перспектив, от возможности путешествовать сквозь пространство и время?

Но как только Форри окунулся в привычную суету Лос-Анджелеса, на душе вновь стало легко. Ливень прекратился, ночное небо было чистым, на нем сверкали тысячи звезд; все так же ревели гудки, бесовские водители, проносясь по лужам, обливали водой прохожих, по радио передавали рок, неподалеку выла сирена «скорой помощи».

Через полчаса он уже стоял на пороге своего дома. Распахнув дверь, Форри замер и едва не задохнулся. Картина Стокера снова исчезла! Почесывая волосатую грудь и отвисшее брюхо, по лестнице спускался Лоренцо Даммок.

— Привет, Форри, — лениво проговорил он. — Слушай, одолжи мне пару зеленых на сигареты и пиво, а? У меня сейчас полоса неудач, и...

— Где эта картина? — Форри ткнул пальцем в пустое место на осиротевшей стене.

Лоренцо остановился и несколько мгновений созерцал светлое пятно. Потом, радостно:

— Ну да! Я как раз собирался тебе сказать. Этот парень... как там его? Хипиш? Ага, Вульстон Хипиш! Он заходил где-то час назад. Сказал, что ты разрешил ему взять Стокера. Ну, я и отдал! Что-то не так?

Форри ворвался в свой кабинет и дрожащими пальцами набрал номер. В трубке раздался знакомый вкрадчиво-скользкий голос, и сердце Аккермана екнуло.

— Почему ты не улетел вместе с остальными? — спросил он.

— А, Форри! Значит, вернулся! А я уже подумал, что мы навсегда лишились твоего общества. Вот почему я решил остаться! Нравится мне эта жизнь! А потом, как можно упустить блестящую возможность присоединить твою коллекцию к моей!

Форри помолчал, собираясь с мыслями.

— Подожди! Тебя ведь должен был раздавить оползень?

— Еще чего! Я выскользнул из этого бардака целенький, как рождественский пудинг, и вихрем умчался прочь! Я сыт по горло всякими токами, граалями, чайлдами, огами, — пусть даже последние мои родичи...

— Хипиш, верни картину!

— А если я предложу тебе в обмен редкого Бока?

Уж не подсыпал ли мерзкий вор ему опять ЛСД в кофе? Или вообще все, что произошло, — просто буйная игра галлюциногена в крови?

Голос в трубке вкрадчиво шелестел, словно крылья летучей мыши:

— Может, встретимся как-нибудь? Потолкуем о том о сем, а?

— Оставь картину себе, только избавь от твоих выкрутасов!

Радостное хихиканье

— Ну разве может доктор Джекил избавиться от своей темной половины — мистера Хайда?

Содержание

От издательства	5
ЭКЗОРЦИЗМ	
Образ зверя, роман, <i>перевод Р Лебедева</i>	9
<i>Теодор Старджон.</i>	
Послесловие	178
Апофеоз, или Зарисовки на руинах моего сознания, роман, <i>перевод Р Лебедева</i>	183

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том двенадцатый

Составитель *Д. Смушкович*
Редактор *А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, И. Лаздина*
Операторы компьютерной верстки
Н. Амосова, Е. Глуховская
Оформление шмуцтитлов: *М. Ермаков*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 19.12.96. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 17,64. Тираж 10 000 экз.

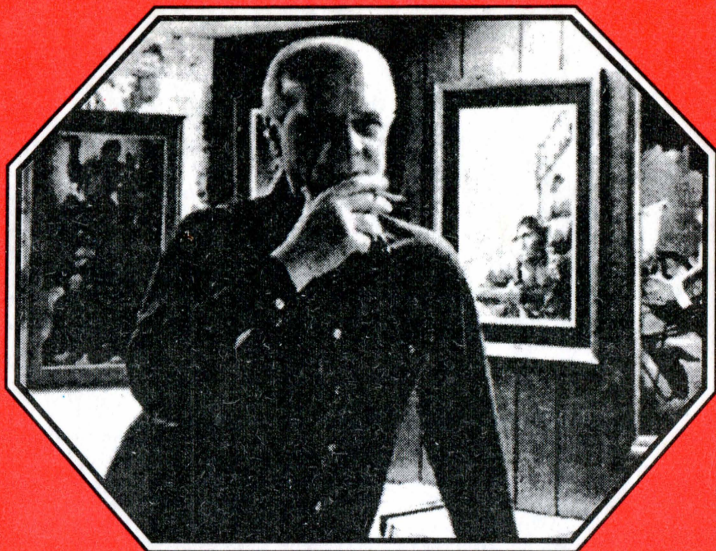
Заказ № 2957. С 161.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации
по печати. 170040, г. Тверь, проспект 50-летия
Октября, 46.

Образ зверя

Геральд Чайлд — частный детектив. Он привык к крови и грязи. Но теперь ему предстоит пройти через гнусности, с трудом воспринимаемые человеческим разумом, и пройти в одиночку — потому что его партнер убит, а полиция вряд ли поверит в байку об инопланетных маньяках в облике вампиров и оборотней...

Апофеоз

Продолжается борьба Геральда Чайлда с бесчеловечными и нечеловеческими тварями, словно сошедшими со страниц романа ужасов. Но для Геральда этот кошмар не кончается с рассветом. Только он может избавить от жуткой судьбы и свою бывшую супругу Сибил, и все человечество, ибо он — капитан.